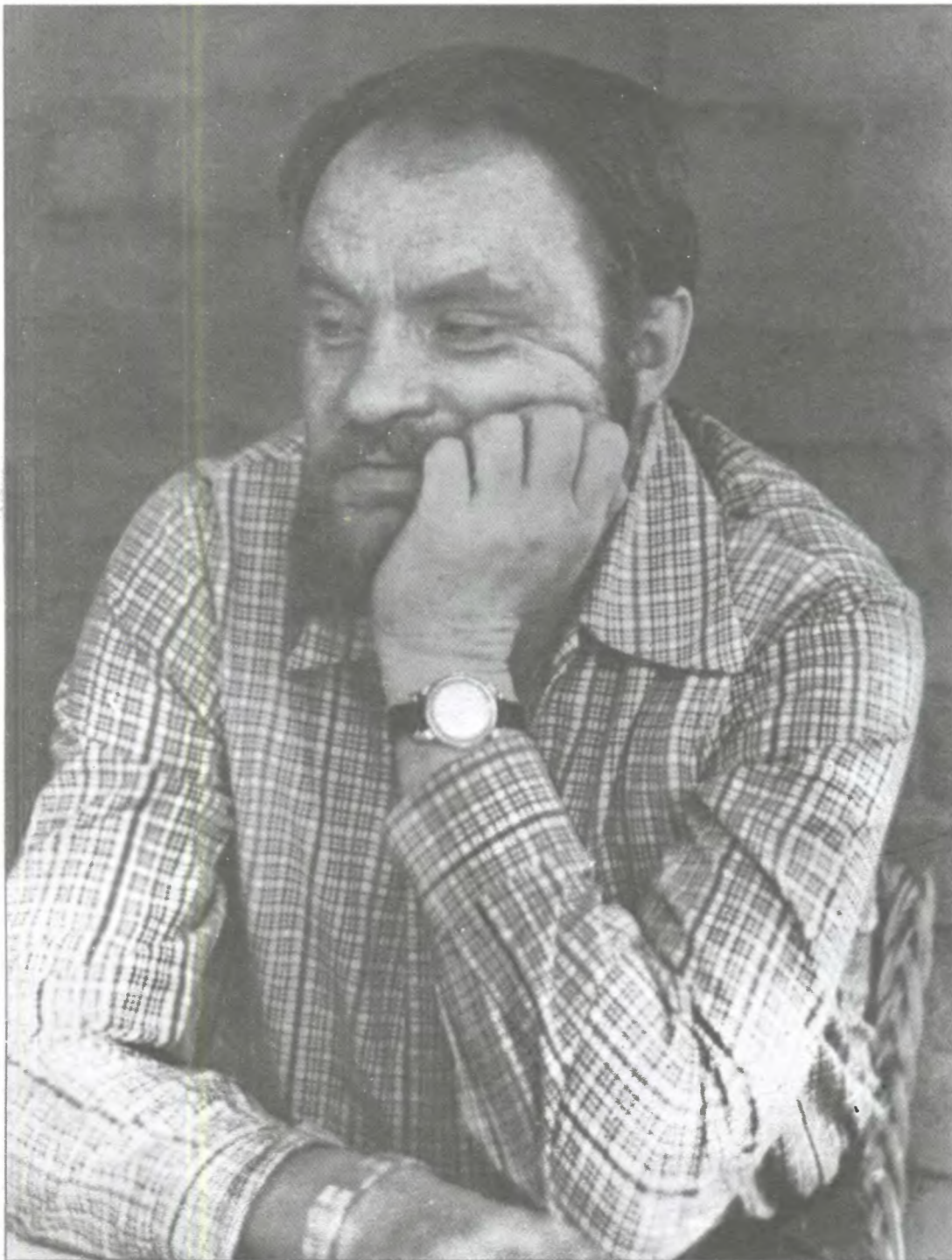

ГОРОД И СТЕПЬ В КОНТАКТНОЙ ЕВРО-АЗИАТСКОЙ ЗОНЕ

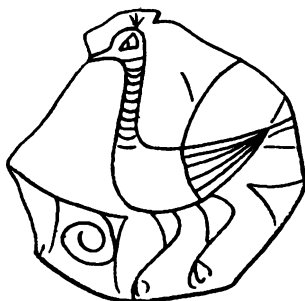
Государственный исторический музей

**Г.А. Фёдоров-Давыдов
(1931–2000)**

ГОРОД И СТЕПЬ В КОНТАКТНОЙ ЕВРО-АЗИАТСКОЙ ЗОНЕ

**Материалы III международной научной конференции,
посвященной 75-летию со дня рождения
профессора Г.А. Фёдорова-Давыдова (1931–2000)**

**Ответственный редактор
к.и.н. В.Г. Рудаков**

Город и степь в контактной евро-азиатской зоне: Материалы III международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения профессора Г.А. Фёдорова-Давыдова (1931–2000) // Труды ГИМ. М., 2013. Вып. 184. 200 с. с ил.
ISBN 978-5-89076-168-2

В настоящем сборнике представлены материалы III международной научной конференции «Город и степь в контактной евро-азиатской зоне», посвященной 75-летию со дня рождения выдающегося ученого, доктора исторических наук, действительного члена Российской академии естественных наук, профессора Московского государственного университета Г.А. Фёдорова-Давыдова (1931–2000). Ученый имел широкий круг научных интересов: письменная история, искусствоведение, археология, нумизматика, естественно-научные методы в археологии. В сферу исследований Г.А. Фёдорова-Давыдова входили различные эпохи, культуры и народы: скифы и сарматы, эпоха Великого переселения народов, средневековые кочевники, Русь, но центральное место занимали археология и нумизматика Золотой Орды. В связи с этим тематика статей и публикаций в научном сборнике отражает периоды от эпохи раннего железного века до развитого средневековья.

На 1-й стр. обложки: один из мавзолеев города Маджара (гравюра из книги П. С. Палласа).
На титуле: красноглиняная заготовка для поливной керамики, XIV в. (Царёвское городище, раскопки Г. А. Фёдорова-Давыдова).
На 4-й стр. обложки: кашинная чаша с рельефом, полихромной росписью и изображением леопарда среди растительного орнамента. Нижнее Поволжье, XIV в.

СОДЕРЖАНИЕ

В.М. Кишлярук

Влияние климата на земледелие поселений Нижнего Приднестровья
во второй половине I тысячелетия до н.э. .7

Е.А. Кудрявцев

Трансформация погребальных сооружений населения
Центрального Предкавказья в скифское время в контексте взаимодействия
и взаимовлияния оседло-земледельческих и кочевых культур
(по материалам Татарского городища) ... 17

Д.А. Сташенков

Памятники скифского круга в Среднем Поволжье ... 24

В.И. Мамонтов

К вопросу о сарматских племенах волгоградского левобережья Дона. .37

Л.Н. Плеханова

Изменчивость климата степного Зауралья на рубеже позднесарматского
и гуннского времени (IV в. н.э.) .. 44

Б.Б. Дашибалов

Об оседлости ранних монголов .53

М.С. Гаджиев

Градостроительная и фортификационная деятельность
Сасанидов на Восточном Кавказе .58

В.И. Завьялов, Л.С. Розанова, Н.Н. Терехова

Этнокультурные взаимодействия в эпоху Великого переселения народов
в свете археометаллографических данных (по материалам памятников
Волго-Камья и Поочья) .65

Е.В. Круглов

О «курганах с ровиками», погребениях типа «Соколовской балки»
и некоторых иных древностях хазарского времени (к постановке проблемы) .74

М.С. Гатин

«Остфоршунг» и изучение Золотой Орды в Германии в годы нацизма (1933—1945) ... 84

Х.Ю. Миннегулов

О литературе Золотой Орды .92

Т.М. Достиев

Города и городская культура Азербайджана в эпоху Ильханидов .98

А.А. Кудрявцев

Средневековый северокавказский город в истории Золотой Орды
(по материалам Дербента XIII—XV вв.) 102

<i>М.-Ш. Кдырниязов</i> Хорезм в эпоху Золотой Орды	110
<i>Д.Н. Маслюженко</i> К проблеме хронологии наследования улуса Шибана в составе Золотой Орды (середина XIII – середина XIV в.)	115
<i>А.Н. Масловский</i> Кочевники в золотоордынском Азаке	...121
<i>В.А. Дёмкин, А.О. Алексеев, А.С. Якимов, Т.С. Дёмкина</i> Палеоэкологические условия нижневолжских степей в XIII–XIV вв. .	...128
<i>Ю.А. Зеленева</i> Этнокультурные особенности городского и кочевого населения золотоордынского Поволжья	133
<i>С.А. Котеньков, О.Ю. Котенькова</i> Новые данные по истории золотоордынских городов в Астраханском крае	..136
<i>Л.Ф. Недашковский</i> Селитренное городище и поселения его периферии	..142
<i>Е.М. Пигарёв</i> Исследования Селитренного городища в 2006 г.	..145
<i>Р.А. Сингатулин</i> Увекское городище: некоторые итоги комплексных геолого-археологических исследований 2001–2006 гг. .	147
<i>О.В. Орфинская, В.П. Голиков, О.Б. Лантратова, В.Г. Рудаков</i> Текстиль из захоронения золотоордынского периода на могильнике Маячный бугор-I	151
<i>Н.Ф. Лисова</i> Зооморфный орнамент на золотоордынской бытовой поливной керамике	163
<i>В.Ю. Коваль</i> Фаянсы «минаи» (к дискуссии без темы)	173
<i>Е.А. Беговатов, А.В. Пачкалов</i> Новые находки джучидских монет в Республике Татарстан	...183
<i>Г.Ю. Стародубцев</i> Находки монет Золотой Орды на Гочевском археологическом комплексе	197
Список сокращений	.199

ВЛИЯНИЕ КЛИМАТА НА ЗЕМЛЕДЕЛИЕ ПОСЕЛЕНИЙ НИЖНЕГО ПРИДНЕСТРОВЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н.Э.

Территория Нижнего Приднестровья во второй половине I тысячелетия до н.э. характеризуется некоторой нестабильностью климата, когда периоды увеличения количества осадков сменялись фазами аридизации (Адаменко и др., 1996). Палинологические исследования, проведенные Н.Н. Волонтир, свидетельствуют, что в позднесуббореальное время (SB-3) начинается похолодание и увлажнение климата, что привело к наступлению леса на степь (Волонтир, 1986, 1989а, 1989б). На территории Нижнего Приднестровья были распространены лесостепные ландшафты. Расширились площади широколиственных лесов. Степные ассоциации приобрели более мезофильный облик. В раннесубатлантическую фазу (SA-1) на территории Нижнего Приднестровья более значительные пространства занимали разнотравные степи, в травянистом покрове важную роль играло семейство маревых. Большинство представителей этого семейства имеют антропогенное происхождение. По долинам рек произрастали небольшие леса. Местами располагались лесные урочища. В связи с этим вызывает интерес проблема влияния природно-климатических изменений на развитие земледелия в Нижнем Приднестровье в эту эпоху.

Археологические раскопки, проводимые в Нижнем Приднестровье, выявили крупное поселение Чобручи (рис. 1), раскопки которого были начаты в 1993 г. (Щербакова, 1994. С. 231–232; 1997 а. С. 167–170; 1997 б. С. 19–22; Никулицэ, Фидельский, 2002 а. С. 206–216; 2002 б. С. 248–250; 2004. С. 190–216; Niculită, Fidelski, 2004. С. 75–77). Функционировало поселение, по-видимому, на протяжении более тысячи лет — 3110 ± 130 (ИГАН-2128), 2109 ± 80 (ИГАН-2134) (Кишлярук, 2005. С. 32–40) и занимало более 30 га на территории современного Слободзейского района. Большая часть археологических находок относится к VI–II вв. до н.э.

Курганный могильник скифского времени на левобережье Днестра у с. Глиное (Слободзейский район) (рис. 1) был обнаружен

в 1995 г. (Яровой, 1997 С. 5–10; Яровой и др., 1997а. С. 251–255; 1997б. С. 14–19; Яровой, Четвериков, 2000. С. 3–28; Chetvericov, Fidelski, 2000. С. 18–20; Yarovoy, Chetvericov, Sinika, 2000. С. 77–79). С этого времени Днестровская археологическая экспедиция Приднестровского Государственного университета проводит его исследования. Курганы расположены компактной группой на плато второй надпойменной террасы Днестра и являются составной частью обширного курганного поля, получившего в науке наименование «курганы Тираспольщины» (Мелюкова, 1962). Археологические материалы позволяют датировать курганный могильник у с. Глиное III–II вв. до н.э.

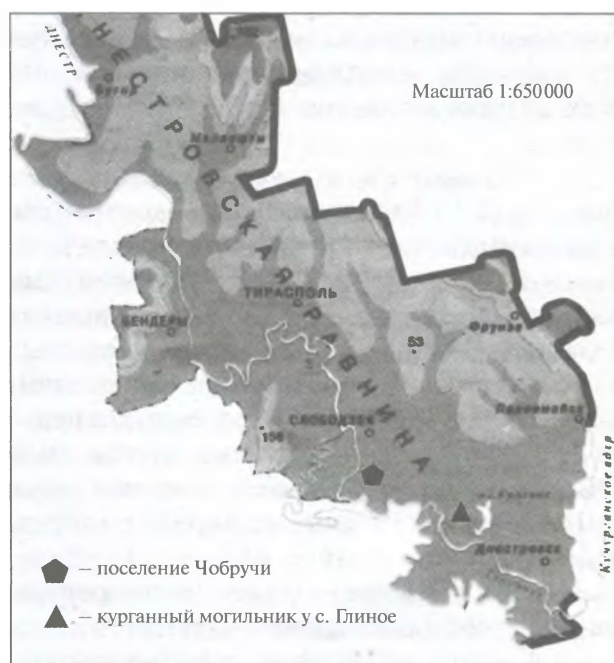

Рис. 1. Географическое положение поселения Чобручи и курганного могильника у с. Глиное (фрагмент карты «Рельеф и поверхностные воды» — Кишлярук, 2000)

Основным материалом для характеристики видового состава культурных растений, возделываемых на поселении Чобручи, служили керамика и обмозка* жилищ и других

* Фрагменты керамики и обмозки были любезно предоставлены Т.А. Щербаковой.

сооружений, несущие отпечатки растений, выявленных при археологических раскопках. Обугленных остатков растений на этом поселении обнаружено не было. Но в ряде случаев из слабо обожженной обмазки при осторожном дроблении удалось выделить обугленные остатки хлебных злаков, которые явились существенным дополнением, а часто и подтверждением определений, сделанных лишь по отпечаткам.

Отпечатки растений на керамике и обмазке возникли в результате примешивания в керамическое тесто или глину растительных остатков. Они добавлялись намеренно в технологических целях в процессе изготовления обмазки с тем, чтобы улучшить ее вязкость, избежать крошения. При обжиге керамики, а также при прокаливании обмазки, что могло случаться во время пожаров или при топке (если это была обмазка очагов и печей), все органические примеси обычно сгорали, а на их месте оставались пустоты, сохраняющие объем, форму и характер поверхности растительных органов.

Изучение отпечатков проводилось путем непосредственного исследования, а также при изготовлении пластилиновых моделей. Во всех случаях производились промеры отпечатков.

Анализ археологического материала из поселения Чобручи позволил выявить растительные остатки и отпечатки различных видов культурных злаков. В благоприятных климатических условиях VI–V вв. до н.э. населением Нижнего Приднестровья возделывались однозернянка (*Triticum monococcum*), двузернянка (*Triticum dicoccum*), спельта (*Triticum spelta*), ячмень голозерный (*Hordeum vulgare* v. *coeleste*), овес (*Avena sativa*), просо (*Panicum miliaceum*) (опред. Н.Н. Кузьминовой) (рис. 2).

Наиболее ранние находки однозернянки на территории Днестровско-Прутского региона выявлены на поселениях буго-днестровской культуры Сороки и Руптура (4880±150 л. до н.э.). На памятниках раннетрипольской культуры следы однозернянки становятся многочисленными. В эпоху бронзы на территории Молдавии однозернянка представлена единственным отпечатком на обмазке из поселения Слободка–Ширеуцы. Также были выявлены следы однозернянки и в более позднее время — в эпоху раннего железа (поселение Кошница) и др. (Янушевич, 1976, 1986).

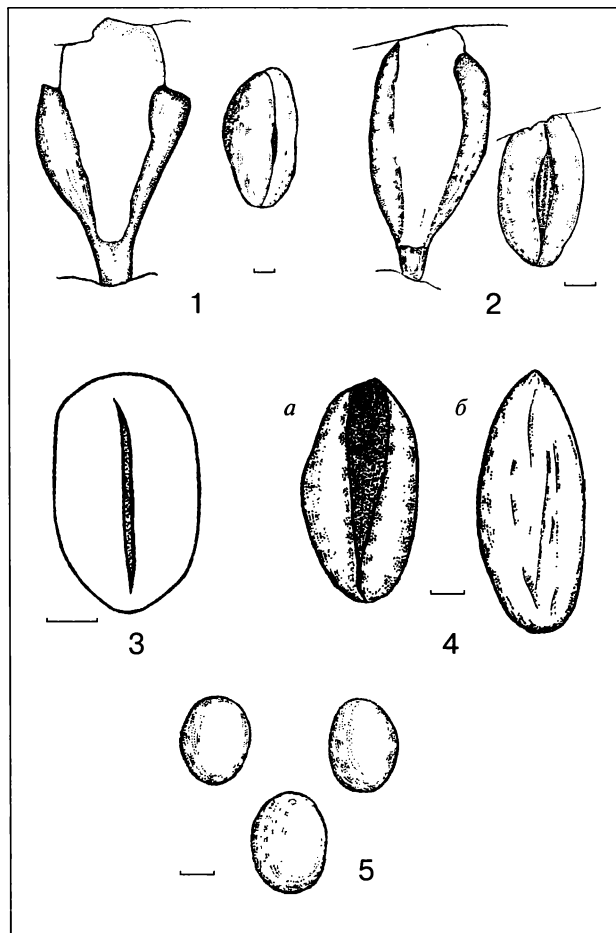

Рис. 2. Отпечатки злаковых культур из поселения Чобручи:

1 — отпечатки пшеницы однозернянки: а — колосок, б — зерновка; 2 — отпечатки пшеницы двузернянки: а — колосок, б — зерновка; 3 — отпечаток зерновки спельты; 4 — отпечатки зерновок ячменя: а — голозерного, б — вид не определен; 5 — отпечатки зерновок проса. Рисунок составлен из оригинальных иллюстраций Н.Н. Кузьминовой (Кишинёвский Ботанический сад), исполненных на основе археологических материалов из поселений Чобручи

На поселении Чобручи обнаружены отпечатки зерновок однозернянки на керамике и обмазке (Кишлярук, 1999. С. 99–104). Культурная однозернянка сохранила признак засухоустойчивости, свойственный диким видам, и возделывается в основном в районах с условиями недостаточного увлажнения. Однако во время опыта, проведенного на территории Ботанического сада АН МССР вблизи г. Кишинева в 1977 г., который характеризуется как влажный год, однозернянка дала наивысший урожай в 20,5 ц/га, в то время как другие зерновые культуры урожая не дали, либо он был очень низким (двузернянка 2,5 ц/га) (Янушевич, 1986). Этот опыт свидетельствует о том, что в условиях увлажнения климата конца суббореального периода (SB-3) однозернянка могла сохранять достаточно высокую урожайность.

Таблица 1. Состав возделываемых зерновых культур и размеры (в мм) ископаемых зерновок из поселения Чобручи (VI–V вв. до н.э.)

Зерновая культура	Длина зерновок (L)	Ширина зерновок (B)	Толщина зерновок (T)	Индекс, %	
				B/L (ширина/длина)	L/B (длина/ширина)
Однозернянка (<i>Triticum monococcum</i>)	6,5	2,1	–	32,3	–
Двузернянка (<i>Triticum dicoccum</i>)	6,5	2,7	–	41,5	–
Спельта (<i>Triticum spelta</i>)	6,0	3,1	–	51,6	–
Ячмень (<i>Hordeum vulgare</i> v. <i>coeleste</i>)	7,5	3,4	–	–	220
Овес (<i>Avena sativa</i>)	10,3	2,6	–	–	–
Просо (<i>Panicum miliaceum</i>)	2,6	2,0	–	–	130

Уровень окультуренности растения во многом характеризуется индексами, отражающими отношение ширины зерновки (B) к ее длине (L), толщины (T) – к длине и толщины – к ширине (в процентах). Сопоставляя полученные результаты индексов зерновок из поселения Чобручи (табл. 1) с данными, полученными при исследовании археологических памятников Молдавии и Украины (Янушевич, 1976; 1986; Янушевич, Кузьминова, Савеля, 1988) можно заметить, что размеры и форма зерновок однозернянки из поселения Чобручи более близки к однозернянке Днестровско-Прутского междуречья.

Если принять во внимание изменения, вызванные набуханием зерновок в глине, то размеры и форма однозернянки из поселения Чобручи более точно будут соответствовать зерновкам современной культурной однозернянки. Это свидетельствует о том, что обнаруженные на поселении Чобручи отпечатки зерновок принадлежали культурной возделываемой однозернянке.

В Днестровско-Прутском районе на ранних поселениях однозернянка возделывалась не в чистых, а в смешанных посевах с двузернянкой и спельтой (Янушевич, 1976). В керамике и обмазке поселения Чобручи из культурного горизонта, датируемого VI–V вв. до н.э., наряду с отпечатками, были выявлены и следы двузернянки и спельты. В процентном отношении однозернянка составляет около 40% от общего числа отпечатков этих видов.

Биологические особенности двузернянки, ее приспособительные возможности и выносливость способствовали широкому распространению этой культуры. В Днестровско-

Прутском районе следы двузернянки отмечаются с эпохи раннего неолита (Сороки II, Руптура). На памятниках трипольской культуры полба приобрела наиболее широкое распространение. Ее следы имеются и на памятниках культуры Гумельница (Янушевич, 1976). Ранее находки двузернянки на территории Нижнего Приднестровья отмечены не были.

Отпечатки зерновок *Triticum dicoccum* были выявлены на фрагментах керамики и остатках обмазки из слоев поселения Чобручи, относящихся к VI–V вв. до н.э.

Вероятно, в основном в керамику и обмазку добавлялись фракции отходов (Кишлярук, Кузьминова, 2000. С. 355–358). Но даже среди них встречаются зерновки довольно крупных размеров. Сопоставляя размеры и формы зерновок из поселения Чобручи с размерами и формой зерновок двузернянки из памятников различных эпох, находящихся на территории Молдавии и Украины, видно, что зерновки *Triticum dicoccum* из поселения Чобручи ближе к находкам Днестровско-Прутского района. Они крупнее зерновок двузернянки из памятников эпохи бронзы и раннего железа в бассейне р. Ворсклы, Крыма (Янушевич, 1986).

Это могло быть следствием достаточно благоприятных условий для возделывания этой культуры. Если ввести соответствующие поправки, то размеры и форма ископаемых зерновок из поселения Чобручи еще более будут соответствовать размерам и форме современных необугленных семян *Triticum dicoccum*, что говорит о значительной степени окультуренности двузернянки на поселении Чобручи. В более позднем культурном горизонте посе-

ления Чобручи, датируемом III–II вв. до н.э., следы двузернянки отсутствуют.

Находки следов спельты на территории Молдавии выявлены, начиная с раннего неолита – памятники Селиште, Руптура и Сорочи (Янушевич, Смирнов, 1968; Янушевич, Бырня, 1972). Однако находки следов спельты на территории Приднестровья до сих пор отсутствовали. И хотя на поселении Чобручи отпечатки *Triticum spelta* не многочисленны, это все же позволяет в некоторой степени дополнить географию возделывания спельты. Отпечатки зерновок спельты были выявлены на керамическом материале, обнаруженном в культурном горизонте, датируемом VI–V вв. до н.э. Присутствие следов этого вида, наряду с отпечатками однозернянки и двузернянки, дают возможность предположить, что спельта, вероятно, возделывалась на поселении в смешанных посевах с этими видами. Однако малочисленность следов спельты говорит в пользу того, что этот вид, вероятней всего, не был в числе основных культур на поселении Чобручи. В хронологическом горизонте, датируемом III–II вв. до н.э., отпечатки спельты также отсутствуют.

Оценивая размеры зерновки спельты из поселения Чобручи, можно заметить, что они несколько короче и шире современных зерновок этой культуры, в то же время эта особенность характерна для ископаемых зерновок Днестровско-Прутского региона (Янушевич, 1976, 1986).

Первые следы ячменя на территории Днестровско-Прутского района относятся к началу V тысячелетия до н.э. (Сакаровка I), возделывался в основном голозерный многорядный ячмень. В дальнейшем следы ячменя прослеживаются на многих первобытных памятниках (Янушевич, 1976). На поселении

Чобручи было выявлено несколько отпечатков зерновок голозерного ячменя – как на обломках керамики из горизонта, датируемого VI–V вв. до н.э., так и на фрагментах керамических изделий, обнаруженных в слоях датируемых III–II вв. до н.э. (табл. 2).

Зерновки из Чобручей, по сравнению со средними размерами отпечатков зерновок ячменя с первобытных поселений Днестровско-Прутского междуречья, – довольно крупные, однако уступают в размерах зерновкам голозерного ячменя из поселений Лука-Врублевская, Новые Русешты (гор. А), Путинешты, Варваровка XV, где, по мнению З.В.Янушевич, зерновки добавлялись в керамическое тесто в ритуальных целях и отбирались наиболее крупные из них (Янушевич, 1976).

Учитывая изменения, которые претерпевают зерновки ячменя в процессе изготовления керамической посуды, и вводя поправки в их размеры, все же можно сказать, что зерновки *Hordeum vulgare* v. *coeleste* из поселения Чобручи относятся к сравнительно крупным. Однако в VI–V вв. до н.э. ячмень все же играл меньшую роль, чем одно- и двузернянка, количество отпечатков которых в более раннем горизонте превосходит число отпечатков *Hordeum vulgare* v. *coeleste*.

В Днестровско-Прутском регионе на поселениях первобытного периода выявлены лишь единичные отпечатки зерновок и колосовых чешуй овса. Очевидно, овес не имел самостоятельного значения в популяциях на первобытных поселениях, а был лишь случайной единичной примесью полбы (Янушевич, 1976).

На поселении Чобручи выявлено несколько отпечатков следов *Avena sativa* на обмозке из культурно-хронологического горизонта, датируемого VI–V вв. до н.э., и на фрагментах обмозки из более позднего слоя (III–II вв. до н.э.).

Таблица 2. Состав возделываемых зерновых культур и размеры (в мм) ископаемых зерновок из поселения Чобручи (III–II вв. до н.э.)

Зерновая культура	Длина зерновок (L)	Ширина зерновок (B)	Толщина зерновок (T)	Индекс, %	
				T/L (толщина/длина)	L/B (длина/ширина)
Однозернянка (<i>Triticum monococcum</i>)	6,5	–	2,6	40,0	–
Ячмень (<i>Hordeum vulgare</i> v. <i>Coeleste</i>)	7,3	3,3	–	–	220
Овес (<i>Avena sativa</i>)	6,3	2,0	–	–	315
Просо (<i>Panicum miliaceum</i>)	2,5	1,9	–	–	131

Размеры зерновок овса из поселения Чобручи несколько меньше размеров зерновок этой культуры из памятников Днестровско-Прутского района и близки к размерам *Avena sativa* из поселения Глубокое (Янушевич, 1976, 1986).

В материале из более древнего горизонта следам отпечатков зерновок в колосовых чешуях овса сопутствуют отпечатки однозернянки и двузернянки, при некотором преобладании последней. Это подтверждает предположение о том, что в Днестровско-Прутском регионе овес не имел большого распространения, так как овес — мезофит, а климатические условия данного района, даже в условиях похолодания и повышенного увлажнения, остаются для него сравнительно сухими и жаркими. При этом в ряде аналогичных по времени и культуре памятников, расположенных севернее или северо-западнее, с более холодным и влажным климатом, следы овса обнаружены в массовых количествах (Янушевич, 1976).

На территории Днестровско-Прутского региона древнейшими являются отпечатки проса из раннетрипольского поселения Лука-Врублевская (Бибилов, 1953). В эпоху бронзы и раннего железа встречаемость отпечатков проса увеличивается (Янушевич, 1976).

На поселении Чобручи отпечатки зерновок проса наиболее многочисленны. Отпечатки обнаружены на обломках керамики из культурно-хронологических горизонтов, относящихся к VI—V и III—II вв. до н.э. Размеры и форма зерновок проса из более древнего горизонта практически не отличаются от размеров и формы зерновок из горизонта, датированного III—II вв. до н.э., но все же размеры первых несколько больше, что свидетельствует о благоприятных условиях для его возделывания.

Зерновки *Panicum miliaceum* из поселения Чобручи средних размеров и индекс отношения длины к ширине ближе к параметрам индекса зерновок проса с поселений эпохи бронзы и раннего железа с памятников Днестровско-Прутского района.

Обращает на себя внимание то, что на одном из фрагментов днища сосуда из поселения Чобручи выявлено типичное для поселений Кошница и Селиште (Янушевич, 1976) скопление отпечатков *Panicum miliaceum* в количестве 14 экземпляров. В том же горизонте, датированном VI—V до н.э., были расчищены обломки керамики, представляющие собой стенки сосудов, на которых были обнаружены единичные отпечатки или группы из двух—

трех отпечатков зерновок проса. Высокая концентрация отпечатков зерновок проса на обломке днища сосуда могла стать следствием подсыпки зерна под сосуды при их изготовлении. Однако это не исключает проведения подобных действий в ритуальных целях.

Вероятное использование зерен проса для изготовления сосудов культового назначения подтверждает важную роль, которую играла эта культура в хозяйстве поселения Чобручи. На долю *Panicum miliaceum* приходится наибольшее количество отпечатков злаковых культур из горизонта VI—V (около 50% от общего числа отпечатков злаковых культур).

На поселении Чобручи вместе с отпечатками проса на обломках керамики отпечатки других культур обнаружены не были. Это дает возможность предположить, что на поселении просо культивировалось в чистых посевах. Однако просо, как известно, в первые этапы жизни развивается медленно. В этот период особенно велико влияние сорняков. Для получения высокого урожая эту культуру необходимо тщательно пропалывать. На фрагментах керамики из поселения Чобручи наряду с отпечатками зерновок проса были выявлены и отпечатки сопутствующего сорняка — щетинника (*Setaria viridis*). Причем в культурном горизонте VI—V вв. до н.э. их количество довольно значительное. В процентном отношении отпечатки щетинника составляют около 40% от общего числа отпечатков *Panicum miliaceum*. Подобное соотношение может служить основанием для предположения, что уровень земледельческих мероприятий на поселении Чобручи в период VI—V вв. до н.э. был на сравнительно низком уровне.

В земледелии поселения Чобручи в III—II вв. до н.э. произошли определенные изменения (рис. 3). В условиях аридизации климата не только возросла роль засухоустойчивых видов, но и сократилось количество видов возделываемых культур при повышении уровня земледельческих мероприятий.

В обломках керамики и остатках обмазки из культурного горизонта, датированного III—II вв. до н.э., также обнаружены отпечатки однозернянки, в то время как отпечатки двузернянки и спельты полностью отсутствуют. Возможно, однозернянка стала выращиваться в чистых посевах, на поселении, что, очевидно, обусловлено большей надежностью ввиду ее засухоустойчивости.

Опыты, проведенные в 1976—1977 гг. на территории Ботанического сада АН МССР

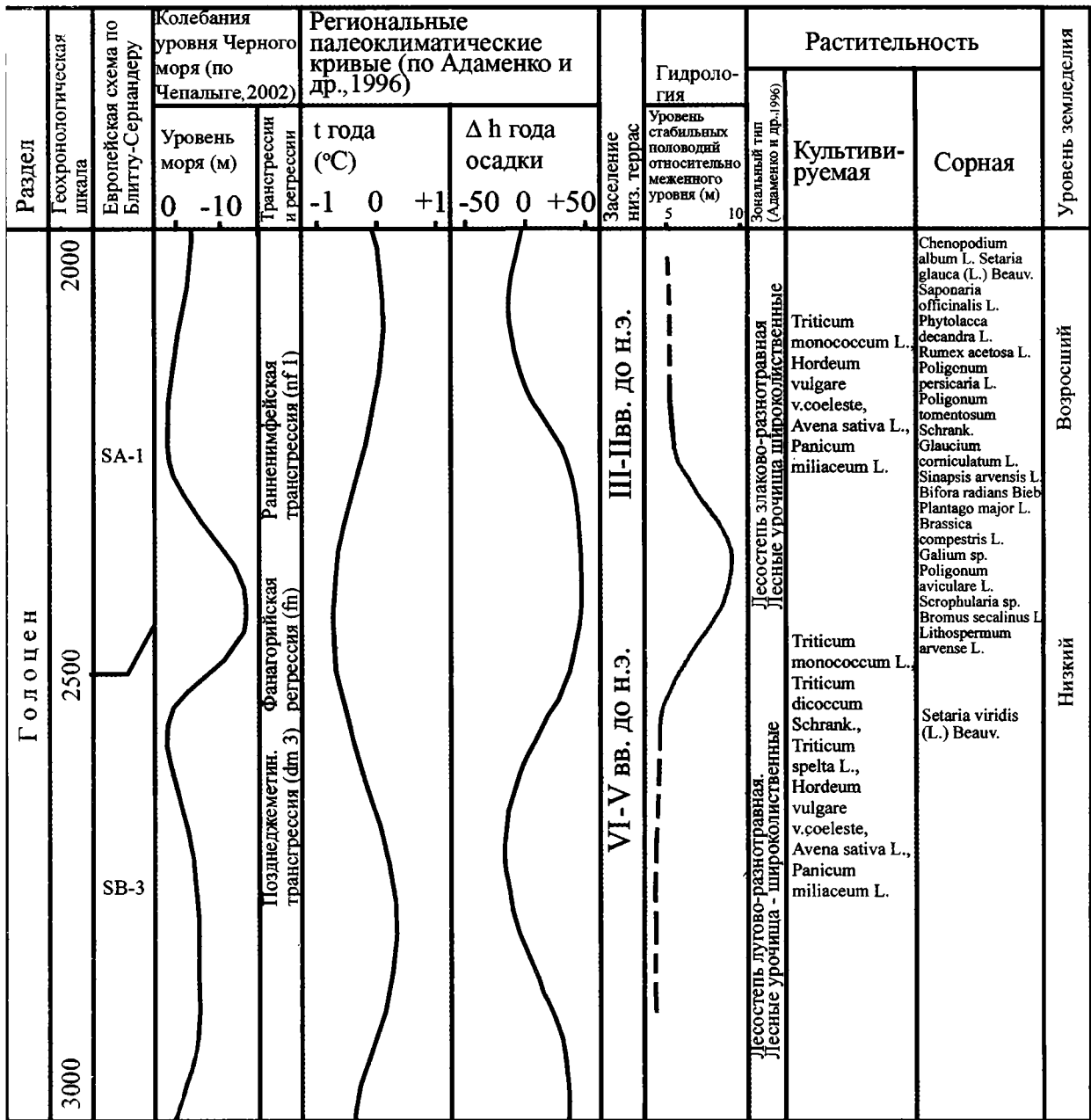

Рис.3. Влияние природно-климатических изменений на земледелие Нижнего Приднестровья в позднем голоцене

из г. Кишинева, подтвердили высокую охотничью ценность однозернянки к недостаточному увлажнению. В 1976 г., вегетационный период которого характеризовался как засушливый, однозернянка дала сравнительно высокий урожай в 21,2 ц/га (Янушевич, 1976).
Находки однозернянки на поселении Чобручи свидетельствуют о том, что, вероятно, однозернянка не полностью потеряла свое значение как культивируемое растение, сохранившись в Нижнем Приднестровье.
Hordeum vulgare v. coeleste на поселении Чобручи в III–II вв. до н.э. в условиях прими-

тивного земледелия находил для себя достаточно благоприятные условия и предпочитался поселенцами. Хотя он, вероятно, все-таки играл меньшую роль, чем однозернянка. Однако при ужесточении климатических условий важность голозерного ячменя возросла, о чем свидетельствует увеличение количества отпечатков зерновок этой культуры.
На фрагменте, датированном III–II вв. до н.э., на котором выявлен отпечаток зерновки овса, обнаружено также несколько следов-отпечатков однозернянки. Вероятно, на протяжении VI–II вв. до н.э. овес не занимал ведущего места в выращиваемых культурах поселения Чобручи.

В горизонте, датированном III—II вв. до н.э., число отпечатков *Panicum miliaceum* примерно такое же, как и в более древнем слое, однако в процентном отношении их доля заметно меньше (около 25%). На фрагментах керамики из более позднего культурного горизонта отпечатки *Panicum miliaceum* выявлены только на обломках днищ сосудов. Однако концентрация отпечатков менее значительна, чем на фрагментах днищ сосудов из горизонта, относящегося к VI—V вв. до н.э. На керамических материалах, датированных III—II вв. до н.э., наряду с отпечатками проса, щетинник представлен единственным отпечатком, что говорит о возросшем внимании, которое уделялось земледельческим мероприятиям на поселении Чобручи.

При исследовании под бинокулярной лупой заполнения курильниц* из курганного могильника у с. Глиное удалось идентифицировать остатки семян двузернянки, конопли и 17 видов сорных растений (определение Н.Н. Кузьминовой и А.Г. Негру). Наиболее широко представлена конопля. В большинстве случаев семена конопли представляют собой спекшуюся обугленную массу, образовавшуюся вследствие термического воздействия. Наиболее многочислен видовой состав сорных растений:

Сем. *Ariaceae*: *Bifora radians* Bieb. Обнаружено 1 семя. Плод почти шаровидный, с одной стороны округло-треугольный, темно-коричневый. Засоряет посевы на юге степной зоны, реже — лесостепной. Это растение сухих мест обитаний. В Молдове не обнаружен (Гейдеман, 1975).

Сем. *Brassicaceae*: *Brassica campestris* L. Обнаружено 1 семя. Семянка коричнево-черная, неправильно шаровидная, с неясным корешком, с овальным рубчиком. Диаметр 1,6 мм. Произрастает как сеgetальное растение (сорняк) на полях и огородах. В настоящее время также встречается в окрестностях с. Глиное как сорное растение; *Sinapsis arvensis* L. Обнаружено 1 семя. Семянка шаровидная, черная, слабо сплюснутая. Диаметр 0,9 мм. В настоящее время в окрестностях с. Глиное не выявлено. В Молдове произрастает в различных условиях, преимущественно среди посевов, на засоренных местах и др. (Растения степей..., 1989).

Сем. *Boraginaceae*: *Lithospermum arvense* L. Выявлено 2 семени. Орешки темно-коричневые, яйцевидные, с длинно оттянутой верхуш-

кой, почти бутылковидные, слабо трехгранные. Основание орешка как бы срезанное в виде площадки с двумя бугорками, поверхность орешка с округлыми бугорками. Размеры: 3,0×1,4×1,8 мм. Произрастает по каменистым склонам, пашням, в степной, реже — лесостепной зонах. В настоящее время встречается у с. Глиное вдоль полевых дорог и в других местах.

Сем. *Caryophyllaceae*: *Saponaria officinalis* L. Обнаружено 3 семени. Семена черные, блестящие, овально-круглые, сплюсненные, с глубокой выемкой. Размеры: 1,7×2,0×1,4 мм. Произрастает среди кустарников, в лесах, долинах рек. У с. Глиное встречается вдоль дорог, на засоренных местах и др.

Сем. *Chenopodiaceae*: *Chenopodium album* L. Выявлено 2 семени. Семена черные, блестящие, с сохранившейся тонкой радиальной клеточной штриховкой, округлые, чечевицеобразные, с выдающимся округлым семенным рубчиком и тупым краем. Размеры: 1,4×1,0×0,7 мм. Характеризуется как рудеральное (мусорное) растение и как сорняк в посевах. В настоящее время встречается у с. Глиное и по всему Слободзейскому р-ну на пустырях, вдоль дорог и в других местах.

Сем. *Papaveraceae*: *Glaucium corniculatum* L. Обнаружено 1 семя. Семянка односторонне овальная. Размеры: 1,1×0,7×0,4 мм. Распространено в степной, лесостепной зонах, на склонах, у дорог, по сорным местам, в посевах зерновых. В настоящее время в Приднестровье встречается повсеместно на пойменных лугах и др. (Растения..., 1989).

Сем. *Phytolaccaceae*: Обнаружено 1 семя. *Phytolacca decandra* L. Семянка черная, блестящая, почти круглая. Щель разверзания имеет на одной стороне маленький выступ, а на другой — соответствующее углубление. Размеры: 3,0×3,0 мм. Рудеральное растение, растет у дорог и жилья. В настоящее время в Слободзейском р-не не выявлено.

Сем. *Plantaginaceae*: *Plantago major* L. Выявлено 3 семени. Семена коричнево-черные, кругловато-яйцевидные, слабо-двуховыпуклые, несколько изогнутые. Размеры: 1,2×0,5×0,4 мм. Местом произрастания являются пустыри, сорные места, встречается также около жилья. В настоящее время встречается у с. Глиное на лугах, вдоль дорог, на сорных местах и др.

Сем. *Poaceae*: *Setaria glauca* (L.) Beauv. Обнаружено 2 семени. Зерновка овальная, черно-бурая. Размер 2,3×1,5×0,8 мм. Распростра-

* Заполнение курильниц было любезно предоставлено Е.В. Яровым и И.А. Четвериковым.

нено на берегах рек, чаще как сорное растение. У с. Глиное встречается часто как на окультуренных и засоренных местах, так и вдоль дорог и др.; *Bromus secalinus* L. Выявлено 2 семени. Плод освобожден от цветочных чешуй, коричнево-черный, удлинненно-ланцетный. Размер: 6,8×1,5×1,1 мм. Внизу узко усечен, кверху постепенно расширен и вверху закругленный, с глубокой ложбинкой на брюшной стороне. Характеризуется как сегетальное растение в посевах ржи и овса. В Слободзейском р-не в настоящее время не обнаружен. В Молдове встречается не часто в посевах зерновых культур.

Сем. *Polygonaceae*: *Polygonum tomentosum* Schrank. Выявлено 4 семени. Орешки сплюснутые с обеих сторон, слабоогнутые, широкояйцевидные с коротким толстым носиком, темно-бурые, мелкобугорчатые. Размер 2,6×2,3×0,7 мм. Местами произрастания являются сорные места, пашни, пески, водоемы, луга. В настоящее время в Молдове встречается редко по краям полей. В Слободзейском р-не не обнаружен; *Polygonum persicaria* L. Выявлено 2 семени. Орешки плоско-выпуклые, темно-коричневые, широкояйце-

видные, сильно сплюснутые, носик короткий. Размер: 2,0×1,4×0,6 мм. Встречается на берегах рек и канав, на влажных местах. В Слободзейском р-не произрастает в долине Днестра и вдоль ручьев в сообществах пойменных разнотравно-злаковых лугов; *Polygonum aviculare* L. Обнаружено 1 семя. Орешек темно-коричневый, яйцевидный, наибольшая ширина орешка – у основания, ножка не выражена, носика нет. Одна грань уже двух других, ребра несколько изогнутые. Размеры: 1,6×1,0×0,8 мм. Встречается у дорог, как сорное – на пашнях; *Rumex acetosa* L. Выявлено 2 семени. Орешки блестящие, темно-коричневые, с тремя равными гранями и тупыми ребрами. Орешки широкоэллиптические, к обоим концам одинаково и очень коротко заострены. Размеры: 1,3×0,8 мм. Характерные места произрастания – паровые поля, дороги, опушки. В окрестностях с. Глиное обильно растет вдоль полевых дорог, на пастбищах и др.

Сем. *Rubiaceae*: *Galium* sp. Обнаружено 3 семени. Семянки овально-удлиненные, слегка сплюснутая, темно-коричневая. Встречается на лугах, лесных полянах, берегах рек и

Таблица 3. Семена сорных растений из курильниц скифского курганного могильника у с. Глиное

№	Вид	Число семян (шт.)
1	<i>Chenopodium album</i> L. – Марь белая	2
2	<i>Setaria glauca</i> (L.) Beauv. – Щетинник (Мышей сизый)	2
3	<i>Saponaria officinalis</i> L. – Мыльнянка лекарственная	3
4	<i>Phytolacca decandra</i> L. – Кермес	1
5	<i>Rumex acetosa</i> L. – Щавель кислый	2
6	<i>Polygonum persicaria</i> L. – Почечуйная трава	2
7	<i>Polygonum tomentosum</i> Schrank. – Гречиха развесистая	4
8	<i>Glaucium corniculatum</i> L. – Мачок рогатый	1
9	<i>Sinapsis arvensis</i> L. – Горчица полевая	1
10	<i>Bifora radians</i> Bieb. – Кинза лучистая	1
11	<i>Plantago major</i> L. – Подорожник большой	3
12	<i>Brassica campestris</i> L. – Капуста полевая	1
13	<i>Galium</i> sp. – Подмаренник	3
14	<i>Polygonum aviculare</i> L. – Горец птичий	1
15	<i>Scrophularia</i> sp. – Норичниковые	2
16	<i>Bromus secalinus</i> L. – Костер ржаной	2
17	<i>Lithospermum arvense</i> L. – Воробейник полевой	2

озер, степных склонах, вдоль дорог. В настоящее время виды этого рода повсеместно распространены в Слободзейском районе.

Сем. *Scrophulariaceae*. В курильнице обнаружено 2 семени представителя семейства. В связи с плохой сохранностью семян установить родовую и видовую принадлежность не удалось.

Засорение курильниц незначительное, большинство видов сорняков представлено 2–3 семенами. Однако их состав весьма разнообразен (табл.3).

Широкое использование в курильницах семян конопли свидетельствует о важной роли, которую играла эта культура в погребальном обряде варварского населения Нижнего Приднестровья. Это подтверждается тем, что циновки, подстилаемые под усопшего, в некоторых случаях были изготовлены из стеблей конопли (определение А.Г. Негру). Однако сложно судить о том, являлась ли конопля культивированной, либо использовались дикорастущие растения, хотя столь широкое представительство сорняков может свидетельствовать о недостаточной ухоженности посевов этой культуры. Более вероятным представляется сбор дикорастущей конопли.

Проведенные исследования позволяют сделать следующие выводы:

- Природно-климатические условия на территории Нижнего Приднестровья во второй половине I тысячелетия до н.э. оказывали значительное влияние на развитие земледелия, определяя видовой состав возделываемых зерновых культур и побуждая население совершенствовать свои умения в земледелии.
- В условиях некоторого похолодания и увлажнения климата в VI–V вв. до н.э. населением возделывался более широкий спектр культур: однозернянка, двузернянка, спельта, просо, ячмень и овес при достаточно низком уровне земледелия.
- Аридизация климата в III–II вв. до н.э. привела к уменьшению числа возделываемых культур: однозернянки, проса, ячменя, преобладанию в земледелии более засухоустойчивых видов при возросшем уровне земледельческих мероприятий.
- В погребальном обряде населением, наряду с другими ингредиентами, использовалась, очевидно, дикорастущая конопля, с которой в курильницы попадали и семена сорной растительности. Сбор конопли производился, вероятно, в районе могильника у с. Глиное, о чем свидетельствует состав сорняков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адаменко О.М., Гольберт А.В., Осюк В.А., Матвишин Ж.Н., Медяник С.И., Моток В.Е., Сиренко Н.А., Чернюк А.В., 1996. Четвертичная палеогеография экосистемы Нижнего и Среднего Днестра. Киев.

Бибиков С.Н., 1953. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л. Т. 38.

Волонтир Н.Н., 1986. К истории растительности Нижнего Поднестровья в голоцене (по данным споропыльцевого анализа) // Корреляция отложений, событий и процессов антропогена. Кишинев.

Волонтир Н.Н., 1989 а. К истории растительности юга Молдавии в голоцене: Четвертичный период // Палеозтология и археология. Кишинев.

Волонтир Н.Н., 1989 б. История развития растительности Нижнего Приднестровья в позднем плейстоцене и голоцене: Автореф. дис... канд. геогр. наук. М.

Гейдеман Т.С., 1975. Определитель высших растений Молдавской ССР. Кишинев.

Кишлярук В.М., 1999. Влияние природных условий на земледелие античного поселения Чобручи на примере *Triticum monocossum* L // Вестник Приднестровского университета. Тирасполь. № 1.

Кишлярук В.М., 2000. Рельеф и поверхностные воды // Атлас Приднестровской Молдавской республики. Тирасполь.

Кишлярук В.М., 2005. Особенности тафокомплексов из поселений древнего человека на примере поселения Чобручи // Материалы чтений памяти доктора биологических наук В.А.Собещкого. Тирасполь.

Кишлярук В.М., Кузьмина Н.Н., 2000. Использование археологических материалов для палеозтоботанических реконструкций поселения Чобручи // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Ижевск.

Мелюкова А.И., 1962. Скифские курганы Тираспольщины // Материалы и исследования по археологии СССР. №115.

Никулицэ И.Т., Фидельский С.А., 2002 а. Фракийский горизонт на поселении Чобручи в Нижнем Поднестровье (по материалам исследований 2001 г.) // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь.

Никулицэ И.Т., Фидельский С.А., 2002 б. Исследование на многослойном поселении Чобручи (по материалам раскопок 2001) // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Тирасполь.

Никулицэ И.Т., Фидельский С.А., 2004. Чобручи – многослойное поселение на Днестре // *Thracians and Circumpontic world*. Chisinau.

Растения степей, известняковых склонов и сорные. Растительный мир Молдавии, 1989. Кишинев.

Чепалыга А.Л., 2002. Черное море // Динамика ландшафтных компонентов и внутренних морских бассейнов Северной Евразии за последние 130 000 лет. М.

Щербакова Т.А., 1994. Новые материалы по археологии Нижнего Поднестровья // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. — V в. н.э. Тирасполь.

Щербакова Т.А., 1997 а. Позднеархаический горизонт поселения Чобручи на Нижнем Днестре // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса.

Щербакова Т.А., 1997 б. К вопросу о населении Нижнего Поднестровья в III — первой четверти II в. до н.э. // Чобруцкий археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварских культур (IV в. до н.э. — IV н.э.). Тирасполь.

Янушевич З.В., 1976. Культурные растения юго-запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев.

Янушевич З.В., 1986. Культурные растения Северного Причерноморья. Кишинев.

Янушевич З.В., 1988. Кузьминова Н.Н., Савеля О.Я. К истории возделывания пшеницы однозернянки на территории СССР // Флора, геоботаника и палеоэтноботаника. Кишинев. Вып. 1.

Янушевич З.В., Бырня П.П., 1972. Из истории земледелия на территории Старого Орхеля // Вопросы экономической истории Молдавии эпохи феодализма и капитализма. Кишинев.

Янушевич З.В., Смирнов Г.Д., 1968. Культурные растения в XIV веке на территории Молдавии // Известия Академии Наук МССР. Серия биологических и химических наук. №2.

Яровой Е.В., 1997. Чобруцкий археологический комплекс как эталонная зона изучения скотоводческих культур Северо-Западного Причерноморья // Чобруцкий археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в. до н.э. — IV в. н.э.). Тирасполь.

Яровой Е.В., Четвериков И.А., Субботин А.В., 1997 а. Новый курганный могильник скифской культуры в Нижнем Поднестровье // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса.

Яровой Е.В., Четвериков И.А., Субботин А.В., 1997 б. Погребальный обряд скифского курганного могильника у с. Глиное (по данным раскопок 1995—1997 гг.) // Чобруцкий археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в. до н.э. — IV в. н.э.). Тирасполь.

Яровой Е.В., Четвериков И.А., 2000. К вопросу о культурной принадлежности памятников Тираспольской группы (в свете исследований могильника у с. Глиное) // Чобруцкий археологический комплекс и древние культуры Поднестровья. Тирасполь.

Chetvericov I.A., Fidelski S.A., 2000. The burial of the «horse woman» on the territory along the Dnister river // Funeral practices as forms of cultural identity (Bronze and Iron ages). Tulcea.

Niculita I., Fidelski S., 2004. The researches on the multilayered settlement Ciobrucci // Thracians and Circumpontic world. Chisinau.

Yarovoy E.V., Chetvericov I.A., Sinika V.S., 2000. The barrow cemetery of the late scythian time on the territory along the Dnister river // Funeral practices as forms of cultural identity (Bronze and Iron ages). Tulcea.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ВЗАИМОВЛИЯНИЯ ОСЕДЛО-ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ И КОЧЕВЫХ КУЛЬТУР

(по материалам Татарского городища)*

Татарское городище, расположенное на южной окраине г. Ставрополя, является одним из крупнейших (площадь около 200 га) многослойных укрепленных поселений Центрального Предкавказья и всего Северного Кавказа, функционировавшее с VIII в. до н.э. по X в. н.э. (в кобанский, скифский, сарматский и хазарский периоды).

В результате раскопок, начатых в 1996 г. экспедицией Ставропольского государственного университета (руководитель проф. А.А. Кудрявцев), на территории за городскими стенами (в 60–70 м к северо-востоку) был выявлен могильник, получивший обозначение №2, работы на котором продолжаются до настоящего времени. Большинство исследованных погребений представлены грунтовыми кобанскими захоронениями в подпрямоугольных могильных ямах с каменными закладами, перекрывавшими одиночные (реже парные) погребения со скорченными костяками.

Однако наряду с широко распространенными кобанскими захоронениями в грунтовых могилах, археологические исследования выявили новый тип захоронений, не известный ранее как на городище, так и вообще на Кавказе. Этот новый тип захоронений представлен довольно значительными курганами со склеповыми захоронениями в центре земляной курганной насыпи, имеющей сплошную каменную обкладку из необработанных камней различных размеров, выложенных в два–три слоя (рис.1, 2). Конструктивно все курганные склепы Татарского городища имеют сходное между собой устройство и представляют из себя коллективную погребальную камеру прямоугольной или квадратной фор-

мы размером 3,5–5,7 м на 2,8–3,3 м, устроенную в центре курганной насыпи и несколько заглубленной в материк (рис.3). Ориентированы все склеповые камеры по сторонам света длинной стороной по оси север–юг с отклонением к северо-востоку на 10–12 градусов. Диаметр насыпи колеблется от 10,5 м до 21 м, высота – от 1,2 до 1,9 м. Стены склепа выложены из крупных каменных плит местного ракушечника размером около 1,5–2×1,4–1,7×0,12–0,24 м, поставленных вертикально. Плиты носят, как правило, следы частичной обработки и имеют в одной из стенок (обычно в южной) проход, соединяющий камеру с дромосом. Дромос выложен из частично обработанных камней средних размеров и имеет длину около 2,5–4,5 м, ширину – 0,65–0,9 м, высоту – 0,7–0,95 м (рис.4). Наличие дромоса, а также значительное количество погребенных в каждом склепе (от 7 до 49 костяков) позволяет предположить функционирование склепов на протяжении довольно длительного периода. Земляной пол склепов не имеет следов каменной выкладки и устраивается на выровненной материковой поверхности. Значительные размеры склепов и отсутствие внутри камеры каменных плит перекрытия позволяет предположить, что перекрывались погребальные камеры деревянным настилом и насыпью кургана с каменной обкладкой.

Всего исследовано четыре кургана, имеющих полностью аналогичную конструкцию и различающихся между собой в основном размерами и сохранностью. К сожалению, в разное время склепы подвергались неоднократному ограблению, что привело к частичному разрушению конструкций курганов. Особенно сильно пострадали склеповые сооружения в результате современной строительной деятельности, когда обработанные каменные плиты использовались местными жителями для дач-

* В статье использованы материалы работ Татарской археологической экспедиции, публикуемые с любезного разрешения ее руководителя – проф. А.А. Кудрявцева.

Рис.1. Курган 4 могильника 2 Татарского городища. Вид с севера

Рис.2. Курган 4 могильника 2 Татарского городища. Вид с юго-запада

Рис.3. Склеповая камера кургана 3 могильника 2 Татарского городища. Вид с запада

Рис.4. Дромос склепа кургана 3 могильника 2 Татарского городища

ного строительства. Наилучшая сохранность склепов у курганов №1 и 3. Склеп самого большого кургана №2 почти не сохранился.

Наиболее интересное строение имеет насыпь кургана №4. Под слоем из мелких необработанных камней выявлены кромехообразные сооружения в виде двух правильных концентрических колец из крупных, частично обработанных камней, уложенных в 1–3 слоя. Внешнее каменное кольцо перекрывает вход в дромос склепа. В дромосе, у входа в погребальную камеру обнаружены кости жертвенного ягненка. В самом склепе практически отсутствуют предметы погребального инвентаря и остеологические останки. Возможно, что этот склеп, в отличие от других, по каким-то причинам использовался однократно.

Курганные склеповые захоронения Татарского городища, хотя почти все они ограблены, отличаются большим разнообразием погребального инвентаря, включавшего прекрасную чернолаковую греческую керамику, парадную столовую посуду с краснофигурной росписью, изготовленную в конце V – начале IV в. до н.э. в Аттике, родосские и колхидские амфоры с клеймами мастеров, многочисленные предметы конского убранства, в том числе фигурные налобные и нагрудные орнаментированные бронзовые пластины с привесками в виде лунниц. Судя по всему, подобные украшения имели ритуальный характер и использовались для особо торжественных выездов, а не в качестве предмета конского защитного вооружения, что подтверждают и многочисленные ритуальные отверстия – пробоины от копий и стрел. Погребальный инвентарь склепов включает и многие другие высококачественные предметы украшения и вооружения из серебра, золота, бронзы, железа, кости, стекла, поделочных и полудрагоценных камней и минералов, обработанных раковин каури. Среди находок следует отметить многочисленные, характерные для защитного вооружения скифского воина V–IV вв. до н.э., бронзовые пластины панциря с отверстиями (по три в каждой) для крепления. Встречаются золотые бляшки с изображениями в «зверином стиле», типичными для скифского искусства (изображение лося), а также золотые подвески, характерные для северокавказских украшений. Основная часть погребального инвентаря курганных склеповых захоронений датируется в пределах конца V – начала III в. до н.э. Помимо большого количества археологического

материала местного изготовления, выделяется значительное число предметов импорта, представленных в основном керамическими изделиями и украшениями.

Керамический комплекс представлен несколькими видами столовой и тарной импортной посуды. Наиболее редкими из них являются три фрагмента черно-лакового сосуда, обнаруженные в кургане №1. Сохранившиеся фрагменты принадлежат верхней части и стенкам широкогорлого сосуда, возможно, килика. Это фрагменты венчика с частью горловины, причем венчик выделен плоским валиком, а с внешней и внутренней сторон покрыт сплошным черным лаком. На венчике разбросаны красные сердечки (листья плюща) вершинами вверх и вниз. На внутренней стороне на лаке выдавлены несколько розеток. Розетки состоят из точки в центре и шести точек по краям. Они также черные, но выделяются матовостью на блестящем фоне.

Один фрагмент стенки – с росписью. Фон – черный лак, фигуры красные, детали прорисованы тонкими черными линиями. Различаются два персонажа: часть обнаженной мужской фигуры, левая рука которой опущена вниз и держит жезл, нижняя часть которого утрачена. Весьма вероятно, что этот жезл является кадуцеем, в этом случае персонаж – Меркурий. Сохранилась также небольшая часть женской фигуры в подпоясанном, в вертикальных складках, одеянии. Возможно, этот персонаж держит кувшин, наклоняя его в сторону мужчины. Экспертиза, проведенная в двух научных лабораториях специалистами по античной чернолаковой керамике, дала две близкие по времени даты: конец V до н.э. и начало IV в. до н.э. На другом фрагменте стенки с росписью сохранилась небольшая часть изображения обнаженного мужского торса. Толщина стенок сосуда равна 0,4–0,5 см. Лак – плотный, блестящий.

К остальным типам импортной столовой посуды относятся разнообразные миски, кувшины и горшочки производства прикубанских центров. Как правило, это тонкостенная керамика античного облика, высокого качества изготовления из хорошо отмученного однородного теста без примесей.

Миски, обычно красноглиняные, с поддоном или без него, иногда орнаментированы по верхнему краю тонкими зигзагообразными полосками. Кувшины, чаще сероглиняные, различаются между собой типами венчиков.

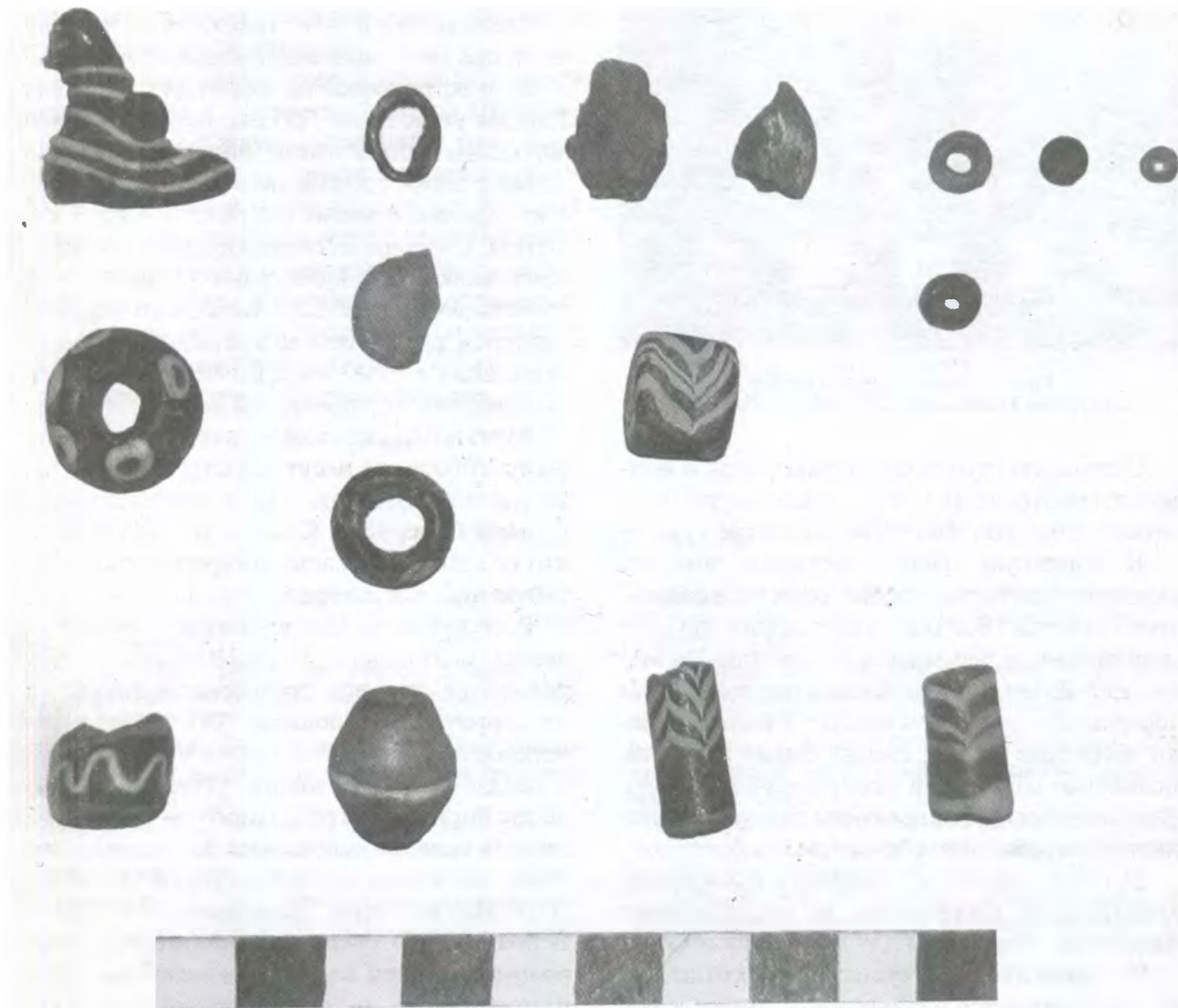

Рис.5. Импортные украшения из курганных склепов могильника 2 Татарского городища

Следующий вид импортной керамики представлен многочисленными фрагментами античных амфор. К сожалению, целых форм не сохранилось, что, возможно, связано с неоднократными ограблениями склепов. Среди фрагментов больше всего различных по форме амфорных ручек. На некоторых из них сохранились клейма, позволяющие отнести их к изготовленным на острове Родос и датировать рубежом IV—III вв. до н.э. Кроме родосских, обнаружены фрагменты книйских и колхидских амфор, датируемых IV в. до н.э. Амфорные донца и венчики встречаются значительно реже ручек.

Предметы украшения импортного производства представлены разнообразными по цвету, форме и материалу изготовления бусами и подвесками. Наиболее широко представлены стеклянные и пастовые бусины переднеазиатского производства (рис.5).

Чаще всего встречаются бусы сферической, чуть уплощенной формы. Кроме того, распространены кубические и цилиндрические экземпляры. Особо выделяется бусина из розового стекла, бочонкообразной формы с бороздками и одной уплощенной стороной — подражание подвескам-«скарабеем». Цвет стекла — чаще всего темно-синий, голубой и зеленый различных оттенков, наиболее широко применяемый орнамент — глазчатый, реже — волнообразный, нанесенный белой или желтой краской.

Обращает на себя внимание финикийская подвеска в виде птички из темно-синего стекла с орнаментом из белых полос.

Среди каменных бус наиболее популярны были гагатовые и сердоликовые. Халцедон представлен единичными экземплярами. По форме основная часть бусин бочонкообразная.

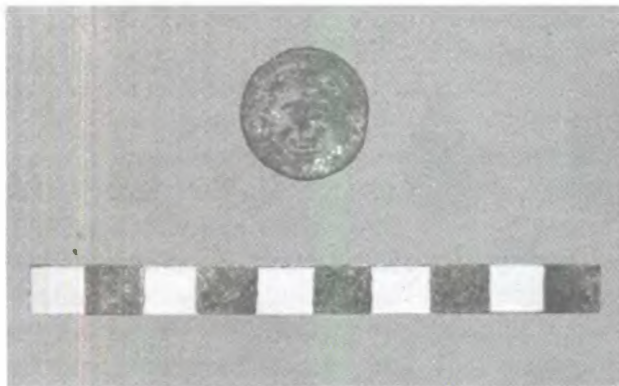

Рис.6. Терракотовый горгонеийон
из кургана 3 могильника 2 Татарского городища

Отдельную группу составляют бусы и подвески, изготовленные из раковин каури (возможно, с берегов Индийского океана).

В отдельную группу предметов импорта можно выделить три терракотовых медальона — «горгонеийона». Все они представляют круглые штампованные керамические пластины диаметром 19–26 мм с изображением головы Медузы Горгоны. Два медальона меньшего размера имеют частичные утраты, третий, самый крупный, полностью сохранен и носит следы позолоты. Вероятнее всего, эти предметы использовались лишь в погребальном обряде (рис.6).

Многие элементы похоронного обряда, конструкции сооружения и погребального инвентаря характерны для племен скифского круга, однако есть ряд существенных отличий, не встречающихся в скифской культуре и позволяющих выделить курганные склеповые захоронения Татарского городища в особый тип погребений. В отличие от скифских захоронений склепы представляют собой коллективные усыпальницы, функционировавшие на протяжении длительного периода, что документируется как погребальным инвентарем (в пределах столетия), так и количеством погребенных (до 50 человек). Можно допустить, что склепы использовались несколькими поколениями в качестве родовой усыпальницы. Здесь, несомненно, прослеживается влияние местных кавказских традиций.

Захоронения в каменных склепах и ящиках являются типичным северокавказским обрядом и часто встречаются на территории Северного Кавказа уже с эпохи бронзы. Курганные же захоронения, хотя и имели широкое распространение с эпохи бронзы, но в основном связаны с культурами кочевых обитателей евразийских степей. Симбиоз и трансформация степных и северокавказских культурных традиций в погребальных комплексах Татарского городища являются следствием взаимодействия и взаимовлияния оседло-земледельческих и кочевых скотоводческих племен этой контактной зоны.

Курганные склеповые захоронения Татарского городища несут конструктивные элементы как кочевых, так и земледельческих культур Северного Кавказа и Предкавказья, что объяснимо в свете исторического развития данных территорий.

Расположение могильников непосредственно за городскими укреплениями свидетельствует, что все погребенные проживали на территории городища. Это предполагает переход кочевников-скифов в V–IV вв. до н.э. к оседлому образу жизни. Однако сопоставление богатого погребального инвентаря курганных склепов с довольно бедными грунтовыми могилами свидетельствуют об особом социальном статусе захороненных в склепах. Вероятно, это были представители военной родо-племенной верхушки кочевников, осевших на землю, но сохранивших свое привилегированное положение в обществе подчиненных им земледельцев. На это указывает расположение грунтовых могил кобанского населения вокруг кургана или поблизости. В то же время в погребальном инвентаре наряду с конской упряжью, мечами (рис.7), втульчатыми стрелами и бронзовыми защитными доспехами, характерными для скифских воинов, встречается керамическая посуда, украшения, бронзовые браслеты, подвески и пронызи, бронзовые фигурки птиц, стеклянные и каменные бусы, типичные для кобанских погребений. Точно так же в инвентаре кобанских

Рис.7. Железный меч из кургана 3 могильника 2 Татарского городища

могил встречаются скифские ножи, зеркала и предметы конской упряжи.

Анализ материалов могильников Татарского городища, как и других памятников Предкавказья, свидетельствует об активной трансформации культурных традиций местного кобанского населения и пришлых скифов. Конская сбруя, оружие, предметы украшения, глиняная посуда степняков и северокавказцев становятся мало отличимы и широко распространяются в захоронениях, что указывает на активное взаимодействие и симбиоз скифской и позднекобанской культур. Многие элементы погребального обряда, конструкции погребальных сооружений и инвентарь проникают в традиционный ритуал, способствуя формированию на этих территориях новых культурных традиций, а возможно, и новых этноплеменных объединений. Археологические исследования на Татарском городище позволили зафиксировать сложный процесс постепенного оседания кочевников – скифов «на землю», приведший к значительному изменению их образа жизни, хозяйства и быта, трансформации погребального обряда и других элементов материальной и духовной культуры.

бального обряда, конструкции погребальных сооружений и инвентарь проникают в традиционный ритуал, способствуя формированию на этих территориях новых культурных традиций, а возможно, и новых этноплеменных объединений. Археологические исследования на Татарском городище позволили зафиксировать сложный процесс постепенного оседания кочевников – скифов «на землю», приведший к значительному изменению их образа жизни, хозяйства и быта, трансформации погребального обряда и других элементов материальной и духовной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кудрявцев А.А., 1997. Отчет о работе Татарской археологической экспедиции на Татарском городище в 1996 г. // ААЛ СГУ.

Кудрявцев А.А., 1998. Отчет о работе Татарской археологической экспедиции на Татарском городище в 1997 г. // ААЛ СГУ.

Кудрявцев А.А., 1999. Отчет о работе Татарской археологической экспедиции на Татарском городище в 1998 г. // ААЛ СГУ.

Кудрявцев А.А., 2000. Отчет о работе Татарской археологической экспедиции на Татарском городище в 1999 г. // ААЛ СГУ.

Кудрявцев А.А., 2001. Отчет о работе Татарской археологической экспедиции на Татарском городище в 2000 г. // ААЛ СГУ.

Кудрявцев А.А., 2002. Отчет о работе Татарской археологической экспедиции на Татарском городище в 2001 г. // ААЛ СГУ.

Кудрявцев А.А., 2003. Отчет о работе Татарской археологической экспедиции на Татарском городище в 2002 г. // ААЛ СГУ.

Кудрявцев А.А., 2005. Отчет о работе Татарской археологической экспедиции на Татарском городище в 2004 г. // ААЛ СГУ.

Кудрявцев А.А., 2006. Отчет о работе Татарской археологической экспедиции на Татарском городище в 2005 г. // ААЛ СГУ.

Кудрявцев А.А., 2007. Отчет о работе Татарской археологической экспедиции на Татарском городище в 2006 г. // ААЛ СГУ.

ПАМЯТНИКИ СКИФСКОГО КРУГА В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Территория среднего Поволжья для эпохи раннего железного века традиционно рассматривается как северная окраина савроматских, а затем и сарматских владений. В последние годы при раскопках поселений на территории Самарской области выявлены материалы, связываемые со скифским кругом памятников. Основная масса их относится к I–III вв. н.э., однако некоторые материалы принадлежат более раннему времени (Васильева, Сташенков, 2006). Необходимо отметить, что еще в 1924 г. В.В. Гольмстен предполагала, что ранние поселения этой эпохи в самарском Поволжье теоретически могут существовать: «Памятниками скифской культуры в нашем крае являются исключительно курганы; мест поселений, подобных открытым на юге России, здесь неизвестно; быть может, если наши скифы вели чисто кочевой образ жизни, таких поселений не существовало, но, возможно, что они еще не обнаружены» (Гольмстен, 1924).

Вероятно, по мере накопления материалов будет выделен ранний пласт среди «скифоидной» керамики, которая встречается на поселениях среднего Поволжья. Диагностическим признаком позднего «скифоидного» керамического комплекса здесь является наличие фрагментов горшковидных сосудов с отогнутой наружу шейкой и выраженным внутренним ребром в месте перехода от шейки к тулову, декорированных в основном пальцевыми вдавлениями по краю венчика.

Впервые комплекс подобной керамики выделен в коллекции из раскопок А.В. Збруевой в 1938 г. на Царевом кургане, расположенном у г. Самары, на левом берегу реки Волги (Збруева, Смирнов, 1939; Царев курган, 2003). Генетически этот комплекс не связан с предшествующими поволжскими культурами, и после появления новых материалов можно говорить о выделении круга памятников царевокурганского типа (Сташенков, 2005).

Фрагменты специфических раструбообразных горшковидных сосудов с пальцевыми вдавлениями и насечками по венчику и пряслица бочонковидной формы имеются в материалах памятников этого круга, выявленных на Самарской луке и в ее ближайшей округе:

Подгорского селища (раскопки В.Н. Мышкина), селища и городища Лбище (раскопки Г.И. Матвеевой и И.Б. Васильева), Шигонского III селища (Васильева, Сташенков, 2006), Новинковского V селища (раскопки Д.А. Сташенкова), Березовского селища (Алихова, 1960. Рис. 4, 1–3; 5, 11, 14), Севрюкаевского селища (Матвеева, 2004).

Вполне вероятно, что материалы этого круга присутствуют также на поселениях Самарской луки, исследованных разведками в 1950-е годы – городище Большая Рязань (Трубникова, 1960. Рис. 1, 21–22; С. 123–124), поселение Уркина Гора (Трубникова, 1960. Рис. 1, 17–20; С. 124–125), поселение перед дюной Борок и Анновском поселении I (Алихова, 1960. С. 202), а также на некоторых многослойных поселениях на территории г. Самара. В настоящее время известно не менее 9 памятников, на которых встречены материалы позднескифского круга (рис. 1). В общей сложности раскопками на них исследовано около 6000 кв. м площади.

Топография и типы поселений

Известные памятники относятся к категории неукрепленных поселений. Гипотетически к городищам можно отнести Царев курган (существует упоминание И. Лепехина, что во второй половине XVIII в. на вершине Царева кургана имелся небольшой вал, что позволяет характеризовать памятник как городище. Однако неясно, относятся ли укрепления к первым векам нашей эры или к более раннему времени). Имеются укрепления на городище Большая Рязань (Стенькин городок), однако культурный слой на нем практически отсутствует, и, вполне возможно, возведены они были населением лбищенского круга. На самом городище Лбище находки позднескифского круга также имеются, но, скорее всего, и на этом памятнике укрепления были возведены в последующий хронологический период.

Топографически памятники делятся на четыре группы:

1. Поселение на вершине высокой отдельно стоящей горы (Царев курган), расположен-

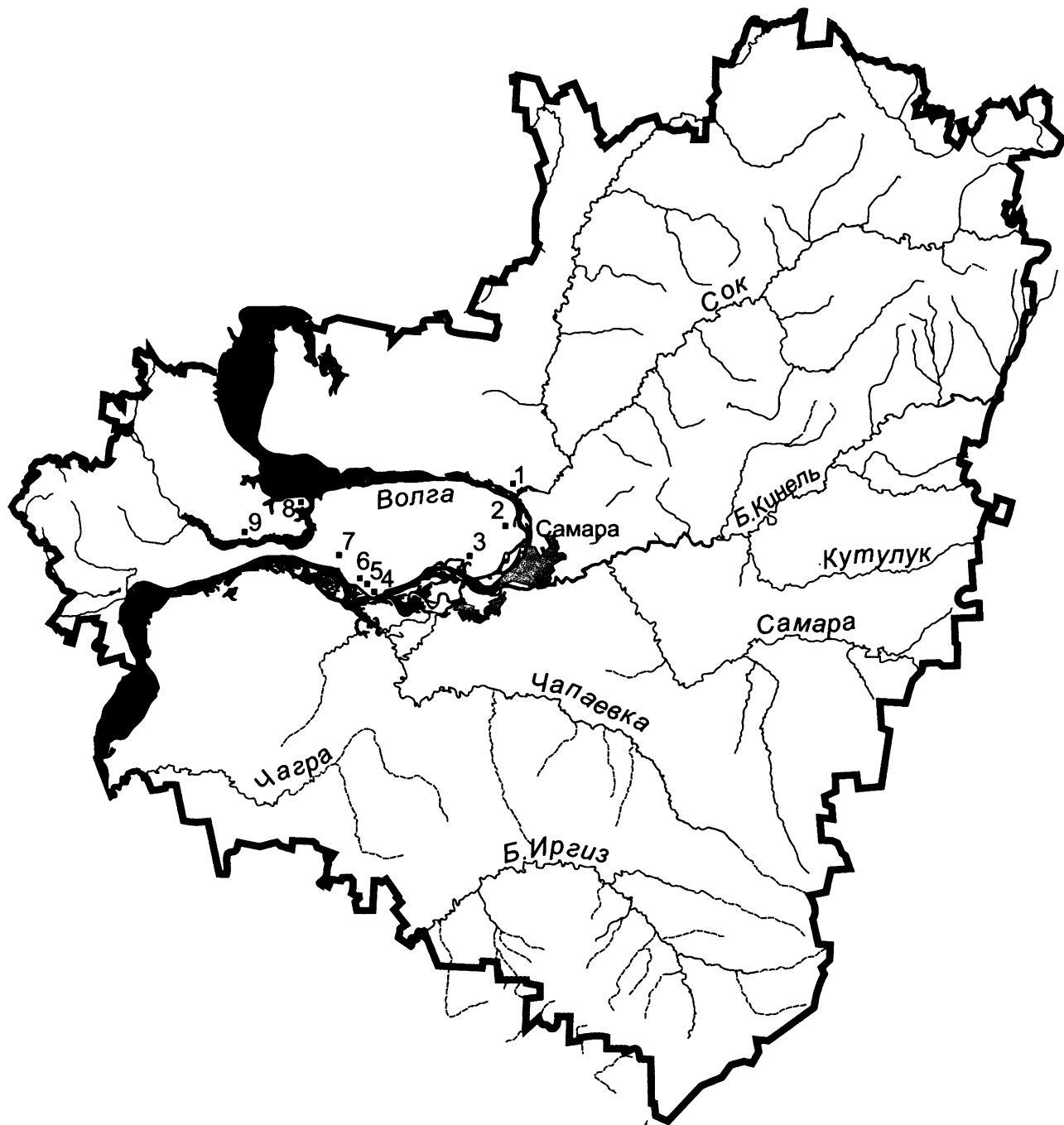

Рис. 1. Карта памятников типа «поселение Царев курган»:

1— Царев курган; 2— Подгорское селище; 3— Новинковское селище; 4— городище Лбище; 5— Лбишенское селище; 6— Севрюкаевское селище; 7— городище Большая Рязань; 8— Березовское селище; 9— Шигонское селище

ной на левом берегу р. Волги у места слияния рек Волга и Сок.

2. Поселения на краю высокой первой террасы реки Волга (селище и городище Лбище, Севрюкаевское селище).
3. Поселения на краю первой надпойменной террасы реки Уса, правом притоке р. Волга (Шигонское III селище, Березовское селище).
4. Поселения на краю первой надпойменной террасы р. Волга около небольших стариц (Подгорское и Новинковское V селища).

Мощность культурного слоя на всех поселениях не превышает 10–15 см. Площадь поселений, скорее всего, была значительно меньше 1 га. Сами поселения, по всей видимости, существовали непродолжительное время.

Жилые и хозяйственные сооружения

Достоверных сведений об исследованных на памятниках сооружениях не имеется. Анализ описи коллекции из раскопок Царева кургана

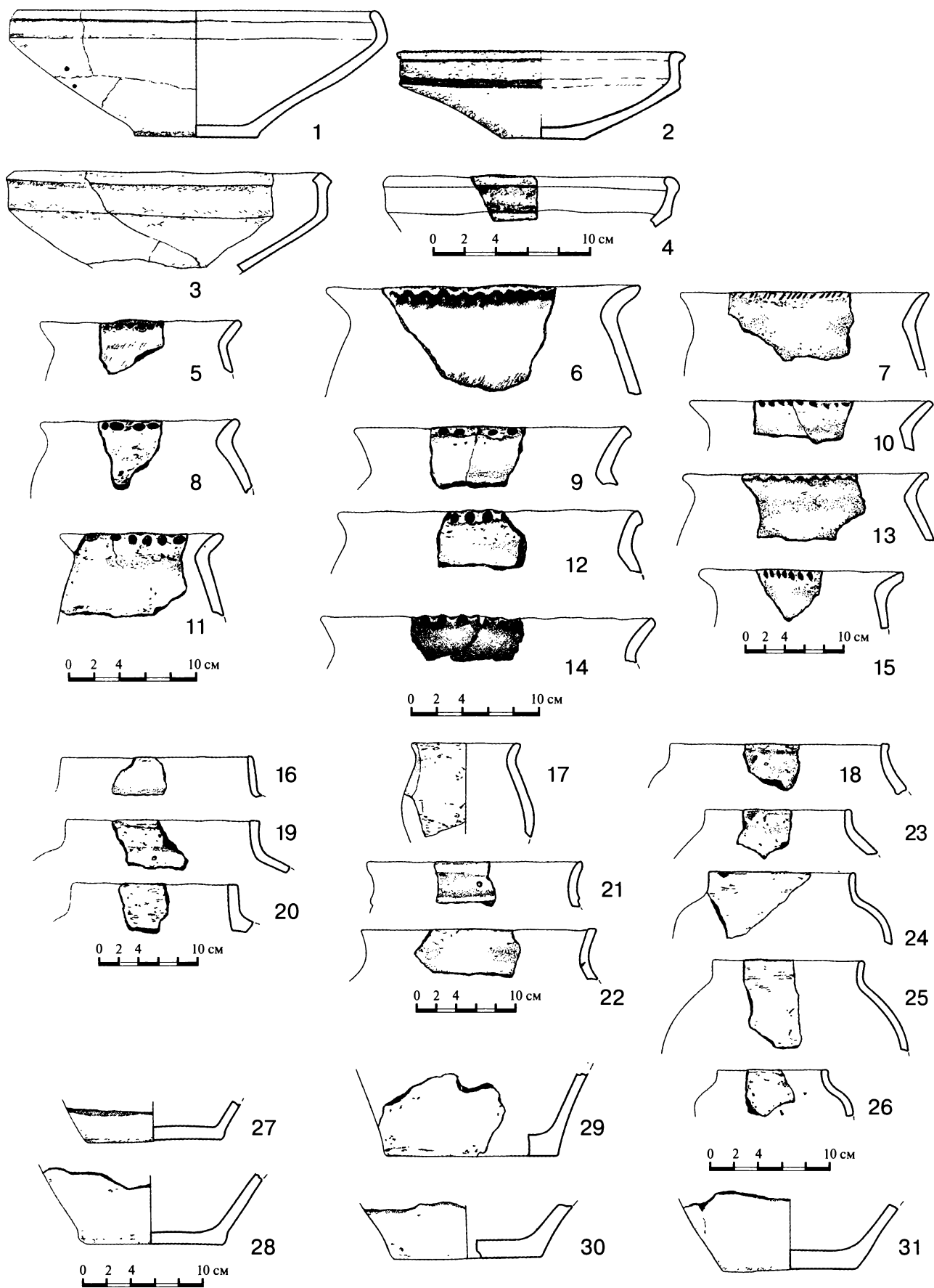

Рис. 2. Образцы керамики из поселения Царев курган:
 1–4 – миски; 5–15 – фрагменты верхних частей горшковидных орнаментированных сосудов; 16–26 – фрагменты верхних частей горшковидных неорнаментированных сосудов; 27–31 – фрагменты придонных частей горшковидных сосудов

позволяет отметить, что основная масса индивидуальных находок из раскопа и фрагментов керамики происходит из одного участка размерами 8×4 м, в центре которого культурный слой был более мощным и там найден развал миски, а на соседнем квадрате найдены 10 миниатюрных сосудов (Збруева, 1938). Возможно, в этом районе располагалась наземная постройка.

Возможно, на Березовском селище имелись две жилые постройки первых веков н.э., однако исследованы они были лишь частично (Алихова, 1960. Рис. 1). По данным А.Е.Алиховой, первая полуземлянка (жилище 4), выявленная на глубине 1,2–1,5 м от современного уровня, имела вход в виде коридора длиной 2,5 м и ширину 1 м. Против входа на расстоянии 1,7 м располагался очаг диаметром 80 см, устроенный в неглубокой яме и сложенный из камней, обмазанных глиной. Ширина постройки составила 8 м (Алихова, 1960. С. 201).

Второе частично вскрытое жилище (жилище 5), слабоуглубленное в материк, также имело ширину 8 м. В обеих постройках найдены лепные толстостенные сосуды с примесью шамота, орнаментированные пальцевыми зашипами или, реже, насечками по краю венчика (Алихова, 1960. С. 201. Рис. 4, 1–3; 5, 11, 14).

Два скопления керамики, возможно, связанные с наземным сооружением, были зафиксированы при исследовании Шигонского поселения.

Таким образом, данных для каких-либо выводов о характере домостроительства населения рассматриваемых памятников недостаточно, можно лишь предположить, что в этот период использовались как полуземляночные постройки сравнительно больших размеров, так и неуглубленные в материк наземные жилища.

Погребальные и культовые комплексы

Во время земляных работ на вершине Царева кургана в 1938 г. было обнаружено несколько безынвентарных погребений. В трех погребениях костяки лежали на спине в вытянутом положении, головами на запад и юго-запад (к Волге). Планы и фотографии погребений не сохранились. На одном из черепов прослеживаются следы искусственной деформации. Погребения, вероятно, были связаны с основным слоем поселения и могли быть совершены в первые века н.э. Остатков кремации не отмечено. Видимо, населению рас-

сматриваемых памятников были свойственны бескурганные погребения, совершенные по обряду ингумации.

Палеозоологические материалы

Из раскопок многослойных поселений, произведенных в 1990–2000-е годы, вычленив палеозоологический комплекс первых веков н.э. не удалось. Osteологическая коллекция из Царева кургана не сохранилась, однако известно, что она изучалась в Москве и в коллекции были определены кости лошади, крупного рогатого скота, овцы, свиньи, собаки, козы, медведя и бобра (Збруева, Смирнов, 1939. С. 196). К сожалению, невозможно достоверно дифференцировать палеозоологические материалы эпохи бронзы и железного века, но, учитывая, что основная часть керамического материала и индивидуальных находок рассматриваемого памятника относится к первым векам н.э., можно с большой долей вероятности предположить, что основная часть osteологической коллекции также относится к первым векам нашей эры. На основании имеющихся сведений приходится заключить, что население, оставившее памятники царвокурганского типа, вело комплексное хозяйство, в котором наряду с придомным скотоводством определенную роль играла охота, возможно, с целью получения шкур. Вопрос о роли земледелия в жизни оседлого населения Самарского Поволжья первых веков н.э. до получения новых данных остается открытым.

Керамический комплекс

Основную часть керамического материала из памятников этой группы (около 700 фрагментов) составляет керамика из раскопок Царева кургана (более 500 единиц). Большая часть керамического материала этого памятника – фрагменты нелощеных мисок и горшков, украшенных зашипами по венчику, которые уже в первой публикации А.В.Збруева отнесла к скифской эпохе. Керамика памятников фрагментирована, и для статистики использовались фрагменты верхних частей сосудов. Для 84 фрагментов удалось определить форму сосуда (из них 77 фрагментов происходят из раскопок Царева кургана). Керамический комплекс рассматриваемых памятников содержит следующие категории: миски (рис. 2, 1–4), горшки (рис. 2, 5–31), кувшины

(рис. 3, 1–8), диски (рис. 3, 9–10), миниатюрные сосуды. Нужно отметить, что миски выделены только по материалам раскопок Царева кургана. В процентном соотношении керамические категории представлены следующим образом:

1. Горшки неорнаментированные (11 экз.) – 13,1%;
2. Горшки орнаментированные (56 экз.) – 6,7%;
3. Миски (14 экз.) – 16,7%;
4. Кувшины (3 экз.) – 3,5%.

Горшки (67 экз.). Все фрагменты горшковидных сосудов имеют крупные и средние размеры, прямой или отогнутый наружу венчик. Диаметр верхней части устанавливается для 29 сосудов.

Малые сосуды (до 10 см) представлены одним неорнаментированным горшочком. Средних – от 10 до 15 см и от 15 до 20 см – выявлено по 5 сосудов, и крупных – диаметром более 20 см – 18. Среди орнаментированных преобладают сосуды крупных размеров (76%), среди неорнаментированных их всего 36,4%.

Имеются как полностью неорнаментированные сосуды, так и сосуды, декорированные в основном пальцевыми вдавлениями по краю венчика. Декорированы крупные сосуды с отогнутым наружу венчиком.

Прямые шейки характерны только для неорнаментированных сосудов (среди них они составляют 72%), венчики всех без исключения орнаментированных горшков отогнуты наружу.

Диаметры днищ удалось измерить для 10 сосудов горшковидной формы. Во всех случаях они находились в пределах 10–15 см.

По типологии А.М. Обломского (Обломский, 2002) сосуды относятся к следующим группам:

Класс I. Округлобокие сосуды.

К этому классу принадлежат все без исключения горшковидные сосуды с Царева кургана и Шигонского III селища.

Тип 1. (26 экз.). Сосуды с выпуклым плечиком. К этому типу относятся все сосуды, у которых удается реконструировать форму плечика.

Вариант I.1.a. (2 экз.). Шейка отогнута наружу.

Вариант I.1.b. (7 экз.). Шейка прямая, вертикальная. Вся керамика этой группы не орнаментирована (рис. 2, 23–26).

Вариант I.1.v. (17 экз.). Шейка прямая, отогнута наружу. В этот вариант в основном

входят сосуды с конической раструбообразной верхней частью. Горшки этой группы составляют основную часть керамического комплекса Царева кургана (рис. 2, 5–15). К этому же варианту относятся сосуды, найденные на Шигонском III поселении (рис. 4, 1–4).

Все они орнаментированы пальцевыми вдавлениями (большая часть) или насечками по венчику. Остальная поверхность сосудов не орнаментирована. Диаметр сосудов по венчику – от 13 до 26 см. Вероятно, наибольшее расширение сосудов приходится на среднюю часть. С внутренней стороны в месте перехода шейки в тулово имеется или выраженное ребро, или характерное утолщение.

По составу формовочной массы среди горшковидных сосудов выделяются четыре группы с различной традицией отбора сырья. Визуальное определение сосудов по составу формовочной массы и характеру обработки поверхности проведено автором. Технологические определения образцов из каждой выделенной группы были выполнены к.и.н. Н.П. Салугиной и к.и.н. Васильевой (Институт истории и археологии Поволжья), за что автор приносит им благодарность.

1. Первая, самая многочисленная группа, – керамика с заглаженной поверхностью желто-коричневого цвета (видимо, в основном эта керамика относится к варианту I.1.v). В изломе черепок желтого цвета, иногда в средней части фиксируется серая прослойка. Черепок рыхлый. В составе формовочной массы наблюдается дробленая кальцинированная кость в концентрации 1:5 – 1:6, мелкий и средний шамот в концентрации 1:4, фиксируются очень мелкие органические отпечатки (возможно, навозная выжимка). В самой глине наблюдаются естественные включения бурого железняка. Толщина стенок сосудов этой группы около 1 см.

2. Вторая группа – керамика с заглаженной поверхностью коричневого цвета, также в основном относящаяся к варианту I.1.v, v – менее многочисленна. В изломе черепок черного цвета, в наружном слое фиксируется коричневая прослойка. Черепок более плотный. В составе формовочной массы наблюдается дробленая кальцинированная кость в концентрации 1:4, мелкий шамот в концентрации 1:5, мелкие органические отпечатки (возможно, навозная выжимка). Не исключено, что подобная же примесь имела в шамоте. В этой

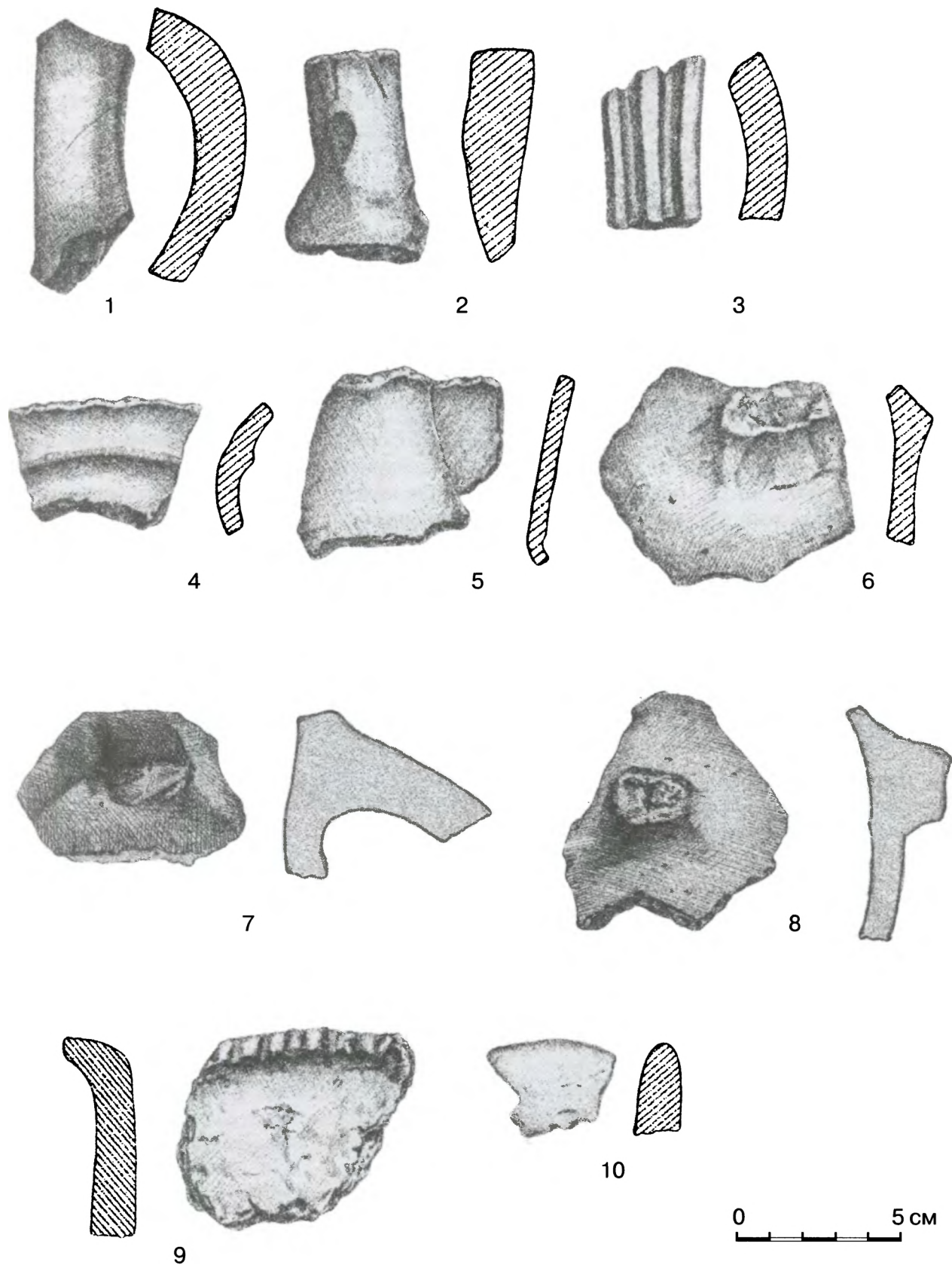

Рис. 3. Фрагменты кувшинов (1–8) и глиняных дисков (9–10)
из памятников типа «поселение Царев курган»:
1–4, 9–10 – Царев курган; 5–8 – Лбищенское селище

группе использовалась пластичная жирная глина с включениями бурого железняка. Толщина стенок сосудов этой группы 0,7–0,8 см.

Все четыре идентифицированных сосуда с Шигонского поселения, относящиеся к этой группе, изготовлены в рамках домашнего производства без использования гончарного круга. Горшковидные сосуды с отогнутой наружу шейей изготовлены из слабозапесоченной ожелезненной глины методом спирально-лоскутного налепа из коротких жгутов длиной 6–7 см. Сосуды заглажены мягким материалом. На внутренней и внешней поверхностях венчика и на внутренней поверхности тулова фиксировались глубокие статические отпечатки волос (шкур). Обжиг сосудов – костровой.

Сосуды Шигонского поселения незначительно отличаются друг от друга составом формовочной массы (шамот размером 2–4 мм, органический раствор (Г+Ш+ОР), в три сосуда добавлена также дробленая кость животных (Г+К+Ш+ОР). Кость и шамот добавлены в равных долях в концентрации 1:3. Кость предварительно нагревалась, затем дробилась. Отличие имеется также в способе нанесения орнамента по внешнему краю венчика (округло-овальные пальцевые оттиски, штампованные овальные, подпрямоугольные или узкие, слегка изогнутые насечки).

3. Третья группа сосудов – сравнительно тонкостенная (0,5–0,6 см) керамика с заглаженной поверхностью коричневого цвета – представлена единичными фрагментами (3 фр.). Черепок плотный, в изломе черного цвета. В составе формовочной массы наблюдается дробленая раковина высокой концентрации, шамот отсутствует, органики больше (возможно, использовался влажный навоз). В этой группе использовалась глина с естественными примесями мелкого пылевидного песка и включениями более крупных частиц бурого железняка.

4. Четвертая группа представлена фрагментами сосудов с поверхностью темно-коричневого цвета (вероятно, типологически эта керамика относится к варианту I.1.6). Черепок плотный, в изломе черного цвета. В составе формовочной массы имеется крупный (до 14 мм) шамот, мелкие органические включения, кость и раковина отсутствуют. Толщина стенок – 0,7–0,8 см. Сосуды этой группы, вероятно, представляют собой неорнаментированные горшки средних размеров, форма, характер обработки поверхности и состав формовочной массы которых близки уже к со-

судам именьковской культуры, однако в них не столь заметна примесь навоза и не так явно выражена «шероховатость».

Имеется еще одна группа керамики с примесью шамота в формовочной массе и с расчетами на внутренней поверхности тулова, но эта керамика встречена только на Царевом кургане и может относиться к более раннему времени.

В целом для населения, оставившего горшковидные сосуды групп 1 и 2, составляющих основу керамического комплекса рассмотренных памятников, характерны следующие приемы труда в гончарстве: использование ожелезненных слабозапесоченных глин – на ступени отбора исходного сырья; составление рецептов Г+К+Ш+ОР и Г+Ш+ОР – на ступени подготовки формовочных масс; применение спирально-лоскутного налепа на ступени конструирования полого тела; простое заглаживание – на ступени обработки поверхности; использование шкур животных; орнаментирование посуды посредством штампования; костровой обжиг с непродолжительным периодом калия сосудов.

Миски (14 экз.) по признаку ребристой или округлой профилировки бочка относятся к двум классам:

Класс I. Округлобокие (без выраженного ребра). Представлен единичным экземпляром лепной низкой миски диаметром около 25 см.

Тип 2. Миска со слегка отогнутой наружу шейкой и выступающим венчиком, с округлым бочком. Венчик приострен. Поверхность темно-коричневого цвета, подлощена или тщательно заглажена. Черепок плотный, в изломе серого цвета. В формовочной массе имеется примесь мелкого шамота и известковой (?) крошки.

Класс II. Миски с выраженным сглаженным ребром. К этому классу относится основная масса мисок с Царева кургана. Все они принадлежат к типу 3 – миски с невыделенной шейкой и прямой или слегка вогнутой линией верхней части. Вероятно, эти миски сделаны или подправлены на гончарном круге. В рамках типа выделяются варианты:

Вариант II.3a – с вертикальной шейкой (цилиндро-конические). К этому типу относится большинство сосудов (9 экз.).

Подварианты: II.3a.1.

Лощеные (1 экз.). Миска черного цвета, с подграненным вертикальным венчиком, с двумя прорезными желобками. Диаметр миски по венчику – 22 см, у дна – 6 см, высо-

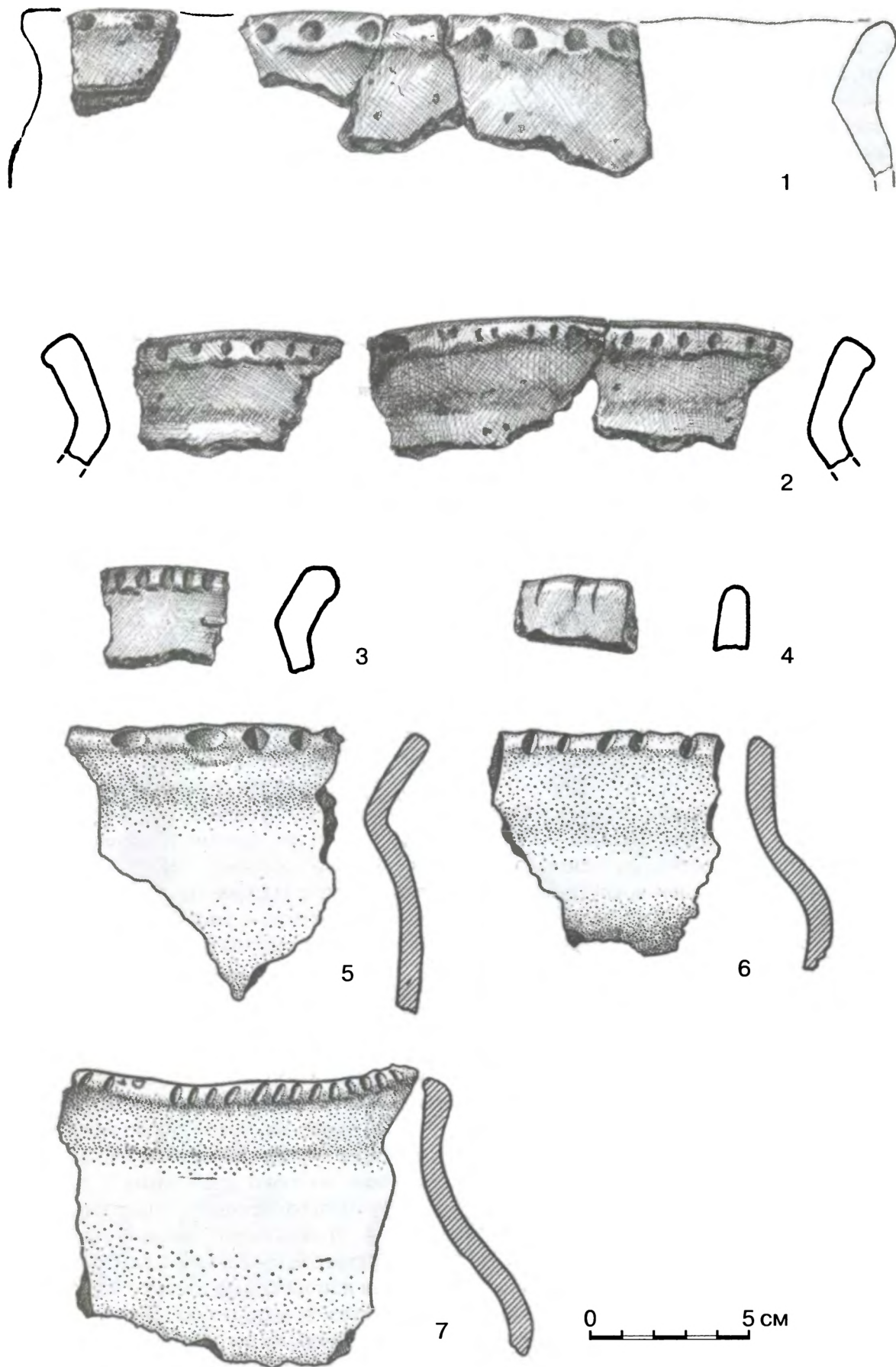

Рис. 4. Фрагменты горшковидных сосудов из памятников типа «поселение Царев курган»:
1–4 – Шигонское селище; 5–7 – Березовское селище

та — 6 см (рис. 2,2). Вся внешняя поверхность миски, включая дно, — лощеная. Черепок плотный, в изломе черного — с внешней части и серого — с внутренней части цвета. Миска изготовлена на гончарном круге, о чем свидетельствуют горизонтальные полосы на ее внутренней поверхности. В формовочной массе фиксируется примесь мелкого шамота, кальцинированной кости и, вероятно, естественная примесь песка.

Необходимо отметить, что лощеная керамика не характерна для керамического комплекса памятников позднескифского круга. В коллекции из Царева кургана есть еще только два фрагмента чернолощенных мисок (рис. 2,4), один лощеный фрагмент шейки и один лощеный фрагмент ручки кувшина. На других памятниках лощеная керамика не встречена.

Подвариант II.3а.2.

Миски желто-коричневого и коричневого цвета, диаметр по венчику — около 25 см, тщательно заглаженные (8 экз.). Большинство фрагментов мисок имеют двугранный или односторонний венчик.

Вариант II.3б — миски со слегка загнутой внутрь шейкой. Крупные миски (диаметр полностью реконструируемой миски по венчику 30 см, диаметр дна и высота — по 9 см), — желто-коричневого цвета, тщательно заглаженные (рис. 2,1).

Вариант II.3в — с отогнутой наружу шейкой (1 экз.). Диаметр миски по венчику — 23 см. Миска лепная, поверхность коричневая. Край венчика закруглен и скошен вовнутрь. Черепок в изломе трехслойный, коричневый, с серой прослойкой. В составе формовочной массы прослежены дробленая в сухом состоянии глина, засоренная включениями минеральной крошки, мелкий и средний шамот в концентрации 1:5, возможно, мелкая кость в небольшой концентрации, органическая примесь в виде навозной выжимки.

Класс III. Миски «конической» формы.

Судя по отсутствию в керамическом материале памятника фрагментов дна с поддоном, все они относятся к классу I плоскодонных мисок.

Тип 1. Чашевидные, без выраженной шейки. Представлен двумя фрагментами чернолощенной миски диаметром около 23 см, с закругленным венчиком. Венчик утолщен, бортик четко выражен. Черепок сравнительно рыхлый, в изломе серого цвета. Эта миска, вероятно, была изготовлена вручную. В керамическом тесте

фиксируется примесь мелкого шамота в концентрации 1:5, значительная примесь мелкого доломита, вероятно, естественная, незначительная примесь кальцинированной кости и органика в виде навозной выжимки.

Тип 2. Чашевидная. Венчик плоский, края венчика выступают наружу. Лепная, диаметр около 22 см. В керамическом тесте визуально фиксируется примесь мелкого шамота, известковой крошки (?) и органики, вероятно, в жидком виде. С уверенностью отнести данную миску к позднескифскому времени нельзя.

В отдельную группу можно выделить *миниатюрные сосуды* — в материалах из Царева кургана сохранился один экземпляр тонкостенного бочонковидного сосудика-горшочка (рис. 5,4). Наибольший диаметр сосуда и его высота — 4 см. Судя по характеру обработки поверхности, он может быть отнесен к керамике четвертой технологической группы. В полевом дневнике отмечено, что на одном из квадратов было встречено 10 подобных сосудов, на другом квадрате было выявлено еще одно скопление миниатюрных сосудов.

Кувшины (5 экз.) представлены на двух памятниках — Царевом кургане и Лбищенском селище. Реконструировать форму сосудов не представляется возможным. Имеется фрагмент горловины чернолощенного сосуда диаметром около 14 см, с валиком, фрагмент ручки от этого (?) кувшина с тремя канелюрами (рис. 3,3–4), два фрагмента ручек от сосудов, поверхность которых имеет желто-коричневый цвет, с Царева кургана (рис. 3,1–2), а также фрагменты стенок с остатками ручек с Лбищенского селища (рис. 3,6–8).

Глиняные диски — в материалах из Царева кургана имеются два фрагмента разных дисков-сковород с невысоким бортиком, орнаментированным насечками или пальцевыми вдавлениями по краю (рис. 3,9). На других памятниках глиняные диски не обнаружены.

Возможно, на памятниках типа «поселение Царев курган» были и глиняные крышки, подобные широко известным в материалах культур первых веков н.э. (*Дашевская*, 1991. Табл. 14, 1). Фрагмент глиняного предмета из Царева кургана мог быть частью (ручкой) такой крышки или же фрагментом кубка (рис. 5,3).

Имеется в материалах Царева кургана и фрагмент небольшого глиняного диска (ритуальный хлебец?) (рис. 3,10). Аналогии ему есть в материалах городищ Саратовского Поволжья первых веков н.э., причем подобные

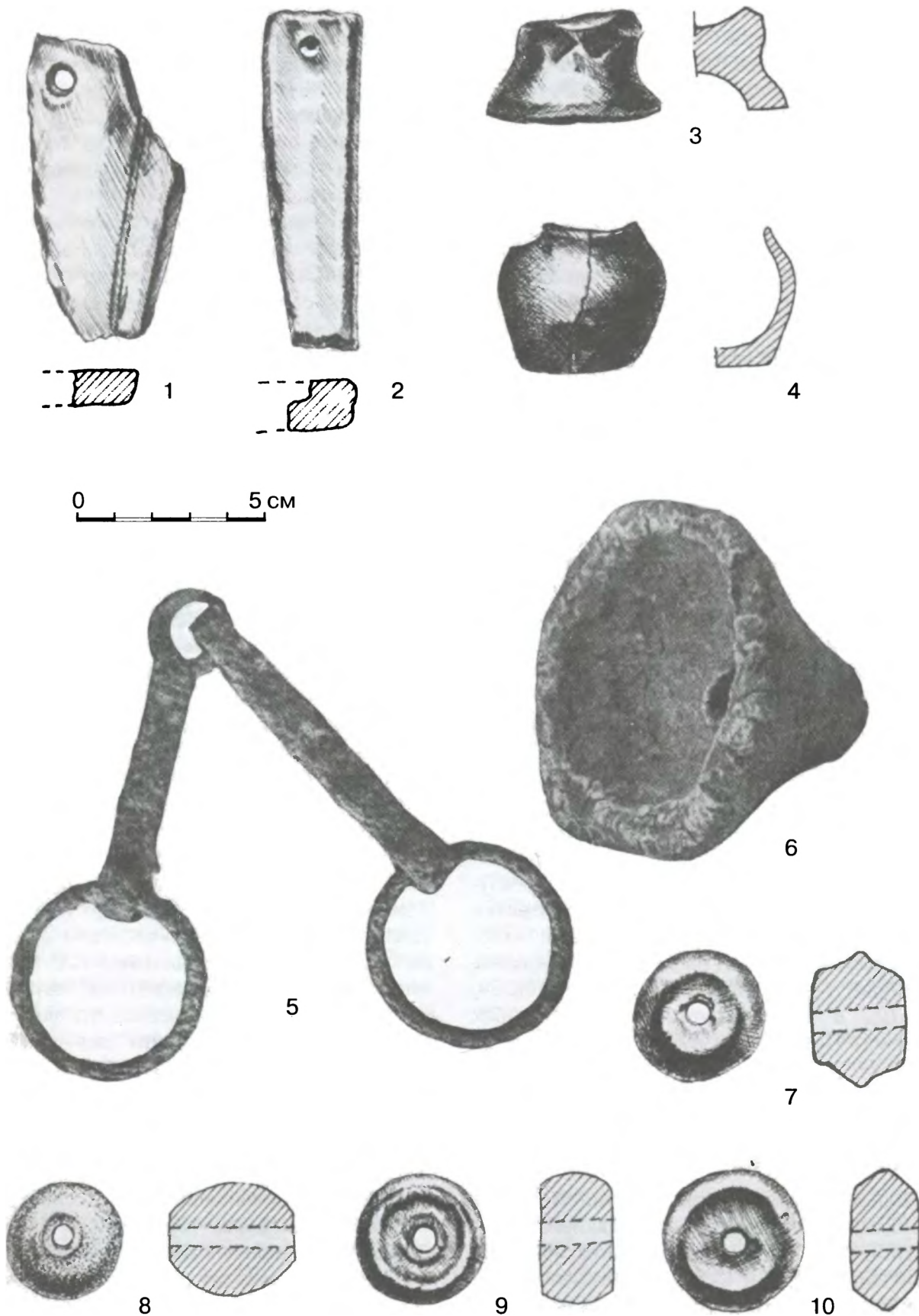

Рис. 5. Индивидуальные находки из памятников типа «поселение Царев курган»:
 1–2 – точильные бруски; 3 – часть кубка; 4 – миниатюрный сосуд; 5 – удила; 6 – воронка; 7–10 – пряслища.
 1–4, 7–10 – Царев курган; 5–6 – поселение Уркина Гора (5–6 – рис. по: Трубникова, 1960).
 1–2 – камень; 3–4, 6–10 – глина; 5 – железо

предметы появляются там еще на памятниках городищской культуры (Чардымское городище, раскопки П. Рыкова, 1930 г. — экспозиция Саратовского областного краеведческого музея).

Вещевой комплекс

Индивидуальные находки представлены пряслицами, найденными на Царевом кургане, Новинковском V и Подгорском селищах.

Пряслица (12 экз.) нескольких типов — биконические, бочонковидные, уплощенные цилиндрические.

Тип 1. Биконические (6 экз., рис. 5, 7, 10). Пряслица достаточно крупные (диаметр их 29–34,5 мм), высокие (15–26 мм), отверстие небольшое (6,7–7,5 мм). Пропорции пряслиц: отношение высоты к диаметру пряслица — 0,51–0,87; отношение диаметра отверстия к диаметру пряслица — 0,22–0,25.

Тип 2. Уплощенно-цилиндрические (3 экз., рис. 5, 9). Диаметр пряслиц 25,2–32,8 мм, диаметр отверстия 6–7,5 мм, высота 13,7–20 мм. Пропорции пряслиц: отношение высоты к диаметру пряслица 0,51–0,63; отношение диаметра отверстия к диаметру пряслица — 0,23–0,26.

Тип 3. Бочонковидные (2 экз., рис. 5, 8). Диаметр пряслиц 25–29 мм, диаметр отверстия 6,3–7,4 мм, высота 26,9–32,5 мм. Пропорции пряслиц: отношение высоты к диаметру пряслица 1,08–1,12; отношение диаметра отверстия к диаметру пряслица — 0,22–0,3.

Точильные бруски (2 экз., рис. 5, 1–2), найденные на Царевом кургане, имеют намеченные, но не просверленные до конца отверстия для подвешивания. Подобные оселки являются частой находкой на позднескифских памятниках Крыма (Дашевская, 1991. Табл. 59, 16–19), в позднесарматских захоронениях Нижнего Подонья (Ильюков, 2000. Рис. 24, 7).

Датировка и культурная принадлежность памятников царевокурганской группы

Горшковидные сосуды с отогнутой наружу шейкой, декорированные в основном пальцевыми вдавлениями по краю венчика, известны на «скифоидных» и «сарматоидных» поселенческих памятниках в Воронежской области и других культурно и хронологически близких им памятниках верхнего Подонья (Медведев, 1998; 2000. Рис. 6, 1–10). Известны подобные сосуды, как декорированные вдавлениями

по венчику, так и не орнаментированные, в позднесарматских погребениях Кировского I курганного могильника на Нижнем Дону, датирующихся II — первой половиной III в. н.э. (Ильюков, 2000. С. 111. Рис. 11, 5–6). Там же находят немногочисленные аналогии практически все типы рассмотренных мисок (Ильюков, 2000. Рис. 13, 1; 14, 6; 24, 1).

Стоит отметить, что в целом миски не характерны для сарматов, и, по мнению А.С. Скрипкина, «появление этой глиняной посуды у сарматов волго-донских степей обусловлено широким изготовлением ее в ремесленно-земледельческих центрах Северного Причерноморья, в первую очередь, в меотских поселениях Кубани и в среде меото-сарматского населения нижнего Дона. В составе глиняной посуды сарматов миски относятся к изделиям неместного производства, они поступали в степи в результате тесных экономических и политических связей сарматов с указанными районами» (Скрипкин, 1990. С. 53). Интересно, что в своей публикации, посвященной хронологии и культурно-типологической позиции Кировских погребений, Ю.К. Гугуев, обращаясь к материалам позднескифских и сарматских памятников, говорит о том, что аналогии подобным мискам ему не известны. Сам комплекс, в котором найдена аналогичная царевокурганским миска, им датируется в пределах середины II — середины III в. н.э. (Гугуев, 2000. С. 145).

Ближние к царевокурганским миски типа II 4 с короткой вертикальной верхней частью (цилиндро-конические) в киевской культуре, по мнению Р.В. Терпиловского и Н.С. Абашиной, восходят непосредственно к зарубинецким прототипам. Они считают, что подобные изделия наиболее типичны для памятников I–II вв. Верхнего Подонья типа Почеп, однако встречаются в поздnezарубинецких памятниках и на других территориях (Терпиловский, Абашина, 1992. С. 57–58).

Пряслица типа 3 аналогичны пряслицам типа 1 по классификации В.М. Косяненко из некрополя Кобыкова городища на Нижнем Дону, где они появляются во второй половине I в. н.э. и существуют до середины III в. н.э. (Косяненко, 2000. С. 272). Бочонковидные, высокие биконические и уплощенно-цилиндрические пряслица (типы 1–3) известны в материалах раннего горизонта Чертовицкого III городища на верхнем Дону (Медведев, 2000.

Рис. 4,5; 7,4–5; 10,11–15). Следует отметить, что преобладание среди пряслиц изделий биконической формы — черта, свойственная не столько сарматским и позднескифским памятникам, сколько культурам круга полей погребений. Единственное известное мне исключение — набор пряслиц Подгоренского городища в Липецкой области, где преобладают высокие биконические пряслица (Медведев, 1996. Рис. 3,5–10). Но этот памятник своеобразен, вероятно, хронологически более поздний, и стоит заметить, что в его материалах, в отличие от других верхнедонских городищ, имеется группа горшковидных сосудов с примесью крупного шамота в тесте, придающего поверхности сосудов специфичный бугристый характер. Возможно, эта группа близка 4-й технологической группе горшковидной керамики Царева кургана. Сооружение и функционирование Подгоренского городища А.П. Медведев относит ко времени не ранее конца II — середины III в. н.э. (Медведев, 1996. С. 120).

Ближайшие аналогии материалам памятников царевокурганского типа имеются в комплексах Алексеевского городища в Саратовском Поволжье. В материалах этого памятника встречены близкий царевокурганскому набор пряслиц, характерный набор орнаментированной вдавлениями и защипами по венчику горшковидной посуды с выраженным внутренним ребром, миски и миниатюрные сосуды (Юдин, 2001. Рис. 11–12; 16).

На основании имеющегося материала представляется возможным датировать памятники царевокурганского типа второй половиной I–III вв. н.э., хотя некоторые формы керамики могут встречаться и в более раннее время. Вероятно, памятники самарского Поволжья типа «поселение Царев курган» оставлены особой группой оседлого населения, генетически не связанного с предшествующими поволжскими культурами. Это население было родственным населению, оставившему памятники позднескифского круга в нижнем Подонье и саратовском Поволжье. Примечательно, что еще в первой публикации А.В. Збруева сопоставила царевокурганские находки именно с материалами скифских поселений, правда, более раннего времени (Збруева, Смирнов, 1939. С. 197).

В поселенческом материале раннескифского времени северного (харьковского) круга находила аналогии ранним керамическим материалам из Березовского поселения и А.Е. Алихова (Алихова, 1960. С. 201)

Пока не выяснено, как связаны рассматриваемые памятники с хронологически следующими за ними поволжскими памятниками, в том числе с памятниками именьковской культуры. Можно только констатировать, что еще не известны комплексы IV–VII вв., в материалах которых в массовом количестве представлены находки царевокурганского круга.

Тем не менее, отдельные традиции, зафиксированные на памятниках царевокурганского типа (орнаментация части венчиков горшков пальцевыми защипами, наличие керамики с примесью дробленой кости, специфическая обработка поверхности сосудов, эпизодическое использование нелощеных кувшинов и т.д.), находят параллели в материальной культуре памятников киевского круга Самарского лесостепного Поволжья (селища Сиделькинское II, крепость Кондурча II), что может свидетельствовать в пользу предположения, что часть «позднескифского» населения приняла участие в генезисе раннесредневековых земледельческих культур в Среднем Поволжье как один из многих компонентов. Возможна также синхронизация позднего горизонта скифоидных памятников и ранних слоев памятников киевского круга самарского Поволжья. Это подтверждается случайной находкой в 2006 г. в районе Севрюкаевского поселения, где выявлены материалы царевокурганского типа, бронзовой римской монеты Валериана I (253–260 г. н.э.).

В связи с тем, что пока не изучены ни домогостроительные традиции, ни погребальный обряд населения, оставившего памятники позднескифского (или царевокурганского) круга в самарском Поволжье, определяющим для выделения памятников этого типа является присутствие в материале следующих признаков:

1. Пряслиц бочонковидной и уплощенно-цилиндрической формы, а также неорнаментированных биконических пряслиц высоких пропорций, с очень маленьким отверстием.

2. Наличие мисок остроореберных форм, в том числе лощеных.

3. Преобладание в керамическом материале крупных (с диаметром венчика более 20 см) сосудов горшковидной формы с раструбообразным расширением, орнаментированных по венчику пальцевыми вдавлениями или специальным штампом.

4. Наличие в формовочной массе значительной части сосудов примеси дробленой кости или раковины.

Алихова А.Е., 1960. Русский поселок XIII–XIV веков у села Березовка // МИА. № 80.

Васильева И.Н., Сташенков Д.А., 2006. Материалы скифского круга на III Шигонском поселении // Вопросы археологии Поволжья. Самара. Вып. 4.

Гольмстен В.В., 1924. Доисторическое прошлое Самарского края // Краеведение. Самара.

Гольмстен В.В., 1928. Археологические памятники Самарской губернии // Труды секции археологии РАНИОН. Самара. Т. IV.

Гузев Ю.К., 2000. О месте комплексов из могильников Кировский I, III, IV в системе памятников позднесарматской культуры // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону.

Дашевская О.Д., 1991. Поздние скифы в Крыму // САИ. Вып. Д1–7.

Збруева А.И., 1938. Дневник раскопок на Царевом кургане Красноярского района Куйбышевской области // Архив СОИКМ им. П.В. Алабина. Ф. VII. 6.1. Д. 169/1938. Куйбышев.

Збруева А.И., Смирнов А.П., 1939. Археологические исследования на строительстве Куйбышевского гидроузла. 1938–1939 гг. // ВДИ. №4.

Ильюков Л.С., 2000. Позднесарматские курганы левобережья реки Сал // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону.

Косьяненко В.М., 2000. Пряслица из некрополя Кобякова городища (раскопки 1956–1962 гг.) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Днпру в 1998 г. Азов. Вып. 16.

Медведев А.П., 1996. Подгоренское городище на р. Воронеж // Археологические памятники лесостепного Придонья. Липецк. Вып. 1.

Медведев А.П., 1998. III Чертовицкое городище (материалы I-й пол. I тыс. н.э.) // Археологические памятники верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э.: Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж. Вып. 12.

Медведев А.П., 2000. Археологические материалы о присутствии сарматов на лесостепных городищах // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону.

Обломский А.М., 2002. Днепровское лесостепное левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н.э.). М.

Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия: Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов.

Сташенков Д.А., 2005. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V веках н.э. М.

Терпиловский Р.В., Абашина Н.С., 1992. Памятники киевской культуры (свод археологических источников). Киев.

Трубникова Н.В., 1960. Поселения I тысячелетия и начала II тысячелетия нашей эры на Самарской Луке // МИА. №80.

Царев курган: Каталог археологической коллекции, 2003. Самара.

Юдин А.И., 2001. Алексеевское городище в г. Саратове // Археологическое наследие Саратовского края: Охрана и исследования в 1998–2000 гг. Саратов. Вып. 4.

К ВОПРОСУ О САРМАТСКИХ ПЛЕМЕНАХ ВОЛГОГРАДСКОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ ДОНА

Несомненно, комплексы царевокурганского типа будут выявлены и в других районах среднего Поволжья при последующих исследованиях.

Первое появление сарматского населения в Волгоградском Заволжье можно отнести к IV в. до н.э. (Клепиков, 2007. С. 40). С этого времени все левобережье Волги становится своеобразным накопителем сарматских племен, оно постоянно пополнялось новыми мигрантами из южноуральских степей. Их военная мощь сломала сопротивление местных савроматов. Вероятно, часть савроматского населения со временем была ассимилирована сарматами.

Материал раскопанных погребений дал возможность наметить характерные черты, эталонные признаки новой культуры. В первую очередь, это короткие мечи с серповидным навершием и прямым перекрестьем, лепная посуда с округлым или уплощенным дном, курительницы. Ранние сарматы Заволжья практикуют устройство очень глубоких прямоугольных могильных ям, иногда с заплечиками (Демиденко, 1990. С. 34. Рис. 1, I), дромосных и подбойных ям, укладывают погребенных в глубокие катакомбы. Конечно, встречаются погребения в насыпи курганов или неглубокие прямоугольные и подбойные ямы. Можем предположить, что здесь покоятся люди, занимавшие невысокое положение в сарматском обществе.

Несомненно, обширные степи Прикаспийской низменности были идеальны для населения, занимавшегося кочевым скотоводством. Но постепенно, в результате перенаселения (постоянно подходили с востока новые группы сарматов), природные возможности региона иссякали: степи были не в состоянии прокормить возросшее население и огромное количество скота. Естественный выход из такого положения — дальнейшая миграция населения на запад, на правый берег Волги и, далее, в Волго-Донское междуречье (рис. 1, А). Это могло произойти в III—II вв. до н.э. (Сергацков, 2000. С. 232, 233). Сарматы быстро занимают степи левобережья Дона. Их появление

фиксируется в лесостепном Подонье (Медведев, 1990. С.182), на восточном побережье Дона (Мамонтов, 1993. С. 187—193).

Дальнейшее продвижение сарматского населения проходило в постепенном освоении правобережья Волги, южных районов Волгоградской области, астраханских степей, местами сарматы проникли в Калмыкию. Двигаясь вдоль течения Дона, сарматские племена просочились на территории Краснодарского и Ставропольского краев. В первой половине I в. до н.э. (Сергацков, 2000. С. 232), много южнее границы Волгоградской области, они смогли перейти на правый берег Дона, заняв, таким образом, и земли современной Ростовской области.

Отдельные сарматские отряды переправлялись на правый берег Дона в Волгоградской части левобережья. Это подтверждается находками погребений сарматов в курганах Задонья — в Калачевском, Чернышковском и Суровикинском районах Волгоградской области. Но здесь встречено незначительное количество большей частью разрушенных погребений, в основном позднего периода. Так что говорить о массовой экспансии сарматов на правый берег Дона в районе Волгоградской области мы не можем. Видимо, были причины, которые не позволили сарматам заселить эту местность, как было ранее в Волго-Донском междуречье и Заволжье.

Ранние сарматы и последующее сарматское население предпочли степные пространства Волго-Донского междуречья и, в частности, левобережье реки Дон. Благоприятные природные условия этих мест наверняка были отмечены отрядами сарматов-первопроходцев: в первую очередь, это разработанная в течение тысячелетий долина Дона, достигающая в некоторых местах в ширину нескольких десятков километров. Да и сама пойма реки достаточно широка (2—8 км), что являлось прекрасным местом для кочевников-скотоводов, определивших ее как район зимнего пребывания скота и населения. Здесь они закрепились надолго, вплоть до ухода с исторической арены.

Заливные луга, масса протоков, мелких озер и стариц, сырые западины, где росли камыш, осот, чакан, куга, давали пищу в слу-

чае зимних трудностей неприхотливому в еде мелкому рогатому скоту. Эти, еще зеленые растения, использовались сарматами и во время погребальных действий — они шли на подстилку под погребенными или укладывались как, перекрытия могильных ям. Вся пойма, кроме того, покрыта густым травостоем, заросла лесом и кустарником. Эти места в зимнее время удобны для прокорма скота способом тебеневки — под плотным слоем снега животные всегда могли найти жухлую траву.

По Волго-Донскому междуречью протекает много больших и малых рек (рис. 1, А). Наиболее крупные из них, такие как Донская Царица, Мышкова, Аксай, Курмоярский Аксай, берут начало на Ергенях и несут свои воды в Дон (*Брылев, Жбанов, Самборский*, 1989. С. 29). Ергени сложены из глин, песчаников и песка, на поверхности которых, так же, как и на некоторых участках равнины, растет в основном типчаково-ковыльная, бело-попынная растительность, которая является хорошим кормом для мелкого рогатого скота (*Шилов*, 1975. С. 62).

В северо-западных районах степной части Волго-Донского междуречья протекают реки Иловля, Тишанка, Червленая, Карповка, Россошка. Здесь много небольших озер, западин и понижений, в прошлом, вероятно, бывших протоками и ериками. Они высыхают летом, тем не менее здесь долгое время сохраняются луговые и пойменные травы. А заросшие дубом, ольхой, терновником балки и овражки с текущими в них ручьями давали возможность скотоводам далеко уходить по прилегающим к ним степям вглубь междуречья во время перегона стад на летник.

Привлекательны для скотоводов земли Сарпинской низменности, которая с юго-востока примыкает к степям левобережья Дона. Здесь — масса озер, образующих целую систему (Цаца, Барманцак, Сарпа и др.). В особенно дождливые годы они вообще сливались в единый водный проток. Вся эта зона покрыта влажными лугами, заросла камышом, кугой и другими водными растениями. Правда, обилие травы наблюдается только поблизости от озер. Остальная площадь Сарпинской низменности только на короткое время весной покрывалась разнотравьем, летом же сохранялась полынная растительность.

Таким образом, географические и природные условия волгоградской части Волго-Донского междуречья, от которых серьезно зависела жизнь и развитие сарматского насе-

ления, были достаточно привлекательны для него. Они способствовали активной хозяйственной деятельности сарматов и долговременному их пребыванию на землях левобережья Дона.

Об этом, кстати, сообщал Аммиан Марцелин, довольно точно отметив в своих трудах образ жизни сарматских племен. Он пишет, что они, «живя на далеком расстоянии один от другого, непрерывно перекочевывают на огромные пространства... живут в кибитках... и перевозят их по беспредельным степям. Придя на изобильное травой место, они располагают в виде круга свои кибитки... истребив весь корм для скота, они снова везут, так сказать, города, расположенные на повозках. Гоня перед собой упряжных животных и стада, они пасут их... Там есть вечнозеленые равнины с рощами плодовых деревьев; поэтому, куда бы они ни переселялись, они не терпят недостатка в пище для себя, ни в корме для скота; это производит влажная почва и большое количество протекающих там рек» (цит. по: *Железчиков, Сергацков, Скрипкин*, 1995. С. 44—45).

Свидетельством долговременного пребывания здесь сарматского населения являются многочисленные памятники сарматской культуры раннего, среднего и позднего периодов.

Курганные могильники и отдельные небольшие группы насыпей с сарматскими погребениями находятся, как правило, на высоких древних террасах указанных выше рек. Особенно много памятников учтено в окрестностях устья рек, впадающих в Дон. Это — естественно, поскольку они, во-первых, чаще формировались поблизости от зимников. Во-вторых, возможно, у сарматов существовал обычай, известный у некоторых современных народов Кавказа: умерший человек должен быть похоронен только на семейном кладбище, где покоятся его близкие. Поэтому убитых в сражениях или умерших соплеменников сарматы старались перевезти и похоронить в курганах предков.

Донской экспедицией НИС ВГПУ в течение ряда лет исследуются курганы на р. Донская Царица (рис 1, Б). Почти на всем ее протяжении (более 60 км) учтены и частично исследованы курганные могильники. Материал раскопок на Донской Царице показывает, что погребения относятся к эпохе бронзы, раннему железному веку и средневековью. В настоящее время уже введены в научный оборот наиболее значимые памятники сарматской

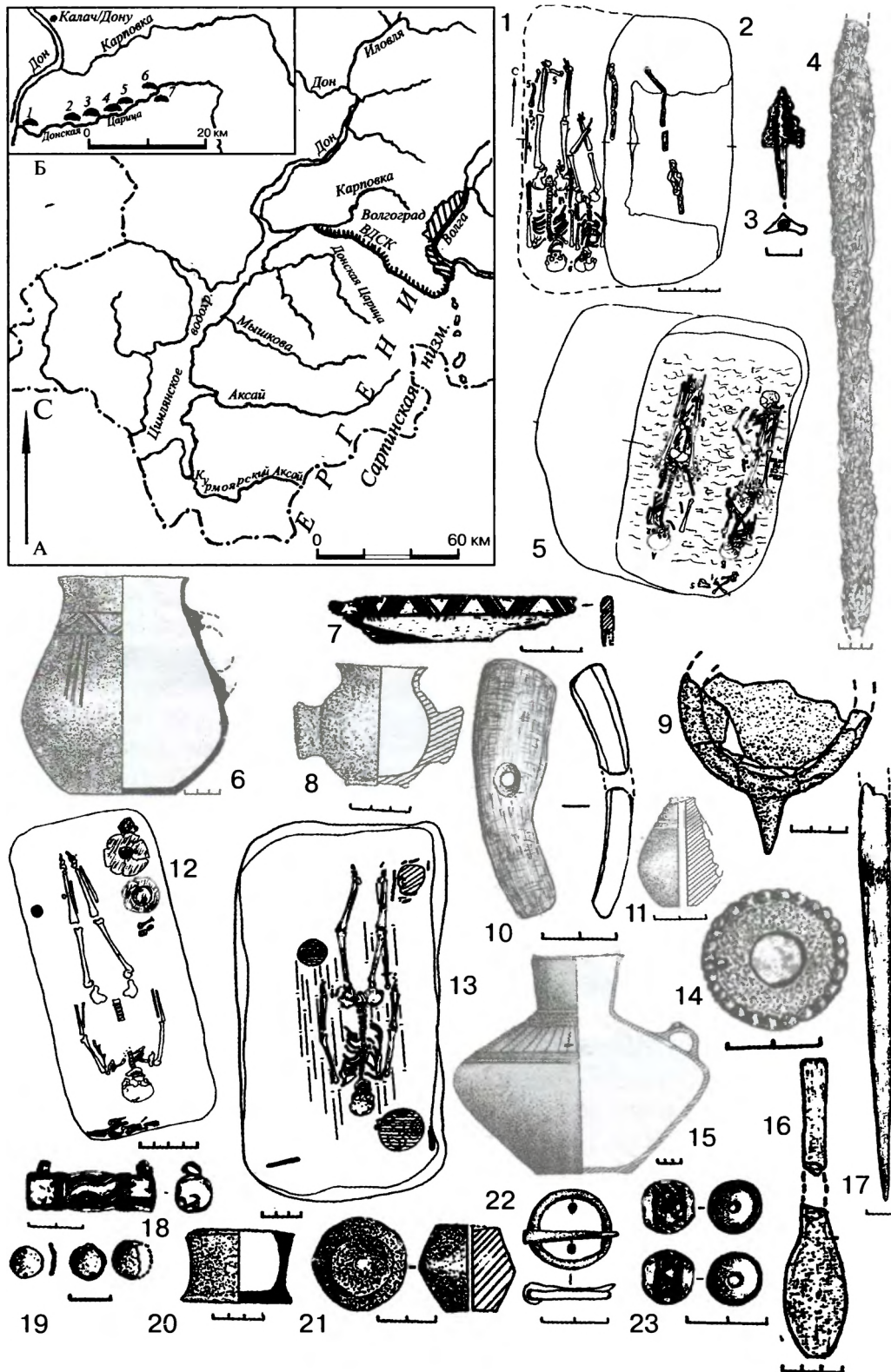

Рис. 1. Материалы из курганов на р. Донская Царица:

А — карта-схема левобережья Дона; Б — схема расположения курганных могильников на р. Донская Царица (1 — Ляпичев; 2, 3, 4, 5 — Вербовский III, I, II, IV; 6, 7 — Тихоновка II, I).

Тихоновка II, курган 3, погребение 1: 2 — план погребения, 3 — железный наконечник стрелы, 4 — меч, 10 — изделие из клыка кабана, 22 — бронзовая пряжка; Вербовский III, курган 3, погребение 1: 5 — план погребения; курган 3, погребение 3: 7 — фрагмент костяного гребня, 14 — бронзовая пряжка, 19 — нашивные стеклянные бляшки с позолотой; Тихоновка I, одиночный курган, погребение 6: 6 — глиняный кувшин, 9 — фрагменты бронзового зеркала, 16 — фрагменты костяной ложечки, 20 — глиняная курильница; одиночный курган, погребение 7: 21 — Вербовский II, курган 3, погребение 1: 8 — алебастровая курильница; курган 4, погребение 1: 13 — план погребения, 18 — опаловая бусина с золотыми обоями; 23 — пастовые бусины; курган 7, погребение 1: 11 — глиняное пряслице; курган 9, погребение 1: 12 — план погребения, 15 — импортный кувшин; Ляпичев, курган 2, погребение 5: 17 — костяная проколка

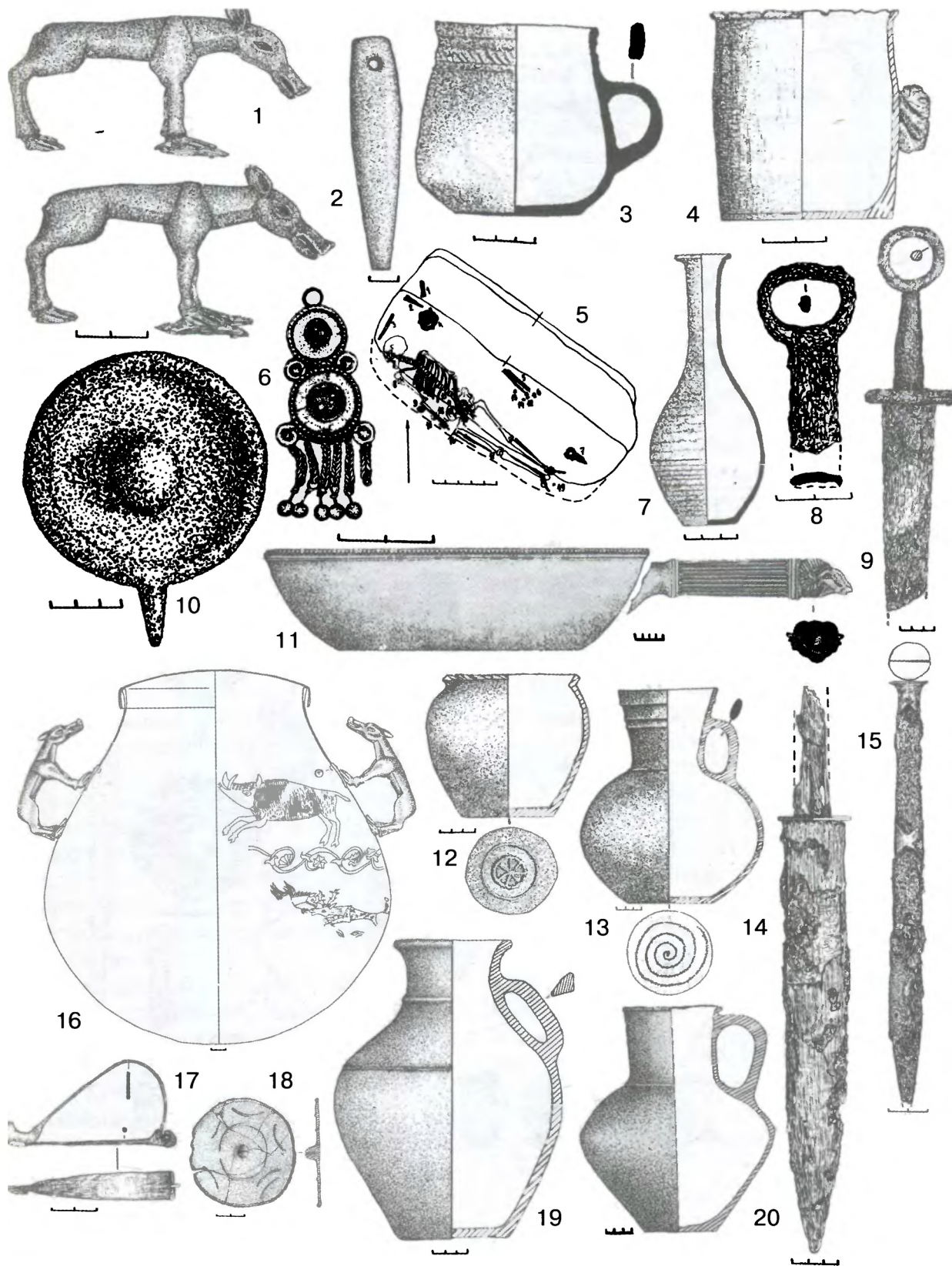

Рис.2. Материалы из курганов на р. Донская Царица:

Вербовский II, курган 4, погребение 1: 1 – серебряные ручки в виде фигурок волков, 9 – фрагмент меча, 16 – серебряный кубок; курган 9, погребение 1: 3 – глиняный сосуд, 4 – алебастровый сосудик, 7 – глиняный флакон, – фрагмент рукояти кинжала, 11 – бронзовая пантера; курган 2, погребение 1: 12 – сосуд с соляным знаком; курган 5, погребение 1: 13 – кувшин с соляным знаком; курган 7, погребение 1: 5 – план погребения, 14 – короткий меч, 15 – кинжал с бронзовым навершием, 17 – бронзовая фибула, 18 – бронзовое зеркало, 19–20 – глиняные кувшины; Вербовский III, курган 3, погребение 1: 6 – золотая подвеска, 10 – бронзовое зеркало; Ляпичев, курган 2, погребение 5: 2 – оселок

культуры, установлено время освоения указанной территории, связь местного населения в период раннего железного века с Причерноморьем, Кавказом, районами Востока, собрана большая коллекция оружия, бытовых вещей, импортных изделий, важных для статистических выводов исследователей и изучения ремесленного производства.

Как уже было сказано выше, освоение степей Волго-Донского междуречья началось ранними сарматами. Такие погребения, например, встречены в кургане на левом берегу Цимлянского водохранилища, в устье р. Донская Царица, около поселка Ляпичев. Здесь все сарматские погребения впущены в древние насыпи и расположены вокруг предполагаемого центра кургана. Такой обряд погребения умерших характерен для ранних сарматов (Клепиков, 2002. С. 131). Находки скромны: лепные сосуды, курильницы, пряслица, железные ножи, черешковые трехлопастные наконечники стрел, оселок (рис. 2,2), бронзовые подвески, костяная проколка (рис. 1,17), кости жертвенных животных.

Далее вглубь степей, вдоль реки идут могильники Вербовский III, I, II, IV. Вербовский III — это несколько раннесарматских погребений, впущенных в древние насыпи. Одно погребение — коллективное (рис. 1,5). В нем лежат четыре человека (взрослые и дети), причем, дети — головами в противоположную сторону. Их сопровождают мелкие вещи, характерные для этого периода. В женском погребении этого же кургана найдены бусы, бронзовая пластинчатая округлая пряжка (рис. 1, 14), бронзовые зеркала, нашивные стеклянные бляшки с внутренней позолотой (рис. 1,19), фрагменты костяного гребня (рис. 1,7) и ярко-красные кусочки реальгара (сернистого мышьяка). Считают, что он, по аналогии с охрой в погребениях эпохи бронзы, был связан с символикой огня и крови.

В курганной группе Вербовский IV раннесарматское погребение было совершено вторично. Кости скелета, частично сохраняющие анатомическое целое, были «разложены» по прямой линии на дне впускной ямы. Рядом — два лепных сосуда, кости жертвенного животного, меловые антропоморфные фигурки.

Погребения ранних сарматов раскопаны также в кургане Тихоновка I. Женские скелеты покоились на спине, ориентировка южная. Рядом с ними разложены предметы сопровождающего инвентаря. Это — глиняные сосуды

(рис. 1,6), курильницы (рис. 1,20), фрагменты бронзовых зеркал (рис. 1,9) и браслетов, пряслица (рис. 1,21), бусы из стекла, гешира (он же гагат — черный янтарь), бронзы, коралла, костяная ложечка (рис. 1,16) и т.д. В раннесарматском погребении мужчины и подростка (рис. 1,2) в могильнике Тихоновка II находились железный меч (рис. 1,4) и кинжал, черешковые трехлопастные железные наконечники стрел (рис. 1,3), бронзовая пряжка с подвижным язычком (рис. 1,22), обработанный клык кабана с отверстием для подвешивания (рис. 1,10).

Значительно увеличилось в среднесарматский период в Волго-Донском междуречье население. Об этом говорит появление курганов с индивидуальными насыпями. Многие из них разрушены грабительскими перекопами. В женском погребении (Вербовский III) были найдены: фрагменты чернолощеного сосуда, золотая пронизь, бусы из стекла, пасты, коралла, нашивные золотые бляшки, бронзовое зеркало с валиком по краю (рис. 2,10), две крупные золотые серьги с вставками из зеленого стекла (рис. 2,6).

В курганном могильнике Вербовский II сохранились богатые погребения среднесарматской знати. В мужском захоронении (рис. 1,13) находился римский бронзовый тазик, серебряная чаша, меч с кольцевидным навершием (рис. 2,9) элементы конской узды, бронзовая пряжка, подвеска из крупной опаловой бусины в золотых обоямах (рис. 1,18), янтарная и пастовая бусины (рис. 1,23). Как произведение искусства сарматской чоревтики интересен серебряный кубок с ручками в виде литых фигурок волков (рис. 2,1). На тулове изображены всадники, охотящиеся на вепрей, и сцены терзания оленей грифонами (рис. 2,16). В женском погребении (рис. 1,12) этого же могильника находилась импортная керамика (рис. 1,15; рис. 2,3,4), мелкие пузырьки из алебаstra с ручками в виде лежащих животных, красноглиняный флакон (рис. 2, 7), нож с кольцевидной ручкой (рис. 2,8). Наиболее яркая вещь — бронзовая патера, у которой массивная ручка с каннелюрами заканчивалась головкой барана. На дне ее сохранилось изображение женской фигуры и козы (рис. 2,11).

В остальных разрушенных среднесарматских погребениях обнаружены фрагменты импортной керамики (рис. 2,20) и алебастровых курильниц (рис. 1,8), бусы, глиняные пряслица

(рис. 1, 11), железные наконечники стрел, золотые пронизи, фрагменты железных ножей и т.д.

Считается, что II в. н.э. — время появления в Волго-Донском регионе последней крупной волны поздних сарматов. Это отметили исследователи по появлению новаций как в погребальных действиях, так и в номенклатуре сопровождающего инвентаря. Сокращается плотность населения в донском регионе — погребений поздних сарматов в могильниках встречается значительно меньше. На Донской Царице поздние сарматы встретились только в могильниках Вербовский I и II, Тихоновка II.

В кургане 5 из могильника Вербовский I, сармата (рис. 2, 5), у которого череп был со следами лобно-теменной деформации, поместили в подбой (Мамонтов, 2007. С. 122). Рядом с ним лежал сероглиняный кувшин (рис. 2, 19), железные пешня, массивное острие лома, топор, длинный меч со следами намеренной порчи, короткий меч с бронзовым перекрестьем без навершия (рис. 2, 14), кинжал с бронзовым навершием (рис. 2, 15), бронзовые зеркало (рис. 2, 18), фибула (рис. 2, 17), портупейные пряжки, оселок, крупная бусина из нефрита.

В исследованных позднесарматских захоронениях Вербовского I могильника обнаружены фрагменты лепной и станковой керамики. У некоторых из них на донышках имеются тамгообразные знаки (рис. 2, 12, 13). Встречены также ножи, наконечники стрел, терочные камни, кости жертвенных животных.

После прихода ранних сарматов жизнь населения в степях левобережья Дона постепенно стабилизировалась. Прошло четкое определение границ, разделяющих отдельные сарматские племена. Считаю, что ими стали в этом регионе русла крупных рек левобережья. Площадь степи и угодий в поймах этих рек, плюс часть поделенной огромной поймы Дона были совершенно достаточны для ведения полного цикла кочевого скотоводства.

Сарматы Заволжья могли совершать переходы со стадами скота на достаточно большое расстояние, ограниченное на севере рекой Еруслан, на юге — песками Прикаспийской низменности. Такие «прямолинейные», по долготе, маршруты в пределах Волго-Донского междуречья практически невозможны. Полагаю, что передвижения сарматов в этих местах могли совершаться только в широтном направлении, в пределах оговоренной договорами и ограниченной реками площади.

Весной сарматы начинали медленное передвижение со стадами в восточном направлении, придерживаясь берега реки. Где-то на Ергенях или в низменности у Сарпинских озер у них были летники. С началом осени скот и его охрана кочевали уже в западном направлении, также не переходя пограничной реки. Сарматы либо кочевали со скотом, уходя вдаль по течению рек от зимника, либо принимали участие в военных походах, объединившись с воинами других племен (Мамонтов, 2000. С. 86). На территории зимника обязательно оставалась часть сарматских воинов, которые должны были охранять границы угодий от соседей или новых переселенцев, и пожилые люди, дети и женщины, для которых дальний путь был труден. Кстати, антропологические наблюдения показали, что, действительно, больший процент погребений в курганах левобережья составляют люди старшей возрастной группы, женщины и дети. Но и на их плечи ложились определенные хозяйственные заботы. Это — заготовка кормов на зиму, сбор сушняка, дров к месту стоянки, изготовление лепной посуды, подготовка продуктов скотоводства (кож, шкур, изделий из них) для использования внутри племени или для вывоза на обменные пункты, на торжища. Наверняка в устье каждой донской речки находился условный пункт, куда приходили со своими изделиями представители местного населения и который хорошо знали торговцы.

В результате торгов в элитных семьях часто теперь оказываются импортные вещи: металлическая посуда, бронзовые котлы, ювелирные изделия, туалетные принадлежности, роскошные ткани, парадное оружие и т.д. Позднее их положат в погребения сарматской знати. Значительное количество ценных импортных изделий приходится как раз на сарматские погребения I—II вв. н.э. (Железчиков, 1994. С. 10). Поэтому совершенно логично появление богатых погребений в районах, близких к пойме Дона, к устьям здешних степных рек. Где-то здесь находились ставки вождей и других представителей сарматской знати.

Нашествие гуннов в конце IV в. н.э. почти полностью уничтожило сарматское население на Волге и Дону (Засецкая, 1994. С. 5, 115, 139). Часть сарматов гунны оттеснили в пределы Северного Кавказа, другие сарматы были увлечены завоевателями в походы на запад.

Брылев В.А., Жбанов Ф.И., Самборский Ю.П., 1989. География Волгоградской области. Волгоград.

Демиденко Ю.В., 1990. Сарматские памятники из курганов Солодовка I и Солодовка III // ДВДС. Волгоград. Вып. I.

Железчиков Б.Ф., 1994. Сарматы и номады // Проблемы всеобщей истории. Волгоград.

Железчиков Б.Ф., Сергацков И.В., Скрипкин А.С., 1995. Древняя история Нижнего Поволжья по письменным и археологическим источникам. Волгоград.

Засецкая И.П., 1994. Культура кочевников южно-русских степей в гуннскую эпоху. СПб.

Клепиков В.Г., 2002. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград.

Клепиков В.М., 2007. Формирование раннесарматской культуры в Нижнем Поволжье // Региональные

особенности раннесарматской культуры. Волгоград. Вып. II.

Мамонтов В.И., 1993. Раннесарматское погребение из кургана у пос. Вертячий на Дону // Древние культуры Подонцовья. Луганск.

Мамонтов В.И., 2000. Древнее население левобережья Дона. Волгоград.

Мамонтов В.И., 2007. Об одном типе престижных погребений позднесарматских воинов // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград.

Медведев А.П., 1990. Сарматы и лесостепь. Воронеж.

Сергацков И.В., 2000. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград.

Шилов В.П., 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.

ИЗМЕНЧИВОСТЬ КЛИМАТА СТЕПНОГО ЗАУРАЛЬЯ НА РУБЕЖЕ ПОЗДНЕСАРМАТСКОГО И ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ (IV в. н.э.)

Работы в области междисциплинарного направления — археологического почвоведения (Дёмкин, 1993; Дёмкин, 1997; Дёмкин, Рысков, Губин, 1989) позволяют использовать информацию, сохранившуюся в погребенных под курганами почвах, для восстановления истории развития ландшафтов. Почвенно-эволюционные исследования охватывают огромный евразийский степной регион от Дуная до Забайкалья. В разной степени разработаны региональные концептуальные модели голоценовой истории развития почв, в том числе для Южного Урала и отдельных районов Сибири и Средней Азии. Восточноевропейский степной ареал в палеопочвенном отношении изучен более детально по сравнению с западносибирским—среднеазиатским. На территории степного Зауралья изучены палеопочвы небольшого числа объектов (Иванов, Чернянский, 1996; Иванов, Плеханова и др., 2001; Плеханова, 2004; Плеханова, Дёмкин, 2005; Плеханова, Дёмкин, Зданович, 2007). Детализации требует диагностика палеоклиматических изменений Зауралья как в эпоху бронзы, так и в эпоху железного века.

На одни и те же изменения климатических условий экосистемы различных ландшафтов, а также общества реагировали неодинаково. Выделено несколько типов реакции общества на изменение условий (Иванов, Луковская, 1998; Иванов, Чернянский, 1996). К настоящему времени выявлено (Дёмкин, 1984; Плеханова, 2004; Чернянский, 1999), что различный состав пород и степень дренированности территории обуславливают разную реакцию почв на одни и те же изменения климата. Для дренированных территорий эволюция почв протекала по одному типу (черноземному, либо каштановому), изменения происходили на уровне подтипа (Дёмкин, 1984; Дёмкин, 1997; Дёмкин, Лукашов, Приходько, 1986), тогда как для недренированных территорий, таких как низкие террасы, на протяжении второй половины голоцена отмечено неоднократное чередование процессов засоления—рассоления почв. Одну из причин более яркого отражения

климатических колебаний и их сохранения в почвах долинных типов местностей возможно предполагать в разнице суточного хода температур на водоразделах и в долинах (Плеханова, 2004; Плеханова, Дёмкин, Зданович, 2007).

В связи со сказанным, цель работы заключается в изучении динамики почвенных свойств из-за изменчивости климата.

Положение территории Зауральского плато в умеренном поясе западносибирской области определяет континентальность как основную черту современного климата. Существенное влияние оказывают антициклоны (в особенности азиатский). Максимум температуры достигает здесь $+50^{\circ}$, минимум -50° С. Сумма средних суточных температур выше 10° С составляет 1950—2300. За год выпадает 250—330 мм осадков, за вегетационный период 130—180 мм. Гидротермический коэффициент 0,8—1,0. Следствием холодного климата и слабой защищенности снегом является то, что почва промерзает на 80—200 см в зависимости от гранулометрического состава (Агроклиматические..., 1977; Агрохимическая..., 1968; Борисов, 1948).

В результате длительного стабильного континентального развития внешний облик современного рельефа Зауральского плато определяют участки древней, переработанной в кайнозой поверхности — денудационные цокольные равнины со свойственным им сочетанием холмистых равнинных участков и мелкосопочника (Чернянский, 1999. С. 12). В структуре современных степных ландшафтов выделяют реликты различных периодов (Николаев, 1999): палеогеновые кислые каолинитовые коры выветривания, засоленные неогеновые глинистые толщи, палеогидроморфные ландшафты и бореальные реликты климатических оптимумов, лессовую перигляциальную кору выветривания. Информация о голоценовых изменениях климата запечатлена в почвах долинного комплекса.

По мнению С.С. Чернянского, развитие рельефа в степном Зауралье в связи с обы-

ханием территории и снижением интенсивности осадконакопления нашло отражение в сближении по свойствам разновозрастных черноземов, приуроченных к различным элементам ландшафта (*Чернянский*, 1999. С. 204). Черноземы междуречий и высоких террас характеризуются слабоконтрастной эволюцией, но сравнению с североказахстанскими и даже восточноевропейскими аналогами, автор связывает это с большей устойчивостью климата Зауралья (*Чернянский*, 1999. С. 205) в условиях теневого эффекта крупной горной системы, а также с большей абсолютной высотой и сравнительно лучшей дренированностью.

Объектами исследования послужили курганы могильника Солончанка-II (курган 1) и комплекса из пяти курганов с грядами-«усами» Солончанка-IX. Памятники расположены в Кваркенском районе Оренбургской области в окрестностях укрепленного городища Аландское, находящегося при слиянии р. Суундук с ее притоком р. Солончанкой.

Прежде, чем характеризовать комплекс с «усами», необходимо остановиться на этом редком и малоисследованном типе археологических памятников.

Курганы с «усами». Они представляют собой комплексные сооружения из нескольких насыпей (чаще из пяти), соединенных между собой грядами из камней. Помимо каменных «усов», встречаются грунтовые «усы», длина которых в среднем для Зауралья составляет 120–140 м (*Любчанский*, 1998). Длина «усов» комплекса под Кондуровкой составляет более 200 м. На дневной поверхности такие комплексы видны плохо, большинство их обнаружено при дешифрировании аэрофотоматериалов. На территории Челябинской и Оренбургской областей найдено около 60 подобных памятников, из которых раскопаны три (Солончанка-I; Солончанка-X; комплекс под Кондуровкой). Датировать такие комплексы, по мнению И.Э. Любчанского (1998), следует V–VIII вв. н.э. Они были оставлены группами ирано- и тюркоязычного происхождения постгуннского времени, хотя мнения исследователей по этому вопросу расходятся.

В целом, курганные памятники как эпохи бронзы, так и раннего железного века Южного Зауралья связаны с практикой и идеологией древней астрономии. Формы материализации астрономических знаний в курганных объектах изменялись исторически, находясь в зависимости от архитектуры и типа курганных

сооружений, предназначения курганов и идеологии обрядов. Вместе с тем, тысячелетняя курганная традиция воплощает в себе преемственность астрономических знаний и отражает устойчивое развитие культуры астрономических наблюдений (*Зданович*, *Кириллов*, 2002). Изучение курганов с «усами» свидетельствует об отражении в конструкции этих объектов азимутов основных событий годового солнечного цикла. Следовательно, используя эти объекты, можно было считать или учитывать время. Так, находясь на центральном кургане конструкции, древний наблюдатель мог точно отмечать время восхода и захода солнца, совмещая эти события с высотами на местности, что позволяло вести календарь в течение всего года, приняв за начальную точку отсчета летнее или зимнее солнцестояние. Создавая подобного рода объекты, ирано- и тюркоязычные группы V–VIII вв. н.э. стремились продемонстрировать свою причастность к предшествовавшей им традиции. Строительство таких комплексов требовало не только познаний в астрономии, но и грамотной разметки строительно-культовой территории. Объемы интеллектуальных и физических затрат на сооружение комплексов археологи (*Зданович*, *Кириллов*, 2002) считают неоправданно большими.

Палеопочвенные исследования подобного памятника впервые были проведены на комплексе Солончанка-I в 1994–1995 гг. (*Чернянский и др.*, 1999), отнесенном к V – первой четверти VI в. н.э. (*Любчанский*, *Таиров*, 1999).

Комплекс «Курган с «усами» Солончанка-IX» расположен на денудированном останце с цоколем палеозойских пород, вклиниваемом на вторую надпойменную террасу левого берега р. Суундук. Комплекс состоит из центрального кургана и четырех курганов меньшего размера, соединенных попарно между собой каменными грядами – «усами». Длина северного «уса» равна 86,5 м, южного – 103 м. Диаметр курганов составляет 15–20 м, высота – 25–30 см. Комплекс относится к концу IV в. н.э., к рубежу позднесарматского–гуннского времени (*Любчанский*, *Таиров*, 1999) или, другими словами, возраст памятника составляет 1600 лет (раскопки велись под руководством к.и.н. И.Э. Любчанского). Участок находится на распаханном поле, но не потревожен из-за каменных кладок насыпей. Ассоциации разнотравно-типчаково-злаковые с рудеральной и синантропной растительностью.

В исследовании применялись сравнительно-хронологический, сравнительно-географический и почвенно-археологический методы. Морфологические описания и определение химических свойств почв проводились по общепринятым методикам (Аринушкина, 1970; Мякина, Аринушкина, 1979). Величина магнитной восприимчивости измерялась каппаметром КТ-5.

Комплекс «Курган с “усами” Солончанка-IX». Курганный могильник расположен на пашне. Непосредственно памятник распахкой затронут слабо из-за наличия каменной кладки

«усов». Центральный курган комплекса, как наиболее крупный, распахке не подвергался. Курганные насыпи имеют площадь проективного покрытия 30–40%, с разнотравно-типчаково-злаковыми ассоциациями и растениями рудеральной и синантропной экологических групп.

Фоновая почва имеет следующее строение (в скобках указана нижняя граница горизонта в см, среднее по трём разрезам): А1ПАХ(24); АВ (30(50)); А/В (40(60)); В (90); ВССА КОНКР (120); CD (190). Строение погребенной почвы обобщено по почвам четырех кур-

Таблица 1. Морфологическое строение почв комплекса «Курган с “усами” Солончанка-IX»

Параметры	Почва рубежа позднесарматского-гуннского времени	Почва насыпи, 0,18–0,27 м	Современная фоновая почва
Число разрезов	4	4	2/2
Литология	переслаивание П/СП/ЛС до 80 см с 80 см – П	супесь	переслаивание П/СП до 90 см с 90 см – СП
Глубина грунтовых вод		Не менее 3-4 м	
Солонцеватость		отсутствует	
Мощность/нижняя граница горизонтов, см			
А	[А] 15/15	А1 17/17	А _{ПАХ} 24/24
АВ	[АВ] 10(20)/25(45)	АВ _{НАС} 10/27	АВ 6(26)/30(50)
В	[А/В] 15/40(60)		А/В 20(10)/50(60)
ВС	[В] 30/70		В 40(30)/90
С	[ВС] 40/110		ВССА 35/125
Д	ССА 40/150↓		CD 65/190↓
Карбонаты			
Глубина вскипания	в среднем со 120 см	нет	в среднем с 80 см
Форма выделения	Пропиточные: кровля мощностью 2 см, варьирует в интервале 110–130 см; Пятна, конкреции в гор. ВС, 130–140 см	нет	Пропиточные: кровля мощностью 2 см, варьирует в интервале 80–120 см; Пятна, конкреции в гор. ВС, 90–110 см
Оксиды			
Ржавые пятна Fe ³	нет	нет	нет
Зеленые пятна Fe ²	нет	нет	нет
Розовые точки Mn	нет	нет	нет
Почва	Чернозем обыкновенный языковатый маломощный слабодифференцированный глубоковскипающий незасоленный остаточно-луговой супесчаный на аллювиальных супесчано-песчаных отложениях		

ганов: А (15); АВ (25); А/В (30(40)); В (70(80)); ВС (100); С (110(130)); ССА (150) (табл. 1).

В гумусированной насыпи (курган 5) зафиксирован грунтовой выкид с глубины примерно 1 м, имеющий утяжеленный гранулометрический состав в результате перемешивания (табл. 1), что свидетельствует о традиционной технологии строительства.

Мелкая языковатость, встреченная в горизонте А/В, объясняется возможным криоксерастрескиванием при совмещении условий влажности и промерзания. Почва комплекса является черноземом обыкновенным языковатым супесчаным маломощным малогумусным глубококарбонатным на древнеаллювиальных супесчано-песчаных отложениях. Вокруг курганов №3 и №4 комплекса почвенные полигоны III порядка (длиной 2–3 м в поперечнике) маркируются гумусированными

серыми полосами шириной около 15 см на коричневато-светло-сером фоне археологического «материка» — горизонтов АВ современной почвы.

По гранулометрическому составу фоновая и погребенная почвы сходны (пески-супеси, табл. 2), что позволяет сопоставить их свойства. Мощность относительно однородного гумусового горизонта погребенной почвы составляет 25–30 см, фоновой почвы — около 30 см, местами доходя до 50 см (это увеличение наблюдается на границах полигонов III порядка). Содержание гумуса в погребенных почвах близко современному и составляет около 2% (табл. 3). Содержание гумуса в верхнем горизонте погребенной почвы при реконструкции составляет 3,26–1,58% (курган №1), 3,90–1,80% (курган №5), что практически в два раза выше значений в фоно-

Таблица 2. Гранулометрический состав почв

Горизонт, глубина отбора образца	Содержание фракций, %							Используется класси- фикация по Качинскому в градации «почвы степ- ного типа» (Мякина, Аринушкина, 1979); свп – связнопесчаные, сп – супесчаные, лс – легкосуглинистые, сс – среднесуглинистые, тс – тяжелосуглинистые.
	1–0,25	0,25– 0,05	0,05– 0,01	0,01– 0,005	0,005– 0,001	<0,001	<0,01мм	
Комплекс «Курган с “усами” Солончанка-IX»								
Фоновая почва. Разрез Ал-102-99.								
A1 _{ПАХ} 5–15	70	10	6	2	5	7	14	сп
AB 30–35	79	9	3	1	2	6	9	свп
B 70–80	77	7	6	1	3	6	9	свп
BC _{КРОВА} 80–85	73	9	3	3	4	7	14	сп
CD 110–120	86	2	3	1	5	3	9	свп
CD 180–200	84	6	1	1	4	4	9	свп
Почва рубежа позднесарматского–гуннского времени (1600 лет). Разрез Ал-105-99 (курган 5)								
A1 _{НАС} 0–10	61	18	8	1	5	7	13	сп
A1 _{НАС} 10–17	77	4	9	1	3	5	9	свп
AB _{НАС} 17–25	75	9	5	3	2	6	11	сп
[A1] 0–20	67	11	9	4	4	5	13	сп
[AB] 25–45	58	13	9	2	6	12	20	сп-лс
[B] 55–65	57	12	10	4	3	14	20	сп-лс
BC _{Ca} 75–85	81	7	1	2	2	7	10	свп-сп

вой почве, уменьшенных еще и за счет потерь гумуса при распашке. Необходимо отметить, что падение кривой величины гумуса в фоновой почве резче, чем в погребенной почве курганов комплекса. Карбонаты в погребенной и фоновой почве гидрогенного происхождения. Новообразования располагаются на значительной глубине (в фоновой почве

глубже 80 см, под центральным курганом глубже 120 см от поверхности погребенной почвы), почву можно считать выщелоченной от легкорастворимых солей. Магнитная восприимчивость изменяется в пределах от 38 до 3×10^{-5} ед. СИ. Максимумы магнитной восприимчивости приурочены к гумусовым горизонтам как в современных, так и в по-

Таблица 3. Химические свойства почвы комплекса «Курган с «усами» Солочанка-IX»

Горизонт	Глубина отбора образца, см	pH водный	Гумус, %	CaCO ₃ , ‰	χ , $n \cdot 10^{-5}$ ед СИ
Фоновая почва. Разрез Ал-102-99					
A1 _{пах}	5–15	6,40	1,95	0	34
AB	30–35	6,85	0,34	0	12
B	70–80	7,25	0,15	0,14	6
BC _{СА КРОВЛЯ}	80–85	8,30	0,36	6,50	10
CD	110–120	8,35	0,13	9,70	11
CD	180–200	8,35	0	1,66	3
Почва рубежа позднесарматского–гуннского времени (1600 лет). Разрез Ал-101-99. Курган 1					
A1 _{НАС}	0–10	6,00	1,95	–	38
A1 _{НАС}	10–20	6,00	2,24	–	28
[A]	0–8	6,35	1,63	–	24
[AB]	10–18	6,40	0,79	–	23
[A/B]	20–30	6,60	0,39	–	17
[B]	40–50	6,85	0,64	0	17
[BC]	80–90	6,90	0,64	0,45	18
C	100–110	6,90	–	0,45	11
C _{СА КРОВЛЯ}	120–122	8,10	–	18,15	5
CD	122–130	8,30	0,21	5,25	18
CD	150–180	8,50	–	2,48	11
Почва рубежа позднесарматского–гуннского времени (1600 лет). Разрез Ал-105-99. Курган 5					
A1 _{НАС}	0–10	6,70	2,45	0,27	27
A1 _{НАС}	10–17	6,75	2,05	0,27	20
AB _{НАС}	17–25	7,10	1,13	0,27	12
[A1]	0–20	7,05	1,95	0,27	30
[AB]	25–45	7,35	0,90	0,55	19
[B]	55–65	7,35	0,84	0,68	6
[BC _{Ca}]	75–85	8,10	0,64	1,52	6

гребенных почвах. Для карбонатной «кровли» характерно резкое уменьшение величины магнитной восприимчивости (5×10^{-5} ед.), когда выше «кровли» в бескарбонатном горизонте, и ниже, в карбонатном горизонте характерна величина 18×10^{-5} ед.

Как известно (Таргульян, Александровский, 1976), почвы супесчаного состава характеризуются слабой сенсорностью. Следы незначительных колебаний условий почвообразования могли быстро исчезнуть, по-

скольку почва быстрее приходит в квазиравновесное состояние со средой. Тем не менее, сохранившиеся признаки свидетельствуют о более гумидных условиях почвообразования в IV в. н.э. по сравнению с современностью: современная почва менее гумусирована, характеризуется более близким к поверхности расположением карбонатного горизонта («подтянутым» с глубины 120–140 см до 80–90 см) и сформированным мощным карбонатно-аккумулятивным горизонтом.

Таблица 4. Средневзвешенные показатели для почв раннего железного века долины р. Суундук

Хроносрез, лет	Почва	Расчетный слой						
		0–50	50–100	100–150	150–200	0–100	0–150	0–200
Средневзвешенное содержание CaCO3, %								
1600	погребенная (курган1)	0,0	0,2	4,1	2,5	0,1	1,4	1,7
	погребенная (курган 5)	0,4	1	–	–	0,7	–	–
	современная	0,0	0,7	8,6	1,6	0,4	3,1	2,7
1500*	погребенная	7,1	6,8	–	–	7,0	–	–
	современная	6,4	8,2	–	–	7,3	–	–
Средневзвешенное содержание легкорастворимых солей (по сухому остатку), %								
1500*	погребенная	0,77	1,08	–	–	0,93	–	–
	современная	0,53	0,29	–	–	0,41	–	–
Средневзвешенное содержание гумуса (с учетом реконструированных значений), %								
	современная	1,52	0,68	0,29	—	1,10	0,83	–
1600	погребенная (курган 1)	1,90	0,64	0,17	0,00	1,27	0,90	0.68
	погребенная (курган 5)	2,64	0,67	–	–	1,66	–	–
	современная	0.98	0.27	0.05	0.00	0.63	0.43	0.33
1500*	погребенная	1,5	0,5	–	–	1,0	–	–
	современная	2,4	0,7	–	–	1,6	–	–
Средневзвешенные значения магнитной восприимчивости, χ , $n \cdot 10^{-5}$ ед. СИ								
1600	погребенная (курган 1)	20	16	12	11	18	16	15
	погребенная (курган 5)	23	6	–	–	15	–	–
	современная	21	9	9	3	, 15	13	6
1500*	погребенная	102	48	–	–	75	–	–
	современная	104	77	–	–	90	–	–

* Для хроносреза 1500 лет назад средневзвешенные величины рассчитаны по исходным данным С.С.Чернянского и др. (1999) комплекса «Курган с «усаами» Солончанка-1».

В почве рубежа позднесарматского-гуннского времени (комплекс Солончанка-IX) и в ее фоновом аналоге в верхнем полуметре карбонаты отсутствуют. Во втором полуметре их количество составляет 0,2 и 0,7%, в третьем 4,1 и 8,6% соответственно; в метровой толще содержится 0,1%, в фоновой почве 0,4%, в полуметровой 1,4 и 3,1%, что отражает современное карбонатонакопление в связи с современной аридизацией климата по сравнению с IV в. н.э.

Особенностью почв подобного комплекса Солончанка-I, изученного С.С. Чернянским и др. (1999), является его расположение на уровне первой надпойменной террасы, тяжелосуглинистый гранулометрический состав, что, несмотря на территориальную близость памятников, не позволяет напрямую сравнивать этот комплекс с нашим памятником Солончанка-IX. Но расчет средневзвешенных показателей для погребенной и современной почв позволяет сравнивать относительно друг друга объекты, расположенные на разных элементах ландшафта. Поэтому мы сочли уместным провести такие пересчеты (табл. 4) для хроносреза 1500 лет по данным памятника «Комплекс курган с «усами» Солончанка-I» (Чернянский и др., 1999). Погребенная почва этого комплекса является лугово-черноземной среднесиловой малогумусной карбонатной солонцеватой солончаковой среднесоленной тяжелосуглинистой. Высота «усов» не превышала 10–20 см при ширине оплывин до 4 м. Авторы (Чернянский и др., 1999) считают, что погребенная почва (под насыпью высотой 66 см, состоящей из глыб и валунов), вскипающая с поверхности, с дисперсными карбонатами, с содовым засолением и гидроморфно-солончаковым распределением легкорастворимых солей, не подверглась диагенетическим изменениям.

В тяжелосуглинистых и глинистых почвах первых надпойменных террас за последние четыре тысячи лет произошла смена ведущего лугово-черноземного процесса на солонцовый, имело место усложнение строения почвенного профиля с появлением качественно новых морфологических признаков и горизонтов (Чернянский, 1999).

Принимая за 100 % средневзвешенное содержание в фоновых почвах (послойно), построены диаграммы соотношения средневзвешенных содержаний (рис. 1). Согласно диаграммам, гумидный эпизод рубежа поздне-

сарматского-гуннского времени (хроносрез 1600 лет, комплекс Солончанка-IX) не был длительным, и уже на сто лет позднее в почвах низкой террасы (хроносрез 1500 лет, Солончанка-I, данные Чернянского и др. (1999)) вновь отражается аридизация климата.

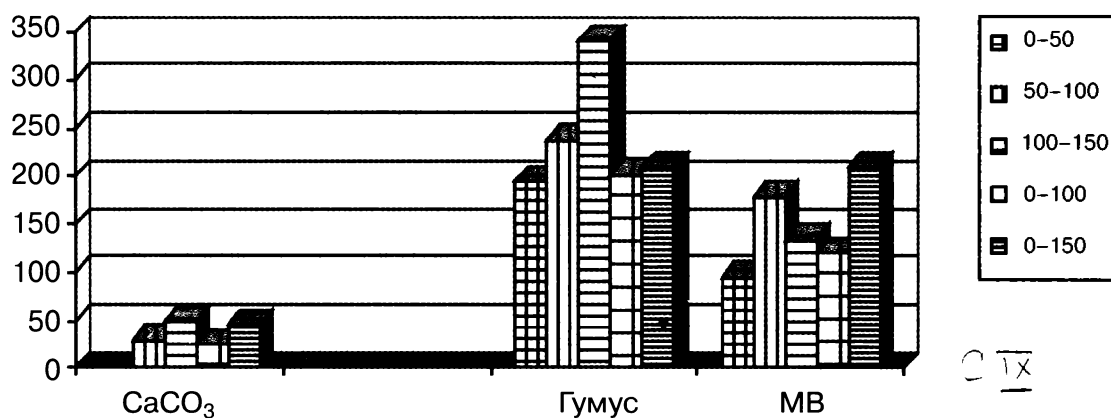
Расчет средневзвешенного содержания гумуса, карбонатов, легкорастворимых солей и значений магнитной восприимчивости и последующий перерасчет этих содержаний относительно фоновых аналогов позволяет проводить сравнение свойств почв различных хроносрезов, не только находящихся на разных элементах рельефа, но и удаленных пространственно.

В супесчаных и песчаных почвах квазиравновесное состояние устанавливается быстрее, чем в глинисто-суглинистых. На усиление увлажнения почва реагирует быстрым увеличением биопродуктивности, зарастанием, на аридизацию – развитием дефляции, особенно интенсивно при сочетании с пастбищными нагрузками (Иванов, Луковская, 1998). Почва, погребенная под курганами рубежа позднесарматского-гуннского времени (конец IV в. н.э.), отражает гумидный эпизод в условиях почвообразования. Она более гумусирована, промыта от карбонатов, имеет повышенные значения магнитной восприимчивости по сравнению с современной почвой. Аналогичный микроплювиал зафиксирован в полупустынном Заволжье в конце III–IV вв. н.э. (Дёмкин и др. 2004) и в почвах пустынно-степной зоны Волго-Донского междуречья также во второй половине III–IV вв. н.э. (Борисов, 2002; Дёмкин и др., 1998).

В степях Приазовья (Песочина, 2004) на рубеже эр имело место заметное изменение климатических условий. Аридные условия почвообразования IV–II вв. до н.э. сменились более гумидными во II–IV вв. н.э. Эволюционные изменения при этом не превышали родового таксономического уровня.

Согласно нашим данным, подтверждаются представления о преобладании процесса черноземообразования в течение последних 4000 лет с постоянным набором генетических горизонтов в почвах дренированных ландшафтов степного Зауралья облегченного гранулометрического состава (Чернянский и др., 1999). На протяжении сарматского времени для относительно дренированных лан-

1600 лет назад

1500 лет назад

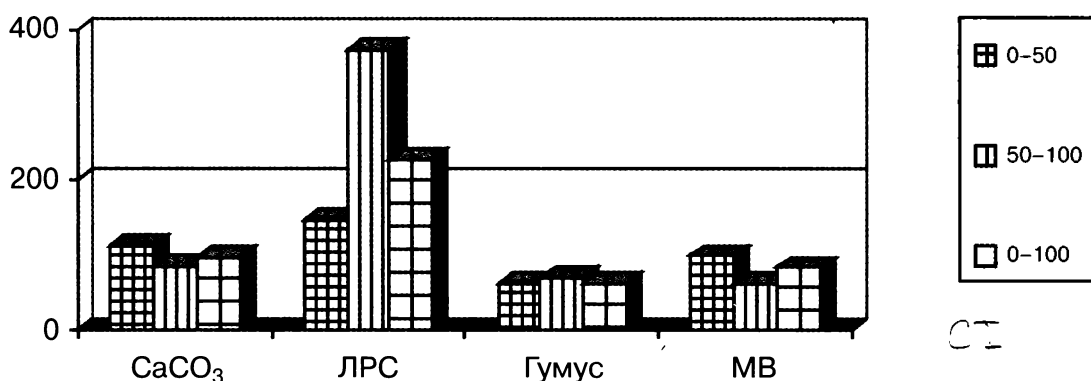

Рис.1. Соотношения средневзвешенного содержания карбонатов (CaCO_3), легкорастворимых солей (ЛРС), гумуса и магнитной восприимчивости (МВ) по слоям различной мощности (в см) почв разных хроносрезов.

За 100% взято содержание в фоновых аналогах погребенных почв.

Хроносрез 1500 лет рассчитан по данным С.С. Чернянского и др. (1999)

дшафтов (SA1, первая половина SA2, IV в. до н.э. – IV–V вв. н.э.) выделяют чередующиеся кратковременные влажные и засушливые климатические периоды – ранне-среднесубатлантические микроариды и микроплювиялы (Иванов, Луковская, 1998).

Согласно А.Л. Александровскому (цит. по: Таиров, 2003), иссушение 3000–2500 лет назад отчасти совпадает с похолоданием (2700 и 2300 лет назад). Как и в лесостепи, в степи 2000–1700 наблюдается кратковременное увеличение засушливости. Около 1000 лет назад также существовали аридные условия, сменившиеся затем максимально гумидными «малого ледникового периода» 800–100 лет назад. По данным В.В. Клименко и В.А. Климанова (цит. по: Таиров, 2003), самое сильное

похолодание за последние 5000 лет приходится на середину I тысячелетия до н.э., включая первую половину V в. до н.э. В первой половине V, а также I в. до н.э. фиксировались наиболее низкие температуры, а в IV в. н.э. и на рубеже II–III вв. н.э. – наиболее высокие температуры за период с середины I тысячелетия до н.э. до середины VII в. н.э.

Полученные нами палеопочвенные данные укладываются в имеющиеся представления, детализируя их для степного Зауралья, и свидетельствуют о смене в этом регионе аридных климатических условий более влажными на протяжении раннего железного века, что отразилось на различных параметрах гумусового, солевого и карбонатного профилей палеопочв.

- Агроклиматические ресурсы Челябинской области, 1977. Л.
- Агрохимическая характеристика почв СССР: Казахстан и Челябинская область, 1968. М.
- Аринушкина Е.В., 1970. Руководство по химическому анализу почв. М.
- Борисов А.А., 1948. Климаты СССР. М.
- Борисов А.В., 2002. Развитие почв пустынно-степной зоны Волго-Донского междуречья за последние 5000 лет. Дисс. канд. биол. наук. М.
- Дёмкин В.А., 1984. История развития почв пустынно-степной зоны Европейской части СССР в голоцене // История развития почв СССР в голоцене. Пушино.
- Дёмкин В.А., 1993. Почвы сухих и пустынных степей Восточной Европы в древности и средневековье. Автореф. дис. ... д-ра биол. наук. М.
1997. Палеопочвоведение и археология. Пушино.
- Дёмкин В.А., Дёмкина Т.С., 2003. Археологическое почвоведение на пороге третьего тысячелетия // Проблемы эволюции почв: Материалы IV всероссийской конференции. Пушино.
- Дёмкин В.А., Дёмкина Т.С., Борисов А.В., Якимов А.С., Сергацков И.В., 2004. Изменение почв и природных условий полупустынного Заволжья за последние 4000 лет // Почвоведение. №3.
- Дёмкин В.А., Дергачева М.И., Борисов А.В., Рысков Я.Г., Олейник С.А., 1998. Эволюция почв и изменение климата восточноевропейской полупустыни в позднем голоцене // Почвоведение. №2.
- Дёмкин В.А., Лукашов А.В., Приходько В.Е., 1986. Развитие почв сухостепного Заволжья в голоцене и особенности освоения территории с древнейшего времени до наших дней // Эволюция и возраст почв СССР. Пушино.
- Дёмкин В.А., Рысков Я.Г., Губин С.В., 1989. Палеопедологическое изучение археологических памятников степной зоны // Известия АН СССР. Сер. географ. №6.
- Зданович Д.Г., Кириллов А.К., 2002. Курганные памятники Южного Зауралья: археоастрономические аспекты исследования. Челябинск.
- Иванов И.В., Луковская Т.С., 1997. Роль пространственно-временных изменений экологических условий евразийских степей в развитии древних культурно-исторических общностей // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.
- Иванов И.В., Луковская Т.С., 1998. Динамика природных условий почвообразования и взаимодействие природы и общества в степях Евразии, некоторые вопросы палеогеографии голоцена // Экология и почвы: Избранные лекции I–VII Всероссийских школ / Под ред. акад. Г.В. Добровольского. Пушино. Т.1.
- Иванов И.В., Чернянский С.С., 1996. Общие закономерности развития черноземов Евразии и эволюция черноземов Зауралья // Почвоведение. №9.
- Иванов И.В., Плеханова Л.Н., Чичагова О.А., Чернянский С.С., Манахов Д.В., 2001. Палеопочвы Аркаимской долины и бассейна р. Самары – индикатор экологических условий в эпоху бронзы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара.
- Любчанский И.Э., 1998. Хронологические аспекты комплексов курганов с «усами» евразийской степи // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.: вопросы хронологии. Самара.
- Любчанский И.Э., Таиров А.Д., 1999. Археологическое исследование комплекса курган с «усами» Солончанка I // Курган с «усами» Солончанка-I. Челябинск.
- Мякина Н.Б., Аринушкина Е.В., 1979. Методическое пособие для чтения результатов химических анализов почв. М.
- Николаев В.А., 1999. Ландшафты азиатских степей. М.
- Песочина Л.С., 2004. Развитие почв и природной среды Нижнего Дона во второй половине голоцена. Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М.
- Плеханова Л.Н., 2004. Природно-антропогенная эволюция почв речных долин степного Зауралья во второй половине голоцена. Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М.
- Плеханова Л.Н., Дёмкин В.А., 2005. Древние нарушения почвенного покрова речных долин степного Зауралья // Почвоведение. №9.
- Плеханова Л.Н., Дёмкин В.А., Зданович Г.Б., 2007. Эволюция почв речных долин степного Зауралья во второй половине голоцена. М.
- Таиров А.Д., 2003. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н.э.: Материалы к историческим реконструкциям. Челябинск.
- Таргульян В.О., Александровский А.Л., 1976. Эволюция почв в голоцене: Проблемы, факты, гипотезы // История биогеоценозов в СССР в голоцене. М.
- Чернянский С.С., 1999. История развития почв черноземного Зауралья во второй половине голоцена. Дис. канд. геогр. наук. М.
- Чернянский С.С., Иванов И.В., Дёмкин В.А., Таиров А.Д., 1999. Черноземы и солонцы Зауралья во второй половине голоцена: результаты почвенно-археологических исследований // Курган с «усами» Солончанка-I: Труды музея-заповедника «Аркаим». Челябинск.

ОБ ОСЕДЛОСТИ РАННИХ МОНГОЛОВ

Г.А. Фёдоров-Давыдов создал целое направление в российской археологии и истории, связанное с изучением золотоордынских городов Поволжья (Фёдоров-Давыдов, 1997). Его ученик и последователь В.Л. Егоров обратил внимание исследователей на то, что в целом недооценивается развитость оседлой жизни у монголов (Егоров, 1973). В настоящее время появилась необходимость посвятить специальное исследование вопросам оседлости у монголов.

Имя «монголы» объединяет на сегодня около двадцати монголоязычных народов, которые образуют этнические общности, различные в хозяйственном, культурном отношении, но связанные одной языковой основой, а также сознанием единого родства. Этноним «монгол» получил распространение в эпоху Чингиз-хана, а начинает упоминаться в китайских летописях династии Тан (618–908 гг.) среди племен шивей (Кычанов, 1980. С. 136). Проживали шивэйские (мэн-у, мэн-ва) монголы на Дальнем Востоке, были оседлыми земледельцами, «обрабатывали землю» и разводили свиней: «их откармливают и поедают». В конце X – начале XI в. они начали расселяться по степям нынешней Монголии (Кызласов, 1975; Кычанов, 1980).

На всем протяжении своей истории монголоязычные народы неоднократно меняли имена и культуру. Чтобы была ясность в понимании, о каком периоде и каких монголоязычных этносах говорится, следует обозначить этапы и определения наименований в их истории. Древнейший период монгольской истории, в котором закладывались основы народа и языка, можно определить как протомонгольский. Следующий этап соотносится уже с названием «древних монголов», в основном это историческое время, связанное с именем дунху. Начиная с разделения дунху на сяньби и ухуань (III в. до н.э.) и включая в этот список собственно средневековых монголов «амурского периода», — это время ранних монголов. Соответственно, с эпохи Чингиз-хана и до сего дня — история современного монгольского народа.

Каждый этап монгольской истории имеет свои особенности, характерные черты хозяй-

ства, языковые и этнические контакты, повлиявшие на культурно- и этногенез данного периода. Однако на всем протяжении монгольской истории сохраняются родовые черты, сложившиеся в начальной фазе развития народа. Территория расселения монголов охватывает обширные пространства Евразии, причем миграции осуществлялись в разное время, разными носителями монгольского языка, с разными наименованиями, отражающими тот или иной период истории этноса. Поэтому этапы монгольской истории можно реконструировать по реликтам, сохранившимся в культуре и языке этих переселенцев.

Изучение лексики монгольских языков выявило связь древних монголов с оседлой культурой (Clouston, 1973. P. 41). Важно при этом, что речь идет не об отдельных словах, а о целых группах терминов, относящихся к земледельческому хозяйству. Как писал А. Рона-Таш, «сейчас является совершенно ясным, что древние монголы были хорошо знакомы с земледелием» (Рона-Таш, 1979. С. 248). Истоки монгольского земледелия исследователь уводил или в эпоху алтайского языка-основы, или же предполагал этап совместного земледельческого сожития монголов и тюрков. Он не исключал возможности самостоятельного развития монгольского земледелия и скотоводства, независимо от тюрков (Рона-Таш, 1979. С. 247–249).

Интерес вызывает наличие в монгольском языке собственных терминов названия риса. В современном монгольском языке есть два обозначения риса — *тутрага* и *цагаан будаа*. Слово *цагаан будаа* — позднее и употребляется для обдирного риса, рисовой крупы (досл. «белое просо»). Оно имеется в древнетюркских текстах, известно и у современных тюркских народов. По мнению Л. Лигети, это очень раннее заимствование из монгольского языка (Щербак, 1997. С. 160). Сам А.М. Щербак говорит о невозможности этого, так как монголы не были знакомы с культурой риса и вообще не знали земледелия, но в дальнейшем он не исключает возможности заимствования термина *tuturgan* — рис из монгольского языка (Щербак, 1997. С. 159, 160, 182). Основной

культурой, характерной для монгольского земледелия, было просо, вместе с тем Л.Л. Викторова предполагает, что *tuturya* — собственно монгольское название риса. Кроме того, в Дунбэе — местах расселения предков монголов дунху — известны находки сосудов для варки риса. Это позволяет думать об очень раннем, независимом от Китая, знакомстве предков монголов и тюрков с культурой риса. Л.Л. Викторова делает еще одно интересное заключение. Так как рис относится к южным зерновым культурам, то, надо полагать, часть монгольских народов сформировалась южнее ныне заселенной территории (Викторова, 1980. С. 132, 133, 192).

На оседлость древних монголов может указывать и самостоятельная терминология, связанная в монгольском языке с таким животным, как свинья (Рассадин, 1984. С. 71; Дашибалов, Рассадин, 2004). Существенно в данном случае то, что свинья получила наибольшее распространение у земледельческих народов Восточной Азии (китайцы, корейцы, маньчжуры).

Работы лингвистов позволяют нам сфокусировать внимание на целом ряде традиций в культуре монголов, не характерных для современного этноса, но, возможно, имевших место в культуре древних монголов. По материалам языка к этим палеоэтнографическим явлениям следует отнести: оседлость древних монголов; самостоятельное земледелие и знакомство с рисоводством; развитое свиноводство. Подчеркнем, что столь важные для понимания древней истории монголов заключения в основном остались внутри языкознания и не стали частью в целом монголоведения и тюркологии. Появляется необходимость проверки и сопоставления их с данными, известными по другим источникам.

Академик Б.Я. Владимирцов в работе «Общественный строй монголов» писал: «...в источниках и пособиях наших имеется несколько намеков на то, что в некоторых местах древние монголы жили оседло и занимались земледелием и рыболовством», но этот вопрос недостаточно освещен (Владимирцов, 1934. С. 44, 45). Крупнейший знаток тюрко-монгольской истории академик В.В. Бартольд отмечал: «Из всех известий видно, что в эпоху Чингиз-хана были как охотничьи, так и кочевые племена, может быть, земледельческие» (Бартольд, 2002. С. 469). На наличие оседлости у монголов обратил внимание Г.Н. Румянцев.

Он указал, что даже среди современных халха-монголов, типичных кочевников, некоторая часть жила оседло и занималась земледелием, а если рассматривать монголоязычных киданей, то у них земледелие было развито в более широких масштабах (Румянцев, 1962. С. 131). Из книги К. Покотилова «История восточных монголов в период династии Мин. 1368—1634» следует, что в конце XIV в. монголы Ляодуна жили в домах и занимались обработкой земли (Покотиллов, 1893. С. 15—18). Русские казаки в XVII в. столкнулись на Амуре с монголоязычными даурами, жившими оседло, имевшими тягловую пахоту и занимавшимися огородничеством (Залкинд, 1948). Эти данные подтверждаются материалами А.Д. Руднева, который в начале XX в. в Восточной Монголии зафиксировал земледельческую терминологию монгольского происхождения (см.: Викторова, 1980. С. 185).

Если в бурятской культуре оседлые традиции бытуют лишь в языке и фольклоре (Дашибалов, 2005. С. 166—177), то ряд монгольских народов все еще сохраняет древние хозяйственные навыки и традиции, например, дауры в Маньчжурии. Даурские селения чаще всего расположены у реки. Дома были каркасно-столбовые с двускатной соломенной или тростниковой крышей. В домах устроены каны. Дауры — народ старой земледельческой культуры. Еще в XVII в. они сеяли овес, пшеницу, гречиху, просо. Сейчас на огородах сажают баклажаны, тыкву, дыни, капусту, огурцы. Кроме того, разводят лошадей, крупный рогатый скот, ослов, свиней. Свинья у них используется и как культовое животное. Важное место занимает рыболовство, в том числе зимний подледный лов (Журавлева, Стариков, 1965. С. 667, 668). Баоань и дунсян — монголоязычные народности, проживающие в провинциях Цинхай и Ганьсу. Основное их занятие — земледелие и огородничество. Живут они в домах из глино-саманного кирпича. В жилых комнатах устроен кан (Тодаева, 1965а, 1965б). В Ганьсу и Цинхае проживают и монголы (ту). В качестве самоназвания у них бытуют этнонимы: хор, мэнгүэр кунь, чахань мэнгү. Основное занятие монголов — полевое земледелие и огородничество. Они разводят лошадей, крупный рогатый скот; свиноводство развито, но слабо. Монголы занимаются подледным ловом рыбы в озерах. Живут они в каркасных домах с двускатной крышей. Крыша покоится на столбовой конструкции.

Промежутки между столбами закладываются сырцовым кирпичом. Усадьбы часто огорожены глинобитной оградой (*Стратанович*, 1965. С. 662–664).

При исследовании вопросов оседлости монголов большое значение приобретают работы В.С. Старикова, долгое время (1935–1955) жившего в Маньчжурии. Его исследования показали, что собственно китайское земледелие здесь является достаточно новым, так как китайцы освоили эти северные земли не очень давно. Вместе с тем сельскохозяйственные традиции в Маньчжурии имеют древние корни. Изучение сельскохозяйственных орудий и истории земледелия в этом регионе позволило В.С. Старикову провести неразрывную связь между собственно маньчжурским и, что очень важно, монгольским земледелием. Исследователь делает принципиально важный вывод о том, что земледелие в Маньчжурии «имеет прямую связь с глубокой древностью появления плуга у протомонголов, с непрерывностью занятия земледелием какой-то части монголов, несмотря на преобладание кочевого скотоводства» (*Стариков*, 1966. С. 13–14). Работами В.С. Старикова обоснован выдвинутый им вывод о Южной Маньчжурии как особом монголо-маньчжуро-корейском очаге древнего земледелия (*Стариков*, 1973. С. 26, 27). Аналогичный вывод был сделан и Н.В. Кюнером. Он также полагал, что Южная Монголия и Ляодун являлись независимым от Китая центром плужного земледелия монголов и маньчжуров (*Викторова*, 1980. С. 132, 185).

В.С. Стариков показал, что Маньчжурия является древнейшим центром оседлой и городской культуры, и здесь местные традиции градостроительства развивались, в одних случаях соприкасаясь с китайскими архитектурными и планировочными нормами, а в других — совершенно независимо, опираясь на собственные изобретения и навыки (*Стариков*, 1976).

Предстоит еще большая и кропотливая работа по выявлению особенностей оседлых поселений и городов и крепостных сооружений Внутренней Монголии и Дунбэя. Ученым следует выявить архитектурные особенности древнемонгольского зодчества и изучить связи этих архитектурных приемов с градостроительством в ранних маньчжурских и корейских государствах. Монгольский академик Х. Пэрлээ, много внимания уделявший оседлым традициям в культуре монголов, писал: «...нужно учитывать значение сельскохозяйственных и градо-

строительных знаний и опыта древних монголов» (*Пэрлээ*, 1974. С. 256).

В Западном Забайкалье Ю.Д. Талько-Гринцевич обратил внимание на то, что древности края связаны не только с кочевниками, но и с оседлыми культурами: «...следы искусственного орошения, указывающие на то, что некогда существовало здесь более экстенсивное хлебопашество... Довольно развитое земледелие подтверждают не только встречаемые здесь первобытные каменные жернова разной формы и величины, но и другие сельскохозяйственные орудия, как, например, сошники, довольно большую коллекцию которых нам удалось собрать для музея. В коллекции этой мы имеем сошники разной формы и из разных металлов, начиная от неуклюжих бронзовых (1 экз.), кованых железных, до малых чугунных литых» (*Талько-Гринцевич*, 1900. С. 63, 64). Ученый полагал, что древнее земледелие в крае не может быть связано с бурятами или монголами, и об этом можно судить даже по тому, что они сошники считают небесными громовыми стрелами и почитают их (Там же. С. 64). Исследователь отметил наличие старинных колесных дорог, которые давно заброшены и тянутся по правому берегу Хилка на протяжении 90 верст (*Талько-Гринцевич*, 1905. С. 15).

Г.Ф. Дебеч, намечая программу исследований в Западном Забайкалье, свидетельствовал наличие следов сельскохозяйственных культур и в дальнейшем ставил задачу выяснения их связи с определенными типами могильников (*Дебеч*, 1925).

Работы Бурят-Монгольской экспедиции под руководством Г.П. Сосновского позволили исследователю сформулировать несколько направлений в изучении древних и средневековых культур Забайкалья. Он писал: «...имеются памятники, которые относятся к VII–X вв. уже нашей эры. Я думаю, что эти памятники особенно будут интересны для тех, кто занимается историей Монголии. К сожалению, мы не можем сказать, какие группы населения в то время жили, но, несомненно, что в то время наряду со скотоводством было земледелие — там были найдены зерна проса. Имеются следы развитой сельскохозяйственной культуры, которые были обнаружены на берегах р. Темника. По-видимому, это памятники сунской эпохи, предшествующие монгольской. Исторические сведения ничего не говорят о развитом земледелии в бассейне р. Селенги, в то время как археологические дан-

ные указывают, что до прихода русских здесь была цветущая земледельческая культура. Мы находим чугунные лемеха, каменные дороги, остатки, может быть, городских поселков» (Сосновский, 1936. С. 320).

Следует сказать, что Г.П. Сосновский участвовал в работе группы ИКС (аббревиатура по первым буквам слов, обозначающих ее проблему) — история кочевого скотоводства, созданной в начале 30-х годов в Государственной академии истории материальной культуры. В группу входили М.И. Артамонов, В.В. Гольмстен, М.П. Грязнов. Позднее М.И. Артамонов отмечал: «Важнейшим результатом нашей совместной работы было открытие теперь уже общеизвестного исторического факта, а именно, что до господства в степях Евразии кочевого скотоводческого хозяйства в них процветало комплексное земледельческо-скотоводческое оседлое хозяйство» (Артамонов, 1977. С. 4).

Г.П. Сосновский в предварительных итогах работ Бурят-Монгольского археологического отряда Академии наук писал: «Сторонники кочевого быта говорят, что он существовал извечно. а археологи говорят, что раньше было оседлое население и только при наличии известных условий древнее население перешло к кочевому образу жизни» (Сосновский, 1936. С. 321).

Целенаправленное изучение оседлых традиций в центральноазиатских культурах связано с деятельностью С.В. Киселева. В 1947 г. он был командирован в Монголию для знакомства с археологической изученностью страны, а в 1948—1949 гг. советско-монгольская экспедиция уже проводит раскопки столицы средневековых монголов Каракорума.

Работа экспедиции С.В. Киселева была связана с решением задачи «осветить одну из наименее изученных сторон истории монголов — возникновение и развитие у них городов и особенностей городской жизни» (Киселев, 1965. С. 9). Результаты этих исследований обобщены им и другими участниками экспедиции в монографии «Древнемонгольские города». Огромный опыт изучения древней и средневековой истории Центральной Азии, глубокое проникновение в общие закономерности протекавшего здесь исторического процесса привели С.В. Киселева к обоснованному выводу о существовании древнемонгольских городов и значительной их роли в развитии монгольского общества. С.В. Киселев указывал: «Дальнейшие археологические и источник-

ведческие исследования должны ответить на ряд важнейших вопросов о месте, значении и характере взаимоотношений городского строя и оседлых форм жизни во дворцах и усадьбах знати в общем процессе развития центрально-азиатского феодализма, который в интересующей нас области едва ли можно теперь считать кочевым» (Киселев, 1958^а. С. 119).

Широкомасштабные раскопочные работы проводились Амурской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН под руководством А.Р. Артемьева. В 1997 г. экспедиция начала изучение средневековых монгольских памятников Восточного Забайкалья с составления инструментальной топографии города хана Есунгу (Исунке). Ранее этот памятник (Хирхиринское городище) исследовался С.В. Киселевым. В 2000—2002 гг. Амурская экспедиция полностью исследовала усадьбу монгольского феодала. Усадьба была окружена четырехугольной оградой, сложенной из кирпичей. Внутри нее находилось центральное здание и три примыкавших друг к другу и располагавшихся в одну линию строения. Особенностью всех жилищ является наличие отопительных конструкций в виде канов. За короткий срок на территории одного Приаргунского административного района Читинской области исследовано пять поселений оседлых монголов (Артемьев, 2004а. С. 93).

К находкам из монгольских городов Забайкалья следует отнести обломки толстостенных сосудов типа хумов, покрытых зеленой поливой и, судя по диаметру, достигавших большой величины. Земледельческие орудия представлены чугунным лемехом от плуга, железным серпом и орнаментированным верхним жерновом от ручного жернового постава. Промывка слоя в жилище, где был найден жернов, позволила обнаружить в полученной пробе зерна проса.

На основании раскопок А.Р. Артемьев приходит к выводу, что «жители города занимались скотоводством, ремеслами — выплавкой и обработкой железа и ткачеством, а также, несомненно, земледелием. Последнее обстоятельство не должно удивлять. Оседлое население, занимавшееся земледелием, существовало в Монголии еще при жизни основателя империи... Проведенные исследования позволяют заключить, что улус брата и племянников Чингиз-хана представлял собой обширный

регион с развитой городской, ремесленной и земледельческой культурой» (Артемов, 2004а. С. 203, 204). Как нам представляется, А.Р. Артемов совершенно справедливо начинает вводить в научную лексику такое понятие, как «оседлые монголы» (Артемов, 2001. С. 256; 2004б. С. 92; 2004а. С. 204).

Итак, древние этапы культуры монголов характеризовались оседлостью, домостроительством и градостроительством, развитым земледелием и свиноводством. О том, что эти традиции не были прерваны, говорит оседлая культура монголоязычных киданей и средневековых монголов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артамонов М.И., 1977. Возникновение кочевого скотоводства // Проблемы археологии и этнографии. Л. Вып. 1.

Артемов А.Р., 2001. Новые исследования города монгольского хана Есунгу в Забайкалье (XIII–XIV вв.) // Древняя и средневековая история Восточной Азии. Владивосток.

Артемов А.Р., 2004а. Археологические памятники эпох Юань и Мин в Забайкалье и Приамурье (XIII–XIV вв.) // РА. №4.

Артемов А.Р., 2004б. Улус брата Чингис-хана – Джочин-Хасара в Забайкалье (XIII в.) // Евразия: Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы. М.

Бартольд В.В., 2002. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.

Викторова Л.Л., 1980. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. М.

Владимирцов Б.Я., 1934. Общественный строй монголов. Л.

Дашибалов Б.Б., 2005. На монголо-тюркском пограничье (этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века). Улан-Удэ.

Дашибалов Б.Б., Рассадин В.И., 2004. Откуда пошли монголы // Восточная коллекция. №4.

Дебец Г.Ф., 1925. Итоги и задачи палеоэтнологии в Западном Забайкалье // Первый Восточно-Сибирский краеведческий съезд. Иркутск.

Егоров В.Л., 1973. Золотоордынский город (причины возникновения, историческая география, домостроительство): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.

Журавлева М.Г., Стариков В.С., 1965. Дауры (дахуры) // Народы Восточной Азии. М.;Л.

Залкинд Е.М., 1948. Кидане и их этнические связи // СЭ. №1.

Киселев С.В., 1958. Древние города Забайкалья // СА. №4.

Киселев С.В., 1965. Древнемонгольские города. М.

Кызласов Л.Р., 1975. Ранние монголы (к проблеме истоков средневековой культуры) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск.

Кычанов Е.И., 1980. Монголы в VI – первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск.

Покотилов К., 1893. История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634. СПб.

Пэрлэз Х., 1974. О месте истории земледелия и городов древней Монголии в истории кочевников Центральной Азии // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улан-Батор.

Рассадин В.И., 1984. Бурятская животноводческая терминология как источник по исторической этнографии // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. Улан-Удэ.

Рона-Таш А., 1979. Монголо-венгерские параллели и исторический фон монголо-тюркских связей // III междунар. конгр. монголоведов. Улан-Батор. Т. III.

Румянцев Г.Н., 1962. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ.

Сосновский Г.П., 1936. Итоги работ Бурят-Монгольского археологического отряда Академии наук СССР в 1928/1929 гг. // Проблемы Бурят-Монгольской АССР. М.;Л.

Стариков В.С., 1966. Земледельческие орудия лесостепных районов Восточной Азии (к истории земледелия на Дальнем Востоке): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Стариков В.С., 1973. Современная культура китайцев в Маньчжурии, ее истоки и развитие: Автореф. дис. докт. ист. наук. Л.

Стариков В.С., 1976. Из истории возникновения городов в Маньчжурии // Страны и народы Востока. М. Вып. 18.

Стратанович Г.Г., 1965. Ту (монголы) // Народы Восточной Азии. М.;Л.

Талько-Гринцевич Ю.Д., 1900. Древние обитатели Центральной Азии // Труды ТКОПОРГО. М. Т. II. Вып. 1–2.

Талько-Гринцевич Ю.Д., 1905. Древние памятники Забайкалья // Труды XII археологического съезда в г. Харькове 1902 г. М. Т. I.

Тодаева Х.Б., 1965а. Баоань // Народы Восточной Азии. М.;Л.

Тодаева Х.Б., 1965б. Дунсян // Народы Восточной Азии. М.;Л.

Шербак А.М., 1997. Ранние тюрко-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). СПб.

Фёдоров–Давыдов Г.А., 1997. Некоторые итоги изучения городов Золотой Орды на Нижней Волге // Татарская археология. №1.

Clauson B., 1973. Philology and archaeology // Antiquity. XLII.

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ И ФОРТИФИКАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ САСАНИДОВ НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

Первые военно-политические столкновения Иранской державы Сасанидов с кавказскими государствами относятся к середине III в. н.э., когда в ответ на поход армянского царя Хосрова около 249 г. на Иран шаханшах Шапур I (242–272) в 252–253 гг. предпринимает крупную военную кампанию в Закавказье (Луконин, 1969а. С. 20–44). Об этом, в частности, сообщают надписи Шапура начала 260-х годов и верховного жреца (магупата) Картира (составлены в 280-х годах) на Кааба-и Зардушт, в Сар-и Мешхеде, Накш-и Рустаме. Шапур, описывая границы государства, перечисляет различные шахры (области и страны), которыми владеет, и в их числе «...Армения, Иберия, Махелония, Албания, Баласакан и дальше, вплоть до гор Кап (Кавказ) и Албанских ворот...» (Луконин, 1969б. С. 126). Надписи Картира сообщают, что «...кони и люди Шапура, царя царей, дошли... до...Армянской страны и Иберии, и Албании, и Баласакана, и дальше до Албанских ворот, [там, где] Шапур, царь царей, с конями и людьми, сам... разрушения и пожарища... учинил» (Луконин, 1969б. С. 87–88). Проведенный анализ показал, что упоминаемый в этих надписях топоним 'l'n'n BB' среднеперсидской версии и 'l'nn TR' парфянского текста надписей Шапура I и верховного жреца Картира следует читать именно как Албанские ворота, а не Аланские, и идентифицировать с Дербентским проходом (Гаджиев, 2002. С. 42–44; там же см. литературу). С этого времени страны Закавказья и особенно Кавказская Албания (Арран) входят в орбиту политического влияния Сасанидов: в отличие от надписей Шапура в надписях Картира закавказские государства числятся уже в составе Ираншахра, в Армению назначается «великий царь» Хормизд-Арташир, царь Иберии Амазасп значится среди придворной знати Шапура I на почетном четвертом месте и открывает список сановников, получивших власть из рук «царя царей». Вероятно, в связи с событиями середины III в. в Албании воцаряется новая династия Аршакидов, первым представителем которой стал Вачаган I Храбрый.

Следующий этап усиления политического влияния Ирана на Кавказе приходится на

конец 330-х годов, к истечению срока действия «позорного» Нисибинского мира (298 г.). Сасаниды активно включаются во внутривосточные дела закавказских государств, и с этого времени Кавказская Албания фактически становится оплотом сасанидской власти в регионе. Однако эти периоды политического господства Ирана на Восточном Кавказе не были отмечены какой-либо существенной градостроительной и фортификационной деятельностью — мы не имеем на этот счет ни археологических фактов, ни свидетельств письменных источников. Очевидно, что это было обусловлено соответствующей военно-политической ситуацией, которая, несмотря на эпизодические вторжения с севера кочевников и иные военно-политические события на Кавказе, не ставила перед Сасанидами в качестве важнейшей военно-стратегической задачи защиты своих кавказских (северных) рубежей.

Положение изменилось с конца IV в., когда на историческую арену Европы и Кавказа вышли гунны, положившие начало «тюркскому прессингу» и открывшие новую страницу в истории многих стран и народов. В 395–396 гг. гунны, подобно смерчу, совершили первый грандиозный военный поход через Главный Кавказский хребет в Закавказье и Переднюю Азию, который привел в ужас население всего региона. Современники событий — Евсевий Иероним и Клавдий Клавдиан — писали об этом, в частности: «...От крайних пределов Меотиды, между ледяным Танаисом и свирепыми народами массагетов, где Александровы запоры сдерживают дикие племена Кавказа, вырвались рои гуннов...» (Eus. Hier. Epist. LXXVII, 8) «по неожиданному пути через Каспийские ворота и армянские снега» (Claud. Claudian. In Ruf. II, 22–30).

Вторжение гуннов нанесло ощутимый удар по Ирану и Византии, показало силу и мощь новых кочевников. Задача защиты своих кавказских рубежей стояла особенно остро для Ктесифона, т.к. после раздела 387 г. почти все Закавказье вошло в состав империи Сасанидов. Уже в 408 г. был подписан ирано-византийский договор. Шаханшах Йездигерд I

(399–421) вступил в переговоры с византийским двором, в результате которых он принял на себя юридическую опеку над малолетним императором Феодосием II Младшим (408–450) и подписал договор о совместных расходах на охрану кавказских проходов (Кулаковский, 1913. С. 227–228). Поскольку эти проходы находились на территории Ираншахра, то их охрану несли персидские отряды, а Константинополь обязывался оплачивать половину соответствующих расходов Сасанидов. По договору, эта сумма для Византии составляла, очевидно, 500 литр (160 кг) золота ежегодно (Theoph. Chron. 245, 13–26).

Около 424 г. новый договор между Ираном и Византией подтвердил обязательство Константинополя нести половину расходов по охране кавказских проходов (Theoph. Byz. Fragm.). В 441 г., по сообщению Приска Панийского (Prisc. Fragm., 8) и вардапета Египшэ (Египшэ, 1971. С. 121; см. также: Юзбашян, 2001), гунны, предводительствуемые Басихом и Курсихом, совершили через Дарьяльское ущелье и Дербентский проход новое разорительное нашествие на закавказские и малоазиатские провинции Ирана и Византии (Семёнов, 2002. С. 15–17). В том же году Ктесифон и Константинополь заключили годичное перемирие, а в следующем, 442 г., подписали долгосрочный мирный договор, подтверждавший обязательство Византии по ежегодной выплате Ирану золота на охрану кавказских проходов в объемах, оговоренных договором 424 года (Marc. Comit. Chron., II, 80).

Вслед за этим в середине 440-х годов шаханшах Йездигерд II (439–457) приступил к созданию оборонительной системы в западном Прикаспии. Сначала Иран возводит в Дербентском проходе (арм. *durn Ćoray* – «Ворота Чора») сплошную сырцовую стену, которая перегородила узкую (3,5 км) приморскую равнину, и цитадель на вершине горного отрога (Кудрявцев, 1978. С. 243–257; 1979. С. 31–43; Гаджиев, 1989. С. 61–76). Между 447–450 гг. был сооружен опорный пункт – город Шахристан-и Йездигерд (Hoffmann, 1880. S. 50), который надежно идентифицируется с огромным (около 100 га) Белиджинским городищем Торпах-кала в 20 км южнее Дербента (Гаджиев, 1980. С. 144–152; 2001. С. 32–40). Это был первый этап сасанидского фортификационного градостроительства на Восточном Кавказе, призванный остановить первую волну гюркских кочевников.

Император Маркиан (450–457), вззошедший на трон в 450 г., заключил союз с шаханшахом Йездигердом II и подтвердил верность двусторонним договорам, подписанным в 442 г. Византия исправно выплачивала Ирану свою долю расходов на охрану кавказских проходов: армянский писатель VIII в. Гевонд сообщает, что в 717 г. («на втором году» халифа Сулеймана) арабы, захватившие Дербент, обнаружили в кладке стены плиту с надписью следующего содержания: «Маркиан, самодержец, цезарь, построил город, эту башню большим количеством талантов из своих сокровищ...» (Гевонд, 1862. VII, 12. С. 22). По-видимому, расходы Маркиана, о которых идет речь в надписи, были связаны с восстановлением укреплений Чора, поврежденных во время антииранского восстания 450–451 гг. Сведения, содержащиеся в ней, находят косвенное подтверждение в известии Михаила Сирийца (XII в.), восходящем к Иоанну Эфесскому (VI в.), что «ворота Турайе (*Tūrāyē*)» (т.е. Дербент*) – это «город, построенный ромеями» (Chron., d. 1199).

Вторая половина V в. ознаменовались новой волной «тюркского прессинга». На этот раз военно-политическое объединение кочевников Юго-Восточной Европы и Предкавказья возглавили савиры, которые продолжили попытки дальнейшей экспансии на юг. В связи с новой реальной угрозой шаханшах Кавад (488–531) неоднократно обращался к императорам Зенону (474–491) и Анастасию (491–518) с требованиями возобновления выплаты средств на охрану кавказских проходов, но Константинополь игнорировал их.

Летом 502 г. Иран предпринял военные действия против Византии, длившиеся с переменным успехом и завершившиеся вынужденным миром в 507 г. (Zach. Retor. VII, 3; Иешу Стилит, 48–63; Проскор. De bello Pers., I, 7–9). В конце 503 г., без наущения Византии, как полагают исследователи (Артамонов, 1962. С. 93; Джафаров, 1979. С. 163–165; 1985. С. 77), савиры предприняли через Дербентский проход крупное вторжение в кавказские владения Сасанидов (Zach. Retor. VII; Проскор. De bello Pers., I, 8.19), что привело к противостоянию с ними вплоть до 508 г.

* «Ворота Турайе» являются калькой арм. *durn Ćoray* – «ворота Чора» (Altheim, Stiehl, 1958. S.110). Об идентификации Чора (арм. Чор, груз. Чора, греч. *Τζοῦρ* Прокопия Кесарийского (Проскор. De Bel. Goth., IV, 3), араб. Сул, дарг. Чулли, куб. Чуле, лак. Чурул, авар. Чор) и Дербента см.: Кузнецов, 1893. С. 423; Marguart, 1901. S. 96–100; 1903. S. 489; Артамонов, 1962. С. 120–121; Кудрявцев, 2000. С. 38–45; Гаджиев, 2001. С. 166–167; 2002. С. 10, 46–48).

И вновь перед Ираном встала задача защиты своих кавказских рубежей и проходов. В 505 г. после заключенного перемирия Византия уплатила шаханшаху Каваду 11 кентинариев (около 360 кг) золота (Procop. De bello Pers., I, 9) (см.: *Пигулевская*, 1941. С. 155). Однако в сложной внешнеполитической обстановке 503–508 гг., когда Ирану пришлось вести военные действия фактически на два фронта, Сасаниды не имели возможности осуществлять масштабное фортификационное строительство, которое требовало не только благоприятной военно-политической ситуации, но и значительных капиталовложений.

В 507 г. Иран заключил мирный договор с Византией, а около 508 г. восстановил контроль над проходами, ведущими в Закавказье, и, в частности, над Каспийскими воротами, которыми в конце V в. овладели гунны-савиры во главе с Амвазуком (Procop. De bello Pers., I, 10) (*Пигулевская*, 1941. С. 67). Это создало относительно благоприятные условия для начала нового, второго, этапа фортификационного строительства – создания новой системы длинных стен на Восточном Кавказе. Период 508–527 гг. был относительно спокойным для Сасанидов на кавказских рубежах. Ставшие союзными им савиры, которым Кавад выплачивал, видимо ежегодно, денежные средства (*Шихсаидов*, 1986. С. 69; по ат-Табари – это абхазы, банджары и баланджары), даже предпринимают, очевидно, по договору с Ираном, в 516–517 гг. вторжение через Каспийские ворота в азиатские пределы Византии (Malal. Chron. S. 406; Theoph. Byz. Fr. 4), а затем в 522 г. отвергают предложение Проба, посла императора Юстина I (518–527), выступить за плату против персов (Procop. De bello Pers., I, 12). Тем не менее, интриги Юстина привели к разрыву ирано-савирского союза, к убийству около 523 г. «царя гуннов» Зилгивина и уничтожению его 20-тысячной дружины, пришедшей на помощь персам (Malal. Chron., S. 415; Theoph. Byz. Fr. 4), и к установлению военно-политического союза савиры с Византией (посольство «царицы гуннов» Боа в Константинополь), а вслед за этим к новому обострению отношений между Ираном и Византией и возобновлению военных действий.

Исходя из военно-политической ситуации в регионе, период 508–522 гг. был наиболее благоприятным для проведения крупных фортификационных работ на Восточном Кавказе. Решительные и жестокие действия Кавада в

отношении Зилгивина и его дружины были подкреплены, как думается, не только и не столько полученной от Юстина информацией о подкупе им савиры, сколько уверенностью в том, что северные рубежи державы надежно защищены и савиры не смогут предпринять ответные меры.

Именно к этому периоду, точнее ко времени после 508 г., после успешного похода 12-тысячной иранской армии на савир (*Баладзори*, 1927. С. 5) и в последующие годы, следует относить укрепление Кавадом сырцовый фортификации Дербента, городов Байлакана, Партава (Барда'а) и Кабалы, строительство многочисленных опорных пунктов (360 «городов», по информации арабских авторов), создание системы длинных стен, о чем сообщают ал-Балазури, Ибн ал-Факих, Ибн Хордадбех (*Баладзори*, 1927. С. 5; *Ибн ал-Факих*, 1902. С. 11, 15; *Ибн Хордадбех*, 1986. С. 109).

Длинные стены представлены тремя памятниками. Во-первых, это «стена лбинов (*sadd al-lb.n*) между Ширваном и воротами Аллан» (*Баладзори*, 1927. С. 5; ср.: *Минорский*, 1963. С. 28. Прим. 38; *Новосельцев, Пашуто, Черепнин*, 1972. С. 40. Прим. 62), идентифицируемая с так называемой Закатальской (Кахетинской) стеной в Алазанской долине (о ней см.: *Ган*, 1902. С. 53, 56; *Пахомов*, 1950. С. 68–90; идентификация памятника см.: *Гаджиев*, 1998. С. 14). Во-вторых, это многокилометровая Гильгильчайская (Ширванская или Шабранская) оборонительная стена, которая достаточно надежно идентифицируется с «длинной стеной Алзут Кавад до болот Альминон и до моря», о которой сообщает Анания Ширакаци (VII в.) в своей «Географии» (*Moïse Corène*, 1881. P. 27; *Anania of Širak*, 1992. II. 12–13) на Восточном Кавказе, получившая свое имя в честь царствовавшего монарха (ср.-перс. *Āpžūt Kavāt* «Возвеличился Кавад») (о ней см.: *Пахомов*, 1933; *Абдуллаев*, 1968; *Алиев*, 1984; *Алиев А.А., Алиев И.Н., Гаджиев, Гейтер, Кол, Магомедов*, 2004. С. 441–465; *Aliiev A.A., Aliiev I.N., Gadjiiev, Gaither, Kohl, Magomedov*, 2006. P. 143–177). В-третьих, это Беш-Бармакские укрепления, расположенные в Северо-Восточном Азербайджане (в исторической области Ширван), южнее Гилгильчайской стены, и также переправившие проход между Каспием и горами (*Пахомов*, 1926).

В середине X в. ал-Масуди, рассказывая о строительной деятельности шаханшаха Кавада на Восточном Кавказе, сообщает также

«О стенах, которые он построил в Ширване, известных как *Сур ат-тин* (в пер. с араб. — «стена из глины». — М.Г.), о каменной стене Бармаки» (*al-Mas'ūdī*, 1863. § 30. Р. 74; *Минорский*, 1963. С. 213). Можно не сомневаться, что «стена Бармаки» — это укрепления около скалы Беш-Бармак (в пер. с азерб. — «пять пальцев»; ср.: лезг. *бармак* — «шапка, папах»; арм. *Хорсвэм* — «скала Хорс» «Географии» Ширакци) (*Пахомов*, 1926; *Еремян*, 1941. С. 34–35), у подножья которой располагается культовое место Хызр-зинде. «Стена из глины» (араб. *сур-ат-тин*), упомянутая ал-Масуди, — это, конечно же, Гильгильчайская длинная стена, которая у ал-Балазури фигурирует под тем же названием вместе со «стеной лбинов» в числе построек Кавада, а у Ибн ал-Факиха — как «кирпичная стена» (*Ибн ал-Факих*, 1902. С. 15). Такая идентификация исходит из факта, что на территории Ширвана отсутствуют другие длинные стены, кроме Гильгильчайской и Беш-Бармакской.

Можно полагать, что на создание этой глубоко эшелонированной оборонительной линии на Восточном Кавказе, которая на несколько десятилетий остановила натиск кочевников, пошли и средства (11 кентинариев золота), полученные в 505 г. от Византии. Наиболее крупное сооружение этой системы — Гильгильчайская оборонительная стена, в которой воплотились приемы и методы фортификационного искусства Сасанидского Ирана, максимальное использование сложного горного рельефа, стала своего рода прообразом Дербентского каменного оборонительного комплекса, возведенного несколько десятилетий спустя против нового могущественного соперника — Тюркского каганата, который с самого начала своего образования в середине VI в. предпринял активные военнополитические акции.

Первоначальные союзнические отношения Ирана и каганата, скрепленные браком шаханшаха Хосрова I Ануширвана (531–579) с тюркской принцессой еще в 554 г. (*Артамонов*, 1962. С. 133–135. Прим.; *Гумилев*, 1967. С. 39–40. Прим. 62), после окончательного разгрома эфталитов (к 567 г.) переросли в откровенно враждебные. Официальным поводом к военным действиям послужило унижительное требование Истеми-хана (хакан Синджибу — арабских источников, Силзибул, Дизабул — византийских авторов), чтобы персы выплачивали ему дань, которая ранее шла эфтали-

там (*Артамонов*, 1962. С. 134. Прим.; *Гумилев*, 1967. С. 47). Одной же из основных причин войны была борьба за монополию в торговле шелком между Востоком и Западом, за контроль караванных путей и рынки сбыта.

Но еще до этих событий Иран испытал новые, говоря словами Каланкатвази, «разбойничьи набеги врагов» — кочевников, наиболее крупным из которых явилось вторжение 551 г., когда «хазирь пленили страну Алуанк (Албанию. — М.Г.)», и повлекшее перенос в 552 г. престол патриарха Албанской церкви из Дербента (Чора) в Партав (*Dasxuranci Movsēs*. 1961. II, 4; *Каланкатвази Мовсес*, 1984. С. 71; *Айриванеци*, 1860. С. 48–49). Оно нашло отражение и в сообщении ат-Табари о нашествии на кавказские владения Сасанидов «народов абхаз, банджар, баланджар и алан» (*Шихсаидов*, 1986. С. 69).

Ответной мерой Хосрова Ануширвана явилась организация в самом начале 560-х годов крупной военной кампании в Прикаспийский Дагестан, когда туда были направлены, как сообщает ат-Табари, войска против «народов абхаз, банджар, баланджар и алан» (о дате похода см.: *Семёнов*, 2002. С. 24), а затем, после заключения в конце 561 г. мирного договора с Византией, успешного похода «в сторону хазар», т.е. в северо-западный Прикаспий, когда Хосров «отомстил им за обиды по отношению к его подданным» (*Шихсаидов*, 1986. С. 69–70). Усмирение кочевников северо-западного Прикаспия дало возможность приступить к укреплению существовавших оборонительных сооружений и созданию новых защитных рубежей, ознаменовавших третий (и последний) этап фортификационной и градостроительной деятельности Сасанидов на Восточном Кавказе.

После этих успешных военных кампаний Хосров Ануширван, как информирует ат-Табари, «завоевал Бурджан, затем вернулся и построил ал-Баб ва-л-абваб» (*Шихсаидов*, 1986. С. 70), т.е. Дербент. Ибн ал-Асир (1160–1234), критически использовавший данные ат-Табари (839–923), дополняет его сведениями о постройке Хосровом городов Шабаран и Маскат в западном Прикаспии и о назначении (утверждении) им правителей этнополитических областей Северо-Восточного Кавказа — Сарира, Филана, Лакза, Маската и других (*Ибн ал-Асир*, 1940. С. 10).

По данным арабских авторов IX–X вв. (ал-Балазури, Ибн ал-Факих, Йакуби, Ибн Хордадбех, Кудама), Хосров Ануширван основал

на Кавказе (большей частью на Восточном Кавказе) в стратегически важных местах свыше 20 укрепленных пунктов — поименно названных в источниках городов, крепостей (араб. *баб* 'ворота' — калька со ср.-перс. *дар*). Особый интерес представляет информация Ибн ал-Факиха и Ибн Хордадбеха о том, что Хосров «основал также Баланджар и Самандар» (*Ибн ал-Факих*, 1902. С. 15; *Ибн Хордадбех*, 1986. С. 109), которые позже станут важнейшими центрами Хазарского каганата и которые идентифицируются многими исследователями соответственно с раннесредневековыми Верхнечирюртовским и Махачкалинским (Тарки/Таргу и Анджи-кала/Анджи-арка) городищами в северо-западном Прикаспии (см., напр.: *Котович*, 1974а; 1974б; *Магомедов*, 1975; 1983. С. 46–57; ср.: *Фёдоров*, 1975). О строительстве Хосровом Ануширваном Семендера, «который теперь называется Таргу», и крепости Анджи сообщает и «Дербенд-наме», подчеркивающая, что целью строительства этих укреплений была «защита Дербенда от кяфиров хазар» (*Шихсаидов*, *Айтберов*, *Оразаев*, 1993. С. 20).

Имена этих городов имеют удовлетворительные иранские этимологии — в особенности название Самандар — ср.-перс. *sāmān dar* 'крайние (пограничные) ворота' (ср.-перс. *sāmān/sāhmān* 'край, граница'; ср.: арм. *sahman*, груз. *samani*, удин. *sahman* 'граница'), отражающее географическое положение укрепления — это крайнее северное дефиле в западном Прикаспии и здесь располагались крайние «длинные» стены, перегораживавшие проход между морем и горами. Следует обратить внимание и на тот факт, что Махачкалинское городище (Самандар), как и сасанидские укрепления Бармаки и Дербента, имело две параллельные стены, закрывавших проход между передовым хребтом и Каспием (*Котович*, 1974а. С. 238–240), а оборонительные укрепления Верхнечирюртовского городища (Баланджар) прикрывают Сулакское дефиле у выхода реки на равнину и его башни обращены не в сторону гор, а в сторону равнины (*Магомедов*, 1983. С. 125–127), откуда ожидалась угроза кочевников. Можно полагать, что укрепление этих опорных пунктов было осуществлено после победных походов персидских войск «в сторону хазар» и приходится именно на первую половину 560-х годов.

Столь дальнейшее проникновение Сасанидов на север, никогда ни ранее, ни после не пред-

принимавшееся, возведение передового рубежа, каковым представляются укрепления в зоне Махачкалы, было, вероятно, обусловлено подготовкой к созданию мощного фортификационного рубежа в Дербентском проходе — наиболее узком дефиле на западном побережье Каспия — и необходимостью спокойной, безопасной обстановки при проведении колоссальных строительных работ.

Между 567–570 гг. Истеми/Синджибу подчинил себе кочевников северо-западного Прикаспия и приморского Дагестана — племена абхазов (савиры?), банджаров (болгары) и баланджаров, которые «изъявили покорность» (*Шихсаидов*, 1986. С. 70; *Артамонов*, 1962. С. 137–138; *Гумилев*, 1967. С. 47). Вслед за этим, как сообщает ат-Табари, он предъявил Хосрову ультиматумы с требованием выплаты денежных средств ему, а также абхазам, банджарам и баланджарам, которым Иран выплачивал выкуп во времена Кавада; в противном случае хакан угрожал вторгнуться в пределы Ираншахра. Хосров Ануширван «не придавал значения его угрозам и отверг то, что он требовал, надеясь на свои укрепления в области Ворот Сул (*нахийат баб Сул*)». В ответ на это в 570 г. хакан Синджибу, не будучи осведомлен о создании оборонительной линии в Дербентском проходе (в пограничной области Сул, по ат-Табари), со 110-тысячным войском предпринимает организацию крупного похода, но известие о неприступных сооружениях вынуждает его остановить начатую кампанию (*Шихсаидов*, 1986. С. 69). И уже в следующем 571 г. между Ираном и Тюркским каганатом был заключен мир на весьма выгодных для Ктесифона условиях (*Гумилев*, 1967. С. 47).

Как показал комплексный анализ сведений письменных источников, интерпретация среднеперсидской надписи № 3, высеченной на северной городской стене Дербента и содержащей дату строительства, и определение произведенных трудозатрат, сооружение укреплений Дербента на первом этапе работ (строительство северной городской стены и цитадели) было принципиально возможным в течение одного года и было осуществлено в 568–569 гг. (*Гаджиев*, 2006. С. 77–94.; *Гаджиев*, *Касумова*, 2006. С. 98–114). К этому времени Иран обладал огромными финансовыми средствами, полученными Хосровом от Византии в качестве контрибуции и по условиям договоров: по ирано-византийскому договору 531 г. Константинополь выплатил Ирану

110 кентинариев золота (3,6 т) на охрану и содержание кавказских проходов (Proc. De bello Pers., I, 22, 1–10); в 540 г. Хосров получил с четырех византийских городов (Иераполя, Апа-меи, Халкиды, Эдессы) выкуп в размере более 5 тонн серебра и 4 кентинариев (130 кг) золота (Proc. De bello Pers., II, 5–6, II, 10); в 544 г. Эдесса вновь уплатила выкуп в 5 кентинариев (около 162 кг) золота (Proc. De bello Pers., II, 26–27); в 545 г. император Юстиниан за пятилетнее перемирие заплатил Хосрову 20 кентинариев (650 кг) (Proc. De bello Pers., II, 28, 1–12); согласно мирному договору 561 г. Византия уплатила Ирану в 562 г. 210 тыс. солидов (955,5 кг золота), а в 568 г. – еще 90 тыс. солидов (409,5 кг золота) (Menand. Frag., 11). Таким образом, Хосров Ануширван добился небывалого в истории взаимоотношений Ирана и Византии – с начала его правления и до 568 г. Константинополь выдал Ктесифону около 6 тонн золотой монетой. Эти огромные финансовые средства позволили Ирану

решить важнейшие военно-стратегические и политические задачи по обеспечению своей безопасности и приступить к созданию колоссальной фортификационной системы на Восточном Кавказе – в Дербентском проходе и прилегающей к нему горной зоне.

Каменный оборонительный комплекс Дербента, сменивший сырцовые укрепления города, возведенные в 440-х годах, стал вершиной фортификационного зодчества Сасанидского Ирана и венцом в системе *Limes Caspius* – кордонных «длинных стен», опоясавших Каспий на востоке и западе, на границе между оседло-земледельческим и кочевническо-скотоводческим мирами – между Ираном и Тураном. Эта грандиозная фортификационная система, стоящая в одном ряду с такими шедеврами оборонного зодчества, как Великая Китайская стена, Стена Александра (перс. *сатт-и Искандар*, тюрк. *Кызыл илан*), Римский лимес на Рейне и Дунае, Вал Адриана в Британии, по праву образно именуется Великой Кавказской стеной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдуллаев Х.П., 1968. Гильгильчайская оборонительная стена и крепость Чирах-кала // СА. № 2.

Айриванеци, 1860. История Армении Мхитара Айриванеци / Изд. М. Эмина (на древнеарм. яз.). М.

Алиев А.А., 1984. Археологические раскопки Гильгильчайского оборонительного сооружения // Изв. АН АзССР. Сер. истории, философии и права. Баку. №3.

Алиев А.А., Алиев И.Н., Гаджиев М.С., Гейтер М.Г., Кол Ф.Л., Магомедов Р.Г. 2004. Новые исследования Гильгильчайской оборонительной стены // ПИФК. М.; Магнитогорск. Вып. XIV.

Артамонов М.И., 1962. История хазар. Л.

Баладзори, 1927. Книга завоевания стран / Пер. с араб. проф. П.К. Жузе // Материалы по истории Азербайджана. Баку. Вып. 3.

Гаджиев М.С., 1980. К вопросу о местоположении сасанидского города Шахристан-и Йездигерд // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала.

Гаджиев М.С., 1989. Исследования сырцовой фортификации цитадели Дербента сасанидского времени // Древняя и средневековая архитектура Дагестана. Махачкала.

Гаджиев М.С., 1998. Липиния (исторические факты, локализация, этническая принадлежность) // Дагестан в эпоху Великого переселения народов (этногенетические исследования). Махачкала.

Гаджиев М.С., 2001. Городище Торпах-кала // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж. Вып. 15. Средневековые древности евразийских степей.

Гаджиев М.С., 2002. Древний город Дагестана: Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа. М.

Гаджиев М.С., 2006. Определение абсолютной даты строительства цитадели и северной городской стены Дербента и произведенных трудозатрат (интерпретация среднеперсидской надписи №3) // Вестник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. №2.

Гаджиев М.С., Касумова С.Ю., 2006. Среднеперсидские надписи Дербента VI века. М.

Ган К.Ф., 1902. Путешествие в Кахетию и Дагестан // СМОМПК. Тифлис. Вып. XXXI.

Гевонд, 1862. История халифов вардапета Гевонда / Пер. с арм. К.Патканова. СПб.

Гумилев Л.Н., 1967. Древние тюрки. М.

Джафаров Ю.Р., 1985. Гунны и Азербайджан. Баку.

Джафаров Ю.Р., 1979. К вопросу о первом появлении сабир в Закавказье // ВДИ. М. №3.

Егишз, 1971. О Вардане и войне армянской / Пер. с древнеарм. И.А.Орбели. Ереван.

Еремян С.Т., 1941. Сюния и оборона Сасанидами кавказских проходов // Изв. Арм. филиала АН СССР. Ереван. Т. 7.

Ибн ал-Факих, 1902. Книга о странах / Пер. Н.А.Караулова // СМОМПК. Тифлис. Вып. XXXI.

Ибн Хордадбех, 1986. Книга путей и стран / Пер. с араб. Н.Велихановой. Баку.

Ибн ал-Асир, 1940. Тарих-ал-Камиль (Полный свод истории) / Пер. П.К. Жузе. Баку.

Каланкатуаци Мовсес, 1984. История страны Алуанк / Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Ш.В.Смбатяна. Ереван.

Котович В.Г., 1974а. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу // Древности Дагестана. Махачкала.

- Котович В.Г., 1974б. Археологические данные к вопросу о местоположении Семендера // Древности Дагестана. Махачкала.
- Кудрявцев А.А., 1978. О датировке первых сасанидских укреплений в Дербенте // СА. №3.
- Кудрявцев А.А., 1979. «Длинные стены» на Восточном Кавказе // ВИ. №11.
- Кудрявцев А.А., 2000. К отождествлению раннесредневековых городов Чора и Дербента // Историко-археологический альманах. Армавир; М. Вып. 6.
- Кузнецов Н., 1893. Дербент // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А.Брокгауз и И.А.Ефрон. СПб. Т. 19.
- Кулаковский Ю., 1913. История Византии. Киев. Т. 1.
- Луконин В.Г., 1969а. Завоевания Сасанидов на Востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии // ВДИ. № 2.
- Луконин В.Г., 1969б. Культура сасанидского Ирана. Иран в III–V вв.: Очерки по истории культуры. М.
- Магомедов М.Г., 1975. Древние политические центры Хазарии // СА. № 3.
- Магомедов М.Г., 1983. Образование Хазарского каганата. М.
- Минорский В.Ф., 1963. История Ширвана и Дербента X–XI веков. М.
- Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., 1972. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М.
- Пахомов Е.А., 1926. Беш-Бармак // Изв. Археологического комитета. Баку. Вып. 2.
- Пахомов Е.А., 1933. Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье // Проблемы истории материальной культуры. Л. № 9/10.
- Пахомов Е.А., 1950. Закатальская «длинная» стена // Труды Азербайджанского государственного университета. Сер. ист. Баку. Вып. 1.
- Пигулевская Н.В., 1941. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л.
- Семёнов И.Г., 2002. Этнополитическая история Восточного Кавказа в III–VI вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала.
- Фёдоров Г.С., 1975. К вопросу о местоположении столицы Хазарского каганата — Семендера // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала. Вып. 2.
- Шихсаидов А.Р., 1986. Книга ат-Табари «История посланников и царей» о народах Северного Кавказа // Памятники истории и литературы Востока: Период феодализма. М.
- Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразов Г.М.-Р., 1993. Дагестанские исторические сочинения. М.
- Юзбашян К.Н., 2001. Армянская эпопея V века: от Аварайрской битвы к соглашению в Нуарсаке. Елише. Слово о войне армянской / Пер. с древне-арм. И.А.Орбели. Новая ред. К.Н.Юзбашяна. М.
- Aliev A.A., Aliev I.N., Gadjev M.S., Gaither M.G., Kohl Ph.L., Magomedov R.M., 2006. The Ghilghilchay Long Defensive Wall: New Investigations // Ancient East and West. Vol. 5. N. 1/2.
- Al-Mas'ūdī., 1863. Abu'l-Hasan 'Alī Ibn al-Husayn al-Mas'ūdī [Maçoudi]. Les Prairies d'or. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. P. T. II.
- Altheim F., Stiehl R., 1958. Michael der Syrerüber das erste Auftreten der Bulgaren und Chazaren // Byzantion. 28. Bruxelles.
- Anania of Širak., 1992. The Geography of Ananias of Sirak (Asxaracoiz): The Long and the Short Versions / Introduction, transl. and comm. by R.H.Hewsen. Wiesbaden.
- Dasxuranci Movsēs, 1961. The History of the Caucasian Albanians by Movsēs Dasxuranci / Transl. by C.J.F. Dowsett. L.
- Hoffmann G. 1880. Auszüge aus syrischen Akten Persischer Martyrer. In: Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes: Excuse. Leipzig. Bd.VII. № 3.
- Marguait J., 1901. Eranšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaci. Mit historisch-kritischen Kommentar und historischen und topographischen Excursen. Berlin.
- Marguait J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9 und 10. Jahrhunderts (ca 840–940). Leipzig. 1903.
- Moïse Corène, 1881. Géographie de Moïse Corène d'après Ptolémée / Ed. and trad. A. Soukry. Venice.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ В СВЕТЕ АРХЕОМЕТАЛЛОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ (по материалам памятников Волго-Камья и Поочья)*

В середине I тысячелетия н.э. на территории расселения финно-угров происходит значительная активизация межэтнических взаимодействий, связанная с появлением здесь пришлого населения. В Волго-Камье это и оседлые племена носителей именьковской культуры, и номады, оставившие курганные захоронения. В Поочье (культура рязано-окских могильников) — это военизированные группы, оказавшие «заметное влияние на культуру местного населения и военно-политическую историю всего региона» (Ахмедов, Казанский, 2004. С. 172–178).

Судьба пришлых этносов была различна. Если кочевники, пришедшие в Волго-Камье, вступили во взаимодействие с местным населением, в результате чего возникли такие археологические культуры, как ломоватовская, ломовская, неволинская, то племена именьковской культуры, просуществовав до рубежа VII–VIII вв., покинули занимаемую территорию под натиском переселявшихся в Волго-Камский регион болгарских племен.

В Поочье следствием пребывания военизированных групп стало появление в культуре местного населения воинской субкультуры (Ахмедов, 2001. С. 118).

Накопленный к настоящему времени богатый аналитический материал по финно-угорскому кузнечному производству позволил определить производственные традиции, характерные для местного населения Поволжья и Приуралья. Установлено, что вплоть до IX в. н.э. в железообработке здесь не использовались сложных технологических приемов. Изделия отковывались либо целиком из железа, либо из сырцово-стали, в редких случаях применялась цементированная сталь и термическая обработка.

В рассматриваемое время в составе железных изделий из финно-угорских памятников появляются новые типы вещей. Технологиче-

ские характеристики таких изделий, полученные в результате металлографического анализа, позволяют говорить об истоках производственных традиций и соответственно о характере и направлении межэтнических контактов.

Обратимся к Волго-Камскому региону.

Оружие (рис. 1, анализ 1250, 1789, 10801). В середине I тысячелетия н.э. на многих памятниках здесь появляются длинные двулезвийные мечи. Мечи имеют стандартную форму: прямой широкий обоюдоострый клинок (ширина полотна — 5 см, длина клинка у сохранившихся экземпляров — 85–90 см). Переход в черенок выделен покатыми или скошенными плечиками. По мнению А.М.Хазанова, этот тип мечей связывается с алано-сарматской традицией (Хазанов, 1971. С. 20). В настоящее время нами проведен металлографический анализ девяти таких мечей.

С технологической точки зрения их можно разделить на три группы. К первой мы относим три изделия. Это мечи из могильников азелинской культуры: Тюм-Тюм (рис. 1, анализ 1789), Усть-Брыкинский (рис. 1, анализ 1250), Яремичинский.

В результате микроскопического исследования образцов, отобранных с поперечного сечения лезвий указанных мечей, было установлено, что все изделия имеют структуру заэвтектоидной стали, практически свободной от шлаковых включений, и характеризуются высококлассным исполнением всех технологических операций (Терехова и др., 1997. С. 140). Аналитические данные позволяют говорить, что мечи изготовлены из особого материала, а именно — литой (тигельной) стали. Наиболее близкие аналогии исследованным экземплярам как по типологическим, так и по технологическим признакам имеются в позднесарматском некрополе II–III вв. н.э. Лебедёвка VI. Они также выполнены из заэвтектоидной стали, свободной от неметаллических включений. Нет сомнения, что рассматриваемые клинки происходят из центров, обладающих секретом производства тигельной (литой)

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект №08-06-00103а.

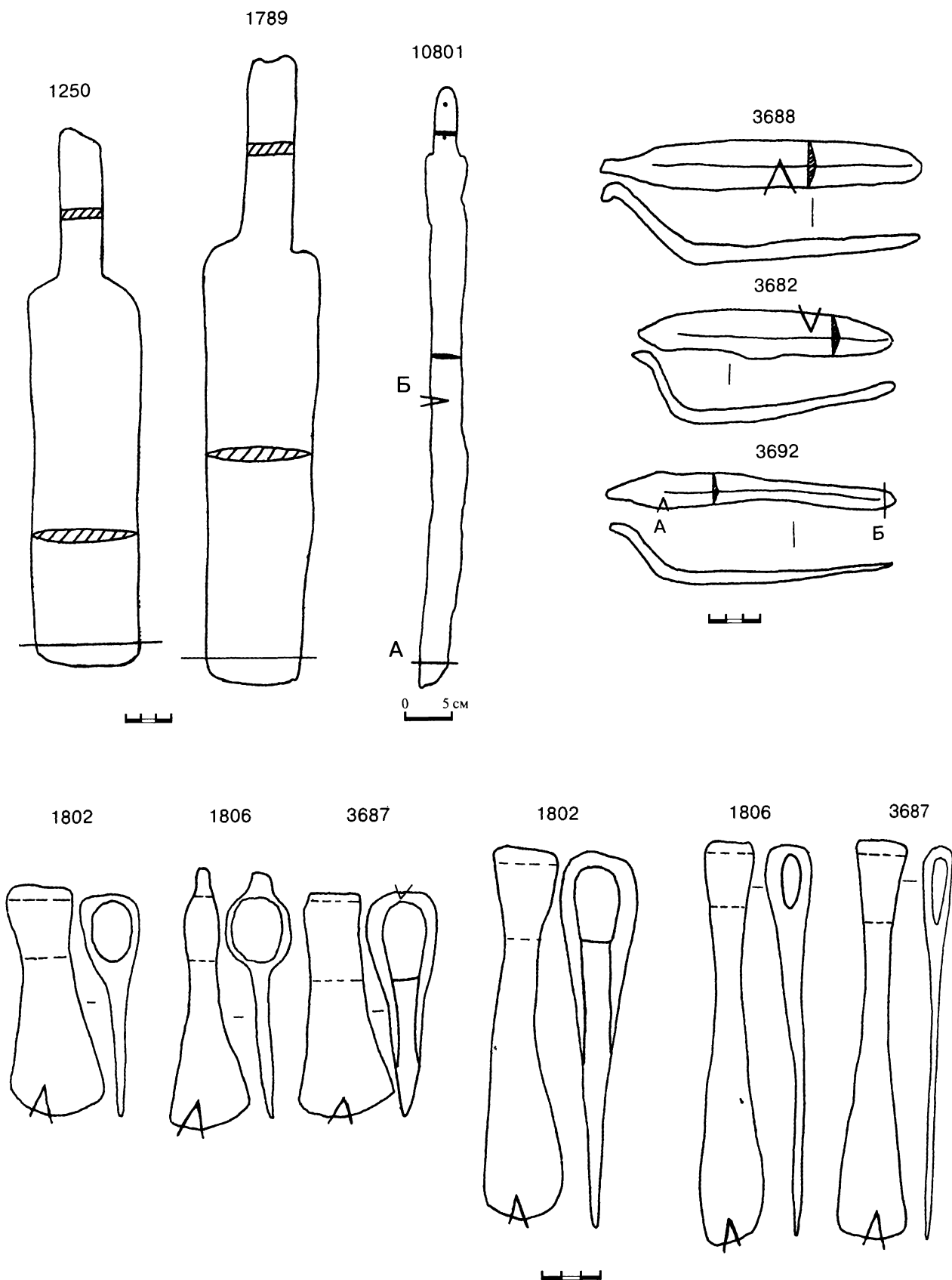

Рис. 1. Инокультурные железные изделия из памятников Волго-Камского региона

стали (Индия, Иран, Сирия). Появление подобных изделий на территории Волго-Камья обусловлено многоступенчатым характером контактов, в которых определенную роль играли, по-видимому, сарматы (*Розанова, Терехова*, 2000. С. 137).

Ко второй группе мы относим меч, происходящий из Варнинского могильника полемской культуры (рис. 1, анализ 10801), который, как показал металлографический анализ, оказался откованным из однородной высокоуглеродистой стали, полученной путем сквозной цементации железной заготовки с последующей термообработкой. При этом использован хорошо продуманный прием, позволивший избежать хрупкости клинка — закалке подвергались только лезвия клинка, в то время как сердцевина оставалась не закаленной.

Технология изготовления описанных изделий не характерна для кузнечных традиций финно-угорского мира. Вышеописанные мечи являются продукцией мастеров-оружейников из специализированных ремесленных центров.

В третью группу мы включаем четыре меча, которые по типологическим признакам не отличаются от описанных выше, но при этом изготовлены в простых технологиях. Они откованы либо целиком из железа (меч из Мокинского могильника), либо из заготовки, сваренной из нескольких полос железа или сырьевой стали (мечи из Усть-Брыскинского, Мокинского и Калашниковского могильников). Подобные мечи, не имеющие четкого технологического стереотипа, но при этом стандартные по форме, были широко распространены в позднеримский период и эпоху Великого переселения народов на территории Европы (*Biborski*, 1978; *Biborski et al.*, 1982). Возможно, мечи третьей группы, являвшиеся престижным оружием, связанным с профессиональными воинами, были привнесены в финно-угорскую среду пришлым населением, но не исключено, что они изготовлены местными мастерами в подражание привозным образцам.

Проушные топоры. Другой категорией железных предметов, распространившихся на памятниках Волго-Камья с IV–V вв., являются проушные топоры. Выделяются длиннолезвийные и коротколезвийные топоры.

Длиннолезвийные топоры получают наибольшее распространение на памятниках именьевской культуры. Эти орудия оригинальны и по форме и по конструктивным осо-

бенностям. Они имеют вытянутое тело, округлый обух и проушину с прямым срезом со стороны лезвия (рис. 1, анализ 1190). Общая длина изделий колеблется от 18 до 20,5 см, длина лезвийной части — от 13 до 15,5 см, размеры проушины: длина — 3–4 см, ширина — 1,5–3 см. Как установлено нами, лезвие топора ковалось из отдельного бруска и приобретало форму клина. Затем к лезвию путем кузнечной сварки приваривалась дугообразная пластина, и таким образом получался обух топора. Отличительным признаком таких топоров является плоский срез в верхней части клиновидного лезвия. Выделяются эти изделия и по технологическим особенностям. В большинстве случаев лезвие было изготовлено из неравномерно науглероженной стали, состоящей из феррито-перлитных, ферритных и сорбитных участков (микротвердость феррита 105–122 кг/мм², феррито-перлита — 181–236 кг/мм²), и подвергалось исключительно мягкой закалке (структура сорбита — микротвердость 254–383 кг/мм²). Обращает на себя внимание низкая микротвердость ферритных структурных составляющих, что свидетельствует об особом сорте используемого железа.

Секировидные предметы (рис. 1, анализ 1785, 1787). Внешне на описанные топоры похожи так называемые секировидные предметы, которые также происходят в основном из памятников именьевской культуры. Однако в отличие от топоров они имеют слишком маленькую проушину и в целом производят впечатление незавершенных изделий, что не позволяет считать возможным их практическое использование. Размеры этих поковок: длина корпуса колеблется от 17 до 21,5 см, проушина либо круглая, диаметром 1,5–2 см, либо узкая, каплевидная 1 x 3 см. Проушина формовалась двумя способами. В одном случае заготовка изделия сгибалась на оправке, образуя проух. Затем концы ее, составляющие тело топора, сваривались. В другом случае проушное отверстие пробивалось. Еще одним вариантом секировидных предметов являются изделия, встреченные в Тураевском, Тарасовском и Суворовском могильниках. Отличительной чертой этого варианта было то, что проушное отверстие формовалось петлевым загибом одного конца заготовки.

Изделия изготовлены либо из железа, либо из сырьевой стали с последующей мягкой закалкой. Структурные составляющие — феррит (ми-

кратковременность 105–122 кг/мм²), феррито-перлит (221–236 кг/мм²), сорбит (254–350 кг/мм²).

Любопытно, что при изготовлении и длиннолезвийных топоров, и секировидных предметов использовалась мягкая закалка, которая, возможно, имела не практическое, а ритуальное значение.

На наш взгляд, секировидные предметы являлись заготовками топоров.

Археологические данные свидетельствуют о том, что продукция ремесленников именковской культуры распространялась у населения ряда финно-угорских культур, которые находились в непосредственном контакте с именковцами. Показательны в этом отношении материалы могильника Тюм-Тюм. Так, в одном из погребений этого некрополя (№ 94) найдено 12 секировидных предметов, аналогичных найденным на именковском поселении Щербеть-I в виде скопления, причем из них была сооружена своего рода емкость: предметы были сложены в виде прямоугольного в плане колодца, внутри которого помещалось множество других предметов, а сверху были положены конская сбруя и бронзовый котел (Ошибкина, 1979. С. 76). По-видимому, в составе богатого погребального инвентаря секировидные предметы несли какую-то ценностную нагрузку, возможно, связанную с самим металлом. В этом смысле особенно показателен массивный экземпляр из могильника Тюм-Тюм длиной 31 см при диаметре проушины 1,5 см. Совершенно очевидно, что при таком несоответствии массивного тела изделия и миниатюрной проушины предмет не мог использоваться в качестве орудия.

Секировидные предметы встречены также и в могильниках мазунинской культуры. Эти изделия, по мнению Т.И. Останиной, были привезены с территории именковской культуры. Возможно, что назначение предметов не было известно мазунинским племенам: два секировидных предмета оказались сломаны, вероятно, при попытке их эксплуатации (Останина, 1997. С. 72).

Коротколезвийные топоры (рис. 1, анализ 1802, 1806, 3687). Наряду с длиннолезвийными топорами на финно-угорских памятниках Волго-Камья получают распространение коротколезвийные топоры, которые являлись рабочими орудиями. Они известны в памятниках мазунинской, азелинской, неволинской, ломоватовской, полемской культур. При формовке тела топора заготовка сворачивалась на оправ-

ке пополам, образуя проух, а концы ее сваривались. Металлографическое исследование коротколезвийных топоров позволяет говорить, что они изготавливались в финских производственных традициях, т.е. отковывались из неравномерно науглероженной стали, при этом использовалась пакетная заготовка. В качестве приема по улучшению рабочих свойств орудия применялась твердая закалка. Возможно, под влиянием именковского ремесла финскими мастерами воспринимается идея проушного топора, на что указывают конструктивные особенности топора из V Рождественского могильника (рис. 1, анализ 3687), техника изготовления которого повторяет конструкцию длиннолезвийных топоров с прямым срезом в нижней части проушины, в то время как технологически изделие выполнено в местных производственных традициях.

Сельскохозяйственные орудия. В середине I тысячелетия н.э. на памятниках Волго-Камья появляются специализированные сельскохозяйственные орудия — серпы, наральники. По мнению Р.Д. Голдиной и П.Н. Старостина, земледелие в Прикамье получает распространение под влиянием именковских племен. Наиболее ранние серпы обнаружены в погребениях азелинской и мазунинской культур (Старостин, 2001. С. 112–113; Останина, 1997. С. 72).

Необходимо отметить, что в именковской культуре присутствуют два варианта серпов: с крутой дугой и коротким черенком и пологие с длинным черенком. Металлографически исследовано семь серпов именковской культуры. Три орудия откованы из железа. При изготовлении серпов применялись такие приемы, как пакетирование заготовки и наварка стального лезвия на железную основу с последующей термообработкой, причем использован наиболее рациональный вид термообработки для этой категории изделий — закалка с отпуском (структура — сорбит с мартенситной ориентировкой).

К сожалению, ранние серпы из финно-угорских памятников пока еще не стали объектом металлографического исследования. Из материалов второй половины I тысячелетия н.э. опубликованы анализы трех серпов и трех кос из Верх-Саинского I городища неволинской культуры (Перевощиков, 2002. С. 54–55). Два серпа изготовлены с использованием приема цементации, третий — откован из пакетного металла. Косы имели наварное стальное лезвие, которое было подвергнуто

резкой закалке. Однако хронологическая нерасчлененность исследованных артефактов (площадка Верх-Саинского городища использовалась и в первой половине II тысячелетия н.э.) не позволяет однозначно датировать исследованные предметы именно второй половиной I тысячелетия, а не более поздним временем.

Таким образом, целый ряд орудий, появившихся на территории Волго-Камья в эпоху Великого переселения народов, можно связывать с распространением в регионе именьковской культуры. Этот вывод основан не только на наборе морфологических признаков, но подтверждается и технологическим анализом. Именьковская культура не имеет местных корней. Ее памятники распространяются на территории Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья в конце IV–VII вв. По поводу происхождения этой культуры высказывались различные гипотезы. В частности, довольно долго ее возникновение связывали или с племенами городецкой археологической культуры (Смирнов, Трубникова, 1965), или с приходом тюрков (Мажитов, 1959), или с синтезом тюркских и финно-угорских племен (Старостин, 1967. С. 31). В настоящее время преобладающей точкой зрения является гипотеза о связи этой археологической культуры с переселением в Предуралье племён из ареала пшеворской и черняховской культур (Матвеева, 2002. С. 93; Седов, 2002. С. 248–249).

Наши материалы косвенным образом свидетельствуют в пользу гипотезы о судьбе именьковского населения, высказанной Г.И. Матвеевой и В.В. Седовым. По мнению этих исследователей, в конце IV в. в результате гуннского нашествия часть населения из ареала черняховской и пшеворской культур переселяется на Среднюю Волгу. Именно с ними связывают возникновение своеобразной именьковской археологической культуры. Памятники этой археологической культуры существуют здесь до VIII в. и исчезают с приходом на эти земли болгар. Часть именьковских племен уходит на запад в Днепровское Левобережье, где при их непосредственном участии возникает волынцевская археологическая культура (Матвеева, 1981, 1986; Седов, 2002). Близость именьковских материалов к черняховским и пшеворским исследователи видят в керамическом комплексе, погребальном обряде, домостроительстве, хозяйственном укладе, в том числе в присутствии сход-

ных категорий изделий: серпов, наральников, топоров.

Мы, со своей стороны, обратим внимание на конструктивные особенности именьковских длиннолезвийных топоров, параллели которым находим в черняховских материалах (Вознесенская, 1972. С. 19. Рис. 5). И именьковские, и черняховские топоры имели сходную конструктивную схему: тело топора представляло собой клин, к которому с помощью кузнечной сварки приваривалась дугообразная пластина, образывавшая обух и проушное отверстие. Черняховские и именьковские топоры совпадают и по размерам.

Особую категорию представляют описанные секировидные предметы. Ни в рассматриваемый период, ни в более раннее время мы не находим им аналогий. Между тем близкие по форме артефакты известны среди славянских древностей Центральной Европы (Великоморавское государство). Здесь в VIII–X вв. они встречаются довольно часто, иногда в больших скоплениях (по несколько сотен экземпляров). Исследователи называют их «славянскими секировидными гривнами» и полагают, что они выполняли роль железного полуфабриката и в то же время служили единицей обмена (Pleiner, 1961. Pl. 17, 19, 22). К сожалению, мы не располагаем достаточно убедительными данными о связях секировидных предметов именьковских и западнославянских племен, но и обойти вниманием этот факт не можем.

Так называемые косы (рис. 1, анализ 3688, 3682, 3692). Среди предуральских древностей середины I тысячелетия н.э. встречаются изделия своеобразной формы. Это обоюдоострый, подтреугольный в сечении клинок и расположенная под тупым углом к нему пятка или черенок с крючком на конце (Перевошиков, 2002. С. 45). Предметы имеют стандартную форму и близки по размерам: длина клинка составляет 14,5–19 см, ширина клинка – около 3 см, высота пятки – 5,5–6 см, угол наклона пятки – 120–125°. Необычная форма поковок и отсутствие аналогий привело к неоднозначной трактовке их функционального назначения. Так, В.Ф. Генинг относил их к сельскохозяйственным орудиям – «косам» (Генинг, 1963). «Серпами» их называют А.Н. Лепихин и А.Ф. Мельничук (Лепихин, Мельничук, 2000). С.В. Ошибкина считала их скобелями (Ошибкина, 1979). Н.А. Мажитов считает их предметами домашнего обихода типа кочедыка (Мажитов, 1968). В последнее

время С.Е. Перевощиков и Р.Д. Голдина на основании результатов металлографических анализов пришли к выводу, что рассматриваемые изделия являются метательным оружием (Голдина, 1999; Перевощиков, 1997, 2002).

Обращает на себя внимание факт распространения этих предметов в воинских курганных погребениях Тураевского, Тарасовского, Суворовского могильников, которые датируются второй половиной IV–V вв. Поскольку подобные предметы ни в предшествующее, ни в последующее время не встречены, а курганный обряд в VI в. исчезает на данной территории, происхождение так называемых кос следует связывать именно с носителями курганного погребального обряда.

Известно, что данные предметы попадают и в местную, финно-угорскую среду. Но ареал их не выходит за пределы контактной зоны финно-угорского и пришлого населения. Они встречены в погребениях азелинской и мазунинской культур. В некоторых случаях они входили в состав жертвенных комплексов вместе с другими инокультурными предметами. Один предмет известен в Гляденовском костыше (верхний слой).

Металлографически исследовано десять предметов (Перевощиков, 1997, 2002; Семыкин, 1993; Терехова и др., 1997. С. 138). Как показал микроскопический анализ, все изделия изготовлены либо из сырцово-кованой, либо из качественной стали. При этом клинок был или цельнометаллическим, или откован из пакетной заготовки, сваренной таким образом, что на оба лезвия выходила наиболее углеродистая полоса. Большая часть этих изделий подвергнута термообработке. С технологической точки зрения можно уточнить, что рабочей частью предметов были оба лезвия. Исходя из этого, можно предположить, что функцией этого предмета было ударно-режущее действие.

Итак, можно констатировать, что в Среднем Поволжье, Нижнем и Среднем Прикамье появляется пришлое население со специфическим набором кузнечного инвентаря, который не всегда можно отождествить с определенной этнокультурной общностью. Несмотря на тесные контакты, установившиеся у местных племен с носителями иных культурных традиций, технологических заимствований мы не наблюдаем. Фиксируется лишь заимствование инокультурных предметов.

Что касается Верхнего Прикамья, то здесь этнокультурные контакты принимали более

сложные формы. Как уже говорилось выше, на основе синтеза местного и пришлого населения возникают новые археологические культуры. Исследователи считают, что в формировании этих культур принимало участие население из Зауралья. В основном ядре пришельцев из Зауралья большинство исследователей видят носителей западного варианта саргатской общности (Голдина, 1999. С. 276). Кузнечные изделия саргатской культуры исследованы Н.М. Зиняковым, который провел металлографический анализ коллекции из 72 железных предметов (Зиняков, 1997). К сожалению, разделения изделий по хронологическим периодам проведено не было и все они датируются в рамках довольно продолжительного времени — V в. до н.э. — III–IV вв. н.э. Исходным кузнечным сырьем саргатских племен служила сырцовая сталь (Зиняков, 1997. С. 113–114). В качестве термообработки использовалась исключительно твердая закалка. Процесс сознательного науглероживания железа еще не был освоен, т.е. саргатцы не знали не только специального получения цементированной стали, но и цементации готового изделия. По мнению Н.М. Зинякова, в саргатской культуре железо, без сомнения, было дорогим и престижным материалом (Зиняков, 1997. С. 115). Таким образом, уровень железообработки у саргатских племен был ниже, чем у народов Предуралья, которые, как уже отмечалось, не только освоили процесс химико-термической обработки черного металла, но и проводили первые попытки овладения приемами технологической сварки.

Накопленные к настоящему времени данные археометаллографических исследований позволяют обратиться еще к одному региону финно-угорского мира — Поочью. Мы имеем в виду культуру рязано-окских могильников, в материалах которых прослеживаются связи с Прикамьем (Воронина, Зеленцова, Энгватова, 2005. С. 6). Нами была исследована коллекция железных предметов, происходящих из могильников: Кошибеевского (раскопки А.А. Спицына), Польно-Ялтуновского (раскопки В.И. Шитова), Никитинского (раскопки Р.Ф. Ворониной).

Как установлено, кузнечное ремесло местного населения в эпоху переселения народов развивалось в традициях, характерных для всего финно-угорского мира: изделия отковывались в основном либо целиком из железа, либо из сырцово-кованой стали, цементированная

сталь и приемы термообработки использовались крайне редко, технологическая сварка не применялась.

На этом фоне выделяется ряд изделий, изготовленных в иных технологических традициях. Это, прежде всего, такое престижное оружие, как короткий однолезвийный меч. Металлографическое исследование двух экземпляров таких мечей из Никитинского могильника (рис. 2, анализ 1580, 1581) показало, что они были изготовлены из качественной высокоуглеродистой стали и являются продукцией развитых специализированных мастерских. По мнению Эварта Окшотта, специалиста по истории оружия, однолезвийные мечи (саксы) получили наибольшее распространение в эпоху Великого переселения народов (Окшотт, 2006. С. 139).

Еще одно изделие, а именно нож (рис. 1, анализ 11715) из Кошибеевского могильника (погребение 75, раскопки А.А. Спицына), демонстрирует технологию, не свойственную местным производственным традициям. Нож выполнен в технологии сварки стальной лезы с высоким содержанием углерода в основу из фосфористого (твердого) железа. Подобная технологическая схема не характерна для рассматриваемого времени. Такая технология в более раннее время практиковалась лишь в античных производственных центрах. Использование технологической сварки в кузнечном ремесле получает широкое распространение лишь в средневековом городском ремесле (Терехова и др., 1997. С. 83).

В материалах рязано-окских могильников зафиксирован такой примечательный факт, как использование цветного металла в железообработке, что является редким явлением вплоть до эпохи средневековья. На наконечниках копий из могильников Кораблино, Заречье, Польно-Ялтуново обнаружены на конце втулки кольца из цветного металла. Они играли как декоративную, так и функциональную роль (закрепляли раструб втулки). По данным И.Г. Равич, спектральный анализ кольца наконечника копья из Польно-Ялтуновского могильника (рис. 2, анализ 11584) показал, что использовалась латунь — сплав на медной основе с примесью цинка (12%). Применение сплавов с лигатурой цинка зарегистрировано в большинстве украшений из Никитинского могильника (Сарачева, 2005. С. 120). Исследователи связывают распространение латунных сплавов с прибалтийской зоной цветной ме-

таллообработки (Черных, Барцева, 1972. С. 91). В эту же зону, как полагает Т.Г. Сарачева, были вовлечены и носители культуры рязано-окских могильников (Сарачева, 2005. С. 121).

На связи культуры рязано-окских могильников с культурами балтийского региона, возможно, также указывают некоторые конструктивные особенности в производстве топоров-кельтов — типичного орудия финно-угорского мира. Такие же орудия были широко распространены в это время и в балтийском регионе.

Финно-угорские топоры-кельты, как показало металлографическое исследование большого количества таких изделий, состоят из двух конструктивных элементов: клина и втулки, которые соединялись с помощью кузнечной сварки. Место соединения двух конструктивных элементов хорошо видно во втулке и выглядит в виде круглой площадки (рис. 2, анализ 1569).

В материалах рязано-окских могильников наряду с такой схемой выявлен другой конструктивный прием. Особенность его заключается в том, что топор-кельт отковывался из единой заготовки, которую сворачивали на оправке. Один конец оставался полым и служил втулкой, из второго конца с помощью кузнечной сварки и проковки формовалась рабочая часть (лезвие). Эта конструкция является как визуально, так и под микроскопом. В последнем случае на образце, отобранном с продольного сечения лезвия кельта, виден сварной шов, проходящий по осевой линии. Визуально во втулке прослеживается сварочный шов, параллельный лезвию изделия (рис. 2, анализ 1571). Нигде в остальном финно-угорском мире мы не фиксируем топоров-кельтов, имеющих такую конструкцию.

Можно предположить, что подобные орудия попадали в Среднее Поочье из ареала с иными производственными традициями. В качестве такового можно рассматривать прибалтийский регион.

Итак, технико-технологическая характеристика кузнечного инвентаря из различных памятников Волго-Камья и Поочья, относящихся к периоду Великого переселения народов, свидетельствует о том, что появившиеся в это время на различных территориях новые типы железных предметов выделяются на фоне местных изделий из черного металла не только морфологически, но и технологически, и могут служить дополнительным источником по изучению этно-культурных контактов.

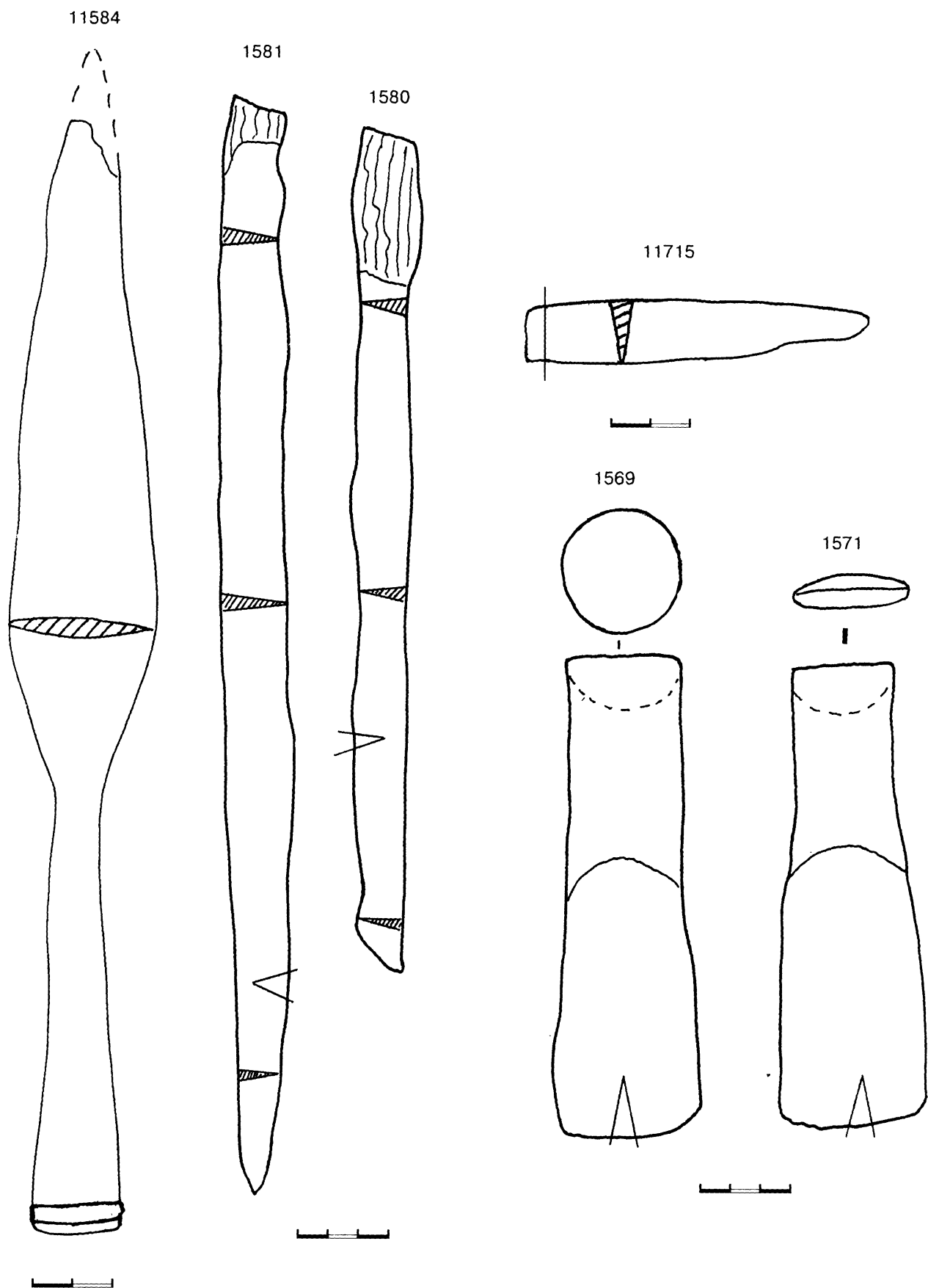

Рис. 2. Инокультурные железные предметы из памятников Пooчья

Ахмедов И.Р., 2001. Воинское погребение из могильника Борок II // Тверской археологический сборник. Тверь. Т. 2.

Ахмедов И.Р., Казанский М.М., 2004. После Аттилы: Киевский клад и его культурно-исторический аспект // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб.

Вознесенская Г.А., 1972. Техника обработки железа и стали // Т.Б.Барцева, Г.А.Вознесенская, Е.Н.Черных. Металл черняховской культуры. М.

Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.В., 2005. Никитинский могильник // Труды Отдела охранных раскопок. М. Т. 3.

Генинг В.Ф., 1963. Азелинская культура III–V вв.: Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов // ВАУ. Свердловск. Вып. 5.

Голдина Р.Д., 1999. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск.

Зиняков Н.М., 1997. Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. Кемерово.

Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф., 2000. Гляденовское копьеносие в трудах А.П.Смирнова и новейшее их изучение // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М.

Мажитов Н.А., 1959. Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы // Башкирский археологический сборник. Зфа.

Мажитов Н.А., 1968. Бахмутинская культура. М.

Матвеева Г.И., 1981. О происхождении именниковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев.

Матвеева Г.И., 1986. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии н.э. // Культуры Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Куйбышев.

Матвеева Г.И., 2002. К вопросу о характере взаимоотношений различных этнических групп на территории Южного Приуралья в первой половине I тыс. н.э. // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Ижевск.

Окшотт Э., 2006. Археология оружия. М.

Останина Т.И., 1997. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск.

Ошибкина С.В., 1979. Погребальный обряд азелинской культуры по материалам могильника Тюм-Тюм // КСИА. Вып. 158.

Перевошиков С.Е., 1997. Еще раз о «косах-горбушах» // Проблемы межэтнических взаимодействий сопредельных национальных и административных образований (на примере региона Среднего Прикамья): Тезисы докладов. Сарапул.

Перевошиков С.Е., 2002. Железообрабатывающее производство населения Камско-Вятского междуречья в эпоху средневековья (технологический аспект). Ижевск.

Розанова Л.С., Терехова Н.Н., 2000. Культурные контакты азелинских племен (по данным археологической металлографии) // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: Материалы научной конференции. М.

Сарачева Т.Г., 2005. Технология изготовления ювелирных изделий Никитинского могильника // Р.Ф.Воронина, О.В.Зеленцова, А.В.Энговатова. Никитинский могильник: Труды Отдела охранных раскопок. М. Т. 3.

Седов В.В., 2002. Славяне: Историко-археологическое исследование. М.

Семькин Ю.А., 1993. Характеристика технологии изготовления кузнечной продукции Большетарханского могильника // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Пенза.

Смирнов А.П., Трубникова Н.В., 1965. Городецкая культура // САИ. М. Вып. Д1-14.

Старостин П.Н., 1967. Памятники именниковской культуры // САИ. М. Вып. Д1-32.

Старостин П.Н., 2001. Именниковская культура // Очерки по археологии Татарстана. Казань.

Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М., 1997. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.

Хазанов А.М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М.

Черных Е.Н., Барцева Т.Б., 1972. Сплавы цветных металлов // Т.Б.Барцева, Г.А.Вознесенская, Е.Н.Черных. Металл черняховской культуры. М.

Biborski M., 1978. Miecze z okresu wptzwów rzymskich na obszarze kultury przeworskiej // MA. XVIII.

Biborski M., Kaczanowski P., Kedyerski Z., Stepiński J., 1982. Metallographische Untersuchungen als Kriterium einer identification römischer Schwerter // Archaeologia Interregionalis. Ancient Iron Manufacture Centres in Northern Central Europe. Kraków; Warszawa.

Pleiner R., 1961. Slovanské sekerovité hřivny // SA. IX (1–2).

О «КУРГАНАХ С РОВИКАМИ», ПОГРЕБЕНИЯХ ТИПА «СОКОЛОВСКОЙ БАЛКИ» И НЕКОТОРЫХ ИНЫХ ДРЕВНОСТЯХ ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ (к постановке проблемы)

В хазарской археологии наименее изученными до сих пор продолжают оставаться курганные и грунтовые ямные кочевнические погребения второй половины VII–IX вв., практиковавшиеся по обряду совместного захоронения останков человека, коня и барана. Эти памятники в значительном объеме были открыты в ходе широкомасштабных археологических раскопок 70–90-х годов XX в. на Нижнем Дону, Нижней и Средней Волге, Кубани, в Ставрополье, северо-западном Приазовье и Крыму. К сожалению, четкие научные характеристики и терминологические определения этих погребений в историко-археологической литературе до сих пор остаются практически не обозначенными. Причина предельно проста – степень ввода в научный оборот памятников данного круга чрезвычайно низка. Между тем, наиболее корректная их оценка может быть сформулирована лишь при максимальном охвате всех имеющихся материалов.

Особое место занимают погребения конца VII – начала IX в., производившиеся на ритуальных площадках, ограждаемых ровиками, основной ареал которых находится на Нижнем Дону*. Памятники именно этого типа С.А. Плетнёва назвала самым крупным открытием современного хазароведения (Плетнёва, 1990. С. 82). Именно с ними до настоящего времени увязывалась основная надежда на разрешение наиболее важного вопроса археологии Хазарского каганата – поиск собственно хазарской культуры и уяснение ее генезиса.

После открытия в 1971 г. Л.С. Клейном в кургане 11 могильника Соколовская балка (рис. 1, 2) кочевнического погребения с достоверно салтовским инвентарем (Клейн, 1971. С. 19–24; Клейн, Раев, Семёнов, Субботин, 1972.

С. 132–134; Плетнёва, 1981. С. 71, 159; Семёнов, 1988. С. 101; Плетнева, 1999. С. 121–122; Круглов, 2006 а. С. 288–289) для обозначения подобных памятников стали использоваться два термина: «курганы с ровиками» и «памятники типа Соколовской балки», считающиеся по отношению друг к другу тождественными и равнозначными. Но, к сожалению, таковыми они не являются.

Помимо общей терминологической неопределенности, ситуацию усложнило исследование в конце 1980-х – начале 1990-х годов нескольких «курганов с ровиками» на Средней Волге в могильниках Урень-II, Старая Майна-I и Шиловский, получивших наименование древности «шиловско-уреньского» типа (Багаутдинов, Набоков, 1993. С. 13–18; Багаутдинов, 1994. С. 6–8). Хотя средневожские памятники и были признаны чрезвычайно близкими по обряду к «курганам с ровиками» Нижнего Дона и Волги, эти древности рассматривались исследователями отдельно друг от друга (Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998; Иванов, 1999а, б).

Соответственно, в то время как тюрко-хазарская этническая атрибуция погребений из группы «курганов с ровиками» Нижнего Дона и Волги к настоящему времени практически уже перестала вызывать возражения у ведущих специалистов (Плетнёва, 2003. С. 87), этническая атрибуция «курганов с ровиками» шиловско-уреньской территориальной группы продолжает оставаться дискуссионной. Одни исследователи определяют эти памятники в качестве праболгарских (Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1999. С. 80–83, 169, 171), другие считают их хазарскими (Плетнёва, 1999. С. 201–203; Бражник, 1999. С. 70–77).

Между тем, объединение уреньско-шиловских комплексов в состав древностей одной группы является ошибочным и вызывает принципиальные возражения. Окруженные ровиками захоронения из средневожских курганов не просто типологически разнородны и хронологически разновременны, но и разнокультур-

* Автором учтено 108 погребальных и 39 поминальных (не имеющих погребений) комплексов «с ровиками»: в Ростовской обл. – 116 (86 погребальных), в Волгоградской обл. – 7 (3), в Ульяновской и Самарской обл. – 5 (5), в Республике Калмыкия – 5 (5), в Краснодарском крае – 4 (1), в Ставропольском крае – 3 (3), в Астраханской обл. – 2 (2), в восточных и юго-восточных областях Украины – 5 (3).

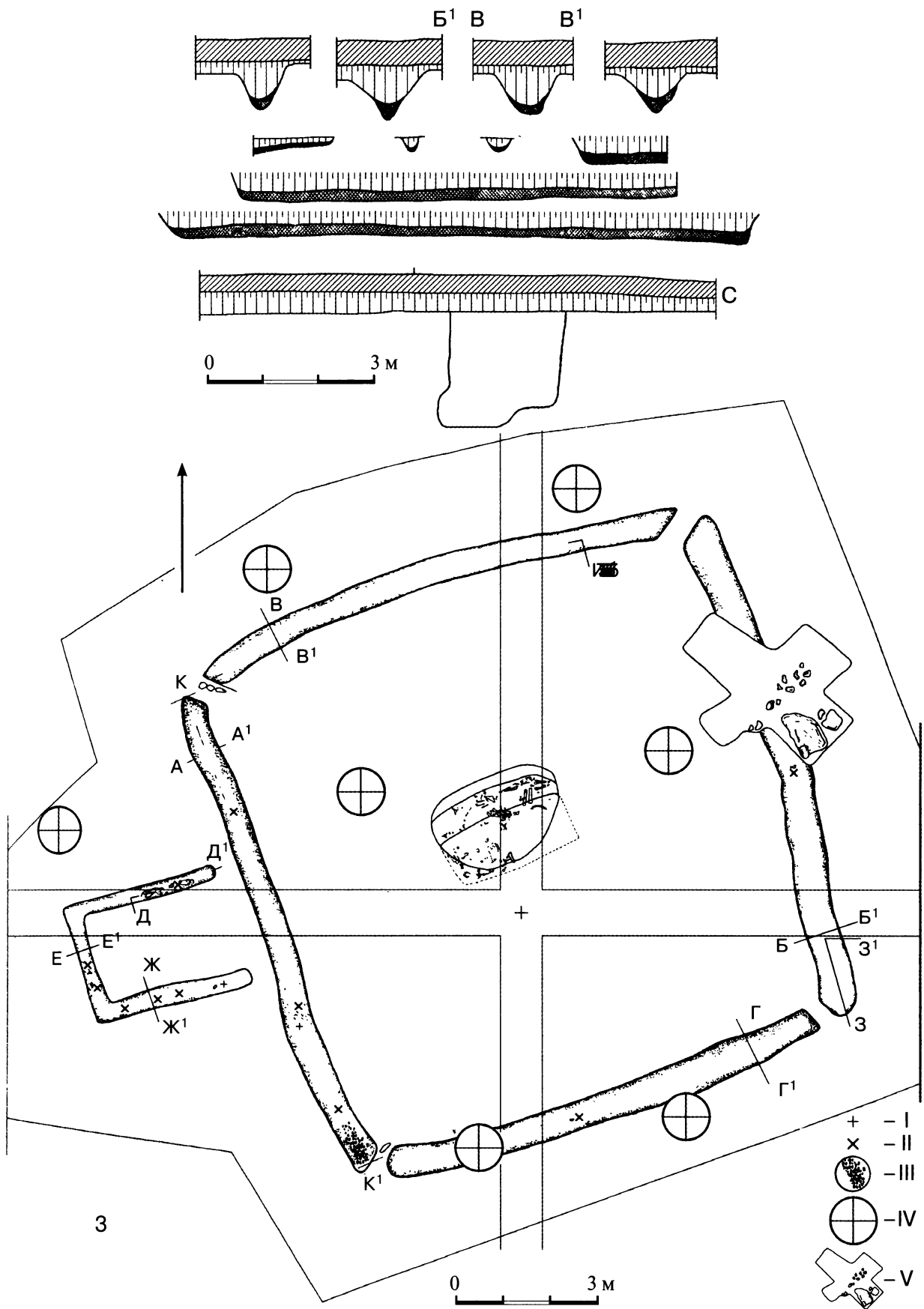

Рис. 1. План кургана 11 у Соколовской балки (по: Клейн, 1971; Круглов, 2006а. С. 287. Рис. 3):
 1 – разрезы ровика, 2 – профиль бровки, 3 – план насыпи; I – условный центр насыпи кургана; II – находки в ровике
 (кости животных, фрагменты керамики); III – кострища в ровике; IV – нераскопанные площадки с фруктовыми деревьями;
 V – окоп времен Великой Отечественной войны

ны. Погребение из кургана 1 Шиловского могильника по своей хронологии, общему облику и реконструируемому обряду сопоставимо с элитными захоронениями Верхнечирюртовского курганного катакомбного могильника предсалтовского периода раннехазарского времени (конец VII — начало VIII в.). Погребения из могильников Урень-II и Старая Майна-I по своему обряду чрезвычайно близки к классическим захоронениям зливкинского типа салтово-маяцкой культуры (конец VIII — начало IX в.) Нижнего Подонья — Подонцовья. Это означает, что речь о шиловско-уреньских памятниках как о древностях одной группы может идти только лишь как об историографическом казусе. Какой-либо устойчивой этнографической группой археологических древностей они не являются и сближаются друг с другом только по вторичному обрядовому признаку — наличию рвов, ограждающих захоронения.

Хотя среди «курганов с ровиками» хазарского времени известно и некоторое количество впускных комплексов, подавляющее большинство памятников данного типа имели индивидуальные насыпи. Считается, что выявляемые в курганах ритуальные площадки, оконтуренные ровиками, имели в плане специфические подквадратные очертания. Однако представление о подобной однотипности данных археологических объектов не соответствует действительности. Уже в кандидатской диссертации А.А. Иванова различались квадратные, квадратные с дополнительной П-образной пристройкой, прямоугольные, а также округлые ровики (Иванов, 1999 а. С. 220, 226. Табл. 1; 1999 б; 2000). К сожалению, классификация указанных памятников, предложенная А.А. Ивановым, представляется крайне упрощенной и излишне схематизированной. Основная проблема заключается в том, что речь, в принципе, должна идти не столько о ровиках, сколько о типах и формах погребально-поминальных площадок, оконтуренных с их помощью. При таком понимании внутрикурганные ровики оказываются не более чем вторичным признаком обрядности, выступая одним из нескольких возможных способов ограждения площадок, выбранных для проведения погребально-поминальных действий. Помимо ровиков, такие площадки могли ограждаться земляными валами, каменными и деревянными оградами — сооружениями, функционально однотипными ровикам. В некоторых случаях ритуальные площадки оставались не огражденными.

Целый комплекс проблем лежит в определении характера округлых площадок, ограждавшихся кольцевыми ровиками. Принадлежность их к кругу рассматриваемых памятников требует дополнительного обоснования. Вполне уверенно можно говорить о существовании в качестве отдельного типа квадратно-кольцевых площадок, являющихся переходными от округло-кольцевых к подквадратным. Вряд ли целесообразно рассматривать в качестве самостоятельного типа площадки с ровиками, осложненные дополнительными П-образными пристройками. За очень редким исключением такие конструкции пристраивались не к первоначальным ритуальным площадкам, а к перекрывшим их курганным насыпям. Но в этом случае речь должна идти уже не об одной, а о двух разновременных площадках, фактически не связанных друг с другом. Наличие подобных объектов как раз и говорит о том, что сооружение ровиков было лишь архитектурным элементом сильно растянутого во времени и достаточно сложного для понимания погребально-поминального обряда. По своему предназначению П-образные пристройки, видимо, должны сопоставляться с «курганами с ровиками», не имеющими погребений. Количество последних оказалось неожиданно велико. Распространенное представление о подобных объектах как о кенотафах ошибочно. Обнаружение В.В. Рогудеевым трех погребений первой четверти VIII в. в кургане 2 могильника Михайловка-I (Рогудеев, 2001), показало, что кенотафами в курганах кочевников хазарского времени следует считать классические могилы с заупокойным инвентарем, но достоверно не имеющие останков погребенных. В таком случае П-образные пристройки к «курганам с ровиками», «курганы с ровиками» без могил следует считать культовыми сооружениями не погребального, а поминального характера и рассматривать их в комплексе с расположенными рядом с ними «курганами с ровиками», имеющими погребения.

Как известно, погребальный обряд делится на две сферы — идеологическую и практическую. Идеологическая сфера определяется как стабильная и копируемая система религиозно-мифологических представлений и норм, регламентирующих процесс захоронения умершего. Практическая сфера рассматривается как система обязательных стереотипно-символических действий, норм и предписа-

ний, направленных на избавление от останков умершего посредством их захоронения. Между тем, единственными археологическими архетипами обряда погребения признаются только могильная яма и останки самого покойника. Любого рода внемогильные ритуальные действия и сооружения, производимые вокруг могил, имеют отношение не к обряду погребения, а к обряду поминовения, имеющего свои специфические особенности. Если обряд погребения останков человека был четко ограничен по времени совершения, то поминальные действия, начинаясь еще до обряда погребения, могли продолжаться неограниченное время и после его завершения (Ольховский, 1993. С. 78–93).

Для полноценного этнокультурного определения захоронений раннесредневековых кочевников основополагающими и наиболее информативными характеристиками погребального обряда являются признаки, описывающие конкретные особенности местоположения в могилах останков людей и сопровождающих их останков ритуальных животных, обычно коня и барана. Однако могилы зачастую оказываются потревоженными и расположение костных останков человека и сопровождающих их животных представляется ясным далеко не всегда. В этих условиях для максимально достоверной атрибуции погребальных археологических древностей необходимо искать иные признаки, свойственные если не всем, то хотя бы большинству имеющих в нашем распоряжении источников. В захоронениях хазарского времени такому условию отвечают признаки, описывающие конструктивные особенности могильных ям. Яма – простейшая, но достаточно определившаяся форма реализации идеи сокрытия останков умершего путем их погребения, для своего воплощения требовавшая определенных умственных и физических усилий (Ольховский, 1993. С. 89). Именно форма ямы может фиксироваться даже при полном разрушении костных останков самих погребенных и сопровождавших их ритуальных животных. Не случайно именно по этому признаку И.И. Ляпушкин в свое время смог уверенно разделить салтовские верхнедонецкие (в узком этнокультурном смысле – лесостепные аланские) и зливкинские донецко-донские (степные болгарские) группы археологических памятников салтово-маяцкой культуры (Ляпушкин, 1958. С. 106–107). В системе, раз-

работанной И.И. Ляпушкиным, конструкция могильной ямы и антропологические характеристики погребенных выступили двумя наиболее важными признаками, позволившими уверенно различать погребальные древности салтово-маяцкой культуры. Они же продолжают оставаться основой хазарской этнической археологии и в настоящее время. Представляется, что именно по этим признакам в первую очередь и следует рассматривать погребальные кочевнические комплексы восточноевропейских степей, подпадающие под определения «курганы с ровиками» и «памятники типа Соколовской балки».

Считается, что могилы из «курганов с ровиками» представлены преимущественно ямами с подбоями, вырезанными в длинных боковых стенах (Иванов, 1999 а. С. 217–218). Среди них, однако, довольно часто (~ 15–20%) встречаются захоронения в катакомбах, круглых и простых ямах, а также в ямах со ступеньками вдоль длинных стен. Именно это обстоятельство не позволяет рассматривать данные памятники в качестве этнически однородной группы.

Другая проблема, возникающая при использовании термина «курганы с ровиками», заключается в том, что вне его остаются захоронения, окруженные земляными валами, каменными и деревянными оградами. Кроме того, вне рамок этого термина находится значительный пласт курганных и грунтовых ямных захоронений, не огражденных ровиками. Иными словами, «курганы с ровиками» представляют собой выборку древностей из общей массы погребально-поминальных памятников степных кочевников хазарского времени, довольно ограниченную по количеству и чрезвычайно аморфную по составу.

Ассоциация с захоронением, исследованная Л.С. Клейном в 1971 г. в кургане 11 могильника у Соколовской балки (Клейн, 1971; Круглов, 2006 а. С. 288–289. Рис. 3–4), позволяет считать памятниками соколовского типа исключительно захоронения с подбоями в длинных стенках входных ям. Могилы этого типа окружались всевозможными ровиками: кольцевыми, квадратно-кольцевыми, квадратными, прямоугольными. Однако существует и значительное количество абсолютно аналогичных могил, не окруженных ровиками. Это обстоятельство позволяет нам отказаться при типологическом определении захоронений соколовского типа от такого важного обрядового

признака, как наличие или отсутствие ограждающих могилы ровиков.

Основное преимущество термина «памятники типа Соколовской балки» заключается в том, что он позволяет учитывать практически все подбойные захоронения: как огражденные ровиками, так и не огражденные; как основные курганные, так и впускные. Помимо этого учитываются грунтовые ямные погребения в могилах с подбоями, а также курганы с ровиками, не имеющие могил, но расположенные рядом с курганами с подбойными захоронениями.

Вне классификационной схемы остаются сравнительно малочисленные подкурганные захоронения в простых ямах и ямах со ступеньками вдоль длинных стен, как окруженные ровиками, так и не имеющие их. Представляется, однако, что курганные погребения в указанных могильных ямах следует рассматривать в составе древностей зливкинского типа хазарского времени и определять их как памятники кочевнической знати. Как известно, представление о простоте и однообразии зливкинского обряда, сформированное В.А. Городцовым по результатам раскопок Зливкинского могильника (*Городцов*, 1905. С. 250–259), в настоящее время признается ошибочным. В 80-х годах XX в. исследованиями М.Л. Швецова в Зливкинском могильнике были открыты захоронения в круглых и колоколовидных ямах, могилы со ступеньками вдоль длинных стен и нишами в коротких, обнаружены сопроводительные останки мелкого рогатого скота, выявлены комплексы с богатым инвентарем (*Швецов*, 1991. С. 109–123). Открытия М.Л. Швецова заставляют нас пересмотреть классическую и устоявшуюся характеристику захоронений зливкинского типа.

Начиная с работ И.И. Ляпушкина и Н.Я. Мерперта (*Ляпушкин*, 1958; *Смирнов*, *Мерперт*, 1954), все грунтовые захоронения зливкинского типа салтово-маяцкой культуры определялись исключительно только как праболгарские. Но в таком случае подкурганные ямные захоронения зливкинского типа, практически полностью аналогичные грунтовым, в том числе и окруженные ровиками, мы также можем считать погребальными памятниками праболгар.

С хазарами, в таком случае, нам остается связывать типологически четко определенные «памятники типа Соколовской балки», в наиболее узком значении понимаемые как

захоронения с подбоями в длинных боковых стенках. Думаю, что уже на данном этапе мы вполне можем предполагать хазарскую этническую атрибуцию памятников указанного типа независимо от того, являлись ли они курганными или грунтовыми ямными, были ли они окружены ровиками или нет (*Круглов*, 2006 б. С. 76–78; 2007. С. 146–152).

Наиболее существенные проблемы, связанные с использованием терминов «курганы с ровиками» и «памятники типа Соколовской балки», состоят в хронологии.

Выборка археологических памятников по признаку наличия вокруг захоронения квадратного ровика, во-первых, не позволяет считать указанные древности принадлежащими к наиболее раннему периоду хазарской истории. Во-вторых, хронология сооружения ровиков разных типов имеет ряд пока еще не вполне ясных особенностей.

Одним из наиболее ранних погребений хазарского времени является впускное погребение этапа II перещепинского хронологического горизонта (абсолютные даты около 665–685 гг.) из кургана 2 могильника Сивашовка (*Комар*, 2006. С. 238; *Комар*, *Кубышев*, *Орлов*, 2006. С. 247. Рис. 2), окруженного ровиком кольцевого типа.

Временем не позже этапа I горизонта Вознесенки (690–704-е гг.) датируются курганы 1 и 2 из могильника Лебеди-IV (*Скарбовенко*, 1980). Абсолютная дата погребений кургана 2 могильника Саловский-IV жестко ограничивается 704–711/713 гг. (*Парусимов*, 1998; *Круглов*, 2006а. С. 275–276). Погребение из кургана 1 Шиловки (*Багаутдинов*, *Богачев*, *Зубов*, 1998) также относится отнюдь не к середине VII в., как считают авторы, а к самому началу VIII в. (*Комар*, 2001. С. 30; 2006. С. 238). Но все погребения из вышеуказанных памятников не относятся к группе древностей «типа Соколовской балки». Могилы из Сивашовки, Лебедей-IV и Саловского-IV представляют собой ямы со ступеньками вдоль длинных стен, а могила из Шиловки является катакомбой. Ровики, выявленные в этих курганах, не имеют угловых перемычек, наличие которых характерно для памятников соколовского типа. Все ныне известные погребения «типа Соколовской балки» последней четверти VII – начала VIII в. либо вообще не имеют никаких ровиков (Бережновка, курган 111, Виноградное, курган 5, Дорофеевский, курган 13; *Синицын*, 1960. С. 102, 106–107; *Орлов*,

Рассамакин, 1996. С. 102–116; Круглов, 1992 б. С. 152–156), либо были окружены широкими и сплошными кольцевыми ровиками (Гува-I, курган 8 и Березовский-I, курган 2; Плетнёва, 1999. Рис. 120; Скарбовенко, Сташенков, 2000. С. 16–187). Узкие ровики квадратно-кольцевого типа с угловыми перемычками (Подгорненский-IV, курганы 2 и 14; Науменко, 1988; Безуглов, Науменко, 2007. С. 73–84), конструктивно являющиеся переходными к выраженным квадратным ровикам, вокруг погребений «типа Соколовской балки» начинают сооружаться не ранее 715–725 гг. (Круглов, 2006 а. С. 276–277). Погребения, окруженные выраженными подквадратными ровиками с угловыми перемычками (Плетнёва, 1999. Рис. 96–97), устойчиво датируются в пределах 720–760-х годов, что соответствует времени бытования древностей горизонтов Галиат – Геленовка и этапа I Столбище – Старокорсунская (Комар, 1999. С. 132).

Наиболее поздними (последняя треть VIII – начало IX в.) в группе «курганов с ровиками» вновь оказываются погребения, либо не имеющие ровиков, либо окруженные кольцевыми ровиками (Барановка, курган 13, Урень-II, курган 2; Круглов, 1992а; Плетнёва, 1999. С. 118; Багаутдинов, Zubov, Богачев, 1999. С. 212. Табл. 1, 1), либо сплошными квадратными (Кривая Лука-XXVII, курган 5, Старая Майна, курган 1, Урень-II, курганы 3 и 4; Фёдоров-Давыдов, 1984. С. 80–91. Рис. 1; Плетнёва, 1999. Рис. 117; Багаутдинов, Богачев, Zubov, 1998. С. 212. Табл. 1, 5, 9, 10). Таким образом, сооружение ровиков в курганах хазарского времени не связано с какой-то одной группой погребальных древностей и имеет явный эволюционный характер: «кольцевые» и «квадратные сплошные» – «квадратно-кольцевые» – «квадратные с перемычками» – «кольцевые».

Хорошо известно, что образование Хазарского каганата и выход хазар на историческую арену имели место не в первой четверти VIII в. и даже не на рубеже VII–VIII вв., а в середине VII в. В связи с этим с сожалением приходится констатировать, что широко распространенное представление о «курганах с ровиками» как о памятниках, принадлежащих якобы самим хазарам, фактически тормозит процесс поиска и выделения комплексов этнических хазар из числа других уже известных науке погребальных памятников «типа Соколовской балки» второй половины VII в. – начала VIII в., которые, как уже выше отмечалось, в

это время либо не имеют вокруг себя ровиков, либо окружены не квадратными, а кольцевыми рвами-канавками.

Указанные проблемы во многом разрешаются элементарной рокировкой: заменой слишком широкого по значению понятия «курганы с ровиками» вполне конкретным и предельно четким термином «памятники типа Соколовской балки».

Однако памятниками «типа Соколовской балки» и зливкинского типа не исчерпывается полный список всех ныне известных погребальных древностей кочевников хазарского времени степной полосы Восточной Европы. Вне их остаются захоронения сивашовского круга, а также памятники верхнечирютовского и новинковского типов.

Считается, что захоронения сивашовского круга бытования второй половины VII в. хронологически предшествуют появлению «курганов с ровиками». Первичное выделение сивашовских древностей, этнически определенных в качестве праболгарских, было проведено по материалам степей северо-западного Приазовья и Крыма (Орлов, 1985). Однако в настоящее время формируется твердое убеждение о более значительном территориальном распространении древностей этого круга – от междуречья Днестра и Днепра до Нижней Волги, от Среднего Поволжья до Крыма и Предкавказья с включением степных районов Азербайджана. Но указанная территория значительно шире любых теоретически возможных границ Великой Болгарии и может совпадать только лишь с реальными историческими границами Хазарского каганата.

Изучение древностей сивашовского круга показывает, что в качестве основных могильных сооружений кочевое население степи во второй половине VII в. практиковало те же самые погребальные конструкции, что и в VIII в. Это ямы со ступеньками вдоль длинных стен и нишами в коротких (группа захоронений типа «Сивашовки») и ямы с боковыми подбоями (группа захоронений типа «Бережновка – Виноградное (курган 5) – Портовое»). Следовательно, во второй половине VII в. в степи обитали те же самые группы кочевников, что и в VIII в.

Признаками, свойственными древностям второй половины VII в., являются: преимущественно впускной характер захоронений, господство северной, северо-восточной и восточной ориентировок погребенных, от-

гствие вокруг могил ограждающих ровиков. Их особенностей, однако, недостаточно для нокультурного противопоставления кочевческих захоронений VII и VIII вв. Группу захоронений типа «Сивашовки» со ступеньками вдоль длинных стен и нишами в коротких вполне можно определять в качестве наиболее ранних захоронений зливкинско-го типа. Группу захоронений типа «Бережновка — Виградное (курган 5) — Портовое» с боковыми подбоями можно определять в качестве наиболее ранних захоронений типа «Соколовский балки». Переход от впускных погребений второй половины VII в. к основным захоронениям VIII в. объясняется переходом от второй стадии кочевания к третьей и общим уменьшением подвижности населения Хазарского каганата в связи с резким улучшением климатическо-экологической обстановки в степи. Переход от северо-восточной ориентировки к западной носил обычный для средневековых кочевников диахронный характер (*Добролюбовский*, 1986) и вполне может быть объяснен идеологической трансформацией, происшедшей в хазарском обществе на рубеже VII—VIII вв. или в самом начале VIII в. Как отмечалось, этот эпонимный комплекс из Сивашовки был рожден вполне реальным кольцевым ровиком. А курган 5 могильника Лебеди-IV с основным погребением сивашовского круга содействовал с курганами 1 и 2, в которых были фиксированы подквадратные ровики. На наш взгляд, изменение ориентировок и начало распространения практики сооружения могил на площадках, ограждаемых ровиками, отражали попытку внедрения в хазаро-алгарское кочевое сообщество социально-идеологических представлений и норм, связанных с культом бога неба Тенгри-хана. Можно объяснить переходы от сооружения круглых погребально-поминальных площадок к квадратным (начало VIII в.) и обратное возвращение к практике сооружения округлых площадок (конец VIII в.). В качестве рабочей гипотезы можно указать лишь на возможную связь этих процессов со вполне реальными историческими событиями: борьбой каганов-тенгрианцев с каганами-иудеями в самом начале VIII в., завершившейся установлением в Хазарском каганате культа Тенгри, а также последующим переворотом с переходом политической власти от кагана-тенгрианца к царю-иудею во второй половине VIII в. (*Львова*, 2005).

Памятники верхнечирюртовского типа представлены катакомбными курганно-грунтовыми могильниками, компактно расположенным в Дагестане в окрестностях п. Верхний Чирюрт (*Магомедов*, 1983). Сплошного исследования насыпей большого курганного могильника здесь не проводилось и потенциальная возможность обнаружения вокруг погребений ровиков-оград, к сожалению, осталась не реализованной. В настоящее время единичные курганные катакомбные могилы, в том числе окруженные ровиками, зафиксированы на Дону, в Калмыкии, на Средней Волге и на Южном Урале. Поскольку все они, за очень редким исключением, остаются неопубликованными, установление хронологии и оценка этнокультурной принадлежности этих древностей пока затруднительны.

Как известно, катакомбная форма погребальных сооружений в эпоху средневековья находит аналогии не только у алан Северного Кавказа и донецко-донской лесостепи, но и в горных долинах Тянь-Шаня в памятниках кенкольского типа (*Бернштам*, 1940). Кочевнический облик заупокойного инвентаря и устойчивый монголоидный антропологический тип погребенных из катакомб курганов Верхнего Чирюрта и Волго-Донского междуречья не позволяет считать указанные комплексы аланскими, но пока, к сожалению, не дает нам достаточных оснований отнести их к тюркским или хазарским. Очевидно лишь то, что это население имело явное центральноазиатское степное происхождение. В Восточной Европе оно появилось примерно в середине VII в. в момент самого начала образования Хазарского каганата.

Этнокультурная атрибуция и причина специфической локально-территориальной обособленности курганно-грунтовых захоронений новинковского типа пока еще также не вполне ясна. Известно, что некоторые погребения могильника Новинковский-II были окружены кольцевыми ровиками, характер которых остается не совсем ясен (*Матвеева*, 1997. С. 45. Рис. 32, 52, 57, 65, 90). Несколько погребений могильника Брусяны-II были ограждены квадратными каменными оградами (*Багаутдинов, Богачев, Зубов*, 1998. С. 50). Для наиболее ранних памятников новинковской группы характерны основные подбойные ямы с ориентировкой погребенных на северо-восток и восток, а также сопровождение покойных останками коня. Эти признаки очень

близки к характеристике погребальных комплексов группы «Бережновка – Виноградное (курган 5) – Портовое» сивашовского круга степных древностей Северного Причерноморья второй половины VII в. Однако исключительная специфика новинковских захоронений – широкое использование камня в погребальной обрядности – находит себе устойчивые аналогии далеко на Алтае. Вероятно, новинковское население представляло собой центральноазиатскую телесскую этническую группу, переселившуюся на Среднюю Волгу в самом конце последней четверти VII в. и каким-то образом успевшую смешаться здесь с восточноевропейскими кочевниками группы «Бережновка – Виноградное (курган 5) – Портовое» (Лифанов, 2007).

Таким образом, открытие подкурганных захоронений, окруженных ровиками, не привело к обоснованному выделению па-

мятников этнических хазар. Как показывают археологический материал, ограждение поминально-погребальных площадок с могилами ровиками в равной степени было свойственно как хазарам, так и праболгарам. По сути, окружение кочевнических захоронений ровиками является социально-идеологическим надэтническим признаком поминальной, а не погребальной обрядности. К выделению древностей этнических хазар, на наш взгляд, может привести лишь более глубокое изучение подкурганных «памятников типа Соколовской балки». Дополнительным способом различения степных погребений хазарского времени могут оказаться данные предоставляемые антропологией (Балабанова, 2005; Батиева, 2005; Круглов, 2006а, 2006б; 2007). Этот путь решения этнических проблем Хазарского каганата представляется нам наиболее оптимальным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Багаутдинов Р.С., 1994. Шиловская курганная группа // Археологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар-Ола.
- Багаутдинов Р.С., Набоков А.В., 1993. Новые материалы о погребальном обряде ранних болгар на Волге // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.
- Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998. Праболгары на Средней Волге. Самара.
- Балабанова М.А., 2005. Антропология населения Нижнего Поволжья (конец V – первая половина IX в.) // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк. Т. 4.
- Батиева Е.Ф., 2005. Антропология населения Нижнего Подонья в хазарское время // ДА. 2002. Ростов-на-Дону. Вып. 3–4.
- Безуглов С.И., Науменко С.А., 2007. Курган раннехазарского времени на Нижнем Дону // Средневековые древности Дона. М.; Иерусалим.
- Бернштам А.Я., 1940. Кенкольский могильник. Л.
- Бражник О.И., 1999. К вопросу об этнокультурной ситуации в лесостепном Поволжье в раннесредневековое время // Историко-археологические изыскания. Самара. Т. 3.
- Городцов В.А., 1905. Материалы археологических исследований на берегах р. Дона Изюмского уезда Харьковской губернии // Труды XII Археологического Съезда. М. Т. 1.
- Добролюбовский А.О., 1986. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев.
- Иванов А.А., 1999а. Подкурганные конструкции в погребальном обряде кочевников хазарского времени Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья // Научные школы ВолГУ: Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград.
- Иванов А.А., 1999б. Раннесредневековые подкурганные кочевнические захоронения второй половины VII – первой половины IX в. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья. Дисс. ... канд. ист. наук. Волгоград.
- Иванов А.А., 2000. Раннесредневековые подкурганные кочевнические захоронения второй половины VII – первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Волгоград.
- Клейн Л.С., 1971. Полевой отчет Новочеркасской археологической экспедиции Ленинградского Университета за 1971 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4620, а–г.
- Клейн Л.С., Раев Б.А., Семенов А.И., Субботин А.В., 1972. Катакомба скифского времени и салтовский курган на Дону // АО–1971 г. М.
- Комар А.В., 1999. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita Antiqua. Київ. Т. 2.
- Комар А.В., 2001. К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности шиловских курганов // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк. Т. 2.
- Комар А.В., 2006. Перешепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников восточной Европы VII – начала VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк. Т. 5.
- Комар А.В., Кубышев А.И., Орлов Р.С., 2006. Погребения кочевников VI–VII вв. из Северо-Западного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк. Т. 5.
- Круглов Е.В., 1992а. Хазарские погребения в бассейне реки Иловли // СА. № 3.
- Круглов Е.В., 1992б. Хазарские погребения на реке Аксай // ДВДС. Волгоград. Вып. 2.
- Круглов Е.В., 2006а. Заметки на полях некоторых статей по антропологии в свете проблем археологии хазарского времени // НАВ. Волгоград. Вып. 8.

Круглов Е.В., 2006 б. О «курганах с квадратными ровиками» и проблеме этнической атрибуции погребальных памятников хазарского времени // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне: III международная научная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения Г.А. Фёдорова-Давыдова (1931–2000): Тезисы докладов. М.

Круглов Е.В., 2007. О курганах с ровиками и памятниках типа Соколовской балки // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: II международная Нижневолжская археологическая конференция: Тезисы докладов. Волгоград.

Лифанов Н.А., 2007. Предсалтовские и раннесалтовские памятники Южного Средневожья (к вопросу об установлении хазарской власти в регионе) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Материалы XII международной научной конференции (26–31 мая 2007 г.). Ростов-на-Дону.

Львова З.А., 2005. Кем были царь Иосиф и его предки – беками или каганами? // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк. Т. 4.

Ляпушкин И.И., 1958. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. М.; Л. Т. 62.

Магомедов М.Г., 1983. Образование Хазарского каганата. М.

Матвеева Г.И., 1997. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара.

Науменко С.А., 1986. Отчет об исследованиях в зоне строительства Цимлянкой оросительной системы в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №11369, 11369а.

Науменко С.А., 1988. Отчет об исследованиях в зоне строительства Цимлянкой оросительной системы в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №12885-12887.

Ольховский В.С., 1993. Погребальная обрядность (содержание и структура) // РА. №1.

Орлов Р.С., 1985. Культура кочевников IV–VIII вв. // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. Киев.

Орлов Р.С., Рассасакин Ю.Я., 1996. Новые памятники VI–VII вв. из Приазовья // Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев.

Парусимов И.Н., 1998. Раскопки курганов в Зимовниковском районе // Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Новочеркасск. Вып. 3.

Плетнёва С.А., 1981. Салтово-маяцкая культура // Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Плетнёва С.А., 1990. Хазарские проблемы в археологии // СА. № 2.

Плетнёва С.А., 1999. Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим.

Плетнёва С.А., 2003. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. Воронеж.

Рогудеев В.В., 2001. Отчет о проведении аварийно-спасательных раскопок археологического комплекса Закатное-I (поселение, грунтовый могильник и курган) курганного могильника Маленький-I в зоне строительства газопроводов в Тарасовском районе и курганных могильников Михайловка-I и Михайловка-II в зоне строительства нефтепровода в Красносулинском районе Ростовской области в 2001 г. // Архив РОИОЭПИК, б/н.

Семёнов А.И., 1988. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы // АСГЭ. Л. Вып. 29.

Синицын И.В., 1960. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954–1955 гг.) // МИА. М. Т. 78.

Скарбовенко В.А., 1980. Отчет о раскопках курганных могильников в зоне строительства Понуро-Калининской оросительной системы на землях колхоза «Заря» в Калининском р-не Краснодарского края (1980 г.) // Архив ИА РАН. Р-1. № 8744 а, б.

Скарбовенко В.А., Сташенков Д.А., 2000. Березовский курган и его место в системе раннесредневековых древностей Самарского Поволжья // Краеведческие записки. Самара. Вып. IX.

Смирнов А.П., Мерперт Н.Я., 1954. Из далекого прошлого народов Среднего Поволжья // По следам древних культур. М.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1984. Погребения хазарского времени из кургана «Кривая Лука» в Нижнем Поволжье // Проблемы хронологии степей Евразии. Кемерово.

Швецов М.Л., 1991. Могильник «Зливки» // Проблемы на прабългарската история и култура. София. Т. 1.

«ОСТФОРШУНГ» И ИЗУЧЕНИЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В ГЕРМАНИИ В ГОДЫ НАЦИЗМА (1933–1945)

К рубежу XIX–XX вв., когда правящие круги Германской империи осознали необходимость в идеологическом обосновании своей экспансионистской политики, оформилось научное направление, ориентированное на изучение Восточной Европы, в том числе и истории, «остфоршунг».

Немецкий термин «Ostforschung» означает в переводе буквально «востоковедение», но применяется в немецкоязычной науке к изучению не Востока вообще, а только европейских стран, расположенных к востоку от Германии (востоковедение в широком смысле слова в Германии принято обозначать термином «Orientalistik», тогда как в русском языке термины «ориенталистика» и «востоковедение» совпадают). Естественной аналогии в русском языке термин «остфоршунг» иметь не может, так как, с одной стороны, к востоку от России нет европейских стран, а с другой — немецкий термин исторически сложился с двойной спецификой: изучение как стран Восточной Европы, так и немецких национальных меньшинств в этих странах, и с самого начала имел великогерманскую окраску. Естественно, что подобного термина нет и в западной науке (там в понятие «Восток» могла бы попасть и сама Германия!), где изучение Восточной Европы рассматривается как часть европейской истории, а не выделяется в особый предмет. Поэтому для названия этого специфического направления немецкой науки в русском переводе сохранен термин «остфоршунг».

Основоположителем «остфоршунга» считают балтийского немца Теодора Шиманна. После защиты кандидатской диссертации в Гёттингене он работал директором городского архива в Ревеле (современный Таллин) и в «Ревельской газете» («Die Revaler Zeitung»). Вследствие усиливающейся политики русификации в Прибалтике Т. Шиманн вынужден был покинуть родину и эмигрировать в Германию, где он в Берлине в 1887 г. защитил докторскую работу, которая вышла в виде монографии в двух томах объемом более тысячи страниц «История России, Польши и Ливонии до XVII в.» (Schimann,

1886–1887)* В 1892 г. Шиманн стал первым в Германии экстраординарным профессором по восточноевропейской истории при Берлинском университете**, а спустя десять лет в 1902 г. организовал первый в Германии «Семинар по истории и этнографии Восточной Европы» (Kleßmann, 1985. S. 354–355).

После Первой мировой войны в годы Веймарской республики, в период экономического упадка и политического непостоянства неуклонно развивались шовинистические и реваншистские настроения среди широких слоев немецкого народа. Популярность приобретала нацистская идеология, которая совсем не порывала с прежним духом и традициями германского империализма. Она довела до края все его наиболее отталкивающие черты: антидемократизм, расизм, шовинизм, антисемитизм, жажда захватов и порабощения чужих земель, переросшую в стремление к мировому господству. Все эти процессы, в конечном счете, определяли духовную жизнь страны, оказали решающее воздействие и на развитие германской историографии.

Господство нацизма (1933–1945) пагубно повлияло на развитие германской исторической науки. Было задавлено либеральное направление. Что касается реакционной, империалистической историографии, то ей пришлось приспособливаться к новым условиям, в создание которых она внесла немалый вклад.

В качестве методологической основы исторических исследований нацистский режим представил мистическую концепцию истории одного из главных своих идеологов, автора книги «Миф XX века» (1930), выходца из России Альфреда Розенберга (Rosenberg). Полное подчинение этому требованию означало бы для ученых, стоявших на позициях историзма,

* Научным руководителем Т. Шиманна был Генрих фон Трейчке (von Treitschke) (1834–1896) — один из главных представителей малогерманской школы в немецкой историографии, член Прусской Академии наук, официальный историограф Пруссии (с 1886 г.).

** Т. Шиманн с 1906 по 1918 гг. возглавлял кафедру истории Берлинского университета, был советником рейхсканцлеров Хлодвиг Карла Гогенлоэ (1894–1900) и Бернхарда Бюлова (1900–1909).

отказ от всех давних традиций, в том числе от критики источников, точного установления фактов в интересах объективизма.

Приспосабливаясь к национал-социалистической идеологии, германская историография стремилась, по мере возможности, сохранить свою преемственность. С другой стороны, служение нацизму не требовало от ее представителей коренной ломки построений. В идейно-политическом отношении оно было во многом подготовлено их предшествующей деятельностью.

Гитлеровскому режиму не удалось поставить историков под полный контроль и насадить в университетах свою идеологию. Но национализм, антидемократизм и реваншизм немецкой историографии были точками соприкосновения с нацистской идеологией. Большинство историков рассматривало национал-социализм как радикальное выражение немецких национальных традиций. Поэтому они не видели никаких причин для отказа от сотрудничества с режимом. Но чисто фашистские сочинения писали, как правило, молодые историки, скорее, из-за карьеристских устремлений.

Известные ученые, имевшие репутацию уважаемых специалистов и личностей, участвовали в насаждении национал-социалистической идеологии, научных представлений и понятий. Также и видные остфоршеры пошли на службу к новому режиму.

Вместе с тем некоторые «не до конца лояльные» историки лишились своих постов. Так, например, в 1935 г. был уволен такой видный специалист по истории России, как О. Хётч, профессор восточноевропейской истории Берлинского университета. Всего в первые годы нацистского режима было уволено около 15% университетских профессоров. Однако увольнения среди историков были вызваны большей частью расовыми, а не политическими причинами.

В середине 1930-х годов в Германии появились популярные очерки о Монгольской империи и монгольских завоеваниях, имевших весьма широкое хождение на Западе до конца XX столетия. Среди них — работы эмигранта из России Михаила Хароля (Чэрола) (псевдоним Михаил Правдин) «Чингисхан. Штурм из Азии» (*Prawdin*, 1934), «Наследие Чингизхана» (*Prawdin*, 1935)*; Е. Штикельбергера «Всад-

ник на буланом коне» (*Stickelberger*, 1937) и Й. Баркхаузена «Желтая мировая империя» (*Barckhausen*, 1935)**4. Чингисхан в этих очерках представляется сильной и гениальной личностью, который смог организовать на создание мировой империи «дикую» и «аморфную массу» кочевников.

Говоря об историографии 30–40-х годов XX в., нельзя не упомянуть о такой личности, как Эрих Хэниш. Э. Хэниш родился 27 августа 1880 г. в Берлине. Учился в Берлинском университете (его учителем был исследователь китайских религий и литературы В. Грубе), после окончания вуза много лет работал в Китае. По возвращении с 1917 по 1920 г. занимал должность приват-доцента в Берлинском университете и был сотрудником Музея этнографии, а в 1920 г. стал первым в Германии экстраординарным профессором монголоведения и маньчжуроведения. В 1925–1931 гг. Хэниш возглавлял кафедры синологии в Гёттингенском и Лейпцигском университетах. С 1932 по 1945 г. он был профессором Берлинского университета, в 1947–1951 гг. возглавлял кафедру и руководил Восточноазиатским семинаром в Мюнхенском университете. Э. Хэниша можно считать основоположником немецкой школы монголоведения. Ему принадлежат наибольшие заслуги в области источниковедения, имеющего первостепенную важность для изучения социально-экономической истории и культуры монголов. Именно благодаря Хэнишу еще до Второй мировой войны в западной ориенталистике стала складываться монголоведческая школа, и исследования в этой области были продолжены в ФРГ преимущественно его учениками. Умер ученый 21 декабря 1966 г.

Труды Э. Хэниша посвящены «Сокровенному сказанию» (*Haenisch*, 1931; 1938; 1975)***5. Ему принадлежит первая публикация монгольского текста этого источника в латинской транслитерации в 1935 г. (*Haenisch*, 1935). В 1939 г. Э. Хэниш опубликовал словарь к этому тексту, а в 1941 г. перевел его на немецкий язык, который вплоть до начала 70-х годов оставался единственным полным переводом в Западной Европе (*Haenisch*, 1941; 1948). Реконструкции монгольского текста, выполненные самостоятельно

** Французский перевод: *L'empire jaune de Genghis-Khan*. P., 1935.

*** Впервые памятник «Сокровенное сказание» открыл и ввел в научный оборот в 1866 г. уроженец Казанской губернии, русский китаевед архимандрит Палладий (Петр Иванович Кафаров) (1817–1878).

* Английский перевод этой книги под названием «Монгольская империя, ее возвышение и наследие» издавался в Нью-Йорке в 1940 и 1952 гг. и в Лондоне в 1941 и 1961 гг. (*Prawdin M. The Mongol Empire: Its Rise and Legacy*. N.Y., 1940). Есть и французский перевод: *Prawdin M. Genghis Khan*. P., 1951.

Кроме того, продолжал свою работу Институт Восточной Европы в Бреслау. В Кёнигсберге вопросами «остфоршунга» занимался Институт экономики России и стран Востока, в Берлине действовал Украинский научный институт.

В то время как на территории «Протектората Богемии и Моравии» научным обоснованием нацистской восточной политики занимались специалисты, группировавшиеся в пражском немецком университете и Райхенбергском центре в «генерал-губернаторстве» в Кракове 20 апреля (!) 1940 г. был открыт в здании Ягеллонской библиотеки «Институт немецких работ по Востоку» («Institut für deutsche Ostarbeit»). Институт должен был стать, по выражению «генерал-губернатора» Франка, «духовным бастионом германизма на Востоке». Президентом института являлся сам «генерал-губернатор». Как и в Институте Восточной Европы в Бреслау, в Краковском институте было образовано 11 секций, подразделявшихся на референтуры, в том числе секция древней истории и историческая секция. Секция «Восточная политика», а также отделение «Россия» так и не были открыты. Многие видные немецкие исследователи Востока принимали участие в сессиях института или публиковали свои труды в его журналах «Бург» («Die Burg») и «Германские исследования на Востоке» («Deutsche Forschung im Osten») (Фойгт, 1961. С. 120–137).

В национал-социалистической теории многие народы относились к категории «унтерменш» («Untermensch» с немецкого дословно можно перевести как «ниже человека», «недочеловек»), термин этот часто встречается в фашистской литературе. Как правило, «унтерменшам» чаще приписывались монголоидные черты. Отсюда следовало, что восточные славяне стали «недочеловеками» из-за многовекового господства монголов и татар (оба народа в нацистской литературе практически всегда выступали как синонимы).

В период своих военных успехов фашисты не скрывали факта использования гуманитарных наук в интересах войны. Об этом ярко свидетельствуют выступления ученых в Берлине на конференции «Задачи науки на Востоке», прошедшей в марте 1942 г. (Гилязов, 2005. С. 39–40). В качестве примера можно привести речь П.Риттербуша на открытии Берлинского

конгресса востоковедов осенью 1942 г. Подчеркивая роль востоковедения в осуществлении агрессивных планов фашистской Германии, он заявил: «И чем яснее оно будет осознавать взаимоотношение политики и войны в настоящее время, тем более существенной становится практическая значимость востоковедения. Ведь любому разумному человеку понятно, что подробнейшие знания о народах, странах, языке, истории и культуре, экономической и военной мощи являются насущной необходимостью не только с чисто научной, но и с политической и военной точек зрения. Поэтому в наше время вряд ли найдется востоковед, который не поставил бы свою осведомленность и знание предмета на службу политическим и военным свершениям так много значащей для нас войны» (цит. по: Брентъес, 1986. С. 171; De Orient, 1944). На этом конгрессе с докладом о тюрках СССР выступил известный тюрколог Йоханнес Бенцинг. Он обратил особое внимание на тот факт, что тюрки Советского Союза количественно превосходят население Турции, что даже в ученых кругах Третьего рейха представления о тюркских народах поверхностны, что тюркология Германии до сих пор остается «падчерицей» исламоведения и семитистики (Гилязов, 2005. С. 41).

О том, что германская историография вообще больше превращалась в прикладную науку нацизма, свидетельствовали и издания немецких исследователей. Так, например, в начале 1942 г. появилась статья Х. Юберсбергера «Конец большевизма» (Übersberger, 1942)* и книга Б. Шпулера «Идель–Урал», изданная в Берлине в 1942 г. (Spuler, 1942). В этой книге, вышедшей с грифом «Только для служебного пользования», содержались сведения по истории народов Волго-Уралья. Особое внимание уделялось истории русского завоевания и русско-татарским отношениям, делался акцент на русское и большевистское господство, говорилось о национальных движениях. К книге были даны обширные приложения, в том числе приводились многочисленные статистические данные по административно-территориальному делению ТАССР: площадь каждого района, число деревень и сельских советов, количество жителей, их деление по национальному признаку. Публиковалась также эт-

* Ханс Юберсбергер (1877–1962) в 1935–1945 гг. возглавлял кафедру восточноевропейской истории Берлинского университета.

нографическая карта республики. Эта книга, изданная при прямом участии Министерства по делам восточных областей, явно предназначалась на случай фашистской оккупации территории Советского Татарстана (критику этой работы см.: *Абдуллин*, 1982. С. 254).

Отношение к тюркам в Третьем рейхе по ходу войны постепенно менялось. По крайней мере, с 1942 г. в Германии наметился серьезный интерес к истории тюркских народов СССР. Это было связано и со сложившейся на тот момент ситуацией на Восточном фронте, и с взаимоотношениями Германии с Турцией и исламским миром. Предвестником этого стала статья Игоря Смолича, посвященная московской восточной политике в XV–XVI вв. (*Smolitsch*, 1941). Й. Бенцинг издал работы, посвященные тюркским народам СССР (*Benzing*, 1943; 1944), а в 1943 г. в Лейпциге вышла в свет книга Б. Шпулера по истории Улуса Джучи «Золотая Орда. Монголы в России, 1223–1502 гг.» (*Spuler*, 1943). В работе Б. Шпулер описал внутреннюю и внешнюю политику, административное устройство, государственный аппарат и культуру Улуса Джучи, представил также подробную генеалогию золотоордынских ханов. Центральное место в книге занимают положения о взаимоотношении кочевия и оседлости, симбиозе кочевых структур Улуса Джучи с оседлым обществом Руси. Список литературы насчитывает более 600 работ, автор использовал тюрко-татарские, арабские, персидские, русские, византийские, сирийские, грузинские, литовские, польские и венгерские источники. Помимо политической истории, Б. Шпулер рассматривает религиозные отношения, государственный строй, право, военное дело, экономику, науку, искусство, питание и моду Улуса Джучи. Впервые после книги Й. Хаммера фон Пургшталя (*Hammer-Purgstall*, 1840) в Западной Европе появилась крупная работа, посвященная истории Золотой Орды.

Несмотря на все это, советские ученые резко отрицательно отнеслись к труду Б. Шпулера. М.Г. Сафаргалиев назвал Б. Шпулера «фашиствующим историком», о его книге он писал: «Несмотря на то, что автор использовал большое количество источников и исследований, так или иначе затрагивавших отдельные вопросы истории Джучиева улуса, он не нашел все же правильного пути в решении вопроса. ...Шпулер пошел по пути чрезмерного приукрашивания отдельных сторон матери-

альной культуры кочевников, особенно в области торговли и ремесла» (*Сафаргалиев*, 1996. С. 282–283). Г.А. Фёдоров-Давыдов писал, что Б. Шпулер отражал «реакционные установки немецкой исторической науки фашистского периода» (*Фёдоров-Давыдов*, 1966. С. 6). А.Ю. Якубовский считал, что его работа «Золотая Орда. Монголы в России, 1223–1502 гг.» «написана с привлечением большого материала, снабжена подробными ссылками на источники... По форме своей академическая, книга Шпулера является, по существу, ненаучной, так как она извращает ход русской истории и борьбы русского народа с татарами» (*Греков, Якубовский*, 1950. С. 9–10). Б. Шпулер во втором издании своей книги указал на то, что он «и не ставил себе цель писать русскую историю; ... не было повода ставить русский народ в эпицентр происходящего, как это, естественно, легко представляется для русских историков» (*Spuler*, 1965. S. XIII–XIV). Негативная оценка книг Б. Шпулера совсем не случайна. На основании работы немецкого исследователя можно прийти к выводам, что достижения монголо-татар в области управления, фиска и налоговой политики, военной организации, торговли и транспорта значительно превосходили успехи русских в этих областях того времени, что никак не соответствовало установкам, господствовавшим в советской историографии.

В конце 1943 г. «тотальная война» привела к закрытию большинства научных изданий. С этого периода историческая наука практически прекратила свое существование до окончания войны. Когда стало ясно, что война может быть проиграна, нацистский режим позволил некоторым ученым вернуться с фронта, чтобы служить в тылу по специальности в качестве научных работников.

Среди ученых — остфоршеров и тюркологов, сотрудничавших с режимом, особо проявили себя в годы Второй мировой войны профессора Г. фон Менде, Б. Шпулер и Й. Бенцинг. Так, например, Б. Шпулер и Й. Бенцинг активно сотрудничали в созданном в январе 1944 г. в Дрездене «Рабочем объединении Туркестан» («*Arbeitsgemeinschaft Turkestan*»). Это объединение подчинялось Главному управлению СС. Это было фактически научно-исследовательское учреждение с девятью отделами: страноведения, транспорта, геологии и полезных ископаемых, сельского хозяйства, климатологии, этнографии и фольклористики,

ислама, медицины, литературы. Для работы в объединении привлекались научные силы из многих университетских центров Германии. Оно должно было разрабатывать в целом все проблемы, связанные с тюрко-мусульманским миром.

В июне 1944 г. при Гёттингенском университете открылись курсы (которые впоследствии стали школой) по подготовке мулл для легионеров, руководство которыми осуществлял профессор Б. Шпулер. Он и Й. Бенцинг читали лекции по истории тюрков для будущих офицеров легионов. Йоханнес Бенцинг также осуществлял фактическое руководство комиссией по созданию единого литературного языка при издании эсэсовской газеты для коллаборационистов из числа тюрков СССР (Гилязов, 2005. С. 220, 308–309, 334–335, 343–344).

Разгром фашистской Германии во Второй мировой войне был не только крушением экспансионистских планов германского империализма. Он повлек за собой глубочайший кризис исторической науки, многие годы принимавшей активное участие в обоснова-

нии права на «*Drang nach Osten*». Историко-политические концепции немецкой историографии оказались полностью дискредитированными.

Таким образом, можно заключить, что немецкая историческая наука 1930–1940-х годов в деле изучения истории государств Чингизидов достигла значительных успехов. Необходимо отметить, что интерес к истории данных государств был прежде всего связан с усилением внешнеполитической активности и экспансии Третьего рейха. В указанный период вышло в свет множество работ по истории монголов и татар. Наиболее значимая из них — «Золотая Орда. Монголы в России» Б. Шпулера, опубликованная в 1943 г. К сожалению, до сих пор отечественным исследователям пока не удалось превзойти работу немецкого ученого ни по палитре рассматриваемых проблем, ни по привлечению источников и литературы, ни по объему своих трудов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдуллин М., 1982. Борьба без компромиссов: Критика буржуазных концепций разрешения национального вопроса в республиках Поволжья и Урала. Казань.

Брентес Б., 1986. Использование востоковедов фашистскими шпионскими службами // ВИ. № 2.

Гатин М.С., 2009. Проблемы истории Улуса Джучи и позднесолотоордынских государств Восточной Европы в немецкой историографии XIX–XX вв. Казань.

Гилязов И.А., 1996. Кто же он, профессор фон Менде? // Татарстан. Казань.

Гилязов И.А., 2005. Легион «Идель-Урал»: Представители народов Поволжья и Приуралья под знаменами «третьего рейха». Казань.

Гольман М.И., 2004. Монголоведение на Западе: Центры, кадры, общества. 50-е середина — 90-х годов XX века. М.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю., 1950. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.

Сафаргалиев М.Г., 1996. Распад Золотой Орды // На стыке веков и цивилизаций: Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М.

Тайсин Э., 1992. Әхмәт Тимер // Йортә безне язмышлар: Чит илләрдәге милләттәшләрәбез / Төз. Э. Сәхапов. Казань.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью солотоордынских ханов: Археологические памятники. М.

Фойгт Г., 1961. «Германский институт по изучению Востока» в Кракове // Сентябрь 1939 г. / Пер. с нем. А. Невердинова. М.

Фойхт Г., 1963. К вопросу о роли фашистского «остфоршунга» перед второй мировой войной // Германский империализм и вторая мировая война: Материалы научной конференции комиссии историков СССР и ГДР в Берлине (14–19 декабря 1959 г.). М.

Aubin H., 1942. Die Schlacht auf der Wahlstatt bei Liegnitz am 9. April 1241. Breslau.

Barckhausen J., 1935. Die gelbe Weltreich: Lebensgeschichte einer Macht. Berlin.

Benzing J., 1943. Turkestan. Berlin.

Benzing J., 1944. Die Türkvölker der Sowjetunion // Der Orient in deutscher Forschung. Vorträge der Berliner Orientalistentagung. Herbst 1942 / Hrsg. H.-H. Schaeder. Leipzig.

Haenisch E., 1931. Untersuchungen über das Yüan-ch'ao pi-shi, die Geheime Geschichte der Mongolen. Leipzig.

Haenisch E., 1935. Monghol-un Niuca Tobca'an (Yüan-ch'ao pi-shi): Die Geheime Geschichte der Mongolen aus der Chinesischen Transcription (Ausgabe Ye Teh-hui) in mongolischen Wortlaut wiederhergestellt. Leipzig.

Haenisch E., 1938. Bemerkungen zur Textwiederherstellung des Monghol-un Niuca Tobca'an (Yüan-ch'ao pi-shi) // ZDMG. Bd. 92.

Haenisch E., 1941. Die Geheime Geschichte der Mongolen: aus einer mongolische Niederschrift des Jahres 1240 von der Insel Kode'e im Kerulen Fluss erstmalig übersetzt und erläutert. Leipzig.

Haenisch E., 1943. Die Kulturpolitik des mongolische Weltreichs. Berlin.

Haenisch E., 1948. Die Geheime Geschichte der Mongolen: aus einer mongolische Niederschrift des Jahres 1240 von

der Insel Kode'e im Kerulen Fluss erstmalig übersetzt und erläutert. Leipzig.

Haenisch E., 1949. Zu den Briefen der mongolischen Il-Khans Argun und Öljeitü an den König Philipp den Schönen von Frankreich (1289 und 1305). *Orient*. Bd. 2.

Haenisch E., 1975. Sino-mongolische Späne // *UAJ*. Bd. 47. S. 73–84.

Hammer-Purgstall J. Von., 1840. Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth.

Kießmann C., 1985. Osteuropaforschung und Lebensraumpolitik im Dritten Reich // *Wissenschaft im Dritten Reich* / Hrsg. von P. Lungreen. Frankfurt am Main.

Mende G. von., 1936. Der nationale Kampf der Russlandtürken. Ein Beitrag zur nationalen Frage in der Sowetunion (Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen. Beiband zum Jahrgang XXXIX). Berlin.

Mongolische Weltreich: Die Quellen und Forschungen / Hrsg. von Haenisch E. und H. Schaeder. Leipzig, 1943.

Der Orient in deutscher Forschung: Vorträge der Berliner Orientalistentagung. Herbst 1942. Hrsg. H.-H. Schaeder. Leipzig, 1944.

Petry L., 1938. 1241: Schlesien und der Mongolensturm. Breslau.

Petry L., 1941. Breslaus Beitrag zur deutschen Geschichte: Vortrag auf der Jahresversammlung der Historischen Kommission für Schlesien am 4. April 1941 zur 700 jährigen Erinnerung an den Wiederaufbau Breslaus nach dem Mongolensturm. Breslau.

Prawdin M., 1934. Tschingis-Chan. Der Sturm aus Asien. Stuttgart; Berlin.

Prawdin M., 1935. Das Erbe Tschingis-Chans. Stuttgart; Berlin.

Schiemann T., 1886. Geschichte Russlands, Polens und Livlands bis zum 17 Jahrhundert. Berlin. Bd. 1.

Schiemann T., 1887. Geschichte Russlands, Polens und Livlands bis zum 17 Jahrhundert. Bd. 2. Berlin.

Smolitsch I., 1941. Zur Geschichte der russischen Ostpolitik des 15. und 16. Jahrhunderts // *JGO*. Heft 6.

Spuler B., 1939. Die Mongolen in Iran: Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit, 1220–1350. Leipzig.

Spuler B., 1942. Idel-Ural: Völker und Staaten zwischen Wolga und Ural. Berlin.

Spuler B., 1943. Die Goldene Horde: die Mongolen in Rußland. 1223–1502. Leipzig.

Spuler B., 1948. Geschichte der islamischen Länder, ein Überblick: Die Mongolenzeit. Berlin.

Spuler B., 1955. Die Mongolen in Iran: Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit, 1220–1350. Berlin.

Spuler B., 1957. İran Moğulları. Siyaset, idare ve kültür İlhanlar devri, 1220–1350. Ankara.

Spuler B., 1965. Die Goldene Horde: Die Mongolen in Rußland, 1223–1502. 2., erweiterte Auflage. Wiesbaden.

Stickelberger E., 1937. Der Reiter auf dem fahlen Pferd: ein Buch vom Mongolen Dschingiskhan und seinem abendländischen Gegenspieler. Fraunfeld.

Taubitz F., 1931. Die Mongolenschlacht bei Wahlstatt am 9. April 1241 // *Schlesische Geschichtsblätter*. Mitteilungen des Vereins für Geschichte Schlesiens. 1931. Breslau. Heft 3. S. 57–68.

Temir A., 1998. Altmiş yıl Almanya (1936–1996): Bir yabancınin gözü ile geziler araştırmalar hatıralar. Ankara.

Übersberger H., 1942. Das Ende des Bolschewismus // *Jahrbuch für Auswärtigen Politik*. Berlin.

Vasmer M., 1935. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. III: Merja und Tscheremissen. Berlin.

О ЛИТЕРАТУРЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

В научно-исследовательской и педагогической деятельности профессора Г.А. Фёдорова-Давыдова тематика Золотой Орды занимает центральное место. Не зря некоторые современные татарские ученые, как, например, Альберт Бурханов, называют его «патриархом золотоордынской археологии», считают этого уважаемого профессора своим наставником (Бурханов, 2005). В результате многолетней и плодотворной деятельности Г.А. Фёдорова-Давыдова, а также его учеников стало возможным объективное освещение истории, цивилизации Золотой Орды, сыгравшей громадную роль в судьбе народов Евразии, в первую очередь в жизни татарского народа, в его этнической истории, государственности, особенно в его культуре.

Труды профессора Г.А. Фёдорова-Давыдова служат надежным подспорьем, важным источником для всех, кто занимается изучением Золотой Орды. Как литературовед я часто обращаюсь к его трудам, нахожу в них много фактов и сведений, наблюдений, способствующих более объективному и глубокому пониманию не только литературы, но и всей духовной жизни Золотой Орды.

Литература Золотой Орды — это очень обширная и объемная тема. Ею я занимаюсь более 30 лет. Мои кандидатская (1972) и докторская (1991) диссертации были непосредственно связаны со словесным искусством Джучиева улуса. Кроме того, на различных языках мною опубликован ряд монографий, пособий и множество статей по тематике Золотой Орды, а также подготовлено и выпущено несколько произведений этого периода. Я хочу лишь дать общее представление о письменной литературе Джучиева улуса, о ее доминирующих тенденциях и мотивах.

* * *

За период своего двухсотлетнего существования Золотая Орда добилась значительных успехов не только в политической, экономической, социальной жизни, но и в духовной сфере. Наличие многовековых, богатых тюркских, в том числе булгаро-хазарских традиций, расцвет городов, веротерпимость, тесные взаимосвязи

со многими государствами, особенно с мамлюкским Египтом, способствовали развитию литературы в Золотой Орде. Но, к сожалению, многие памятники письменной культуры этого периода по различным причинам были уничтожены или утрачены в катаклизмах истории. Это понятно, ведь не только книги, написанные на бумаге, но и великолепные поволжские города с каменно-кирпичными постройками были стерты с лица земли завоевателями.

Дошедшие до нас письменные памятники Золотой Орды представляют собою сочинения различного характера и назначения. Среди них имеются словари, эпитафийные надписи, официальные документы, ханские ярлыки, научные трактаты, религиозные книги, путевые записи, художественные произведения и др. Подавляющее большинство из них написано на тюрко-татарском языке, т.е. на языке межнационального общения Золотой Орды и большей части Евразии. Есть сочинения, созданные на других языках. В частности, словарь «Кодекс куманикус» (1303) составлен на кипчакском (т.е. на тюрко-татарском)*, персидском и латинском языках. Поэт Хорезми сочинял стихотворения и на тюрки, и на фарси. Следует отметить, что известные мыслители, поэты и путешественники мусульманского Востока, такие как Кутбуддин ар-Рази, Сагуддин Тафтазани, Камал Худжанди и другие в течение ряда лет жили и творили в городе Сарай. В путевых записях Ибн Баттуты, Ибн Арабшаха имеются интересные сведения о духовной жизни Золотой Орды, о высоком интеллектуальном уровне сарайских ученых, в частности о состязаниях по сочинению стихотворений типа муламмаг на смешанных языках (на тюркском, персидском и арабском).

Литература Улуса Джучи создавалась и развивалась не только на самой территории

* Кыпчакский язык времен Золотой Орды стал основой для языков многих современных тюркских народов, таких как татары (волжские, крымские, сибирские и др.), башкиры, ногайцы, кумыки, карачаевцы, балкарцы, казахи, каракалпаки, узбеки и др. Что касается современного татарского языка, то он обладает особым вокализмом, чем несколько отличается от других тюркских языков и от кыпчакского языка XIII–XIV вв. Ближе всего к языку «Кодекса куманикуса», по мнению филологов, кумыкский и караимский языки. — *Ред.*

Золотой Орды, но и в мамлюкском Египте, так как здесь с середины XIII в. до начала XVI столетия правили выходцы из Дешт-и Кыпчака — мамлюки. Между Нилом и Волгой были тесные политические и научно-культурные взаимосвязи. Многие ученые, педагоги, писатели Золотой Орды (Махмуд Сараи Гули-стани, Саиф Сараи, Берке Факих и др.) по тем или иным причинам переехали в Египет и там продолжили свое творчество. В мамлюкском Египте немного позднее, т.е. в начале XVI в., создано знаменитое произведение «Тюркское Шахнаме» Шарифа Гамиди или, по-другому, — Татара Али Эфенди (Исламов, 2002).

Литература Золотой Орды, с одной стороны, продолжила лучшие традиции древнетюркского, болгарского словесного искусства. Здесь почитались и высоко ценились произведения Юсуфа Баласагуни, Ахмеда Ясави, Сулеймана Бакыргани, Кул Гали и других авторов предшествующей тюркоязычной поэзии. С другой стороны, тюрко-татарская литература периода Золотой Орды развивалась в тесной связи с письменной культурой мусульманского Востока. Произведения Фирдоуси, Газали, Низами, Атгара, Руми, особенно Саади, читались на языке оригинала, и в различных переводах и комментариях. Стихами Саади даже были украшены стены некоторых зданий Сарая*

Когда речь идет о литературе средневековой, необходимо иметь в виду, что между произведениями словесного искусства и письменными памятниками нет резких границ. Так, например, сочинение Махмуда Булгари «Нахдж ал-фарадис» (1358) одновременно выполняет и эстетические, и познавательные, и религиозно-этические функции.

О литературе Золотой Орды имеется множество трудов на различных языках. В частности, значительная часть первого тома «Истории татарской литературы» (Казань, 1984) посвящена данному периоду (С. 158—282). Много фактов и наблюдений о словесном искусстве Улуса Джучи приведено в книге «Средневековая татарская литература VIII—XVIII вв.» (Казань, 1999. С. 63—118), а также в монографиях Х. Миннегулова, Р. Исламова и др.

* Так, на одном изразце написаны следующие слова (в переводе): «О сердце! Смотри на мир по твоему желанию. Смотри, как в нем люди подвергаются испытаниям, подобно Ною в течение тысячи лет [его жизни]. Смотри, как много в мире разведено садов и цветов. Смотри, сколько воздвигнуто в свете исполинских чертогов и дворцов! Смотри, во сколько тысяч атласов и парчи золотых облакали себя [люди] гордо, и вслед за тем уничтожали их».

В настоящее время золотоордынское словесное искусство изучается в учебных заведениях Татарстана, а также в татарских школах Российской Федерации, включено в антологии, учебники и хрестоматии по татарской литературе.

Художественная литература Золотой Орды характеризуется разнообразием жанров, идейно-эстетическим богатством, отточенностью стиля и языка. Она представлена оригинальными и переводными произведениями, прозой и поэзией, назирой (т.е. стихотворными ответами) и др.

Писатели Джучиева улуса сочиняли произведения в следующих жанрах: хикаят, кыйсса, дастан, поэма, газель, касыда, рубаи (четверостишие), ода-мадхия, марсия (элегия), басня и др. Есть и стихотворный роман Кутба «Хосров и Ширин». Объемистые книги Рабгузи, Махмуда Булгари, Саифа Сараи считаются образцом жанра так называемой ящичной композиции. При реализации художественного замысла авторы свободно оперируют материалами фольклора и мифологии, религиозных и исторических книг, литературой предшествующих эпох, а также фактами реальной действительности. Например, в стихотворении Берке Факиха запечатлена судьба самого автора: его переезд из Дешт-и Кыпчака в мамлюкский Египет, его трудная жизнь. Рабгузи обильно использует сюжеты и образы из Корана, из сочинений арабских авторов.

Поэты и прозаики Золотой Орды разрабатывают различные вопросы жизни и человеческого бытия. Их больше всего интересуют морально-этические проблемы, смысл жизни, устройство общества, отношение человека к Богу, взаимоотношения правителей и их подданных, любовь и др. Светские мотивы часто и естественно переплетаются с религиозно-суфийскими идеями. Нравственность, разум, знание считаются основными компонентами эстетического идеала. Жить и трудиться во благо людей, оставить после себя доброе имя — вот смысл жизни.

А теперь кратко охарактеризуем творчество наиболее известных авторов литературы периода Золотой Орды.

Бурханеддин Рабгузи жил во второй половине XIII — первой четверти XIV в. в восточной части Улуса Джучи, в Хорезме. Он известен своей книгой под названием «Кыйссас ал-анбия» (1310 г. — «Сказание о пророках»), которая была очень популярной среди тюрко-татарских читателей. Впервые это объемистое сочинение опубликовано в 1859 г. в Казани и выдержи-

ло более десяти изданий. «Кыйссас ал-анбия» содержит различные легенды и сказания о пророках, об их деяниях, утверждает нормы и критерии религиозной нравственности. Таг-жеддин Ялчыгол (1768–1838), Каюм Насыри (1825–1902), Габдулла Тукай (1886–1913) использовали отдельные мотивы и образы этого произведения в своем творчестве.

Жизнь и деятельность *Кутба* (1297 г. – середина XIV в.) связаны с Поволжьем, в первую очередь – с Сараем. Дошедший до нас единственный экземпляр стихотворного романа «Хосров и Ширин» (1342) хранится в Национальной библиотеке Парижа. Во второй половине XX в. он был издан в Варшаве, Казани, Ташкенте и в других городах. В 2004 г. в Казани увидело свет его популярное издание с нашим предисловием. «Хосров и Ширин» Кутба написан на основе одноименного произведения Низами (*Миннегулов*, 1993). В нем поэт воспекает величие любви, утверждает идеалы красоты и гуманизма.

Как для Кутба, так и для *Хорезми* любовь – основной компонент идеала совершенного человека («каmil инсан»), важнейший критерий испытания его нравственности. Основная идея лирической поэмы Хорезми «Мухаббатнаме» (1353 г. – «Послания о любви») заключается в том, что любовь – цель и смысл жизни человека. В своей касыде поэт подчеркивает значимость полнокровной жизни, бессмертие поэтического слова.

Махмуд Булгари (Махмуд ибн Гали ал-Булгари ас-Сараи ал-Кердари. – 1297–1360) родился в окрестностях Булгара. Основную часть жизни провел в столице Золотой Орды – Сараете. Там же умер. Он был очень уважаемым человеком своего времени: богословом, педагогом, писателем. Его сочинение «Нахдж ал-фарадис» (1358 г. – «Путь в райские сады») уже более шести веков играет значительную роль в удовлетворении духовных запросов тюрко-татарских читателей. Имеются многочисленные списки этого сочинения. Самый древний из них составлен в 1360 г. в городе Сарай. Научным исследованием «Нахдж ал-фарадис» занимались Ш. Марджани, Б. Яфаров, Ш. Абилов, Э. Наджип, Я. Экман, Х. Миннегулов, Ф. Нуриева и другие ученые. В 2002 г. в Татарском книжном издательстве опубликовано научное издание данного сочинения. Его подготовила к печати профессор Казанского госуниверситета Ф.Ш. Нуриева (*Махмуд Булгари*, 2002).

«Нахдж ал-фарадис» состоит из четырех глав (баб), каждая из которых содержит десять раз-

делов (фасл). В первых двух главах рассказывается о жизни и деятельности пророка Мухаммада, о его окружении и первых халифах. Третья глава посвящена изображению нравственных качеств и поступков, приближающих к Богу. А в последней главе речь идет о деяниях, отталкивающих от Всевышнего. В книге приводятся хадисы, комментарии к ним и многочисленные хикаяты – рассказы. «Нахдж ал-фарадис» можно считать учебником нравственности. Автор утверждает идеи доброты, справедливости, щедрости, скромности, приемом антитезы резко критикует их противоположности.

Дастан *Хисама Кятиба* «Джумджула султана» (1369) характеризуется пристальным вниманием к потоку времени (*Миннегулов*, 1993). С первых же строк он начинается размышлениями о «бренности жизни», недолговечности человеческого существования. Для подтверждения своего тезиса о бренности земной жизни автор перечисляет имена многих легендарных и исторических личностей. По мнению Хисама Кятиба, все они владели «миром», но, в конце концов, вынуждены были оставить все «богатство, власть и жизнь» и перейти в потусторонний мир. Для художественной иллюстрации этой мысли автор приводит рассказ о Джумджуле. Его история типологически напоминает сочинения Данте «Божественная комедия» и Маари «Послание об ангелах». Хисам Кятиб считает, что каждый человек в ответе за свои дела и поступки, принцип «что посеешь – то и пожнешь» универсален для всех. Как и Махмуд Булгари, Хисам Кятиб сочувственно относится к идеям суфизма. Главное для них – не богатство, не власть, а довольствование малым, духовное самоусовершенствование человека, набожность.

Кульминацией тюрко-татарской литературы периода Золотой Орды считается творчество *Саифа Сарая*. Он уже при жизни был известным поэтом. Вот что пишет о нем его современник (подстрочный перевод):

*Где можно видеть в мире такого умного
(человека), как Сарай Саиф?!*

*Не зная, как описать его, сердце обливается
кровью,*

*Если найдется человек, которому не нравятся
его стихи –*

Тот или глуп или же нет души в его теле.

По данным сегодняшней науки считается, что Саиф Сарай родился в 1321 г. в Камышлаке

в Поволжье, учился и занимался литературной деятельностью в столице Золотой Орды, в 80-е годы эмигрировал в мамлюкский Египет. Там продолжил творчество. Умер в 1396 г. в далеком Египте.

Творческое наследие Саифа Сараи пока известно нам по двум рукописям: «Китабе Гулистан бит-тюрки» и «Ядгярнаме». Первая из них была составлена в мамлюкском Египте в конце XIV в. Затем она через Крым, Турцию попала в Голландию и в настоящее время хранится в библиотеке Лейденского университета (№1553).

«Китабе Гулистан бит-тюрки» состоит из 373 джамстрилиц. На 3—356-й страницах помещен «Гулистан бит-тюрки», а на остальных — стихи восьми тюрко-татарских поэтов (Мавля Казы Мухсин, Мавлян Исхак, Мавлян Ходжа Мавляви, Габделджамид, Ахмед Ходжа Сараи, Туглы Ходжа, Хорезми и Хасан углы) и после каждого — стихотворные ответы (назиры) на них Саифа Сараи. Кроме того, в начале и в конце рукописи имеются оригинальные стихи, в том числе газели Сараи и других авторов. Факсимиле «Китабе Гулистан бит-тюрки» впервые было полностью издано в Анкаре в 1954 г. турецким профессором Ф.Н. Узлюком. Затем последовали другие издания: на основе латинской графики — в Будапеште (в 1969 г. — А. Бодроглигети), на арабской графике — в Казани (в 1980 г. — Х. Усманов, З. Максудова и Р. Кадилов) и др.

Другой список произведений Саифа Сараи — «Ядгярнаме» — составлен также в мамлюкском Египте. Рукопись была привезена в Среднюю Азию в XVIII в. одним из паломников. Она известна науке с 1965 г. и в настоящее время хранится в Институте рукописей им. Х. Сулеймана Академии наук Узбекистана (№311). В сборнике помещены поэма «Сухайль и Гульдурсун» и несколько стихотворений Саифа Сараи, а также лирические произведения Ахмеда Ургенджи, Мавляна Исхака и Туглы Ходжы. Все ныне известные произведения Саифа Сараи, а также стихотворения других авторов, имеющиеся в рукописях «Китабе Гулистан бит-тюрки» и «Ядгярнаме», опубликованы в сборнике, вышедшем в 1999 г. в Казани (*Саиф Сараи*, 1999).

Дошедшие до нас произведения Саифа Сараи — лишь часть его творческого наследия. Судьба остальной части пока неизвестна.

Основное сочинение Саифа Сараи — «Гулистан бит-тюрки» (1391 г. — «Тюркский Гулистан») по своей жанровой структуре входит в

группу произведений так называемой ящичной композиции. В нем нет сквозного сюжета, единой темы. Он состоит в основном из хикаятов (их всего — 180), насихатов (наставлений — 18), хикметов (57) и других композиционных единиц, написанных в стихотворной форме и рифмованной прозой. Такая «ящичная композиция» «Гулистан бит-тюрки» вызвана дидактическим характером произведения. Цель автора — дать поучительные наставления и советы по основным вопросам жизни, быта и морали.

Основная часть «Гулистан бит-тюрки» разделена на тематические главы: I глава (баб) — о жизни правителей, II — о нравах дервишей, III — о преимуществах довольствования малым, IV — о преимуществах молчания, V — о любви и молодости, VI — о старости и слабости, VII — о роли воспитания и VIII — о правилах общения. Несколько страниц книги составляют традиционные вступительная и заключительная части.

«Гулистан бит-тюрки» написан на основе знаменитого «Гулистана» (1258) Саади. Сопоставительный анализ произведений персидского и тюрко-татарского авторов показывает, что Саиф Сараи, как и его предшественник Кутб, творчески подходит к оригиналу, проникает в его эмоционально-образный мир. В результате этого «Гулистан бит-тюрки» стал памятником самостоятельной эстетической значимости, обогатил тюрко-татарское словесное искусство гуманистическими идеями, новыми художественными формами и образами.

Назиры Саифа Сараи — прекрасные образцы лирики периода Золотой Орды. Они служили источником вдохновения и для других авторов. Например, средневековый тюрко-османский поэт Ахмед Дагый создал назиру на одну из газелей Саифа Сараи.

В поэме «Сухайль и Гульдурсун» (1394) утверждаются гуманистические идеалы, разоблачаются несправедливость, деспотизм современного автору общества. Дастан начинается с изображения ужасов войны. Далее повествуется тяжелая судьба Сухайля, попавшего в плен. Дочь шаха-победителя Гульдурсун, полюбившая невольника, освобождает Сухайля из темницы и вместе с ним тайком убегает из отчего дома. Но в пути из-за долгих мытарств и жажды девушка погибает. В отчаянии Сухайль вонзает себе в грудь кинжал.

Герои поэмы привлекают читателей своей красотой, верностью в любви, смелостью дей-

ствий. Поступок Гүльдурсун воспринимается как большой, благородный поступок.

В одном бейте-двустиишии говорится, что девушка, впервые увидев Сухайля, повернулась в его сторону, словно Земля, вращающаяся вокруг Солнца. Это сравнение, помимо своей художественной оригинальности, ценно также и в научном отношении. Оно, задолго до Коперника и Бруно, утверждает идею вращения Земли вокруг Солнца.

Литературное наследие талантливого поэта средневековой тюрко-татарской литературы Саифа Сарай своим гуманистическим содержанием, эстетической ценностью, богатым языком привлекает внимание литературоведов, лингвистов и филологов, представителей мировой ориенталистики. Ему посвящены многочисленные статьи, книги на различных языках.

Как и в дастане «Сухайль Гүльдурсун», в стихах слепого поэта *Ахмеда Ургенджи* разоблачается агрессивная политика Тимура. Автор считает его «злодеем», «кровопийцей» и напоминает ему о Божьей каре.

Лирические стихотворения Ахмеда Ходжы Сарай, Мавляна Исхака, Мавли Казы Мухси-на и других золотоордынских авторов характеризуются богатством мыслей и чувств, совершенством формы, изяществом поэтического слога. Имеются и другие произведения, относящиеся к периоду Улуса Джучи.

Таким образом, судя даже по дошедшей до нас небольшой части, словесное искусство Золотой Орды характеризуется идейно-тематическим и жанровым богатством, художественным совершенством. Оно было почти на уровне такой выдающейся литературы, как персидско-таджикская. Это уже само по себе показывает высокий уровень культуры, духовной и интеллектуальной жизни Улуса Джучи. К сожалению, в историко-археологических трудах, посвященных Золотой Орде, художественно-литературный фактор почти не учитывается. Литературные произведения содержат в себе интересные, важные исторические детали, факты. Во многих исследованиях правление Тенибека — хана Золотой Ордой — или оспаривается, или вообще отрицается. Фактически он после смерти отца — Узбека — с марта 1342 г. до начала 1343 г. был ханом Джучиева улуса. В стихотворном романе Кутба «Хосров и Ширин» он представлен не как шахзаде, а как полноценный шах — правитель. В данном произведении часто встре-

чаются слова, термины, характеризующие общественно-политическую и социальную структуру Золотой Орды: баскак (наместник хана; сборщик податей), битикчи (писец), сугургал (наследственное пожалование в ленное владение), улус, бек, чыгай (бедный), ясаулырлык (грамота), игенчи (хлебопашец) и др. Как мы уже упомянули, в стихотворениях Саифа Сарай, Ахмеда Ургенджи зафиксированы нападения Тимура на Золотую Орду. Авторы резко осуждают агрессивные действия этого правителя. Следует отметить, мотив разоблачения кровопролитной деятельности Тимура наблюдается и в последующей татарской литературе, в частности в творчестве казанского хана Мухаммеда Амина, в стихотворении поэта XIX в. Гали Чукрия и др.

Золотоордынская литература ясно свидетельствует о широком распространении ислама в стране, об интеллектуальной ориентации ученых и писателей на мусульманский Восток, о тесной связи Джучиева улуса с мамлюкским Египтом.

На наш взгляд, во многих исторических, археологических трудах по Золотой Орде этническая, духовная стороны рассматриваются в основном в горизонтальном срезе, в результате чего создается впечатление, будто после распада Золотой Орды ее народы, культура исчезают или приобретают совершенно иной вид. А ведь значительную часть населения Улуса Джучи составляли предки современных казанских, крымских, сибирских, астраханских татар. Они и раньше, и теперь проживают на своих исконно исторических землях, в этническом, языковом, культурно-духовном отношении продолжают традиции Золотой Орды и так называемых татарских ханств, образованных на территории Джучиева улуса*.

Преемственность традиций Золотой Орды особенно четко прослеживается в письменном

* Важно отметить, что этноним «татары» имел широчайшее распространение и в разные эпохи относился к разным народам. Потомками населения Золотой Орды в той или иной степени являются не только народы, за которыми в XX столетии закрепилось название «татары», но и многие другие нации: ногайцы, башкиры, казахи, узбеки, кумыки и др. Современные татары, живущие, например, в Нижегородской, Саратовской, Волгоградской областях, являются группами мишарских татар, расселившихся здесь с территории Мещёры. Татары Пермской, Свердловской, Оренбургской, Челябинской и других областей — потомки казанских татар, пришедших сюда с территории бывшего Казанского ханства. И поселились они на этих территориях уже после вхождения в состав Российского государства. — *Ред.*

языке, литературе. Язык произведений Кутба, Махмуда Булгари, Хисама Кятиба, Саифа Сарайи и других авторов Золотой Орды мало отличается от языка Мухаммедьяра (XVI в.), Мавли Куल्या (XVII в.), Утыза Имяни (1754–1834), Габдулджаббара Кандали (1797–1860) и других татарских писателей. Идеи, мотивы, сюжеты, образы, жанры, художественные приемы, разработанные и использованные в словесном искусстве Золотой Орды, были успешно продолжены в татарской литературе последующих столетий (Миннегулов, 1999).

Литературное наследие Улуса Джучи в той или иной степени относится и к литературе тюркоязычных народов, ранее вошедших в состав этого государства. В частности, Рабгузи, Хорезми, Ахмеда Ургенджи мы считаем писателями не только татарской, но и узбекской литературы.

В целом, Золотая Орда – важный этап в истории государственности татар, а ее литература составляет один из ярких периодов многовековой истории тюрко-татарской письменной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бурханов А.А., 2005. Золотоордынские памятники Поволжья. Стамбул; Казань (на русском и английском языках).

Исламов Р.Ф., 2002. «Шахнаме» Шарифа в контексте золотоордынской и килчакско-мамлюкской литературы: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Казань.

Миннегулов Х.Ю., 1993. Татарская литература и восточная классика (Вопросы взаимосвязей и поэтики). Казань.

Миннегулов Х., 1999. «Есть что сказать...». Казань (на татарском языке).

Махмуд Булгари, 2002. Нахдж ал-фарadis. Казань (на татарском языке).

Саиф Сарайи, 1999. Гулистан. Лирика. Дастан / Подгот. к изд. проф. Х. Миннегулов. Казань (на татарском языке).

ГОРОДА И ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА АЗЕРБАЙДЖАНА В ЭПОХУ ИЛЬХАНИДОВ

В первой половине XIII в. города Азербайджана подверглись погромам монгольских завоевателей, нанеся значительный материальный и культурный урон, от которых большинство городов уже не смогли оправиться. Слои пожарищ и разрушений, соответствующие этому погрому, четко фиксируются при археологических раскопках. Жестоким разрушениям подверглись такие известные города Азербайджана, как Марага, Ардебиль, Байлакан, Барда, Гянджа, Шамкир, Нахичевань и др. После второго похода монголов главный город Аррана Гянджа в течение четырех лет находился в руинах. Большая часть горожан была истреблена монголами, а часть уведена в плен (Альтман, 1949, С. 73–74). Ф. Рашид ад-дин отмечает, что мало кто смог спастись от монгольского истребления (Рашид ад-Дин, 1957, С. 320). Археологические данные свидетельствуют об определенном регрессе и стагнации городской культуры. Многие города претерпевают спад, их культура несет черты огрубления. В Гяндже население сократилось в десять раз, в Нахичевани — в восемь, а Байлакан, Хунан и Шамкир уже не имели никаких признаков города. Пагубные последствия имели войны между хулагуидами и золотоордынскими ханами. Военные действия между двумя монгольскими улусами продолжались около ста лет, в течение которых граница между государствами Хулагуидов и Золотой Орды не была стабильной. Северо-восточные земли Ширвана оказывались то в составе государства хулагуидов, то в составе Золотой Орды. Ширваншах Ахситан III перенес свою резиденцию в Гуштасфи, так как северо-восточные районы Ширвана, от Дербента до Баку, представляли собой арену военных действий, и пребывание ширваншаха в этих местах было небезопасным (Ашурбейли, 2006, С. 86). Особенно сильно пострадали города и деревни Ширвана, территория которого неоднократно переходила из рук в руки. Данные археологии свидетельствуют о больших разрушениях в главных центрах Ширвана, особенно в Шабране и Дербенте. В это время значительно снизилось торгово-ремесленное значение последнего. Сократилась

заселенная территория города, особенно опустела нижняя, прибрежная часть шахристана. Археологические исследования показывают, что в конце XIII — начале XIV в. население города в основном жило в Нарын-кале и в верхних кварталах шахристана (Гамзатов, 1982, С. 71). Не в лучшем состоянии был город Баку. Поэт Низари Кухистани, посетивший Баку в 1281 г., описывает его как маленький, неудобный и неприветливый город (Байбурди, 1966, С. 97). Баку при монголах был местом ссылки неудобных и опасных вельмож и знатных феодалов. Здесь находился штрафной гарнизон Хулагуидов (Spuler, 1987, S. 176).

В связи с событиями монгольского завоевания упадок городской культуры проявился в трех формах: 1) исчезновение города как исторической сцены; 2) резкое сокращение населения, потеря значения ремесленного производства; 3) полная аграризация города (Гейдаров, 1982, С. 85). Процесс аграризации отчетливо проявился в таких известных городах, как Байлакан, Кагыз-конан, Шиз, Барзанд, Варсан, Унар, Ушну и др. (Piriyev, 2003, S. 240).

Однако монгольское владычество, нанеся огромный урон городской культуре, отнюдь не остановило процесс урбанизации. В определенной степени сохранились традиции городской жизни и присущие ей культурные комплексы. При первых Хулагуидах в городах Ардебиль, Марага, Нахичевань, Гянджа и других производятся восстановительные работы. Уже в середине XIII в. постепенно жизнь в городе Гянджа восстановилась. Рубрук, который посетил Гянджу в 50-х годах XIII в., описывает ее как большой город (Рубрук, 1957, С. 187). В. Бартольд указывает, что даже после монгольского погрома Гянджа оставалась значительным, главным городом Аррана (Бартольд, 1925, С. 63). Немаловажное значение имел выбор столиц обширного государства Хулагуидов: сначала Мараги, а с 1265 г. — Тебриза. В последней четверти XIII в. Тебриз стал «величественным городом с развитым ремесленным производством и торговлей» (Марк Поло, 1940, С. 23). Однако восстановительные

меры при первых Ильханидах не имели широкого размаха и не носили целенаправленного характера.

К концу XIII в. правящая династия осознает значение городов для подъема экономической мощи страны и укрепления могущества государства (Фёдоров-Давыдов, 1983. С. 215–216). Реформы Газан-хана, направленные на укрепление центральной ханской власти, повышение уровня городской жизни, подъем ремесленного производства и торговли создали благоприятные условия для восстановления и развития городского хозяйства и культуры. Точная фиксация и сокращение общего размера основного налога с ремесла и торговли (тамги), установление более твердой денежной системы, унификация мер и весов, усиление законности в торговых операциях, во взимании дорожных пошлин и т.д. — все эти реформы дали новый импульс прогрессу, имели большое значение для ускорения урбанизационных процессов. Ф. Рашид ад-дин сообщает, что на благоустройство городов выделялись большие средства. Руководство строительными работами было поручено Газан-ханом честным и доверенным лицам (Рашид ад-Дин, 1957. С. 232).

Ханская власть выступает в качестве главного организатора, поощряя градостроительную деятельность (Фёдоров-Давыдов, 1983. С. 216), что ярко проявилось на памятниках Тебриза. Столичный город Хулагуидов, находясь в благоприятных условиях, развивается высокими темпами и достигает огромных размеров. В это время территория города расширилась в 13 раз и составляла 3600 га (Гейдаров, 1982. С. 76). Тебриз стал местом концентрации производственного, культурного и интеллектуального потенциала, очагом прогресса. Невиданный размах строительных мероприятий Ильханидов превратил Тебриз в архитектурно-художественный феномен эпохи. Смелые градостроительные мероприятия усвершенствовали планировочную структуру города, что придавало ей новое функциональное качество — из моноцентрической она превратилась в полицентрическую (Мурадов, 1984, С. 51). Это было нововведением для того времени. Шедеврами азербайджанской архитектуры являются мечеть Али-шаха, мавзолей Газан-хана, Олджайту-хана, Гузей-хатын.

Визирь Тадж ад-дин Али-шах построил великолепную мечеть, восхищавшую современ-

ников монументальностью, строгостью линий, высоким качеством строительных работ. По замыслу Тадж ад-дина Али-шаха, мечеть должна была превзойти знаменитый дворец Хосрова I в Ктесифоне. Мечеть принадлежала к четырехайванным мечетям с большим внутренним двором, в центре которого находился водоем — хауз. Знаменитый крытый рынок (чарсу) Тебриза, построенный Газан-ханом, описан Ибн Баттутой, посетившим этот город в 1333 г.: «... вошли в город через Багдадские ворота и дошли до огромного рынка (чарсу), называемого рынок Газана. Этот рынок — самый красивый из тех, которые я наблюдал в городах мира. Там для каждого вида ремесла имеется особое место, они между собой не смешиваются. Когда я проходил вдоль ювелиров, мои глаза жмурились от блеска драгоценных камней» (İbn Battuta, 1985. S. 254).

В двух километрах западнее Тебриза в местности Шам был создан городок Газания, выполнявший ряд общественных и торговых функций столицы и впоследствии органически слившийся с городом. Организующим началом при строительстве этого городка являлся огромный мавзолей Газан-хана. Этот городок имел соборную мечеть, два медресе, замок дервишей, караван-сарай, больницу (дар аш-шифа), архив, библиотеку, цистерну для питьевой воды, баню, здания управления (Рашид ад-Дин, 1957. С. 233, 235).

На северо-восточной окраине Тебриза возникли новые ремесленно-торговое предместье и научно-культурный центр, получивший название Раб'и Рашиди, где было построено 30 тысяч красивых домов, в которые вселились люди различных профессий и разрядов. Здесь имелось 24 крупных караван-сарая, «полторы тысячи лавок, здания, которые крепостью строения превосходят куполы (крепости) Харуман», бани, красивые сады, мельницы, различные крупные ремесленные мастерские (карханэ), здания монетного двора и другие учреждения (Рашид ад-Дин, 1971. С. 343).

Газан-хан основал и новые города. Один из таких городов был Махмудабад, расположенный на территории Мугани, на международной торговой трассе. Х. Казвини пишет: «Махмудабад находится в Гавбарийской степи, на берегу Каспийского моря. Он был возведен монгольским султаном Газан-ханом» (Казвини, 1983. С. 53). Археологические изыскания на городище Гырх-Чираг позволяют локализовать этот город в Саянском районе,

в 8–10 км к северу от современного районного центра (*Квачидзе*, 1980. С. 36).

В эпоху Ильханидов в социальной структуре городского населения существенных изменений не происходит, по-прежнему основные сословия горожан составляли ремесленники, торговцы и ученые. В большинстве городов сохранились традиционные ремесла и наблюдалась производственная преемственность.

Заслуживает внимания широкое применение рабского труда в градостроительстве, особенно в ремесленном производстве. Крупные мастерские типа карханэ, где основную рабочую силу составляли рабы, были той формой организации ремесла в городах, при которой ремесло особенно быстро расцвело (*Фёдоров-Давыдов*, 1983. С. 218). Мастерские этого типа в основном были сосредоточены в городах южного Азербайджана, в частности, в Тебризе. В городах северного Азербайджана они нам неизвестны. В городах Ширвана и Аррана ремесло развивалось традиционным путем, здесь функционировали различные мелкие мастерские отдельных товаропроизводителей.

Территория Азербайджана была покрыта густой сетью караванных путей. Столичный город Тебриз находился на пересечении караванных путей мировой транзитной торговли. Развивалась также торговля через Каспийское море. Росло значение в этой торговле Баку как удобного порта (*Ашурбейли*, 2006. С. 104–105). В торговле с Севером важную роль играли города Ширвана – Шемаха, Шабран и Дербент.

В эпоху Ильханидов Азербайджан окончательно вышел из серебряного кризиса. Здесь вновь утвердилось серебряная денежная система.

В отличие от Аррана и Ширвана, происходит подъем науки и литературы в основных городских центрах южного Азербайджана, особенно в Мараге и Тебризе, что было результатом целевого меценатства, прямой поддержки правящей династией ученых и деятелей культуры. В научных центрах Мараги и Тебриза трудились выдающиеся ученые эпохи, приглашенные сюда из других стран.

При Хулагу-хане Насир ад-дин ат-Туси в Мараге основал «Дом мудрости» (дар ал-хикма) и обсерваторию. По рекомендации Туси Хулагу-хан пригласил в Марагу выдающихся ученых того времени, которые спроектировали и построили Марагинскую обсерваторию. Научный персонал обсерватории был интернациональным. В числе сотрудников

этого научного учреждения были Изз ад-дин Тогрул ибн Санджар из рода Джувайни, Ибн Бавваб ал-Багдади, астрономы: Изз ад-дин Абу-л-Фадл ибн Йахйа, Имад ад-дин ал-Хусайн ал-Дамгани, Амид ад-дин Абу-л-Фадл ас-Салми ал-Багдади, Фахр ад-дин Абу-л-Касим ат-Туси ал-Мараги, Фахр ад-дин Абу-л-Аббас ал-Амири, Фахр ад-дин Абу-л-Хасан ал-Суджази, архитектор Фахр ад-дин Ахмад ибн Усман ал-Мараги ал-Амин, инженеры: Муаййид ад-дин ал-Амири ал-Урди, Фахр ад-дин Абу-л-Лайс Мухаммад ал-Мараги и многие другие (*Сеидбейли*, 1999. С. 15–16). Особенно выделялись пятеро: Насир ад-дин ат-Туси, Фахр ад-дин ал-Хилати, Фахр ад-дин ал-Мараги, Муаййид ад-дин ал-Урди и Наджм ад-дин ал-Казвини. Библиотека при обсерватории была сокровищницей эпохи и содержала более 400 разноязычных рукописей. В библиотеке было собрано немалое количество сочинений азербайджанских авторов, в том числе «Тарих» («История») Абу Али Ахмада ибн Мухаммада ал-Бардаи, «Тарих Азербайджан» («История Азербайджана») Мухтасс ад-дин Абу-л-Хайра шматуллаха ал-Салмаси. Среди рукописей библиотеки были также «История Мараги» и «История Аррана», к сожалению, не дошедшие до нашего времени (*Сеидбейли*, 1999. С. 8). Должность хранителя – хазина библиотеки занимал Ибн ал-Фувати.

В научно-учебном центре Раб'и Рашиди ученые проводили серьезные исследования в различных областях науки, в частности, по математике, астрономии, физике, медицине, языку и литературе и т.д. В квартале ученых жили и творили 450 естествоиспытателей, юристов и богословов. В медресе были отделения естествознания, астрономии, философии, истории, медицины. На медицинском отделении срок обучения длился пять лет. У каждого ученого-медика было 12 студентов. Студенты проходили практику в больнице (дар аш-шифа).

В высших учебных заведениях Раб'и Рашиди одновременно получали образование до семи тысяч студентов из разных стран (*Рашид ад-дин*, 1971, С. 344).

Конфессиональная и этническая терпимость породила синкретизм культуры, шло интенсивное взаимопроникновение культур. Зарождалась Тебризская школа миниатюры, отчетливо отражавшая дух эпохи. Именно в творчестве тебризских художников периода ильханидов были сформированы основные

иконографические схемы, отработаны принципы выбора иллюстраций и многое другое, ставшее каноном в последующее века. Являясь одной из ярчайших страниц истории азербайджанского изобразительного искусства, Тебризская миниатюрная живопись, перешагнув рамки национального искусства, отражает также и сложный процесс интеграции тюркского мира в блистательную художественную культуру мусульманского Востока (Гасанова, 1999).

ризская миниатюрная живопись, перешагнув рамки национального искусства, отражает также и сложный процесс интеграции тюркского мира в блистательную художественную культуру мусульманского Востока (Гасанова, 1999).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Альтман М.М., 1949. Исторический очерк города Гянджи. Баку.

Ашурбейли С., 2006. История города Баку: Период средневековья. Баку.

Байбурди Ч.Г., 1966. Жизнь и творчество Низари. М.

Бартольд В.В., 1925. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку.

Гамзатов Г.Г., 1982. Историческая топография позднесредневекового Дербенда (XIII–XVII вв.) // СА. № 1.

Гасанова Дж., 1999. Зарождение и развитие Тебризской миниатюрной живописи в конце XIII – начале XV в. Баку.

Гейдаров М.Х., 1982. Города и городское ремесло Азербайджана в XIII–XVII вв. Баку.

Казвини Х., 1983. Нузхат ал-Кулуб (Материалы по истории Азербайджана). Баку.

Квачидзе В.А., 1980. Некоторые данные о городище Бирх-Чираг // Археологические и этнографические исследования в Азербайджане (1977 г.). Баку.

Марко Поло, 1940. Путешествие / Пер. со старофр. И.П.Минаева. Л.

Мурадов В., 1984. Градостроительство Азербайджана в XIII–XVI вв. Баку.

Рашид ад-Дин Ф., 1957. Джамии ат-таварих / Пер. с перс. А.К.Арендса. Баку. Т.3.

Рашид ад-Дин Ф., 1971. Переписка / Пер. с перс. А.И.Фалиной. М.

Рубрук Гильом де, 1957. Путешествие в восточные страны // путешествие в восточные страны. М.

Сеидбейли М.Г., 1999. Научно-культурная жизнь Азербайджана (вторая половина XIII – начало XV в.). Баку.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1983. Исторические особенности городов в монгольских государствах Азии в XIII–XIV вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата.

Ibn Battuta, 1985. Seyahetname. Ankara.

Piriyev V., 2003. Azerbaijan XIII–XIV esrlerde. Baki.

Spuler B., 1987. Iran Mogollari. Ankara.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ СЕВЕРОКАВКАЗСКИЙ ГОРОД В ИСТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (по материалам Дербента XIII–XV вв.)

В истории Золотой Орды Дербенту принадлежит особое место. В силу уникального стратегического расположения у главных «ворот» Кавказа, город контролировал важнейшую военную и торговую трассу из степей Юго-Восточной Европы в Закавказье и на Ближний Восток. На протяжении почти двухсотлетнего периода Дербент выступал мощным военным оплотом и крупным торгово-экономическим центром на границе двух монгольских улусов: державы Хулагуидов, носивших титул «ильханов», и Золотой Орды.

Монголы, вторгшиеся в Закавказье в 617 г.х. / 1220–1221 г., застали Дербент сильно укрепленным и независимым городом. Зна-

менитые полководцы Чингиз-хана Субегетей-багатур и Джебэ-нойан, даже не сделав попытки овладеть Дербентом, обошли его укрепления по горам (рис. 1). Источники в связи с этим сообщают, что монголы сначала обратились к правителю Дербента, который назван ширваншахом, с просьбой о мире, но потом захватили высланное посольство, «убили одного из них, а оставшихся под страхом смерти заставили показать проходы через горы на север» (Ибн ал-Асир, 1963. С. 340; Бунятов, 1979. С. 164; Рашид ад-Дин, 1959. С. 228–229).

О том, сколь труден был этот путь и какие неудобства доставила монголам непокорность Дербента, свидетельствует известный

Рис. 1. Южная стена цитадели и города Дербента

автор XIII в. Киракос Гандзакеци, писавший, что монголы «пересекли Кавказские горы по неприступным местам, заполняя пропасти деревьями и камнями, бросая туда свой багаж, даже лошадей и снаряды, и ушли в свою страну» (*Киракос Гандзакеци*, 1976. С. 103). А Джувайни сообщал, что «никто не помнит, чтобы какая-либо армия когда-либо прошла походы эти» (*Juwaini*, 1958. Р. 149).

После ухода монголов к Дербенту прибыло большое количество разгромленных ими кыпчаков, которые умоляли владельца города Рашида дать им убежище, обещая ему за это верную службу: «Мы твои мамлюки и для тебя мы завоюем области и ты наш султан» (*Ибн ал-Асир*, 1963. С. 348–349). Однако после того, как Рашид отказал им в убежище, кыпчаки хитростью захватили город, а Рашид был вынужден бежать в Ширван. Вскоре кыпчаки были разгромлены объединенными грузинско-ширванскими и дагестанскими войсками и почти полностью уничтожены или попали в плен, и «...кыпчакский мамлюк продавался в Дербенде Ширвана по (самой) низкой цене» (*Ибн ал-Асир*, 1963. С. 348–349).

Хотя Ибн ал-Асир назвал здесь город «Дербендом Ширвана», этот факт вряд ли является свидетельством его зависимого положения.

Наоборот, сам Ибн ал-Асир именует правителя Дербента ширваншахом, носившим нетрадиционное для этой династии (обычно ширваншахи носили иранские имена) арабское имя Рашид. Можно предположить, что в данное время Ширван или признал свою зависимость от Дербента, или Рашид самовольно присвоил себе титул ширваншаха. Первое предположение выглядит наиболее правдоподобным, о чём свидетельствует и сообщение современника описываемых событий Йакута (1179–1229), который ставил Дербент выше столицы Ширвана Шемахи, называя ее «округом», подчиненным Дербенту. В разделе своего труда, посвященном Шемахе, Йакут писал: «Это — главное место (касаба) ширвана в районе Аррана. Оно считается округом (‘амал) Баб ал-абваба, и его властитель, Ширваншах, является братом властителя Дербенда» (*Jakuts geographisches Wörterbuch*, 1871. S. 317). Неясно, были ли Рашид действительно братом правителя Ширвана или это только принятая на средневековом Востоке форма обращения друг к другу государей, связанных какими-то политическими обязательствами, но, вероятно, надо признать историческим фактом то, что владелец Ширвана в этот период находился на более низкой ступени иерархии, чем правитель Дербента.

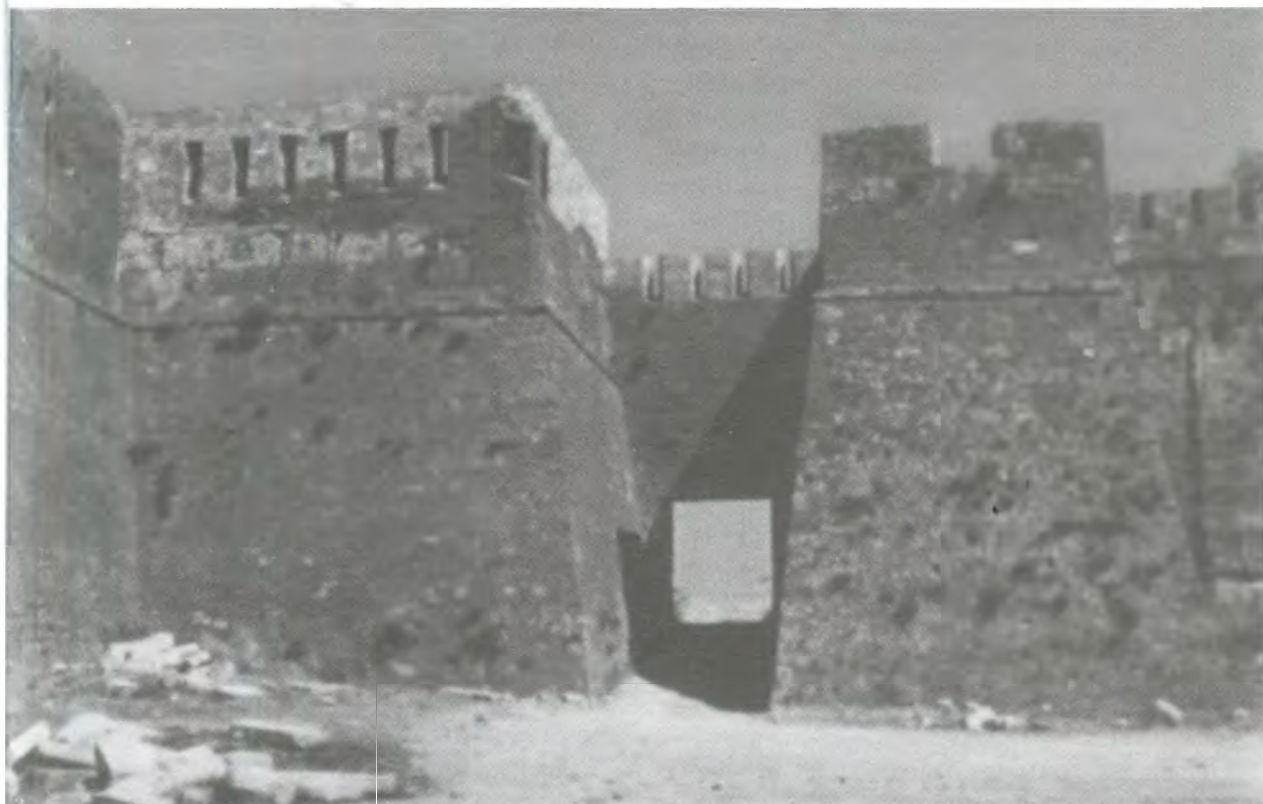

Рис. 2. Западные ворота цитадели Нарын-кала

Во время второго нашествия монголов на Кавказ им удалось захватить Дербент в 1239 г. Сейчас неясно, на каких условиях город был сдан монголам, но Дербенту удалось избежать судьбы многих средневековых городов Закавказья и Северного Кавказа. При археологических раскопках в культурных слоях города первой половины XIII в. не отмечено следов катастрофического разрушения и массового истребления жителей (*Кудрявцев*, 1982. С. 74–118; *Кудрявцев*, 1993. С. 46). Вероятно, учитывая особую стратегическую значимость Дербента и грандиозную мощь его стен, монголы посчитали более выгодным покорить этот город на каких-то почетных для его обитателей условиях. Это подтверждает и посол французского короля Людовика IX к монгольскому хану Менгу Вильгельм де Рубрук, побывавший в Дербенте 17–18 ноября 1251 г., который сообщает, что монголы разрушили лишь верхние части башен и зубцы стен (*Вильгельм де Рубрук*, 1911. С. 85–173). Однако не исключено, что Рубрук ошибался по поводу этих разрушений. Хорошо знакомый с западноевропейской фортификацией, где башни, являясь самостоятельными узлами обороны, сильно возвышались над крепостной стеной (рис. 2), он мог принять отсутствие подобного превышения башен над стенами Дербента за целенаправленное разрушение первых. Но западноевропейские принципы возведения оборонительной архитектуры не были характерны для оборонительной системы Дербента, складывавшейся в V–VII вв. на совсем иных фортификационных традициях.

Однако хотя город избежал катастрофических последствий в результате захвата его монголами, именно с монгольским нашествием связано начало упадка последнего, от которого Дербент уже не смог оправиться. Монголы нарушили традиционные торговые пути и связи его с восточными, закавказскими и внутридагестанскими рынками, подорвали экономику и товарооборот города, нанесли тяжелый урон сельскому хозяйству и ремесленному производству. Особенно тяжелы были для Дербента последствия ожесточенной борьбы между ханами Золотой Орды и монгольскими государями Ирана, претендовавшими на этот важный военно-политический и торговый центр.

После монгольских завоеваний Дербент, несмотря на отдельные периоды подъема и расцвета, не смог достичь своего бывшего могу-

щества и прежнего уровня социально-экономического развития, хотя и оставался самым значительным городом Северного Кавказа.

В середине XIII в. из огромной монгольской империи Чингиз-хана выделился улус Хулагу-хана, в государство которого вошли Иран и территории Закавказья с областями Северного Кавказа до Терека, по которому легла граница между владениями Хулагуидов и ханов Золотой Орды. Но фактически главным пограничным городом стал Дербент, который был втянут в кровавые столкновения монгольских государей Ирана с правителями Золотой Орды.

Марко Поло, побывавший во время своих путешествий по Азии и в Закавказье, рассказывает об одной из таких грандиозных битв, разразившейся в 1261 г. под стенами Дербента, который он называет «Железными воротами», построенными между горами и морем Александром Македонским. Этот всемирно известный путешественник описывает кровопролитное сражение джучидских и хулагуидских войск во главе с Алау и Берке. «Приехал (Алау. — А.К.) на большую равнину между Железными Вратами и Саракинским морем... Разделил войско на тридцать отрядов, и в каждом было по десять тысяч всадников; было у него около трехсот тысяч всадников. У Барки было более трехсот пятидесяти тысяч конных... Ни в одной битве не погибло столько, как тут. Вся земля от крови стала багровая. Погибло в этой битве столько, что кто услышит, так не поверит» (*Марко Поло*, 1940. С. 266–270).

Можно представить, сколь тяжелые последствия имели эта и подобные битвы для экономики города и его сельскохозяйственной округи, где, по сообщению автора середины XIII в., «земля считалась прежде за настоящий рай земной».

Связь мусульманского средневекового города с сельским хозяйством неоднократно отмечалась исследователями, и роль сельскохозяйственной округи в экономическом развитии городов была весьма значительна. Средневековый Дербент, как показали многолетние (1970–2005 гг.) исследования автора, не был здесь исключением, а красноречиво подчеркивал это своего рода нерасчлененное единство восточного города и деревни. Подобное двойственное развитие экономики было характерно для большинства древних и средневековых городов Ближнего Востока, Средиземноморья, Кавказа, являвшихся не

только центрами ремесла и торговли, но и развитого земледелия. Изучение городов Северного Кавказа показало, что большинство из них выступало известными очагами земледелия, садоводства и виноградарства (Дербент, Семендер, Маджар и др.).

Действительно, экономический подъем Дербента в VIII–XIII вв., расцвет ремесла и торговли, бурный рост города, превративший его в один из самых крупных городов Кавказа и Прикаспия (ал-Истахри, Ибн Хаукал, ат-Табари, Балами, Масуди и др.) значительно увеличили численность его торгово-ремесленного населения, благоприятно отразились на развитии сельскохозяйственной округи города домонгольского времени. Данные письменных источников и археологический материал красноречиво свидетельствуют о значительной роли полеводства и животноводства в экономической жизни Дербента на протяжении длительного периода, предшествующего монгольскому нашествию.

Так, в известной средневековой хронике Гариш Баб ал-абваб» неоднократно упоминаются принадлежащие Дербенту земли — его городская округа, включавшая многочисленные поместья («дийа») и «возделанные земли (имарат) народа ал-Баба» (Минорский, 1963. С. 46).

Плодородные почвы, создававшие хорошую основу для земледелия в районе Дербента, стали давать особенно богатые урожаи после создания здесь искусственного орошения. Большие работы по водоснабжению города и прилегающих к нему земель проводились здесь уже при Сасанидах и первых арабских халифах, но особого размаха они достигли в IX–XIII вв. В это время здесь была создана сложная ирригационная система, включавшая в себя и большой канал, прорытый от реки Рубас до Дербента. Однако монгольское нашествие повлекло разрушение этой системы, складывавшейся веками, привело к опустошению сельскохозяйственной округи, уничтожению посевов, разграблению и гибели многих сельских поселений, не имевших ни мощи оборонительных стен Дербента, ни его многочисленного гарнизона и торгово-ремесленного люда, готового защищать свою жизнь и имущество.

Рубрук, подчеркивая ущерб, причиненный монголами возделываемым землям Дербента, сообщал: «Внизу этого города земля считалась прежде (т.е. перед монгольским нашествием. — А.К.) за настоящий рай земной» (Виль-

гельм де Рубрук, 1911. С. 170). Определенная стабилизация положения в регионе в конце XIII–XIV вв. и сохранение Дербентом относительной независимости, а также значительный приток сюда населения (в большинстве своем сельского) из разоренных областей привели к оживлению экономической жизни сельхозокруги. Этому в значительной мере способствовали потребность Золотой Орды в зерне и политика ее правителей, направленная на активизацию его производства.

Источники монгольского времени (XIII–XV вв.) свидетельствуют о выращивании здесь зерновых культур, столь необходимых как самому Дербенту, так и другим золотоордынским городам. Так, историк XIV в. Хамдаллах Казвини писал о земледелии в Дербенте: «Что касается плодородия, [то] хлеб там хорош» (Петрушевский, 1937. С. 908), а такой интересный памятник древнерусской литературы, как «Сказание о Железных воротах» (середина XV в.), подробно перечисляет возделываемые здесь зерновые культуры: «А в той земле пашут землю, а сеют пшеницу и ячмень, и ярицу, и полбу» (Кучкин, 1965. С. 276). Эти сведения относятся к Дербенту XIII–XV вв., и такие свидетельства, несмотря на всю сложность военно-политических реалий данного времени, справедливы. Хотя, понятно, трудно представить, что приход монголов оказал благоприятное воздействие на развитие земледелия в сельхозокруге Дербента, но политика золотоордынских ханов и потребность Орды в хлебе способствовали широкому распространению здесь зерновых культур. Повышенный спрос на золотоордынских рынках на зерно способствовал переориентации сельскохозяйственной округи Дербента на производство зерновых культур и сокращению посевов технических культур, обеспечивающих сырьем ряд городских ремесел (ткачество, ковроделие, кожевенное и др.). И действительно, источники XIII–XV вв. практически перестают упоминать об изготовлении ремесленниками города знаменитых и широко известных на ближневосточных рынках льняных материй: дербентского «льняного полотна и одежд» (ал-Истахри, Ибн-Хаукал, Масуди, Балами и др.), а также о выращивании здесь шафрана и марены, из которых производили очень качественные и высоко ценившиеся на Востоке красители. Многочисленные находки жерновов ручных и водяных мельниц, крупных керамических сосудов для зерна и зерновых

ям-хранилищ, обмазанных слоем извести или светлой глины, широко встречающиеся в слоях XIII–XV вв. (Кудрявцев, 1993. С. 186–187, 190–191), позволяют полагать, что вместо технических здесь в большем количестве стали возделываться зерновые культуры (Кудрявцев, 1993. С. 168, 186).

В период конца XIII–XIV вв. в связи с экономической политикой золотоордынских ханов, заинтересованных как в ближневосточной, так и в закавказской торговле, стабилизировался, а затем стал расти товарообмен Дербента. Более двух столетий Дербент и города Ширвана, входившие в монгольское государство Ильханов, а затем державу Тимура, поддерживали активные торгово-экономические связи с Китаем, зародившиеся еще в античное время.

Известный автор этого периода ал-Умари сообщает о караванном пути от Железных Ворот (Дербента) через земли Золотой Орды в Китай. Ал-Умари поясняет, что караваны проводят в пути пять месяцев, но, несмотря на трудности «северного» маршрута, он пользовался популярностью наряду с «южным», пролежавшим через Иран и Среднюю Азию. Об особой роли Дербента в восточной торговле и связи его с Закавказьем, Ираном, Индией, Китаем свидетельствуют разнообразные письменные источники и обширные археологиче-

ские материалы. Одной из важнейших статей китайского импорта были великолепные шелковые ткани, которые, несмотря на наличие местного шелкового производства, как в самом Дербенте, так и в соседнем Ширване, ценились очень высоко. «Золотом тканная китайская парча (диба-и-хитан)» упоминается в «Аджаиб-ад-дунья» среди доставляемых из Китая товаров.

Как и в предыдущий период, через Дербент соединялись северные и южные ветви «Великого шелкового пути».

Еще одним очень важным предметом китайского импорта была фарфоровая посуда (рис. 3). Она представлена разнообразными, богато орнаментированными чашами и чашечками на высокой кольцевой ножке или плоском поддоне, а также тарелками и небольшими блюдами на кольцевом поддоне (Кудрявцев, 1976. С. 133–134). Орнамент – чаще всего растительный, основу композиции которого составляют пышные цветы и птицы. На тыльной стороне доньев встречаются клейма мастеров и отдельные китайские иероглифы. Среди фарфоровой китайской посуды особый интерес представляют находки селадонных изделий (Кудрявцев, 1993. С. 199, 273). В основном это высококачественные крупные блюда со светло-зеленым глазурным покрытием на кольцевом поддоне с заovalенным

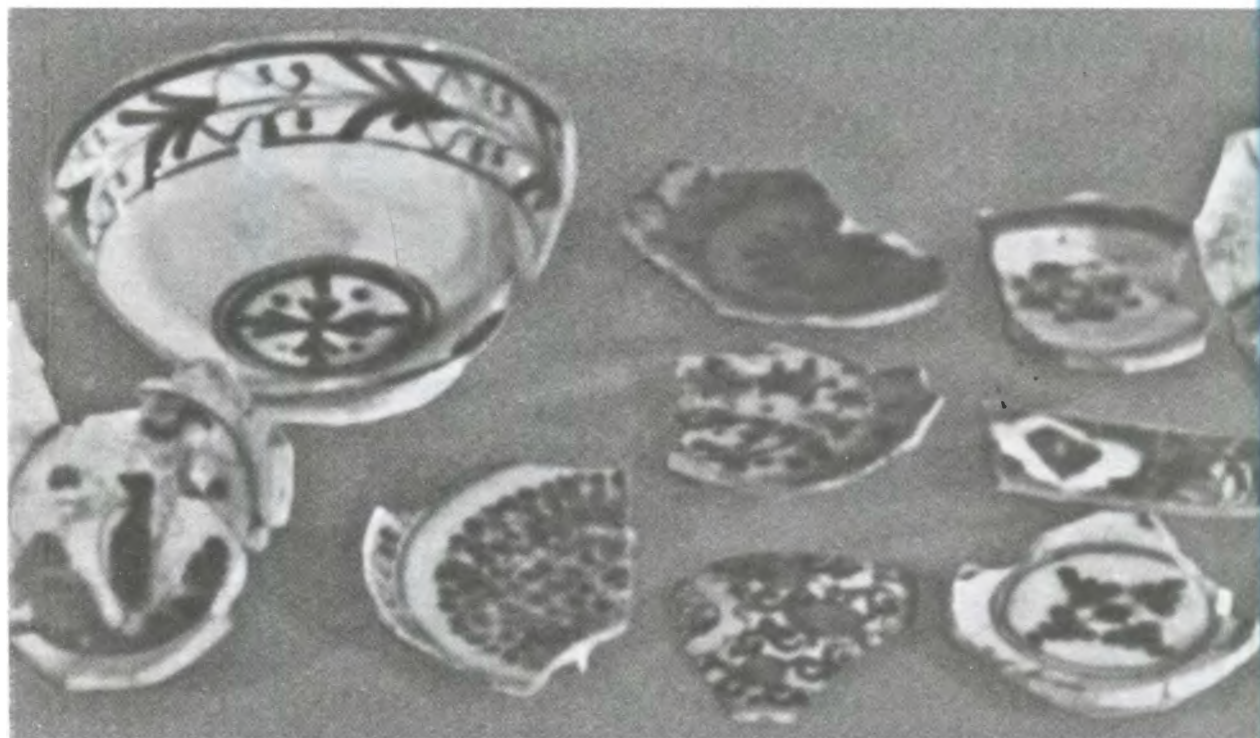

Рис. 3. Китайская и иранская фарфоровая посуда XIII–XIV вв.

туловом и широко отогнутым горизонтальным краем (рис. 4). Толщина стенок подобных блюд достигает 0,7–1 см, диаметр 28–35 см. Дно блюда обычно орнаментировано многолепестковой налепной (выпуклой) розеткой, а стенки – вдавленно-выпуклыми радиальными фестонами. Подобная парадная посуда ценилась очень высоко и потому находки фарфоровой посуды и селадоновых изделий были обнаружены только в домах дербентской знати. В основном китайский фарфор отмечен при раскопках дворцовых комплексов XIII–XIV вв. и XIV–XVI вв. в цитадели города Нарын-кале (Кудрявцев, 1976. С. 133–134; Кудрявцев, 1993. С. 82–83, 273–274), а также в домах городской аристократии в привилегированных районах шахристана города XIII–XV вв.

В отличие от многих городов Закавказья и средневекового Востока, монголы не подвергли разрушению Дербент и не истребили его население, но они нарушили традиционные торговые связи города, уничтожили рынки сбыта ремесленной продукции, нанесли огромный урон сельскому хозяйству, тесно связанному с городской экономикой.

В конце XIV в. ожесточенное противостояние основателя огромной среднеазиатской державы Тамерлана и правителя Золотой Орды Токтамыша, их многочисленные походы в Закавказье и на Северный Кавказ, которые проходили через Дербент, весьма пагубно отражались на его развитии. Но при этом город все же продолжал развиваться, имел активные контакты с экономическими центрами Ближнего Востока и Золотой Орды и выступал по-

средником в товарообмене между Востоком и Западом, что стимулировало развитие ремесла и торговли (рис. 5, 6).

С конца XIV в. военно-политическая обстановка здесь стабилизируется и намечается значительный экономический подъем Дербента, что документируют раскопки. Во многом стабилизация политической и экономической жизни Дербента в конце XIV–XV вв. была связана с деятельностью его правителя Ибрагима Халила Дербенди, ставшего основателем дербентской ветви династии Ширваншахов. Ибрагим Халил поддержал военные действия Тамерлана на Кавказе, выступив союзником последнего и рьяным поборником ислама. В благодарность за помощь и лояльность Ибрагим Халил не только сохранил свою власть над Дербентом, но и получил в управление весь Ширван. Тонкая дипломатия дербентского эмира спасла город от разграбления войсками Тамерлана.

Археологические исследования зафиксировали рост города и расширение его обживаемой территории с рубежа XIV–XV вв. В цитадели и шахристане города проводятся большие строительные работы: в северо-западной части цитадели Нарын-кала возводится новый дворец правителя Дербента, отстраиваются и украшаются богатым порталом главные ворота южной городской стены – Орта-капы (рис. 7), в шахристане появляются новые караван-сарай, водохранилища и фонтаны.

В начале XV в. Клавихо писал о том, что «Тамурбек владеет двумя Железными воротами... Первая Железные ворота, которые ближе к нам, называются Железными воротами

Рис. 4. Китайский селадон XIII–XIV вв.

Рис. 5. Поливная орнаментальная посуда Дербента XII–XIII вв

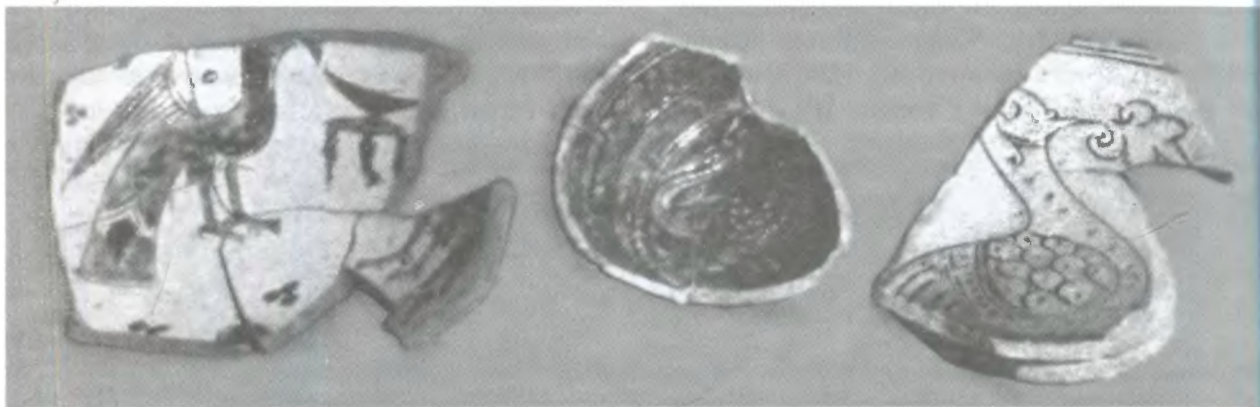

Рис. 6. Поливная посуда Дербента XII–XIII вв. с изображениями птиц

у Дербента; а другая, дальняя, называются Железными воротами у Термита» (*Рюи Гонзалес де Клавихо*, 1881. С. 231–232). Клавихо подчеркивает возросшее торгово-экономическое значение Дербента и пишет, что «Дербентские Железные ворота приносят ему (Тимуру. — А.К.) большой доход ежегодно. А Дербент очень большой город и к нему принадлежит также очень обширная земля».

Сопоставление археологических материалов раскопок Дербента и известных городов Золотой Орды (Сарай ал-Махруса — Селитрен-

ное городище, Сарай ал-Джедид — Царевское городище, Маджар — Маджарское городище, и др.) свидетельствуют о широких торгово-экономических контактах и культурных заимствованиях, особенно активных в конце XIII–XIV в. Наиболее близкие параллели прослеживаются в керамическом производстве. В культурных напластованиях конца XIII — начала XV в. обнаружены характерные для золотоордынской культуры предметы вооружения и украшения (наконечники стрел, костяные обкладки луков и кольца лучников, рукоятки ножей, подвески,

Рис. 7. Орта-капы — древнейшие ворота южной стены Дербента (VI в.) с декоративной аркой XIV — начала XV в.

кольца, браслеты и др.), глазурованные плитки, майолика и кирпичи.

Крушение Золотой Орды, гибель ее городов затормозили урбанизационные процессы на обширных территориях Северного Кавказа и Предкавказья. К концу XV в. городская жизнь здесь практически повсеместно затухает и до конца XVIII в., т.е. до проникновения России на

северный Кавказ и в Предкавказье, северокавказский город как экономическая и социокультурная единица исчезает с исторической арены. Лишь только Дербент в силу своего геополитического положения и специфики социально-экономического развития продолжал оставаться значительным военно-политическим и торгово-ремесленным центром региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бунятов З.М., 1978. Государство атабеков Азербайджана. Баку.

Вильгельм де Рубрук, 1911. Путешествие в восточные страны / Пер. и прим. А.И. Малеина. СПб.

Ибн ал-Асир, 1963. Ал-Камил фи-т-Тарих. Каир. IX.

Кирикос Гандзакеци, 1976. История Армении / Пер. и ком. Л.А. Ханларян. М.

Кудрявцев А.А., 1976. Исследования в древнем Дербенте // АО 1975 г. М.

Кудрявцев А.А., 1982. Великий город на Каспии. Махачкала.

Кудрявцев А.А., 1993. Феодалный Дербент. М.

Кучкин В.А., 1965. «Сказание о Железных воротах» // АЕ 1964. М.

Марко Поло, 1940 Путешествие / Пер. со старофранц. И.П. Минаева. Л.

Минорский В.Ф., 1963. История Ширвана и Дербента. М.

Петрушевский И.П., 1937. Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья // Изв. АН СССР. Отделение обществ наук. № 4.

Рашид ад-Дин, 1952. Сборник летописей / Пер. О.И. Смирновой. М.; Л. Т. I. Кн. 2.

Рюи Гонзалес де Клавихо, 1881. Дневник путешествия ко дворцу Тимура в Самарканде / пер. И. Срезневского. СПб. Jakuts geographisches Worterbuch, 1871 // Hrsg. von F. Wustefeld. Leipzig.

Juwaini, 1958. The History of the World — Congueror / Transl. from persian by J.A. Boyle. Manchester.

ХОРЕЗМ В ЭПОХУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Большая территория в дельтах Окса и Яксарта, между Аральским и Каспийским морями (Устюрт), в средние века входила в состав политического объединения Хорезма. В период господства Великих хорезмшахов (1097–1231) Хорезм стал одной из цветущих земель Средней Азии. Однако в ходе завоевательных войн Чингиз-хана (1220–1223) Хорезм вошел в состав монгольской империи. Походы Чингиз-хана и его правопреемников (1235–1242) в Евразию сопровождались уничтожением людских и экономических ресурсов. Господство монгольских ханов в Хорезме с некоторыми перерывами продолжалось около 150 лет (1220–1388). В период ига монголов Северный Хорезм находился в составе Улуса Джучи (Золотой Орды).

Культура Хорезма XIII–XIV вв. в историко-археологической литературе представлена отрывочными исследованиями, хотя более ста лет область являлась одной из основных культурно-экономических баз Джучиева улуса. Признавая пагубность монгольского нашествия для судеб народов Приаральского региона, исследователи не придавали значения преобразованиям, происходившим в эту эпоху – освоению левобережья Амударьи (Окса), строительству новых систем ирригационных сетей, появлению новых городов и поселений, труду ремесленников и зодчих. Работы по истории Хорезма эпохи Золотой Орды долго оставались на уровне 50–60-х годов XX в. Мы, используя их, свое исследование основываем и на новых археологических данных, собранных в 1985–2007 гг. в ходе раскопок Хивы (Ртвеладзе, Мамбетуллаев, 1997. С. 22–30), Миздахкана (Кдырниязов, 2002а. С. 84–89), Пульжая (Кдырниязов, Искендерова, Турганов, 2006. С. 127–130), Бограхана (Туребеков, Хакимниязов, Утепбергенов, 2002. С. 155–158; 2004. С. 210–218), Джанпык-калы (Хожаниязов, Кдырниязов, Доспанов, 1990. С. 132–146). Кроме них, проведены стационарные исследования караван-сараев, культовых и монументальных сооружений и могильников. Исходя из этого, мы анализируем культуру Хорезма эпохи Золотой Орды.

В последние годы в археолого-исторических исследованиях большое место занимали вопросы возникновения и развития древних и средневековых урбанистических центров Хорезма (Кдырниязов, 2007). Археологически зафиксировано, что и в условиях господства ханов Золотой Орды в северо-западном Хорезме нового подъема достигла сельская и городская культура. Об оживлении городской жизни в золотоордынский период свидетельствуют: территориальное расширение городов, продукция городского ремесла, инновации в характере производимых изделий, вновь возводимые архитектурные памятники и т.д. В общей типологии золотоордынских памятников Хорезма значительное место занимают городища, число которых доходит до 33. Они по размеру, характеру сооружений и с учетом топографии разделяются на три группы – большие, средние и малые. Города первой группы имеют значительную площадь – от 100 га до 1000 га (Вайнберг, 1998. С. 187–197). Они являлись либо столицами, либо центрами округов (Ургенч – 1000 га, Кят – 500 га, Миздахкан – 100 га). Города второй группы в среднем достигают 15–100 га (Дарган – 56 га, Хива – 26 га, Садвар – 20 га (Массон, 1966. С. 217–232, 239–245). Малые города включают в себя пункты, имеющие площадь менее 15 га (Бограхан – 15 га, Джанпык-кала – 12 га, Хазарасп – 10 га). Существенно, что в начале XIII в., после нашествия монголов, большинство городов занимало только часть территории внутри стен (Джанпык-кала, Бограхан, Топрак-кала Кунградская). В дальнейшем, уже с середины XIII в., многие города в связи с подъемом и ростом торговли, ремесла, с аграризацией городских поселений продолжали развиваться и расширяли свою территорию (Кдырниязов, 1999. С. 82–86).

В XIII–XIV вв., как свидетельствует археология, новых городов по существу не появлялось, но и количество старых здесь резко не сократилось. В отличие от городов Поволжья, созданных руками ремесленников, пригнанных из разных стран (Фёдоров-Давыдов, 1973. С. 114), города Хорезма этого периода

были возведены коренными жителями оазиса. К тому же хорезмские города возникли не в степях, как поволжские, а на месте старых центров и опирались на традиции оседло-земледельческой культуры. На возрождение урбанизационных процессов повлияло удачное географическое расположение области. Города, стоящие на Великом шелковом пути, быстрее возрождались, нежели периферийные. Их восстановлению способствовала и экономическая политика ханов. Материальная культура городов Хорезма эпохи Золотой Орды, развиваясь на основе достижений хорезмшахского времени, оставалась местной, являлась в меньшей степени имперским «сплавом» различных культур, каковой была культура центров на Волге. В хорезмских городах золотоордынской эпохи мы не встречаем следов иноплеменных ремесленников-рабов. Наоборот, влияние хорезмской градостроительной культуры очень ярко прослеживается в синкретической культуре городов Нижнего Поволжья. В городах Золотой Орды и Хорезма возведение стен вокруг пригородов не наблюдается. Эта своеобразная черта отличает их как от предшествующих хорезмшахских, так и последующих тимуридских памятников Хорезма. Монгольские правители, жестоко управлявшие подвластными областями, боялись восстаний голодного и бесправного населения, которое могло укрыться за городскими стенами, что не только не способствовало укреплению внешних стен, но и вело к прямому запрещению их реконструкции (Книга Марко Поло, 1955. С. 280).

В конце XIII в. и особенно в XIV в. запустевшие земли вновь осваиваются, возрождаются не только городские центры, но и многочисленные сельские поселения, особенно на северо-западе Хорезма. В каждом сельскохозяйственном округе выделяется центр, застроенный тесно стоящими домами с небольшими участками жилищ на периферии. Они также отличаются от хорезмшахских поселений отсутствием фортификации, меньшими размерами построек, плохим качеством пахсы, использованием малого количества обожженных кирпичей и отсутствием богатого убранства. Анализ археологических данных свидетельствует о процессе глубокого расчленения среди жителей сельских поселений. Например, более крупная хозяйственная единица в округе Шехрлика занимает $\frac{1}{4}$ часть от общей площади города: Ак-кала — $\frac{1}{6}$; Куня-

Уз II — $\frac{1}{9}$; Акча-Гелин I — $\frac{1}{6}$. Надо полагать, что многокомнатные дома, имеющие площадь от 144 и более 200 кв. м, относятся к владениям крупных землевладельцев (Неразик, 1976. С. 126–141). В целом, экстраполяционный метод свидетельствует о глубоких процессах имущественной дифференциации, на основе которых выделяются крупные землевладельцы, господствующие над массой сельских общинников.

В социальной структуре городов хорошо выявляются кварталы. В западной части Джанпык-калы выявлен жилой квартал площадью 1600 м². Другой ремесленный квартал — площадью 885 м² вскрыт в северной части городища (Хожаниязов, Кдырниязов, Доспанов, 1990. С. 132–146). Длинная цепь торгово-ремесленных кварталов вскрыта раскопками на городище Миздахкан. Площадь 1300 м² имел Восточный квартал I («ВК-I»), 2800 м² — Восточный квартал II, 1502 м² — Северный квартал («СК»), 1209 м² — Центральный квартал («Ц») (Кдырниязов, 2005. С. 19). В кварталах «ВК-I» — 10 домовладений, «Ц» — 8, «СК» — 8, в Юго-Западном квартале («ЮЗК») — 5 домов и квартальная мечеть. Каждый дом состоял от двух и до одиннадцати помещений с производственным двором или без него. Выделяются следующие типы жилищ: однокомнатные, двух–трехсекционные однорядные, многокомнатные с коридором, многокомнатные дома с айваном и открытым двориком. В количественном отношении преобладает третий тип. Жилища в кварталах построены слитно, без разделения на отдельные дворовые участки, по обеим сторонам улиц.

Городские жилища часто служили и для размещения торговых лавок и производственных мастерских. Подобные дома занимали более трети (36%) кварталов Миздахкана. Комбинированные построения жилищ присущи и домам Гурганджа (Фёдоров-Давыдов, 1958. С. 510–511). Они также зафиксированы и на Джанпык-кале (Кдырниязов, 2005. С. 20). В целом, массовая жилая застройка Хорезма XIII–XIV вв. имеет традиционные связи домостроительства с памятниками домонгольского и монгольского времени Мавераннахра, Южного Казахстана, Туркмении и Нижнего Поволжья. Такая связь наблюдается и по интерьеру жилищ, наличию суф, канав, очагов, ниш, тошнау, тандыров, входных тамбуров, каминов, закровов и оконных проемов. Отличительной чертой городского жилища являет-

ся стандартизация планировки с преобладанием прямоугольной и квадратной.

Кварталы обычно заселялись ремесленниками какой-либо одной специальности. В «СК» Миздахкана обитали в основном торговцы товарным зерном. Такой же характер имела деятельность жителей квартала «ВК». «ЮЗК» был заселен виноделами и гончарами с производственными мастерскими (Кдырнязов, 1999. С. 74–75). Подобную структуру имели планировка золотоордынской Шемаха-калы и Шехрлика. Принцип размещения ремесленников по кварталам археологически зафиксирован и в городской структуре Сарая (Фёдоров-Давыдов, 1973. С. 88–89). Археологическими раскопками вскрыты отрезки улиц и переулков в Куня-Ургенче, Миздахкане и Джанпык-кале. В зависимости от их назначения городские улицы делились на магистральные – «дарб» (Куня-Ургенч, Миздахкан) и обычные, и в связи с этим имели различную ширину: от 1,6 м до 5 м.

Изучение материальной культуры Хорезма эпохи Золотой Орды позволяет выяснить состояние строительной техники области. В то же время появляются новые виды облицовочных материалов: мозаика, майолика, резная поливная терракота. Среди архитектурного декора выделяются изразцы-перемычки («бантики») с бирюзовой поливой (Мазлумхан-Сулу, молельня в «ВК-II») (Кдырнязов, 2004. С. 180–185). Основой монументальных сооружений был квадрат, кубический объем переходил в восьмигранник, в свою очередь переходящий в двенадцатигранный и шестнадцатигранный барабаны, заканчивающиеся высоким полусферическим куполом (мавзолеи Тюрабек-ханум и Наджим ад-дин Кубра). Особенностью архитектуры Хорезма этого времени было распространение двух- и трехкупольных сооружений. Для них характерен П-образный портал со стрельчатой аркой. При возведении стен как в общественной, так и обычной жилой архитектуре применялись три вида кладки: плашмя, на ребро с наклоном и «в елочку». Однако в строительной технике XIII–XIV вв. часто использовали разновременный материал, создававший неудобства при возведении памятников и ухудшавший их качество.

Яркий след оставили мастера Хорезма в создании керамической школы столиц Золотой Орды и городов Северного Кавказа. В этих регионах при участии ремесленников Хорез-

ма появляются новые типы поливной керамики так называемого ургенчского образца на кашинной основе (Гражданкина, Ртвеладзе, 1971. С. 127–139). Многие виды кашинной керамики Хорезма и городов Золотой Орды имели общие черты. Учитывая это обстоятельство Г.А. Фёдоров-Давыдов приходит к выводу «о одновременном сложении золотоордынского стиля в поливной кашинной керамике, общего и для Хорезма, и для Поволжья» (Фёдоров-Давыдов, 1984. С. 90). В специализированных керамических мастерских Хорезма выпускался особый вид штампованных изделий, серо-глиняных чаш, чернолощенных кувшинов с орнаментом в виде осоки и вертикальных полос. В Миздахкане исследован производственный комплекс по выпуску чернолощенных изделий (Туребеков, 2003. С. 67–79). Часть этих изделий находила сбыт на территории Золотой Орды (Сарайчик, Сарай, Азов) (Фёдоров-Давыдов, 2001. С. 210; Панина, Волков, 2000. С. 89, 91. Рис. 1, 1–3). Большинство изделий ввозилось в Золотую Орду и дало толчок к воспроизведению некоторых их видов хорезмийскими мастерами (зеркала с изображением рыб, драконов и ал-бораков). В это время в Хорезме появляется и отопительная система – кан.

Золотоордынский период в истории Хорезма также характеризуется важными сдвигами в этнокультурных процессах. В XIII–XIV вв. границы Хорезма примыкали к Великой степи – Дешт-и-Кыпчаку. Во взаимном общении оседло-земледельческого населения и кочевников прогрессировала этническая консолидация. Массовое присутствие кочевнического элемента золотоордынского времени на памятниках Хорезма фиксируется по материалам археологических раскопок, где часто встречаются серьги в виде вопроса, дощатые гробы, соответствующая ориентировка костяка, погребальный и краниологический материал (Вактурская, 1968. С. 249–252; Кдырнязов, 2002б. С. 71–75). Кыпчакский этнический пласт этнографически прослеживается как в топономике, так и в материалах родоплеменной структуры населения оазиса. Именно в это время получает дальнейшее развитие хорезмский язык на кыпчакско-огузской диалектной основе (Баскаков, 1988. С. 36–38). Хорезм в XIII–XIV вв. является одним из очагов духовности, просветительства и ислама, отсюда исходила миссионерская деятельность. Благодаря знанию языков, законов и богословия ученые и писатели Хорезма при

золотоордынских ханах достигали высших чинов. Хорезмийские суфийские шейхи являлись наставниками ханов, султан, эмиров и со временем обретали здесь значительную политическую силу. Наджим ад-дин Кубр, Пахлаван Махмуд, Абдаллах Наринджани, Сулейман Хадад Мусави, Нуман ад-дин Хорезми, Нур ад-дин Хорезми были яркими представителями культуры Хорезма в идеологической системе эпохи Золотой Орды.

Огромную роль играл Хорезм в золотоордынской торговле. Через Хорезм на Русь ввозился высокосортный селадон (Панова, 1986. С. 229; Авдусина, Панова, Владимирская, 1989. С. 94). Важным предметом вывоза в Европу был шелк-сырец. Нотариальные акты, составленные в 1289–1290 гг. в Старом Крыму, говорят о том, что богатые генуэзские торговцы Андрей Спиноло, Бонвассалино и Персиваль Ломеллина отправляли из Кафы в Геную шелк «сарусмисна» — хорезмийский и «organinum» — ургенческий (Старокадамская, 1974. С. 168–169). Значение Хорезма в эпоху Золотой Орды в международной торговле отмечает Ф.Б. Пеголотти (Pegolotti, 1936. Р. 27). Западные купцы часто посещали Хорезм. Они следовали по маршруту Тана–Сарай–Устюрт–Ургенч–Отрар–Алмалык и далее в Китай (Чиперис, 1964. С. 96). Джованни Монтекорвино, отмечая удобства этого маршрута, писал: «А что касается дороги (Золотой Орды. — М.-Ш.К.), то путь через земли Катая (хана Токты 1290–1312), императора северных татар, самый короткий и безопасный...» (По-

сле Марко Поло, 1968. С. 39). В целом, развитию торговли в Хорезме эпохи Золотой Орды способствовали безопасность передвижения, наличие благоустроенных коммуникационных артерий и мест остановок (караван-сарай), средства денежного обращения — высокопробные монеты и серебряные слитки, практика использования векселей и стабильные цены (Фёдоров-Давыдов, 1965. С. 210–219).

Однако надо отметить, что насильственно созданная Золотая Орда оказалась нежизнеспособной. Внутренние смуты, грандиозные походы эмира Тимура, разгром войск Токтамыша и целенаправленное уничтожение столичных городов на Волге, торговых факторий на Черном море окончательно подорвали мощь Золотой Орды, и начался ее постепенный распад. В 60-х годах XIV в. тронная чехарда, междоусобные войны ослабляли власть в метрополии. В Хорезме выдвигается полусамостоятельная династия кунградских Суфи, недальновидная политика которых спровоцировала Тимура организовать ряд походов на Хорезм (1372–1388).

Культура Хорезма в XIII–XIV вв. была тесно связана с Джучиевым улусом. Однако культура золотоордынского Хорезма на самом деле была продолжением традиционной культуры домонгольской эпохи. Эту культуру на протяжении тысячелетий создавали местные ученые, зодчие, ремесленники и крестьяне. Они же поднимали из руин разрушенные города и их сельскохозяйственную округу, воссоздавали духовную культуру оазиса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдусина Т.Д., Панова Т.Д., Владимирская Н.С., 1989. Некоторые итоги археологического изучения Московского кремля (1974–1982) // СА. № 3.

Баскаков Н.А., 1988. Основные исторические этапы формирования тюркских языков народов Средней Азии и Казахстана // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М.

Вактурская Н.Н., 1968. О серьгах средневекового городища Шехрлик // История, археология и этнография Средней Азии. М.

Вайнберг Б.И., 1998. Историческая топография городища Куня-Ургенч в свете данных аэрофотосъемки // Приаралье в древности и средневековье. М.

Гражданкина Н.С., Ртвеладзе Э.В., 1971. Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского Маджара // СА. № 1.

Кдырнязов М.-Ш., 1999. Об аграрном характере производительной деятельности населения Миздахкана // ОНУ. Ташкент. № 4/5.

Кдырнязов М.-Ш., 2002а. Миздахкан — памятник золотоордынской эпохи // Труды ГИМ. М. Вып. 135.

Кдырнязов М.-Ш., 2002б. Об этническом и социальном составе городского населения Хорезма в конце XIII–XIV вв. // ОНУ. Ташкент. № 3/4.

Кдырнязов М.-Ш., 2005. Культура Хорезма XIII–XIV вв. // Автореф. дисс... докт. ист. наук. Самарканд.

Кдырнязов М.-Ш., 2007. Городская культура средневекового Хорезма. XII–XIV вв. Самарканд.

Кдырнязов М.-Ш., Кдырнязов А.М.-Ш., 2004. Раскопки богатого дома с молельней в Миздахкане // ИМКУ. Самарканд. Вып. 34.

Кдырниязов М.-Ш., Искендерова А., Турганов Б., 2006. Археологические работы на городище Пульжай // АИУ 2004–2005 гг. Ташкент. Вып. 5.

Книга Марко Поло, 1955 / Пер. М.И. Минаева. М.

Массон М.Е., 1966. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Мавераннахр // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад. Т. XIII.

Неразик Е.Е., 1976. Сельское жилище Хорезма (I–XIV вв.). М.

Панова Т.Д., 1986. Восточная поливная керамика из раскопок в Московском кремле // СА. № 1.

Панина Э.Л., Волков И.В., 2000. Штампованная керамика золотоордынских городов // Средняя Азия: Археология. История. Культура. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В. Шишкиной. М.

После Марко Поло: Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий, 1968 / Пер. с латинск. и старолатинск. яз., введ. и примеч. Я.М. Света. М.

Ртвеладзе Э.В., Мамбетуллаев М.М., 1997. Древняя и средневековая Хива // Город под тысячей куполов. Ташкент.

Старокадамская М.К., 1974. Солхат и Каффа в XIII–XIV вв. // Феодальная Таврика. Киев.

Туребеков М., Хакимниязов Ж., Утепбергенов Ф., 2002. Работы Кунградского отряда // АИУ 2001 г. Ташкент.

Туребеков М., 2003. Раскопки жилого массива гончаро-средневекового Миздахкана // АП. Нукус. Вып. VI.

Туребеков М., 2004. Исследования городища Бограхан // АИУ 2003 г. Ташкент.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1958. Раскопки квартал XV–XVII вв. на городище Таш-кала // Труды ХАЭЭ. М. Т. II.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1965. Нумизматика Хорезм-золотоордынского периода // НЭ. М. Т. 4.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1973. Общественный строй Золотой Орды. М.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1984. Четверть века изучения средневековых городов Нижнего Поволжья // СА. № 3.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 2001. Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. М.

Хожаниязов Г., Кдырниязов М.-Ш., Доспанов О., 1990. Раскопки жилого квартала XII–XIV вв. в западной части Джанпик-кала // АП. Ташкент. Вып. IV.

Чиперис А.М., 1964. К вопросу о торговых связях Средней Азии с Крымом и Восточной Европой в VIII–XIV вв. // УЗТГУ. Ашхабад. Вып. 31.

PegoIotti B.F., 1936. La pratica della Mercatura. Cambridge; Massachusetts.

К ПРОБЛЕМЕ ХРОНОЛОГИИ НАСЛЕДОВАНИЯ УЛУСА ШИБАНА В СОСТАВЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (середина XIII – середина XIV в.)

После распада Золотой Орды на территории Западной Сибири образовалось Тюменское ханство, правящей династией в котором были потомки младшего брата Бату, Шибана. Скорее всего, Шибан занимал видное положение среди потомков Джучи, особенно учитывая его успехи в ходе военных действий западного похода. По данным источников, наибольший вклад он внес при завоевании Крыма, а также во время разгрома Польши и Венгрии (подробную биографию Шибана см.: *Костюков*, 1998. С. 210–224). Для нас в рамках этой небольшой работы представляется важным определить порядок правления Шибанидов на протяжении указанного времени и этапы изменения границ улуса, в частности, его распространение к северу. Тем самым мы стремимся показать роль данного улуса в составе Золотой Орды и степень его преемственности Тюменскому ханству.

После завершения западного похода встал вопрос об административном устройстве увеличившегося Улуса Джучи. При этом возникает вопрос о степени самостоятельности Бату в принятии решений о наделении улусами других Джучидов. Теоретически Бату как верховный правитель мог распоряжаться землей, но при этом вся подвластная ему территория продолжала рассматриваться как часть Монгольской империи Чингизидов. В этом отношении затягивание Батием выборов нового каана в Каракоруме явно было ему на руку. На протяжении нескольких лет Бату уклонялся от участия в курултае, что приводило к откладыванию выборов (*Рашид ад-Дин*, 1960. С. 80). Наконец, в 1246 г. курултай был собран и новым ханом стал давний недруг Бату старший сын Угедея Гуюк. Со стороны улуса Джучи представителями на курултае были Орда, Шибан, Берке, Тангут и Тука-Тимур, но сам Бату так и не явился (*Тизенгаузен*, 1941. С. 66).

Казалось бы, данные Утемиш-Хаджи (*Утемиш-Хаджи*, 1992. С. 92) о выделении улусов старших Джучидов еще Чингиз-ханом должны свидетельствовать о том, что, исходя из

монгольских традиций, границы ранее выделенных земель могли просто подтверждаться новым ханом. В отношении Орды-Ичена интересны слова Абу-л-Гази: «Когда Саинхан, возвратившись из этого похода... сказал Орде по прозванию Ичен: “В этом походе ты содействовал окончанию нашего дела, поэтому в удел тебе отдается народ, состоящий из пятнадцати тысяч семейств, в том месте, где жил отец твой”» (*Абулгази*, 1906. С. 159). Орда и его ближайшие потомки с этого времени обитали в верховьях Иртыша и у озера Ала-Куль (*Кляшторный, Султанов*, 2000. С. 197). Однако в случае с Тука-Тимуром все несколько сложнее. В источниках и литературе можно встретить данные о наделении его улусами в земле асов и Мангышлаке, а также Хаджи-Тархане (*Кляшторный, Султанов*, 2000. С. 196); к его владениям относили земли бывшей Волжской Булгарии (*Лэнь-Пуль*, 2004. С. 159); при Менгу-Тимуре он получил территорию Крыма (*Абулгази*, 1768. С. 86). А.Г. Нестеров считает, что в это же время владения Тука-Тимура могли находиться и в Западной Сибири, где позднее находилось Тюменское ханство Шибанидов (*Нестеров*, 1988. С. 6).

По завершении походов в 1242 г. Бату отдал Шибану за храбрость четыре омака из своих подданных «от поколений Кушчи, Найман, Карлык и Буйрак». Улус Шибана был определен таким образом, чтобы «летом ему пребывать возле гор Уральских и реки Яиджика (видимо, имеется в виду ее восточный берег. — Д.М.)..., а зимой около Каракума и Аракума», по берегам реки Сырдарья и при устьях Чу и Сары-Су (*Абулгази*, 1768. С. 120). Махмуд бен Вали пишет, что Шибан-хан получил от Бату «в качестве вознаграждения четыре омака», и с тех пор Шибаниды хранили верность его потомкам (*Махмуд бен Вали*, 1969. С. 347). Кроме того, Шибан получил «область Корел» (Польшу), куда отправил одного из своих сыновей с беками и людьми. Причем подчеркивается, что все ее следующие правители были из его рода (*Абулгази*, 1906. С. 159), хотя в за-

падноевропейских источниках упоминаний об этом нами не найдено. Возможным подходом к интерпретации этого сообщения является указание на то, что Шибан участвовал не только в разгроме европейских армий, но и в захвате и подавлении дальнейших восстаний на территории Волжской Булгарии и Приуральской Венгрии, по отношению к населению которых могли использовать близкие к европейским этнонимы. Использование схожих названий уже через несколько десятилетий после рассматриваемых событий могло привести к разногласиям между авторами источников, которые в некоторых случаях смешивали события разных походов в один, а следовательно, и запутывали вопрос о реальном местоположении улуса Шибана.

Только улусы двух старших братьев — Орды и Бату имели единую территорию; земли других, в частности Шибана и Тука-Тимура, оказались разделены, что способствовало борьбе с центробежными тенденциями внутри Золотой Орды. Границы между улусами были установлены чисто номинально и, скорее всего, периодически могли смещаться. Описание улуса Шибана у Абу-л-Гази позволяет согласиться с точкой зрения о том, что в течение некоторого времени под его властью находилась значительная часть Восточного Дешта, который он делил с Ордой (Кляшторный, Султанов, 2000. С. 196—197; Зуев, 1981. С. 76). Однако вопрос об их соправительстве не может быть решен однозначно (см. например: Трепавлов, 1992. С. 270—273).

Возникает резонный вопрос: кому принадлежали земли южной лесостепи Западной Сибири, т.е. будущего Тюменского ханства, в этот период? М.Г. Сафаргалиев однозначно отвечает на этот вопрос: улус Шибана находился в Сибири (Сафаргалиев, 1996. С. 302). В действительности существующие источники не позволяют нам провести столь точную реконструкцию. Хотя любопытна в этом отношении фраза Плано Карпини, проезжавшего через улус Шибана в 1245 г.: «... с севера же прилегает к ней часть земли черных китайцев и океан. Там пребывает Сыбан, брат Бату» (Плано Карпини, 1997. С. 75). Но позднее, в начале XIV в., у Марко Поло встречаем информацию о том, что здесь пребывает Кончи, внук Орды (Поло, 1997. С. 367—368). Следует предположить, что отсутствие представления о границах в большинстве кочевых государств не позволяет ответить на этот вопрос. Складывается впечатление, что во второй

половине XIII в. эта территория переходила из рук в руки. При этом территория степного Южного Зауралья, скорее всего, относилась к владениям Шибанидов, но уже земли восточнее Тобола могли принадлежать потомкам Орды-Ичена. По вопросу о территориальных изменениях улуса Шибанидов справедливо мнение В.П. Костюкова: «... обстоятельства заставляют с большой долей осторожности и лишь в самом общем виде обозначать географические пределы владений Шибанидов» (Костюков, 1998. С. 216).

Если мы согласимся с определением изначальной территории улуса Шибана, то возникает вполне резонный вопрос о причинах столь радикального отделения улуса Орды от владений Бату. Подходы к решению этого вопроса констатировали особый этнический состав местных кочевников, принципиально враждебных кыпчакам и канглам, роль данной территории в поддержке самого короткого ямского пути из Каракорума в Сарай (Костюков, 1995. С. 40—43; 1998. С. 220). Однако политический контекст дальнейших событий свидетельствует об определенных противоречиях между двумя старшими династиями среди потомков Джучи. Они могли быть решены при помощи введения буферной зоны в виде юрта Шибана и его потомков, лояльных сарайскому правительству. На уровне предположения выскажем следующее замечание: не мог ли уже Бату, а тем более его потомки чувствовать определенную, в том числе психологическую, зависимость от Орды-Ичена и его сыновей? Не пытался ли он с помощью по всей видимости, достаточно популярного в войсках полководца Шибана «отгородиться» от этой проблемы?

Особенно значимым был статус Орды-Ичена: «В этой земле живет Орду, старший на Бату», — свидетельствовал Плано Карпини (Плано Карпини, 1997. С. 75).

Рашид ад-дин писал, что Орда и его потомки считались независимыми государями своего улуса (Рашид ад-Дин, 1960. С. 66). В то же время у него упоминается, что Бату признавался старшим из Джучидов.

Одновременно с решением внутренних проблем на территории резко увеличившегося Улуса Джучи постепенно ухудшались отношения между Бату и Гуюк-ханом, конфликт которых начался во время западного похода (Романив, 2002. С. 85). И хотя Джучиды во главе Ордой и поддерживали Гуюка на курултае, опре-

деленные экономические и политические разногласия сохранялись. Причем в ходе конфликтов Бату, продолжая номинально считаться старшим в роде, но, будучи вынужденным подчиняться Великому хану, мог терять свой авторитет (*Рашид ад-Дин*, 1960. С. 121). Любопытные слухи относительно событий в конце правления Гуюк-хана в 1248 г. сообщает Гильом де Рубрук. Он пишет, что Бату-хан был вынужден по требованию нового хана отправиться на поклон к нему. Однако, поскольку Бату и его окружение опасались подвоха, то при этом вперед, по военному обыкновению, был отправлен Шибан. При встрече с Гуюком последний должен был поднести чашу с вином (отравленным?), однако возникла ссора, и оба убили друг друга (*Рубрук*, 1997. С. 131–132). Хотя данную информацию не подтверждают иные источники, в ее основе могли содержаться вполне достоверные сведения, отражающие определенные тенденции развития конфликта. Вскоре после этого, по данным Рашид ад-дина, «он (Бату. — Д.М.) приказал, чтобы братья его — Орда, Шейбан, Берки — и весь род Джучи... все собрались и... заключили соглашение о том, чтобы посадить Менгу-каана на престол». Скорее всего, это событие произошло около 1250 г. Далее указывается, что сам курултай в Монголии должны были организовать братья Бату — Берке и Бука-Тимур (возможно, Тука-Тимур) (*Рашид ад-Дин*, 1960. С. 129–130). Знаменательно, что в организации курултая не принимали участие значимые представители рода Орда и Шибан, игравшие до того важную роль в его делах. Возможно, они оба скончались до начала событий, и в таком случае информация Гильома де Рубрука относительно последнего отчасти находит свое подтверждение.

Шибан оставил после себя двенадцать сыновей (*Махмуд бен Вали*, 1969. С. 347). Государство кочевников рассматривалось как собственность всей правящей династии, что могло вести к дроблению земель, сплочение которых происходило либо в результате признания старшинства одного из представителей, либо на основе общих интересов. По Махмуду бен Вали и Абу-л-Гази, после смерти Шибана верховными властителями улуса становятся его сын Бахадур, затем внук Джочи-Бука, правнук Бадакулл (*Махмуд бен Вали*, 1969. С. 347–348; *Абулгази*, 1768. С. 122–123). Обращает на себя внимание, что титул хана принадлежал лишь Бахадуру (*Абулгази*, 1768. С. 122).

Махмуд бен Вали пишет, что Бахадур-хан собрал родственников и близкие племена и «выбрал для зимовок и летовок Ак-Орду, которая известна также как Йуз-Орда» (*Махмуд бен Вали*, 1969. С. 347). О том же пишет Абулгази Баядур-хан: Менгу-Тимур-хан (1267–1280 гг.) «дал в вечное владение Баядур-хану... некоторое поколение из числа своих подданных, называемых Ак-Орда» (*Абулгази*, 1768. С. 86). В.В. Трепавлов пишет, что Менгу-Тимур лишь подтвердил указ деда (*Трепавлов*, 1992. С. 272). При этом весьма сомнительны сведения Махмуда бен Вали о подчинении Бахадура потомкам Тука-Тимура (*Махмуд бен Вали*, 1969. С. 327). Скорее всего, эта информация является поздней попыткой обоснования власти потомков Тука-Тимура над Шибанидами в рамках конфликта между ними, учитывая, что автор источника был приближенным правителя из династии Аштарханидов.

В правление прямых потомков Шибана в течение второй половины XIII в. произошло несколько важных событий. С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов считают, что именно в это время Шибаниды потеряли область между реками Или и Сырдарьей с крупным торговым городом Сыгнак, которая перешла к потомкам Орды-Ичена (*Кляшторный, Султанов*, 2000. С. 197). В более ранних работах указывалось, что к владениям Орды-Ичена стал относиться и Сарайчик, а владения Шибанидов сдвинулись в Среднее Прииртышье (*Кляшторный, Султанов*, 1992. С. 196). Подобный передел улуса при сильном правительстве в Сарае не мог произойти без разрешения и/или попустительства верховного хана Улуса Джучи. В.П. Костюков считает, что такое разрешение могло быть дано при Берке-хане (*Костюков*, 1996. С. 87), хотя нами не найдено прямого подтверждения этому событию в источниках. Передел улуса мог быть связан с событиями в ходе малоазиатского похода 1254–1258 гг. и постепенным ростом влияния Ногай в Сарае (*Тизенгаузен*, 1941. С. 67; *Костюков*, 1998. С. 214). Возможно, причину такой подвижки следует искать не во внутренней истории улуса Джучи, а в контексте внешнеполитической деятельности его ханов. Так, между 1262 и 1265 гг. в результате среднеазиатских войн Берке против Чагатаида Альгу последний получил контроль над Хорезмом, а в 1266 г. отнял у Берке и Орды город Отрар в среднем течении Сырдарьи. Очевидно, что эти территориальные потери прежде всего ударили по улусу Ор-

ды-Ичена и могли быть компенсированы за счет прилегающих к нему владений Шибанидов. Отметим, что, по мнению некоторых исследователей, Бахадур-хан основал (или перестроил существовавшее ранее поселение) на р. Яик г. Сарайчик, которому суждено было стать одной из резиденций Шибанидов и крупным торговым городом (Ахмедов, 1965. С. 34–35). В.В. Трепавлов подчеркивает, что наиболее ранние данные об этом городе появляются только во второй половине XIII в., в правление Берке-хана (Трепавлов, 2002. С. 227).

Восстановить точную хронологию правления Шибанидов в исследуемый период практически невозможно. Однако с уверенностью можно сказать, что наследником Бахадура стал его старший сын Джочи-Бука. Махмуд бен Вали пишет о нем: «... ему было суждено вкусить некоторое количество плодов от древа жизни, так что после смерти Бахадур-оглана он стал главой племени (кабила) и присоединил к богам хранимым вилайетам много стран» (Махмуд бен Вали, 1969. С. 347). Скорее всего, начало правления Джочи-Буки следует связывать еще со временем Менгу-Тимура, в войсках которого он командовал авангардом, а также частично синхронизировать приведенное сообщение с периодом правления в Улусе Джучи Токта-хана (1291–1312), который вел активную борьбу с могущественным беклярибеком Ногаем (Сафаргалиев, 1996. С. 330).

Внутренние неурядицы в улусе Джучи привели к росту сепаратизма и могущества правителей его отдельных областей. Среди них в связи с проблемой распространения монгольской власти в Западную Сибирь особенно выделяется Кончи, внук Орды (правитель с 1288 по 1301 гг.). О нем Марко Поло пишет, что царь этот никому не подвластен, он правит большой территорией, на севере которой есть земля, где много озер, болот и ручейков, там не пройдет никакая лошадь, люди в этих краях живут в основном в землянках. Еще севернее есть «темная страна, ... у жителей нет царя», там татары добывают множество ценных мехов (Поло, 1997. С. 367–369). Можно предположить, что в правление Кончи вновь произошло изменение границ улусов, в результате которого территория улуса Орды значительно расширилась к северу. Однако после его смерти началась междоусобица, в ходе которой дом Орды потерял часть своих восточных земель и ставка улуса окончательно переместилась в Сыгнак на Сырдарье (Сафаргалиев, 1996. С. 331).

Расширение границ Шибанидов на север, в Зауралье, может быть увязано не только с политикой Кончи, но и с их участием в лице Муртад-Токтая (или Тима-Токтая) на стороне сарайского хана Токты (1291–1312) в борьбе с Ногаем (Сафаргалиев, 1996. С. 323). Указанный Шибанид, по данным Муиззе, убедительно идентифицируется с младшим сыном Бахлакана бен Шибана (Тизенгаузен, 1941. С. 55). Участие в борьбе обеспечивало благосклонность Сарая к расширению улуса. К тому же даже потомки Кончи из рода Орды в связи с неурядицами вынуждены были обратиться к Токта-хану за помощью (Золотая Орда в источниках, 2003. С. 411).

Далее Махмуд бен Вали в своем сочинении отмечает следующее: «Когда круг вращения жизни Джочи-Бука замкнулся в центре кончины, старший из его сыновей Бадагул-оглан утвердился на троне правления. Холодной водой справедливости и правосудия он заставил осесть пламя смуты и волнений, разгоревшееся на той территории. Сверканием разящего меча, несущего огонь, он изгнал со всей территории страны мрак угнетения, ступившийся в той области... (но) свеча жизни... была задута [взмахом] края вражеского рукава» (Махмуд бен Вали, 1969. С. 348). В.П. Костюков считает, что данную фразу можно считать свидетельством участия Бадагул-оглана в процессе исламизации населения Улуса Джучи во время правления Узбек-хана (Костюков, 2003. С. 217), которая в степях воспринималась крайне неоднозначно. В любом случае, в правление Бадагула в улусе началась междоусобица, в результате которой оглан был убит. Ряд авторов считает, что только при Узбекхане власть Чингизидов распространилась на Сибирь (Файзрахманов, 2002. С. 127).

М.Г. Сафаргалиев считает, что в правление Узбека сепаратизм улусов Джучидов был уничтожен, а уделы были преобразованы в административные единицы в виде улусов во главе с эмирами (Сафаргалиев, 1996. С. 333–340). Косвенным подтверждением подобных событий может быть информация двух источников. С одной стороны, весьма важны сведения брата Иоганки Венгра из ордена миноритов, который около 1320 г. посетил с миссией территорию Башкирии. Иоганка сообщает, что в Башкирии (Баскардии у автора) есть судьи из татар, управляющие башкирами, причем к ним пришел посол из страны Сибирь от такого же судьи (Аннинский, 1940.

с. 92–93). Таким образом, в это время территория управлялась не представителями династии Чингизидов, а некими судьями, возможно, идентичными сибирским даругам и хакимам более позднего времени. Не менее важно сообщение Утемиш-хаджи: «Токтагахан скончался. Был [некто] по имени Баджир Ток-Буга из омака уйгур. Шайтан попутал [его] – ведь был он черный человек – провозгласил себя он ханом» (*Утемиш-хаджи*, 1992. С. 103). В результате новый законный хан Узбек, недовольный позицией огланов по этому вопросу, «разгневавшись, проявил милость к Кыяту Исатаю и отдал [ему] в качестве кошуна всех своих огланов вместе с их родами и племенами» (*Утемиш-хаджи*, 1992. С. 92). Все эти решения были связаны с необходимостью уничтожения внутренних противников и прекращения междоусобиц. При этом, как пишет автор источника, Шибаниды настаивали, что «он (Узбек. – Д.М.), опять оказав нам почет и уважение, дал нам двусоставный эль... Один из них – карлык, другой – буйрак... [и он] предоставил нас самим себе в нашем юрте, определенном [нам] Саин-ханом» (*Утемиш-хаджи*, 1992. С. 92). Подобное положение значительно подрывало авторитет Джучидов, но при этом подчеркивало авторитет Шибанидов.

Для понимания ситуации в следующие несколько десятилетий следует кратко описать события в евразийских степях. Начало второй половины XIV в. совпало с кризисом на всей территории Монгольской империи и дестабилизацией обстановки в широком поясе евразийских степей (*Вернадский*, 2001. С. 98). Ситуация еще более ухудшается после смерти в 1359 г. его наследника Бердибека, пришедшего к власти в результате дворцового переворота (*Сафаргалиев*, 1996. С. 332–340). Отсутствие наследников – Батуидов позволило принять участие в борьбе за трон представителям домов Шибана, Орды и Тука-Тимура. Борьба за трон Великого хана для перечисленных династий была продолжением борьбы друг с другом за главенство в степях, начавшейся гораздо раньше. Существовал и определенный внешнеполитический фактор, который заключался в развале Чагатайского улуса и резком притоке кочевников в казахстанские степи в середине 1350-х годов (*Трепавлов*, 2002. С. 59).

Не менее гипотетически, чем в предыдущих случаях, можно связать с этой эпохой правление Минг-Тимур-хана, сына Бадагул-оглана. В «Бахр ал-асрар» Махмуда бен Вали

сообщается, что «когда свеча жизни Бадагул-оглана была задута (взмахом) края вражеского рукава, его вышеупомянутый славный сын принялся за управление важными делами людей. Благодаря помощи и счастливому содействию хана эпохи многие важные дела были им счастливо завершены и он вступил на черту завоевания и овладения многими странами» (*Махмуд бен Вали*, 1969. С. 348). Складывается впечатление, что подобные фразы или их вариации в источнике являлись стереотипным описанием правления того или иного хана. Обращает на себя внимание тот факт, что в отличие от Джочи-Буки для данного представителя династии Шибанидов упоминается титул хана, что также является важным симптомом сепаратизма.

У Минг-Тимур-хана было шесть детей. Можно предположить, что правление его сыновей совпадает с событиями великой замятни в Золотой Орде. Наследником считался третий сын – Пулад, о котором в источнике говорится, что «он после кончины своего великого родителя поставил ногу на трон владычества и занялся разрешением важных дел рода человеческого» (*Махмуд бен Вали*, 1969. С. 348). По данным Абу-л-Гази, наследники Пулада Ибрахим (Аба-оглан) и Арабшах разделили улус отца на две части так, чтобы летом кочевать по берегам Яика, а зимой по Сырдарье (*Абулгази*, 1768. С. 138). Привлекает внимание стереотипная заданность описания территории, которая фактически не меняется со времен Шибан-хана, хотя, как сказано выше, территория Сыра в это время, скорее всего, уже была в руках потомков Орды-Ичена. К тому же отметим здесь фразу Махмуда бен Вали, который пишет: «Аба-оглан, имя которого было Ибрахим, после смерти своего отца, Пулада, поднял знамя религии и государства» (*Махмуд бен Вали*, 1969. С. 348). В данном случае нет ни слова о разделе улуса непосредственно после смерти Пулада. Однако в другом произведении того же автора указывается, что «по смерти Пулада два сына его, Ибрахим и Арабшах, разделив отцовы владения, вместе в одной земле кочевали и имели свои станы» (*Абулгази*, 1906. С. 162). Хотя вопрос раздела улуса не может быть решен однозначно, следует отметить, что именно от этих сыновей Пулада ведут происхождение две династии среднеазиатских Шейбанидов. Одновременно с этим, перечисляя Шибанидов, правивших в Туране (Сибири) (*Бартольд*, 1964. С. 489),

упоминается младший сын Минг-Тимура Бекконди-оглан (*Абулгази*, 1906. С. 152; по написанию Махмуда бен Вали — Бек-Хаванди). Скорее всего, на территории улуса также могли существовать земли иных представителей

рода Шибана, в частности, основателя ветви тюменских ханов Бекконди. Однако нехватка земельных ресурсов отчасти могла спровоцировать дальнейшее участие Шибанидов в борьбе за власть в ходе великой замятни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абулгази Баядур-хан, 1768. Родословная история о татарах. СПб. Т. II.

Абулгази, 1906. Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-гази, хивинского хана, с примечаниями Н.О. Кананова. Казань.

Аннинский С.А., 1940. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. М.; Л. Вып. III.

Ахмедов Б.А., 1965. Государство кочевых узбеков. М.

Бартольд В.В., 1964. Статьи из «Энциклопедии ислама» // Собрание сочинений. М. Т. 1. Ч. 2.

Вернадский Г.В., 2001. Монголы и Русь. Тверь.

Золотая Орда в источниках: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, в переводах В.Г. Тизенгаузена / Сост. Р.П. Храпачевский, 2003. М. Т. 1: Арабские и персидские сочинения.

Зуев Ю.А., 1981. Историческая проекция казахских генеалогических преданий (к вопросу о пережитках триальной организации у кочевых народов Центральной Азии) // Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 1992. Казахстан: Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2000. Государства и народы евразийских степей: Древность и средневековье. СПб.

Костюков В.П., 1995. Этническая ситуация в Южном Зауралье в монгольское время (XIII–XIV вв.) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Тезисы докладов. Челябинск. Ч. V. Кн. 2.

Костюков В.П., 1996. К вопросу об улусе Шибана (XIII–XIV вв.) // XIII Уральское археологическое совещание: Тезисы докладов. Уфа.

Костюков В.П., 1998. Улус Шибана в XIII–XIV вв. (по письменным данным) // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск. Вып. VI.

Костюков В.П., 2003. Новые данные о религии и верованиях населения Южного Зауралья в первой половине II тыс. н.э. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск. Вып. 2.

Лэнь-Пуль С., 2004. Мусульманские династии. М.

Махмуд бен Вали. Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар (Море тайн, относительно достоинств праведников) // Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С.К. Ибрагимов и др. Алма-Ата, 1969.

Нестеров А.Г., 1988. Государства Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV–XVII вв.: археология и история. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.

Плано Карпини Дж., дель, 1997. История Монгалов // Путешествия в Восточные страны. М.

Поло М., 1997. О разнообразии мира // Путешествия в Восточные страны. М.

Рашид ад-Дин, 1960. Сборник летописей. М.; Л. Т. 2.

Романив В.Я., 2002. Бату-хан и «центральное монгольское правительство»: от противостояния к соправительству // Тюркологический сборник — 2001: Золотая Орда и ее наследие. М.

Рубрук Г. де, 1997. Путешествие в Восточные страны // Путешествия в Восточные страны. М.

Сафаргалиев М.Г., 1996. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. М.

Трепавлов В.В., 1992. Соправительство в Монгольской империи (XIII в.) // Archivum Eurasiae Medii aevi. Wiesbaden. VII (1987–1991).

Трепавлов В.В., 2002. История Ногайской Орды. М.

Тизенгаузен В.Г., 1941. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л. Т. 2: Извлечения из персидских источников.

Утемиш-хаджи, 1992. Чингиз-наме. Алма-Ата.

Файзрахманов Г., 2002. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX в.). Казань.

КОЧЕВНИКИ В ЗОЛОТООРДЫНСКОМ АЗАКЕ

Одна из основных проблем золотоордынской археологии — это вопрос о роли, которую сыграли кочевники в процессе быстрой урбанизации восточноевропейской степи и об их удельном весе в жизни этих новых городов. Этот вопрос необходимо решать на материалах отдельных центров. Азак интересен в плане такого анализа тем, что раскопками затронуты почти все городские районы. Это позволяет достаточно полно представить его структуру.

Основная сложность состоит в выделении кочевнических древностей в городе. Материальная культура Азака, как и других золотоордынских городов, весьма однородна. Ни керамический комплекс, ни особенности домостроительства, ни другие ее черты не позволяют выделить участки, занятые отдельными этнокультурными группами. Конечно, встречаются отдельные находки, которые можно отнести к кочевническим древностям. Однако для объективной оценки нужны не отдельные вещи или комплексы, а массовый материал. По мнению автора, подходящим объектом являются остеологические находки. Значительную часть мясного питания кочевников, как известно, составляла конина, что резко отличало их рацион от рациона оседлых земледельцев. Это объясняется тем, что в составе стада, пригодного для ведения кочевого скотоводства, лошадь должна была занимать значительное место. Среди домашних животных именно лошадь наиболее приспособлена для самостоятельного добывания корма из-под снега, и, кормясь сама, она помогает при этом другому скоту. По этнографическим данным, численность коней в стаде как минимум равнялась числу крупного рогатого скота, а часто значительно его превышала (Тортика, Михеев, 2001. С. 160–161).

Сохранилась масса свидетельств о большом количестве конины, потребляемой средневековыми кочевниками. Например, Ибн-Баттута отмечает «конину, которую они едят больше всякого (другого) мясного» (Тизенгаузен, 1884. С. 283). Он упоминает употребление в пищу конины кипчаками восемь раз, чаще, чем мясо любого другого животного. Интересно, что конина — единственный мясной продукт,

упоминаемый при описании Ибн-Баттуты угощения гостей эмиром Азака (Тизенгаузен, 1884. С. 286). Кости лошади и баранов доминируют в тризнах курганов средневековых кочевников. При этом кулинарные пристрастия не изменялись длительное время и после перехода кочевников к оседлости. Например, в Казани, в слое ханского периода, по числу особей, а значит, по объему потребляемого мяса лошади находятся на первом месте (Петренко, Асылгараева, 2000. С. 341). Этот факт нельзя объяснить выбраковкой боевых коней. Она не смогла бы обеспечить крупный город мясным питанием. Предпочтение конины говядине и более высокая ее цена отмечены турецкими и западноевропейскими источниками и для татар Крыма в XVII в., т.е. для периода после их массового перехода к оседлости (Прохоров, 2001. С. 393–394). Можно найти и более современные примеры.

Итак, мы вправе ожидать для районов, заселенных вчерашними кочевниками, повышенного содержания костей лошади. Однако на большей и наиболее заселенной части территории Азака количество костей лошади в среднем не превышает 2–3% костных остатков. Здесь основу мясного питания, в пересчете числа особей на убойный вес, составляла говядина и, в меньшей степени, баранина. При этом анализ остеологического материала из археологических раскопок, постоянно ведущийся сотрудниками Азовского музея-заповедника, позволил выделить значительную серию комплексов с аномально высоким содержанием костей лошади на ряде раскопов, вытянутых цепочкой в узкой полосе вдоль восточной окраины города (рис. 1). Они весьма существенно отличаются от куда более многочисленных материалов из центральных районов Азака (Байгушева, Тимонина, 2006. С. 140–142). Кости лошади составляют здесь в среднем около 10%, а на отдельных раскопах — до 25%. Соответственно, в убойном весе эта доля еще выше. Интересно, что помимо высокого процента костей коней здесь фиксируется одна интересная черта — следы разделки животных на месте, а иногда находят

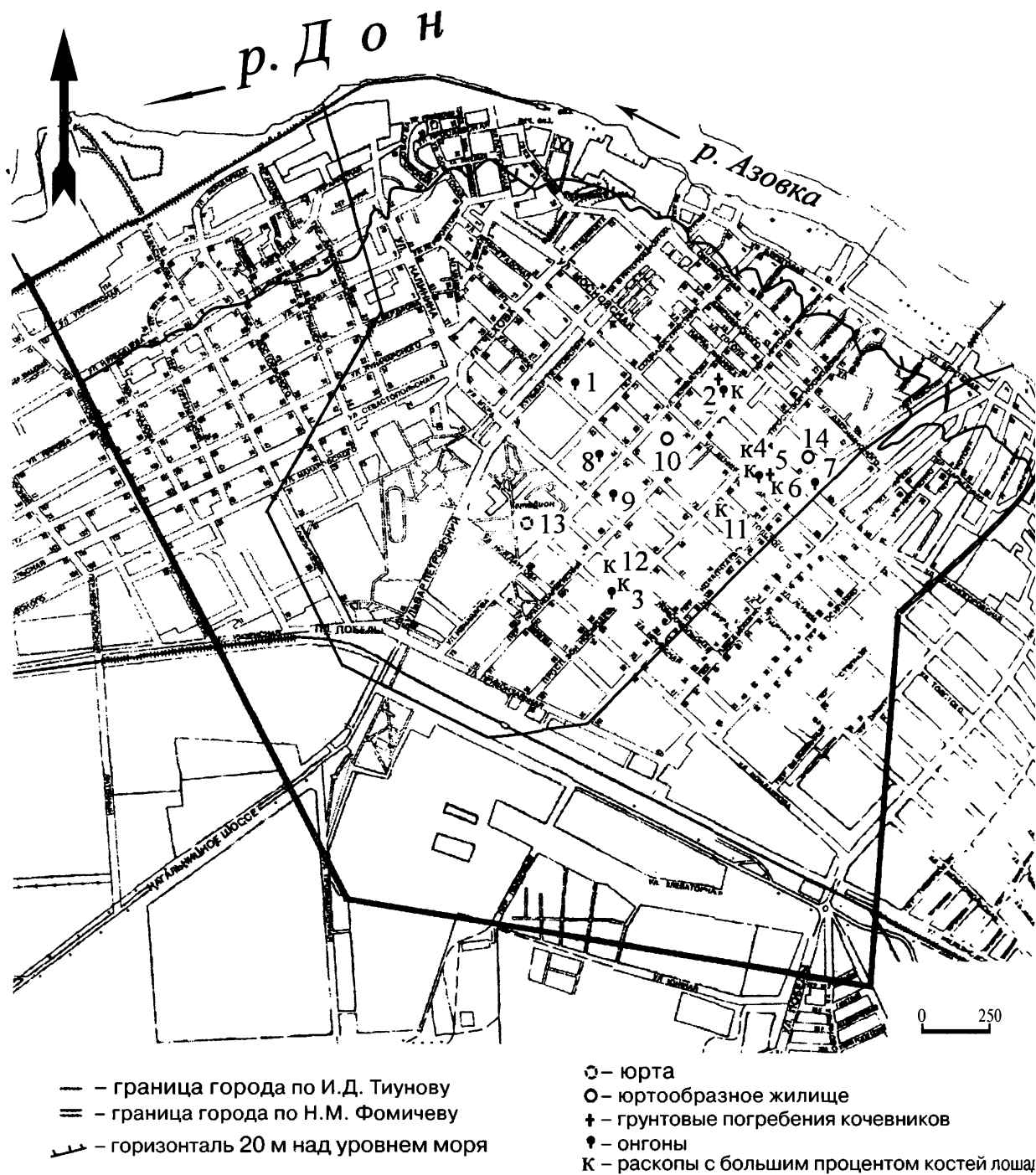

Рис. 1. Древности кочевников на территории городища Азак:

- 1 — ул. Ленина (1983 г.); 2 — пер. Красноармейский, 56 (2002 — 2003 гг.); 3 — ул. Крымская, 7 (1992 г.);
 4 — пр. 3.Космодемьянской, 48А (2004 г.); 5 — ул. Ленинградская, 101 (2003 г.); 6 — ул. Ленинградская, 115 (2002 г.);
 7 — ул. Московская, 95 (2006 г.); 8 — пер. Социалистический, 61А (2006 г.); 9 — ул. Измайлова (1991 г.);
 10 — ул. Толстого (1988 г.); 11 — ул. Толстого, 102А (2005 г.); 12 — ул. Комсомольская, 14 (2005 г.); 13 — Парк (1985 г.);
 14 — ул. К. Либкнехта, 78 (2007 г.)

части туш, не разделанных до конца. Отмечается также очень маленький по сравнению с основной территорией города процент костей рыб. Известно, что рыба употреблялась кочевниками в пищу крайне редко (Тортика, Михеев, 2001. С. 147). Но и в этой полосе наряду с аномальными комплексами встречаются

участки с обычным для города составом остеологических остатков.

Теперь попробуем провести корреляцию между выделенными по остеологическим данным участками и теми немногими находками которые можно уверенно связывать с кочевниками. В Азаке найдено 8 медных онгонов (рис.

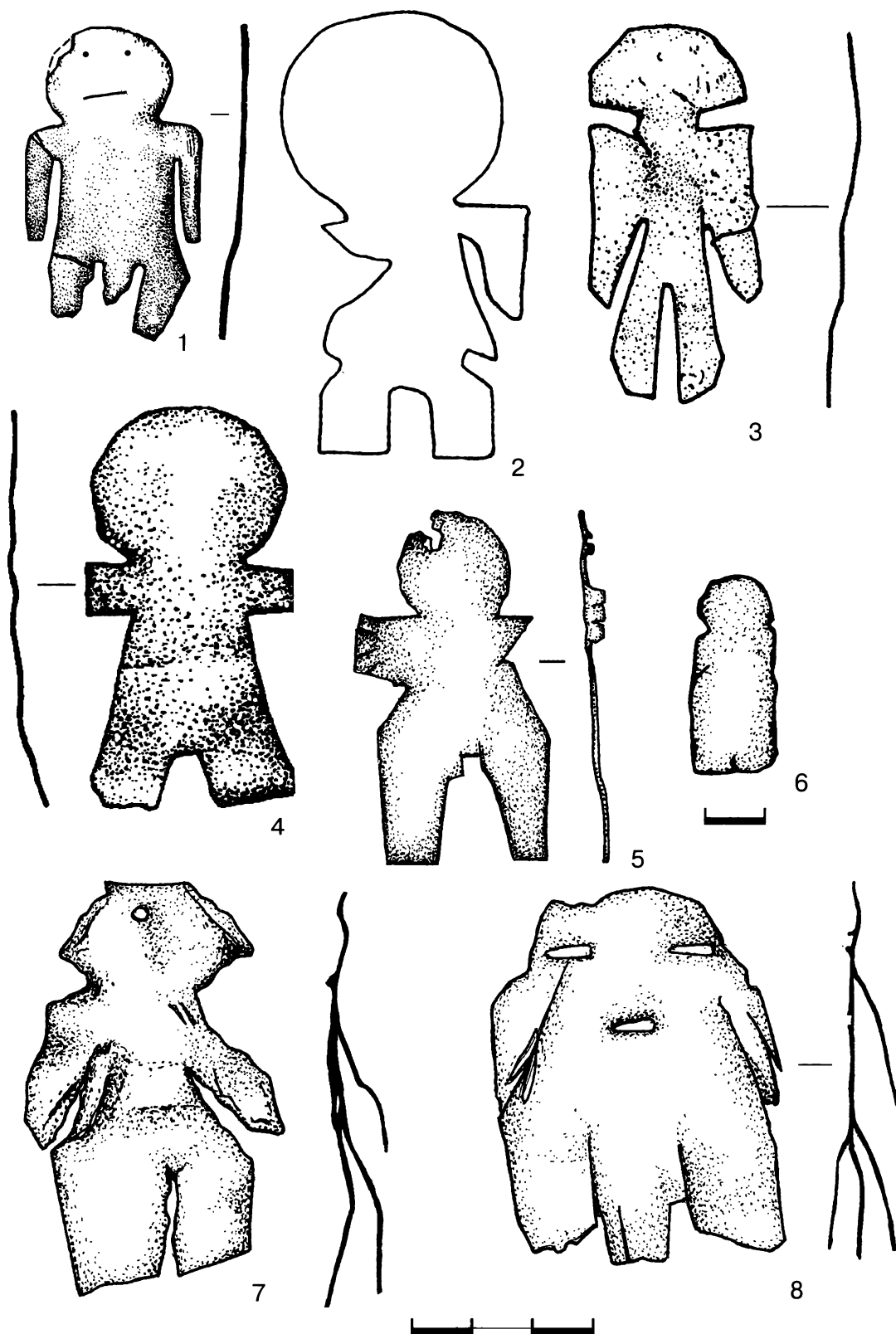

Рис. 2. Онгоны:

1 – ул. 50 лет Октября (раскопки С.В. Рязанова, 1990 г.); 2 – к/т «Октябрь» (раскопки В.В. Чалого, 1983 г.);
 3 – пер. Красноармейский, 56 (раскопки А.Н. Масловского, 2002 г.); 4 – ул. Ленинградская, 101
 (раскопки А.Н. Масловского, 2003 г.); 5 – ул. Московская, 95 (раскопки А.Н. Масловского, 2006 г.); 6 – ул. Крымская, 7
 (раскопки И.В. Гудименко, 1992 г., прорис. по фото); 7–8 – пер. Социалистический, 61А
 (раскопки А.Н. Масловского, 2006 г.)

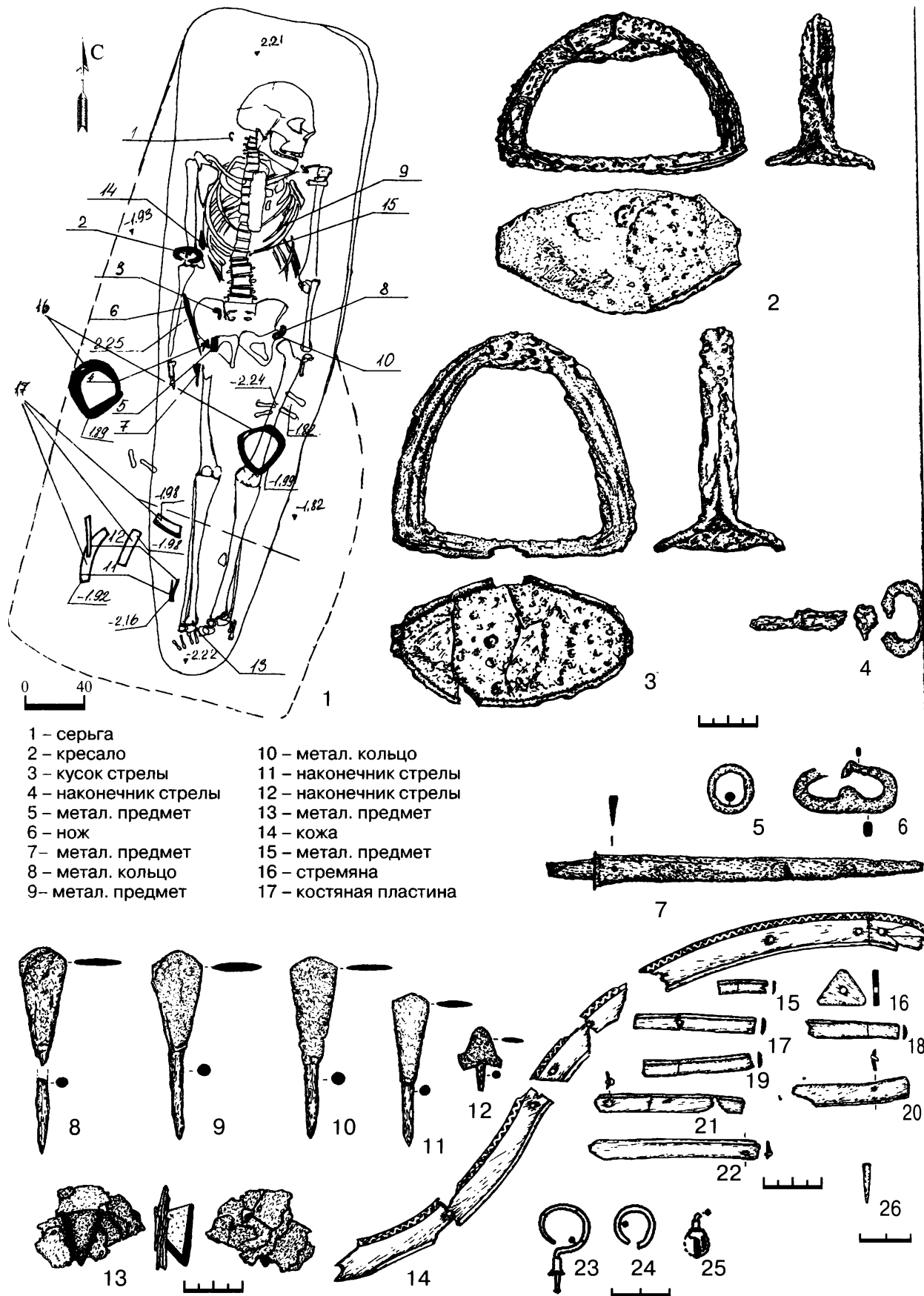

Рис. 3. Раскоп по пер. Красноармейский, 56. Погребение 9:
 1–2 – план погребения; 4 – стремяна; 5 – железное кольцо; 6 – кресало; 7 – нож; 8–12 – наконечник стрел;
 13 – фрагмент панциря; 14–22 – костяные накладки седла; 23–25 – серьги; 26 – костяной гвоздик

Эти амулеты — вероятно, наиболее достоверное свидетельство присутствия в городе кочевников, причем монгольского происхождения (Фёдоров-Давыдов, 1966. С. 69). Все находки разнотипны. Из них пять происходят с восточной окраины, а еще две (ул. Социалистическая, 61А) — из производственных отходов. Три онгона происходят из раскопов с повышенным содержанием костей лошади (ул. Красноармейская, 56, ул. Ленинградская, 101, ул. Крымская, 7), для одного раскопа остеологические исследования не проводились, еще один онгон найден на территории могильника (ул. Московская, 95).

Среди тысяч погребений, исследованных на территории Азака, к числу кочевнических можно отнести только два. Из них наиболее интересно грунтовое погребение по улице Красноармейской 56 (рис. 3). Это достаточно типичное для левобережья Нижнего Дона погребение, совершенное в узкой яме с северо-восточной ориентировкой, с положением предметов конской упряжи над погребенным, без костей коня. От упряжи фрагментарно сохранились костяные орнаментированные пластины на переднюю луку седла, инкрустированные черной пастой (рис. 3, 14)

другие костяные (рис. 3, 15–26) и железные детали седла, стремяна (рис. 3, 2–3) и удила (рис. 3, 4). В погребении были найдены наконечники стрел (рис. 3, 8–12), калачевидное кресало (рис. 3, 6), длинный нож с медной обоймой-ограничителем у основания клинка (рис. 3, 7), поясное кольцо (рис. 3, 5). Несколько необычна находка в погребении с оружием трех серебряных серег (рис. 3, 23–25). Два фрагментированных экземпляра относятся к серьгам «в виде знака вопроса». На груди был обнаружен железный предмет, состоящий из втулки с прикрепленными к ней фигурными пластинами (рис. 3, 13). Возможно, это фрагмент панциря. Все типы вещей обычны для золотоордынских кочевнических погребений. Для уточнения датировки данного погребения интерес представляют находки в заполнении могильной ямы пяти фрагментов керамики, из которых только один — от сосуда местного производства. Это указывает на то, что при рытье могильной ямы был прорезан культурный слой, образовавшийся в конце XIII — начале XIV в. В целом культурный слой, отложившийся над погребением, характеризуется преобладанием местной керамики. Все это позволяет отнести время совершения погребения к первому этапу возникновения города

и датировать его началом XIV в. Интересно, что на данном раскопе был зафиксирован высокий процент костей коня, следы разделки туш на месте, онгон и костяной наконечник стрелы домашней выделки.

Второе погребение (раскоп по улице Ленинградской 101, погребение 3) относится к числу экстраординарных — оно совершено в заброшенном погребении (рис. 4, 3). Однако его можно предположительно отнести к числу кочевнических в силу того, что костяк ориентирован головой на юго-восток, что совершенно нехарактерно для городских могильников, и сопровождался инвентарем. В то же время второй костяк в этом комплексе был просто небрежно сброшен в яму. Погребенного сопровождали нож (рис. 4, 4), медная серьга (рис. 4, 7), медное (рис. 4, 6) и железное (рис. 4, 5) поясные кольца и кожаная сумочка у левой кисти.

Найдено всего три жилища, которые могут быть связаны с кочевническими традициями. Единственная зафиксированная обкладка юрты из рваного камня обнаружена в юго-восточной части города (Волков, 1986. С. 21). Первое юртообразное жилище было исследовано в 1987 г. Н.М. Булатовым по улице Толстого (Булатов, 1988. С. 52–53) (рис. 4, 2) на восточной окраине города. Оно имело жердевый каркас и, по предположению автора раскопок, турлучные стены, что несколько сомнительно. Однако его небольшие размеры (диаметр около 2 м) и отсутствие отопительных сооружений не позволяют считать его жилой постройкой. Скорее, это хозяйственная постройка, при строительстве которой были использованы некоторые приемы сооружения юртообразных жилищ. Второе жилище было исследовано в текущем сезоне на улице Либкнехта 78 (рис. 4, 1). В пределы раскопа оно попало только частично, стенки жилища сильно оплыли и поэтому его точные размеры установить невозможно, так как его диаметр был более 5,5 м. Было прослежено 15 ямок от жердей, преимущественно по периметру, расположенных через неравные промежутки. Это жилище находит многочисленные аналогии среди юртообразных построек эпохи хазарского каганата (Флёров, 1996). Для первых двух сооружений результаты остеологических определений мне неизвестны. Для участка, на котором было исследовано последнее жилище, также фиксируется повышенное содержание костей лошади. Малочисленность юртообразных построек в Азаке особенно замет-

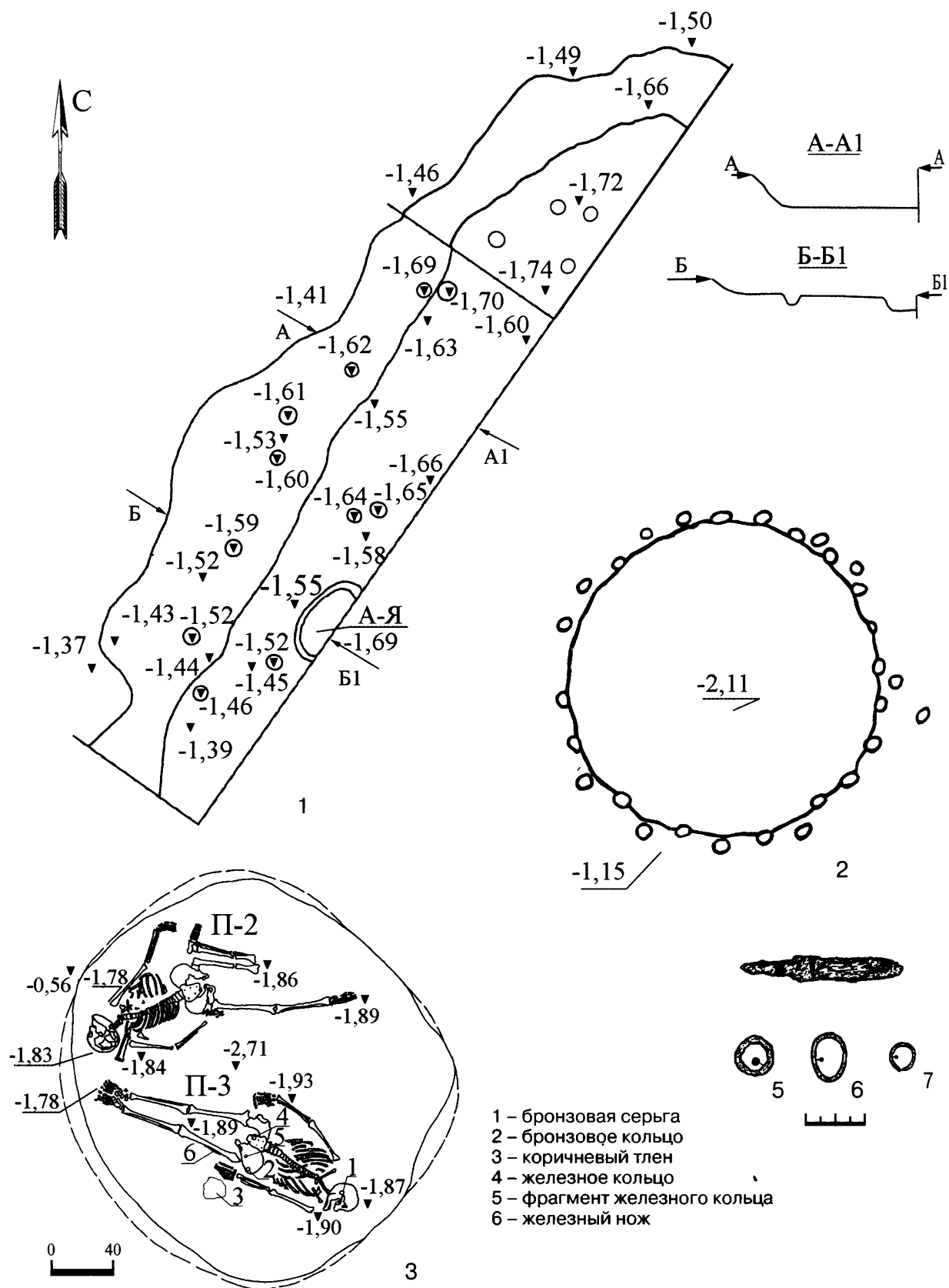

Рис. 4. Юртообразные постройки. Погребения в хозяйственной яме:

1 — жилище (ул. К. Либкнехта, 78, 2007 г.). План и разрезы; 2 — яма 9 (ул. Толстого, 1987 г.).

План; 3 — погребения 2, 3 (ул. Ленинградская, 101, 2003 г.); 4–7 — вещи из погребения 3 (ул. Ленинградская, 101, 2003 г.): серьги; 4 — нож; 5 — железное кольцо; 6–7 — медные серьги

на на фоне достаточно большого количества юртообразных построек на территории Восточной Европы времен Хазарского каганата, когда происходило значительное оседание кочевников (Флёров, 1996). Также с территории восточных окраин Азака происходят некоторые другие предметы, которые могут быть связаны с кочевниками, — костяной наконечник стрелы домашнего производства, костяная путовая петля, костяная гиря кистеня, тавро для клеймления скота с ханской тамгой (Гудименко, 1991. С. 13. Рис. 3, 6) и др. Несколько чаще здесь находят и предметы конского снаряжения — удила и ледоходные шипы.

Таким образом, с достаточно большой долей вероятности мы можем констатировать расселение кочевников на восточных окраинах города, причем не сплошное. Эти окраины начинают заселяться не ранее 1320-х годов, когда город уже приближается к своим максимальным размерам, и забрасываются, в основном, в 1340—1350-х годах. Плотность застройки и соответственно численность населения здесь значительно, как минимум в два раза, меньше, чем в центральных районах города.

Керамические материалы из этих комплексов отличаются небольшим количеством поливной керамики, особенно импортной. Единичны находки здесь других категорий вещей (стеклянных бус, стеклянной посуды, костяных изделий ремесленного производства и др.). Все это говорит о бедности жителей этих районов.

Следует также сказать, что в окрестностях Азака нет курганных могильников золотоордынского времени. Немногочисленные оди-

ночные курганы и впускные погребения находятся преимущественно на периферии его окружности. За исключением двух вышеупомянутых комплексов отсутствуют кочевнические погребения и на городских некрополях. Немногочисленны они и на грунтовых могильниках дельты Дона, оставленных оседлым населением, занимавшимся, вероятно, преимущественно рыболовством. Зато в округе Азака известно уже свыше двух десятков сельских поселений, на которых производилась типичная для постсалтовской гончарной традиции керамика, что говорит о проживании на этих поселениях некоего населения.

Изучение материалов, полученных при раскопках Азака, позволяет сделать вывод, что кочевники не участвовали в создании города и в сложении его культуры. Они появляются в уже крупном городе и заселяют окраинный участок. Их доля в городском населении невелика. В социальном плане они явно относятся к бедноте. Та малочисленная группа аристократов кочевого происхождения, которая, вероятно, проживала в городе, хотя бы временно, археологически неуловима. Невелика и роль кочевого скотоводства в обеспечении города мясом, поскольку большую его часть составляла говядина. Горожане имели и иной источник снабжения. Скот кочевников для горожан выступал в большей степени как источник кожевенного сырья. Намного труднее решить вопрос о том, в какой мере город был заинтересован в кочевниках как в потребителях ремесленной продукции. Все эти данные позволяют считать, что роль кочевников в жизни золотоордынского Азака была невелика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Байгушева В.С., Тимонина Г.И., 2006. Зооархеологические комплексы Азака XIV века (данные 2005 года) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Азов. Вып. 22.

Булатов Н.М., 1988. Археологические исследования культурного слоя г. Азова // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1987 году. Азов.

Волков И.В., 1986. Спасательные раскопки в г. Азове в 1985 г. // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1985 году. Азов.

Гудименко И.В., 1991. Спасательные раскопки II Азовского археологического отряда на территории г. Азова в 1990 году // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1990 г. Азов. Вып. 10.

Петренко А.Г., Асылгараева Г.Ш., 2000. К истории хозяйственной деятельности булгаро-татарского населения (по остеологическим материалам из археологических рас-

копок средневековых городов Биляр, Болгар, Казань) // Труды ГИМ. М. Вып. 122.

Прохоров Д.А., 2001. Крымское ханство в контексте черноморской торговли (XV—XVIII вв.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Симферополь. Вып. VIII.

Тизенгаузен В.Г., 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб. Т. 1.

Тортика А.А., Михеев В.К., 2001. Методика эколого-демографического исследования традиционных кочевых обществ Евразии // Средневековые древности Евразийских степей: Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж. Вып. 15.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

Флёров В.С., 1996. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М.

ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ НИЖНЕВОЛЖСКИХ СТЕПЕЙ В XIII–XIV вв.*

Имеющаяся на сегодняшний день информация о состоянии почв и природной среды степей Восточной Европы в различные исторические эпохи развития общества далеко не одинакова. В этом отношении сравнительно детально изучены отдельные культурно-хронологические этапы бронзового и раннежелезного веков (III тыс. до н.э. – IV в. н.э.). Данные же о средневековых палеопочвах и условиях почвообразования в степной зоне в V–XIV вв. весьма ограничены, хотя природные процессы, протекавшие в этот период, сыграли важную роль в формировании современного облика почв и ландшафтов. Палеопочвенные исследования единичных археологических памятников этого времени проводились в Приазовье (Песочина, 2004), в Предкавказье (Александровский, 2002), на Северных Ергенях (Дёмкин и др., 1998), на Черных землях Западного Прикаспия (Ташнинова и др., 2005), в Рын-песках Северного Прикаспия (Иванов, Васильев, 1995), в Южном Приуралье (Рысков, Дёмкин, 1997). Одним из модельных регионов в решении упомянутых вопросов является территория Нижнего Поволжья, где сосредоточено большое число археологических памятников (курганы, городища) развитого этапа средневековья, особенно периода возникновения и существования Золотой Орды. Они приурочены к различным природным районам и элементам рельефа, что дает возможность получить достаточно полные представления о состоянии почвенного покрова и природной среды в пределах крупного географического региона в рассматриваемую историческую эпоху.

Исследуемая территория Нижнего Поволжья включает зоны сухих и пустынных степей. В административном отношении она расположена в пределах Волгоградской области и Республики Калмыкия. Климат района – умеренно континентальный. Среднегодовая норма атмосферных осадков изменяется от 270–300 мм (Северный и Западный При-

каспий) до 350–380 мм (Волго-Донское междуречье). В растительном покрове доминируют полынно-злаковые ассоциации.

Объектами изучения послужили палеопочвы, погребенные под курганными насыпями в XIII–XIV вв. н.э., а также современные фоновые каштановые, светло-каштановые, бурые полупустынные почвы и солонцы. Ключевые участки (курганные могильники) расположены на юге Приволжской возвышенности (межбалочный водораздел, надпойменная речная терраса), на Северных Ергенях (межбалочные и речные водоразделы) в Прикаспийской низменности (Эльтонская, Раннехвалынская, Сарпинская равнины, Сарпинская ложбина) и на террасах Волги и Волго-Ахтубы. Всего изучено 50 курганов, в составе почти 20 могильников, причем, как правило, последние включают памятники не только золотоордынского времени, но и предшествующих археологических эпох раннего железа и бронзы (III тыс. до н.э. – IV в. н.э.). Раскопки курганов проводились археологическими экспедициями Волгоградского государственного университета и Института археологии РАН в течение 1981–2004 гг. под руководством А.С. Скрипкина, И.В. Сергацкова, В.М. Клепикова, В.В. Дворниченко, А.В. Лукашова, В.А. Кригера, А.Н. Дьяченко. Памятники имели мощность насыпи от 0,5 до 1,5 м, диаметр – 20–40 м. Современные фоновые почвы изучались в серии разрезов (около 40) и в ряде случаев – в траншеях. Исследованные педохроноряды (всего 18) приурочены к различным природным районам и элементам рельефа и представлены каштановыми, светло-каштановыми, бурыми полупустынными почвами и солонцами разного гранулометрического состава (глинистого, тяжело-, средне-, легкосуглинистого и супесчаного).

Остановимся на сравнительном анализе морфологических, химических и магнитных свойств исследованных золотоордынских и современных фоновых почв (табл. 1). За последние 700 лет наиболее существенные преобразования отмечены в каштановых и светло-каштановых почвах средне- и тяжелосугли-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН.

нистого гранулометрического состава. За этот период содержание гумуса в гор. А1 уменьшилось до 1,5–2 раз. В ряде природных районов отмечено накопление карбонатов (CaCO_3) в верхнем полуметре почв. Зачастую в полтора-два и более раз увеличилось средневзвешенное содержание легкорастворимых солей (ЛРС) и гипса в почвенно-грунтовой толще. На несколько десятков сантиметров поднялась верхняя граница их аккумуляций. Величина магнитной восприимчивости в гор. А1 снизилась до $20\text{--}30 \times 10^{-5}$ единиц СИ. Свойства каштановых и бурых полупустынных почв легкосуглинистого и супесчаного гранулометрического состава с золотоордынского времени практически не изменились. Следует особо отметить, что в XIII–XIV вв. эти палеопочвы уже были рассолены и характеризовались несколько большей гумусированностью. Золотоордынские солонцы глинисто-тяжёлосуглинистого гранулометрического состава отличаются от фоновых аналогов меньшей мощностью гумусового горизонта, но большим содержанием гумуса. Они характеризовались высокой засоленностью, нередко превышающей современную. В палеосолонцах в гор. В1 красно-бурого цвета в большом количестве присутствовали примазки и дробины оксидов марганца, которые в современных солонцах не встречаются. Учитывая существенные различия между гор. А1 и В1 по водно-физическим свойствам, од-

ной из возможных причин формирования новообразований оксидов марганца могла быть повышенная атмосферная увлажненность.

Вместе с тем, несмотря на заметные преобразования отдельных свойств, эволюционные изменения почв в пределах их внутризональных ареалов с золотоордынского времени не достигали уровня типа (подтипа). Исключение составила лишь пограничная полоса пустынно-степной зоны Северных Ергеней, где на месте современных светло-каштановых почв в XIII–XIV вв. были развиты каштановые палеопочвы (курганные могильники «Абганерово»). Важно отметить, что в предшествующее время (I–IV вв. н.э.) в этом районе также были распространены светло-каштановые палеопочвы (Дёмкин и др., 1998; 2004). Следовательно, на протяжении эпохи средневековья на границе сухих и пустынных степей в северной части Ергенинской возвышенности эволюционные изменения почв дважды достигали таксономического ранга подтипа: светло-каштановые (IV–XII вв.) → каштановые (XIII–XIV вв.) → светло-каштановые (XV–XX вв.). По сравнению с древними и современными светло-каштановыми почвами золотоордынские каштановые почвы характеризовались заметно большим содержанием гумуса в гор. А1, существенно меньшими запасами легкорастворимых солей и гипса в двухметровой толще и карбонатов в верхнем

Таблица 1. Исследованные хроноряды почв

Природные районы	Время	
	XIII–XIV вв. н.э.	Современность
1	2	3
Сухостепная зона, подзона темно-каштановых почв		
Приволжская возвышенность	Водораздел (курганный могильник «Линево»)	
	$\frac{\text{Сн}^{\text{СК}}}{\text{ТС/Г}}$	$\frac{\text{Сн}^{\text{СК}}}{\text{Г}}$
Сухостепная зона, подзона каштановых почв		
Приволжская возвышенность	1-я надпойменная терраса Иловли (курганный могильник «Авилово»)	
	$\frac{\text{K2}^{\text{ОСН, ГЗ}}}{\text{СС}}$	$\frac{\text{K2}^{\text{ОСН, ГСК}}}{\text{СС}}$
	1-я надпойменная терраса Иловли (курганный могильник «Тары-2»)	
	$\frac{\text{K2}^{\text{ОСН, НЗ}}}{\text{СС/С}}$	$\frac{\text{K2}^{\text{ОСН, НЗ}}}{\text{СС/С}}$
Ергенинская возвышенность	Водораздел (курганный могильник «Перегрузное»)	
	$\frac{\text{K2}^{\text{ОСН, ГЗ}}}{\text{СС}}$	$\frac{\text{K2}^{\text{ОСН, ГСК}}}{\text{СС}}$

2-я надпойменная терраса Волги	Курганные могильники «Белокаменка-87, 88»	
	$\frac{K2^{осн, нз}}{сс/п}$	$\frac{K2^{осн, нз}}{сс/п}$
	$\frac{K2^{сн, гск}}{тс}$	$\frac{K2^{сн, гск}}{тс}$
Прикаспийская низменность (Эльтонская равнина)	Курганный могильник «Красная деревня»	
	$\frac{K2^{осн, нз}}{лс/п}$	$\frac{K2^{осн, нз}}{лс/п}$
	Курганный могильник «Венгеловка»	
	$\frac{K2^{сн, нз}}{сс}$	$\frac{K2^{сн, гск}}{сс}$
	$\frac{Сн^{ск}}{сс}$	$\frac{Сн^{гск}}{сс}$
	Курганные могильники «Эльтон-83, 84»	
	$\frac{K2^{осн, нз}}{лс/п}$	$\frac{K2^{осн, нз}}{лс/п}$
Пустынно-степная зона, подзона светло-каштановых почв		
Ергенинская возвышенность	Водоразделы (курганные могильники «Абганерово-2, 3, 4»)	
	$\frac{K2^{осн, гз}}{тс}$	$\frac{K1^{сн, ск}}{тс}$
	$\frac{K2^{осн, гз}}{тс}$	$\frac{K1^{сн, гск}}{тс}$
2-я надпойменная терраса Волго-Ахтубы	Курганный могильник «Бахтияровка»	
	$\frac{K1^{осн, нз}}{тс/с}$	$\frac{K1^{сн, гск}}{тс/с}$
	$\frac{Сн^{ск}}{тс}$	$\frac{Сн^{ск}}{тс}$
Прикаспийская низменность (Раннехвалынская равнина)	Курганный могильник «Малаяевка-5»	
	$\frac{K1^{сн, гск}}{тс}$	$\frac{K1^{сн, гск}}{тс}$
Пустынно-степная зона, подзона бурых полупустынных почв		
Прикаспийская низменность	Сарпинская равнина (курганные могильники «Джангар-1,2»)	
	$\frac{Бу^{осн, нз}}{лс/с}$	$\frac{Бу^{осн, нз}}{лс/с}$
	Сарпинская ложбина (курганные могильники «Цаган-Нур», «Озерки»)	
	$\frac{Бу^{нз}}{с}$	$\frac{Бу^{нз}}{с}$
	$\frac{Сн^{ск}}{тс}$	$\frac{Сн^{ск}}{тс}$

Примечание:

$\frac{K2^{нз}}{сс/п}$ — в числителе — тип (подтип) почвы;
 в знаменателе — гранулометрический состав

Индексы типов (подтипов) почв: K2 — каштановые; K1 — светло-каштановые;

Бу — бурые полупустынные; Сн — солонцы

Индексы родовых признаков почв: ск — солончаковатые; гск — глубокосолончаковатые;

гз — глубокозасоленные; нз — незасоленные; сн — солонцеватые; осн — остаточно-солонцеватые

Гранулометрический состав: г — глина; тс — тяжёлый суглинок; сс — средний суглинок;

лс — лёгкий суглинок; с — супесь; п — песок; сс/п — средний суглинок на песках

полуметре, более высокими значениями магнитной восприимчивости. В соответствии с особенностями педогенеза в рассматриваемом районе имели место обратимые сдвиги границ сухо- и пустынно-степных ландшафтов.

С золотоордынского времени наиболее существенные изменения родовых признаков зафиксированы в суглинистых каштановых (Ергенинская и Приволжская возвышенности) и светло-каштановых (Ергенинская возвышенность, терраса Волго-Ахтубы) почвах, где, в частности, имела место трансформация остаточной солонцеватости в актуальную. Как известно, к остаточно-солонцеватым относятся почвы, характерными свойствами которых являются: текстурная дифференциация верхней части профиля, непрочная мелкопризматическая структура иллювиального горизонта, низкое (менее 3%) содержание в нем обменного натрия, глубокое залегание или отсутствие солевой аккумуляции. Кроме того, на протяжении рассматриваемого хроноинтервала почвы упомянутых районов перешли из разряда глубоко засоленных в глубоко солончаковатые и солончаковатые. Полученные нами ранее данные (Дёмкин и др., 1998; 2004) свидетельствуют о том, что в пределах исследованных участков (курганные могильники «Перегрузное», «Авилово», «Абганерово», «Бахтияровка») в ранне-железном веке (I–IV вв. н.э.), как и в настоящее время, доминировали солонцеватые солончаковатые почвы.

Золотоордынские светло-каштановые тяжело-суглинистые палеопочвы недренированной части Прикаспийской низменности (Раннехвалынская равнина) в последующее время не претерпели столь заметных изменений родовых признаков, оставаясь солонцеватыми глубоко солончаковатыми (или солончаковатыми). Палеопочвы легкого гранулометрического состава сравнительно дренированных участков низменности (Сарпинская, Эльтонская равнины, Сарпинская ложбина) и речных террас с XIII–XIV вв. сохранили таксономический статус остаточно-солонцеватых незасоленных (или несолонцеватых незасоленных).

Проведенные почвенно-археологические исследования позволили получить новую информацию о свойствах палеопочв Нижнего Поволжья в XIII–XIV вв. н.э. В большинстве случаев они отличались от почв других исторических эпох на уровне родовых признаков (степень гумусированности, засоленности, солонцеватости). В пограничной области су-

хих и пустынных степей имела место эволюция светло-каштановых почв в каштановые, а затем вновь в светло-каштановые. В центре почвенных ареалов эволюционные изменения почв на уровне типов (подтипов) скорее всего не происходили. По сравнению с предшествующими (железный и бронзовый века) и современной эпохами масштабы преобразования палеопочв средневековья в связи с изменением климата определялись их типовой (подтиповой) принадлежностью, гранулометрическим составом и геоморфологическими условиями. Наиболее значительные преобразования свойств произошли в тяжело- и среднесуглинистых каштановых и светло-каштановых почвах. На протяжении исторического времени облик почв супесчаного гранулометрического состава практически не изменялся. Средневековые палеосолонцы, в отличие от современных аналогов, характеризовались меньшей мощностью гумусового горизонта, как правило, большими содержанием гумуса и засолением. В целом наиболее существенные преобразования почвенного покрова Нижнего Поволжья отмечались на севере Ергенинской возвышенности, а наименее значительные – в Прикаспийской низменности.

Полученные палеопочвенные данные дают возможность судить об экологических условиях степей Нижнего Поволжья в эпоху развитого средневековья. На наш взгляд, скорее всего с XII в. началась гумидизация климата, которая существенно сказалась на процессе почвообразования. Это подтверждается тем, что подкурганные золотоордынские зональные почвы отличались от почв предшествующих эпох и современности большей гумусированностью, значительной микробной биомассой с преобладанием в эколого-трофической структуре микроорганизмов, использующих в качестве питательного субстрата свежие органические остатки, остаточной солонцеватостью, меньшей засоленностью и загипсованностью, более глубоким залеганием аккумуляций карбонатов, легкорастворимых солей и гипса, наличием в иллювиальной части профиля многочисленных новообразований оксидов марганца. Пик повышения атмосферной увлажненности, вероятно, приходился на XIII–XIV века. Столь существенная гумидизация климата повлекла сдвиг природных рубежей к югу, в частности, на севере Ергений имело место внедрение сухостепных ландшафтов в пределы пустынно-степных.

Следует сказать, что сравнительный анализ морфологических, химических и микробиологических свойств разновозрастных погребенных и современных почв обычно позволяет характеризовать изменения климата относительными категориями (суше — влажнее). Как показано нами ранее (Алексеев и др., 2003; Дёмкин и др., 2004), данные изучения магнитной минералогии подкурганных палеопочв дают возможность определить количество атмосферных осадков во время сооружения того или иного археологического памятника. Установлена прямая корреляция между магнитными и минералогическими свойствами степных почв Нижнего Поволжья со степенью увлажненности климата, описываемая уравнением:

$$\text{осадки (мм/год)} = 86,4 \ln(\chi_s - \chi_c) + 90,1,$$

где $(\chi_s - \chi_c)$ — прирост величины магнитной восприимчивости в результате почвообразования ($R^2 = 0,93$).

С использованием этой формулы нами была определена среднегодовая норма атмосферных осадков в исследуемом регионе в золотоордынское и предшествующее время. Установлено, что на территории Приволжской и Ергенинской возвышенностей в XIII—XIV вв. количество осадков достигало 410—420 мм/год, что на 30—70 мм превышало показатели, характерные для первых веков нашей эры и современной эпохи. В Заволжье в золотоордынское время

атмосферных осадков выпадало около 370 мм/год, а разница с более засушливыми древностью и современностью составляла 20—30 мм, около 80 мм соответственно.

Таким образом, на основании полученных нами палеопочвенных и магнитных данных можно говорить о повышенной атмосферной увлажненности нижневолжских степей в эпоху развитого средневековья с максимумом в XIII—XIV вв. Ранее уже были высказаны предположения (Гаель, Гумилёв, 1966; Глушко, 1996; Хотинский, 1986) о значительной гумидизации климата всей евразийской степи во время татаро-монгольского нашествия и существования Золотой Орды. Кроме того, результаты палинологических (Герасименко, 2004) и палеопочвенных (Александровский, 2002) исследований археологических памятников свидетельствуют об увеличении количества атмосферных осадков в рассматриваемую историческую эпоху в Северном Причерноморье и Предкавказье. Однако уже в конце XIV—XV вв. наступила очередная аридизация климата (Адаменко и др., 1982; Дёмкин и др., 2004; Колебания климата... 1988; Рысков, Дёмкин, 1997; Шнитников, 1957), которая, по видимому, в основном и обусловила заметные изменения многих свойств почв Нижнего Поволжья в постзолотоордынское время (снижение содержания гумуса, увеличение засоленности и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адаменко В.Н., Масанова М.Д., Четвериков А.Ф., 1982. Индикация изменений климата. Л.

Александровский А.Л., 2002. Изменения почв и природной среды на юге России в голоцене // ОПUS: Междисциплинарные исследования в археологии. № 1/2.

Алексеев А.О., Алексеева Т.В., Махер Б.А., 2003. Магнитные свойства и минералогия соединений железа степных почв // Почвоведение. № 1.

Гаель А.Г., Гумилев Л.Н., 1966. Разновозрастные почвы на песках Дона и передвижение народов за исторический период // Известия АН СССР. Сер. географическая. № 1.

Герасименко Н.П., 2004. Развитие зональных ландшафтов четвертичного периода на территории Украины. Автореф. дисс. ... докт. геогр. наук. Киев.

Глушко Е.В., 1996. Цикличность ландшафтообразования Южного Приаралья в голоцене // География и природные ресурсы. № 4.

Дёмкин В.А., Дергачева М.И., Борисов А.В., Рысков Я.Г., Олейник С.А., 1998. Эволюция почв и изменение климата восточноевропейской полупустыни в позднем голоцене // Почвоведение. № 2.

Дёмкин В.А., Ельцов М.В., Алексеев А.О., Алексеева Т.В., Дёмкина Т.С., Борисов А.В., 2004. Развитие почв Нижнего Поволжья за историческое время // Почвоведение. № 12.

Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья. М.

Колебания климата за последнее тысячелетие, 1988 / Под. ред. Е.П. Борисенкова. Л.

Песочина Л.С., 2004. Развитие почв и природной среды Нижнего Дона во второй половине голоцена. Автореф. дисс. ... канд. биол. наук. М.

Рысков Я.Г., Дёмкин В.А., 1997. Развитие почв и природной среды степей Южного Урала в голоцене. Пушино.

Ташнинова Л.Н., Цуцкин Е.В., Гольева А.А., Богун А.П., Чичагова О.А., 2005. Почвы, погребенные под разновозрастными курганами на Черных землях Калмыкии // Почвоведение. № 2.

Хотинский Н.А., 1986. Взаимоотношение леса и степи по данным изучения палеогеографии голоцена // Эволюция и возраст почв СССР. Пушино.

Шнитников А.В., 1957. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария. М.; Л.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГОРОДСКОГО И КОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

При наличии больших и развитых городов городские элементы культуры присутствуют и в материальной культуре их окружи. Это явление закономерно для различных регионов (Макаров, Леонтьев, Шполянский, 2004. С. 32). Прослеживается культурное влияние и золотоордынских городов на окружающее степное население, но оно всегда было не столь явным, как при взаимодействии городского и сельского населения в других регионах.

На территории Среднего и Нижнего Поволжья, которое стало центром золотоордынского государства, развитая городская жизнь до монгольского нашествия существовала только в Волжской Болгарии. Надо отметить, что население Волжской Болгарии к XIII в. уже более трех столетий являлось оседлым, со своеобразной материальной культурой, имеющей все черты этно-государственной культуры. В Нижнем Поволжье по письменным источникам известны города Саксин и Сумеркент, названия которых, скорее всего, относятся к одному городу, который может быть соотнесен с таким археологическим объектом, как Самосдельское городище в большой дельте Волги. Бросается в глаза, что в Нижнем Поволжье кочевое население до монгольского нашествия было незначительным (Фёдоров-Давыдов, 1966. С. 146. Рис. 21).

Ситуация изменилась после завоевания Поволжья монголами и образования Золотой Орды. Быстро возникают и развиваются города в Нижнем Поволжье. Территория вдоль левого берега Ахтубы превратилась в своеобразный урбанистический центр, где к стольным городам Сарая, Сарая ал-Джедид и, возможно, такому же по значимости городу, которому соответствует Красноярское городище, примыкало несколько менее крупных городов и много мелких городков и торговых-ремесленных поселков.

Появляются города и севернее Ахтубы — Бельджамен, Укек и другие, но урбанизация Поволжья на отрезке от низовьев Камы до истока Ахтубы не идет ни в какое сравнение с урбанизацией Волго-Ахтубинского региона.

В Болгарском улусе к концу XIII в. восстанавливается и начинает интенсивно развиваться Болгар, но следует констатировать факт, что развитие городов не достигает здесь уровня домонгольского периода и Болгар является единственным крупным городом. Остальные же города данного улуса относятся к небольшим.

Городская округа также была заселена, по крайней мере, кочевнические могильники известны вокруг Сарая ал-Джедид. Известны они и в других районах Нижнего Поволжья. В золотоордынское время идет переселение части степного населения в лесостепное Поволжье (Руденко, 2002. С. 158—159).

Какие же этнокультурные традиции характерны для населения золотоордынских городов и кочевой округи и есть ли какая-то культурная общность у этих двух групп населения Улуса Джучи?

То, что золотоордынские города возникают и первоначально развиваются в соответствии с монгольской градостроительной традицией, вполне очевидно, если сравнивать города Золотой Орды и монгольские города Центральной Азии (Киселёв, 1965). Но было бы необоснованным считать основным городским населением Золотой Орды монголов. Более того, есть основания говорить о том, что большая часть населения нижеволжских городов имела свои этнические и культурные корни в оседлых районах Восточной Европы и в первую очередь — в Передней и Средней Азии.

В культуре же кочевников продолжают сохраняться домонгольские традиции степного населения Восточной Европы. Новые элементы культуры, связанные с приходом нового кочевого населения с востока, хотя и имеются (Мысков, 1995), но не выглядят как тотальная смена всего этнокультурного комплекса этого региона.

С большой вероятностью можно говорить о том, что население, оставившее курганные могильники XIII—XV вв. в степном и лесостепном Поволжье и хоронившее своих покойников по языческому обряду, является потомками половецкого домонгольского населения.

Какой же представляется этнокультурная ситуация в Золотой Орде в связи с наличием очень разных по культурным традициям этнических групп?

Астраханское и Волгоградское Заволжье входят в подзону северной полупустыни (Прямухин, 2002. С. 21). Период XIII–XIV вв. в степях Восточной Европы, в том числе и в этом регионе, отмечен благоприятными климатическими условиями с повышенной атмосферной увлажненностью (Сергацков, 2002. С. 72). Это время характеризуется как средневековый климатический оптимум (Рысков, Дёмкин, Николаев, Олейник, Якумин, 2006. С. 60). Наличие здесь благоприятных природно-климатических условий для ведения кочевого животноводческого хозяйства во многом предопределило причины завоевания Поволжья монголами. В XIII–XIV столетиях в Нижнем Поволжье резко увеличивается количество населения и скота, что приводит к антропогенному воздействию на пастбища и к «антропогенной аридизации» ландшафтов. То есть к середине XIV в. произошло вытаптывание пастбищ и смена состава растительности на более аридные варианты (Рысков, Дёмкин, Николаев, Олейник, Якумин, 2006. С. 62), а это повлекло за собой кризис всего кочевого, да и оседлого хозяйства Золотой Орды, что в политическом отношении выразилось в событиях «великой замятни».

Население степи в Золотой Орде всегда играло очень значимую социальную роль, ведь именно оно составляло вооруженную силу этого государства. И именно из кочевой знати формировалась его правящая элита. И как бы ни был экономически и культурно развит город, он находился под властью степных феодалов.

Часть этой феодальной верхушки постоянно или временно проживала в городах. Она осваивала культурные традиции, непривычные для кочевника, но это уже был другой уровень жизни, с просторными и удобными домами и усадьбами, с определенным комфортом и даже роскошью. То есть мы наблюдаем тот процесс, который С.А. Плетнёва характеризовала как третью стадию кочевания, или постепенный переход к оседлости (Плетнёва, 1982. С. 78–79). В городах проживала и какая-то часть рядовых кочевников, которые стремились даже сохранить привычный для степняка кочевой уклад. Свидетельством именно этого процесса могут быть исследованные на

Царевском городище остатки юрт, которые в условиях столичного города выглядят культурным анахронизмом.

Более того, в середине XIV в., одновременно с расцветом городов в золотоордынском Поволжье, в степях, особенно в удобных, сопряженных с наличием воды местах появляются временные или более-менее постоянные стоянки, относимые к кочевому населению. Примером такой стоянки может быть поселение «Зимник» на левобережье р. Большой Караман в Саратовском Заволжье (Изотова, 1996).

В степном Заволжье возникают стационарные поселения, расположенные у Волги. Таким поселением является Кануевское селище, которое А.Ф. Кочкина считает остатками производственного комплекса, населённого русскими, мордвой и, возможно, тюрками (Кочкина, 2000. С. 25).

Рассматривая материальную культуру Золотой Орды и анализируя письменные источники, мы можем выделить несколько этнокультурных и этносоциальных групп населения этого государства. В реальности их существовало больше и некоторые были переходными в государстве, где шел процесс формирования имперской этнической или, по крайней мере этнокультурной общности.

Особую этносоциальную группу составляла феодальная знать, которая проживала и в городе, и в степи. Верхушка ее относилась к Чингизидам, но уже к началу XIV в. от монгольских традиций у нее сохранились лишь некоторые элементы. Монгольский язык также уже почти не употреблялся. Учитывая масштабы тюркизации, есть основания думать, что данный процесс начался до прихода войск Бату в Восточную Европу. Здесь же в окружении половецкого населения он просто получил свое логическое завершение. Надо также признать, что масштабы монгольского завоевания в восточноевропейских степях были значительно меньше, чем считалось ранее, поэтому большая часть половцев не только сохранилась, но и стала основным населением Золотой Орды, что подтверждается распространением кыпчакского языка в этом государстве.

Ханы Золотой Орды являлись высшими представителями именно кочевой знати, поэтому их образ жизни даже в период наивысшего расцвета государства во многом был кочевническим. Ставка хана не имела постоянного фиксированного места, а перемещалась по

территории государства вместе с перекочевками ханского двора. Возможно, даже чеканка монеты иногда происходила в этой кочевой ставке — орде. Так, Г.А. Фёдоров-Давыдов приводит уйгурскую легенду на монете, прочитанную Ю.А. Пырсовым как «Ставка хана, область Укек» (Фёдоров-Давыдов, 2003. С. 28). В то же время населенные пункты, в которых ханы наиболее часто проводили зимовки, становятся столицами, а административный статус этих городов положительно влияет на развитие их экономики.

Основная масса городского населения — торговцы и ремесленники — не являлись выходцами из кочевой среды и, скорее всего,

многие из них не были тюрками. Это были русские, волжские болгары, представители различных народов Кавказа, выходцы из Средней Азии, чьи этнокультурные традиции начинают преобладать в золотоордынском городе. Постепенно в городе также происходит сложение единых этнокультурных традиций на основе утверждения мусульманской городской культуры и кыпчакского языка.

Таким образом, можно говорить, что в результате действия многих факторов у двух групп населения Золотой Орды, сильно различающихся по образу жизни, идет процесс сложения единой языковой общности и, возможно, самосознания своего единства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Изотова М.А., 1996. Отчет об археологических раскопках у пос. Дубки Саратовского района и у п. Советское Советского р-на Саратовской обл. в 1996 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19979.

Киселёв С.В., 1965. Город на реке Хирхира // Древнемонгольские города. М.

Кочкина А.Ф., 2000. Отчет о раскопках на Кануевском селище в Безенчукском районе Самарской области в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 23525.

Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В., 2004. Средневековое расселение в Суздальском ополье // РА. № 1.

Мысков Е.П., 1995. О некоторых типах головных уборов населения Золотой Орды // РА. № 2.

Плетнёва С.А., 1982. Кочевники средневековья. М.

Прямухин А.Н., 2002. Отчет об археологических разведках в Киквидзенском и Палласовском р-нах Волгоградской обл. в 2002 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 23792.

Руденко К.А., 2002. «Татарская земля»: археологические памятники XIV — начала XV в. в Среднем Поволжье // Поволжье и сопредельные территории в средние века. М.

Рысков Я.Г., Дёмкин В.А., Николаев В.И., Олейник С.А., Якумин П., 2006. О возможностях идентификации «антропогенной аридизации» ландшафтов в прошлом по изотопным данным // Стабильные изотопы в палеоэкологических исследованиях. М.

Сергацков И.В., 2002. Отчет об охранных археологических работах в зоне строительства магистрального газопровода Починки — Изобильное на участке Жирновской компрессорной станции в 2002 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 23451.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 2003. Денежное дело Золотой Орды. М.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИИ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДОВ В АСТРАХАНСКОМ КРАЕ

В начале XIII в. в глубинах Азии началось движение, известное в исторической литературе под названием монгольского или татарского нашествия, опустошившего земли Волжской Булгарии, Руси и половецких кочевий, повергшее в ужас Западную Европу.

В 1243 г. монголы во главе с Бату-ханом расположились в причерноморских и прикаспийских степях, известных у восточных авторов под названием Дешт-и Кыпчак. Именно с этого года ведется отсчет возникновения государства, получившего впоследствии название в восточной литературе Улус Джучи или Белая Орда, а в русской — Золотая Орда (Егоров, 1985. С. 25, 26). Сделав Поволжье центром Улуса Джучи, Бату и его преемники особое внимание обратили на возрождение городской жизни и связанной с ней торговли, в которой видели для своей казны большие доходы (, 1998. С. 54).

Появление многочисленных городов и поселений в Нижнем Поволжье в период господства монголов было обусловлено политическими и экономическими причинами. Этот район был выбран ханами в самом начальном периоде истории Золотой Орды в качестве центральной провинции, где появились первые города, основанные монголами. Согласно источникам, Бату постоянно кочевал вдоль левого берега Волги, перемещаясь с юга на север и обратно. Здесь появилась первая столица, что во многом предредило массовый приток сюда земледельческого и ремесленного населения, а также большого количества рабов. Особое значение Волги в развитии экономики того времени состояло в том, что она была не только внутригосударственным путем, объединявшим отдельные улусы Золотой Орды. По ней осуществлялись крупные и постоянные международные перевозки товаров, связывающие европейский север с югом. Нижнее Поволжье представляло собой важнейший узел международной транзитной торговли, где сливались два потока разнообразных товаров с севера и с востока (Егоров, 1985. С. 119, 120).

По мнению В.Л. Егорова, прикаспийские степи издревле были местом обитания ко-

чевников, которые в основной своей массе до прихода монголов не знали развитой градостроительной культуры (Егоров, 1985. С. 75). Несколько городов, появившихся здесь во времена Хазарского каганата, по виду «весьма напоминали обычное кочевье» (Плетнёва, 1967. С. 50).

Нижняя Волга, по крайней мере со времени Хазарского каганата, жила интенсивной жизнью, здесь были города, пашни, велась оживленная торговля. После разгрома Святославом столицы каганата — Итиля — культурная жизнь здесь не прекратилась. Половцы, захватившие Нижнее Поволжье, частично переняли культурное наследие народов, населявших эту территорию в предшествующие периоды. Не подлежит сомнению, что на процесс оседания половецких племен оказали влияние их контакты с населением земледельческой полосы Нижнего Поволжья. По свидетельствам ал-Омари, в Золотой Орде и, в частности, в Поволжье было много возделанных земель. Берега Волги были заселены хазарами, одним из занятий которых было земледелие, к которому постепенно переходили и новые завоеватели. Кроме того, в половецкий период в Поволжье сохранилось немало алан, занимавших важное место в торговле (Греков, Якубовский, 1998. С. 24, 25).

Таким образом, к приходу монголов «...прикаспийские степи представляли собой огромный кочевнический остров, окруженный со всех сторон оседлыми цивилизациями Руси, Волжской Болгарии, Хорезма, Северного Кавказа и Крыма» (Егоров, 1985. С. 76). Бассейн Волги играл важнейшую роль в политической и экономической жизни Золотой Орды. Это было обусловлено существованием здесь протяженной торговой артерии — Волги, связывающей районы степной и лесной зон. По берегам располагалось много различных по величине населенных пунктов Золотой Орды. В архитектуре городов зародились новые формы и декоративно-оформительские приемы, отразившие различные культурно-исторические традиции (Егоров, 1985. С. 94).

Существует мнение, что «золотоордынские города Нижнего Поволжья возникли на “пустом месте”. Нигде не обнаружено подстилающего предмонгольского слоя». Как исключение приводится Самосдельское городище в Камызякском районе Астраханской области с его мощным домонгольским слоем (Фёдоров-Давыдов, 1997. С. 89). В 90-х годах прошлого века одним из авторов во время первых исследований на данном памятнике был обнаружен керамический материал, посуда, да-

тируемые периодом от хазарского (IX–X вв.) до золотоордынского (XIII–XIV вв.) времени. К примеру, красноглиняная гончарная миска (рис. 1, 1) и сосуд (рис. 1, 2), сероглиняный кувшин (рис. 1, 3) имеют аналогии в памятниках конца VIII – начала X в. на Средней Волге и в степях донского бассейна (Котеньков, 1993. Рис. 330; Котеньков, 1994. Рис. 42, 1, 2; Плетнёва, 1989. С. 130, 146; Багаутдинов, Богачёв, Zubov, 1998. С. 139, 141, 144, 146, 266). А фрагменты красноглиняных сосудов с ли-

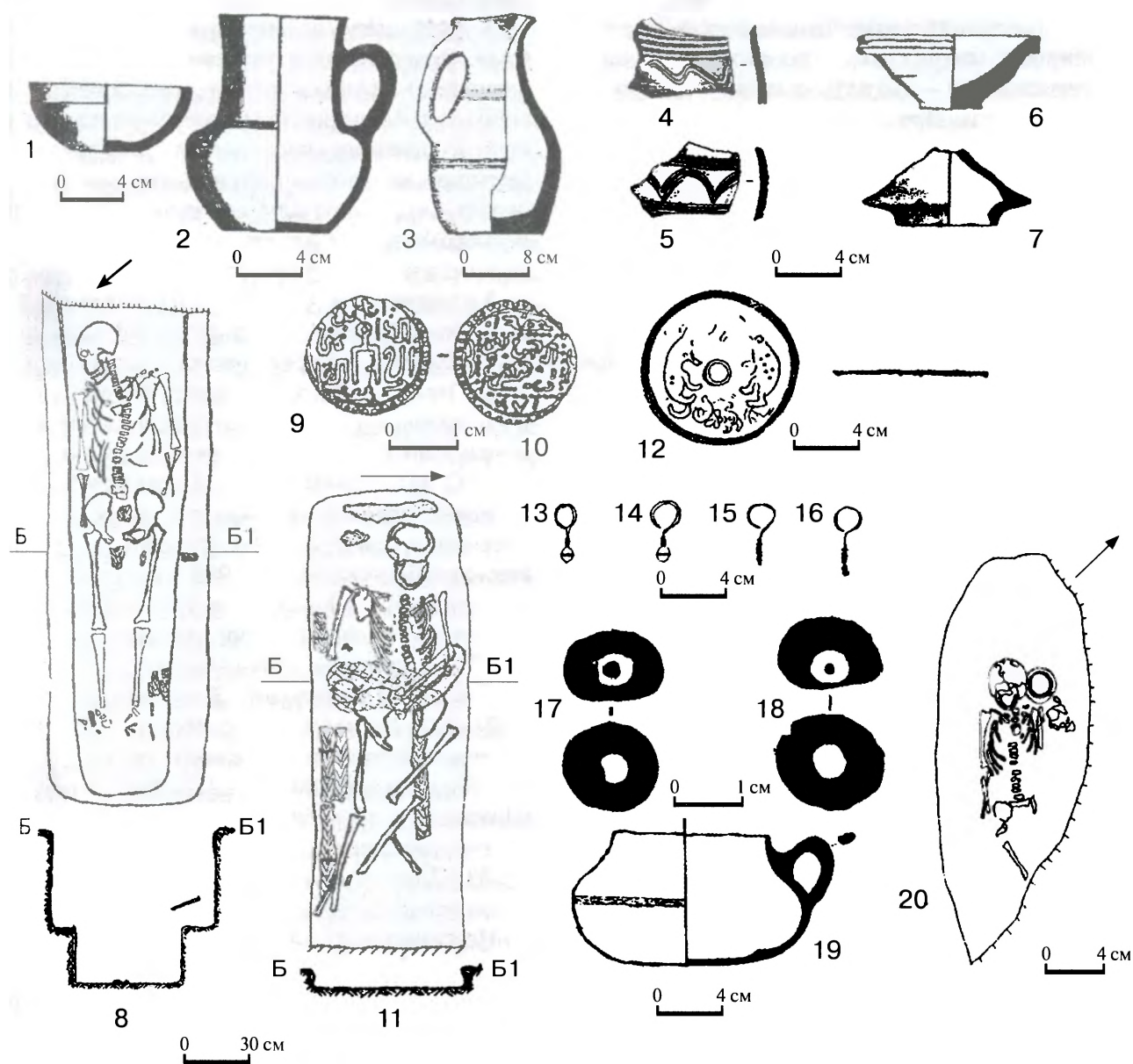

Рис. 1. Материалы золотоордынских памятников Астраханского края:

Самосдельское городище: 1–7 – керамика.

Грунтовый могильник Маячный бугор-I Красноярского городища:

8 – погребение 62 (план и разрез); 9, 10 – монета (аверс, реверс).

Поселение Тумак-Тюбе: 11 – погребение 11 (план и разрез);

12 – зеркало; 13–16 – серьги; 17–18 – бусы; 19 – сосуд; 20 – погребение 3 (план)

нейно-волнистым орнаментом (рис. 1, 4, 5), миска (рис. 1, 6), крышка тандыра (рис. 1, 7) имеют аналогии с керамикой XIII–XIV вв. Водянского, Царевского и Селитренного городищ (Котеньков, 1993. Рис. 96, 111, 395; Котеньков, 1996. Рис. 15; Фёдоров-Давыдов, 2001. С. 116, 130, 131, 159, 171–174). Следует отметить, что некоторые из обнаруженных на данном городище построек золотоордынского периода были выполнены не из целого кирпича, а из его обломков. Вероятно, в качестве строительного материала здесь в золотоордынский период использовали остатки более древних строений (Котенькова, 1997. С. 55). Было бы логично отнести Самосдельское городище к местоположению столицы Хазарского каганата — г. Итиль, расположенному на берегу Волги. Предположение, что на территории данного памятника находятся остатки Итиля, подтверждается сведениями древних источников. К примеру, византийские авторы при упоминании столицы Хазарии употребляли термин «Ателькюз» (Междуречье) (Новосельцев, 1990. С. 128). Действительно, Самосдельское городище располагается в междуречье двух крупных рек — Старой Волги и Бахтемира, которые в настоящее время и, вероятно, в древности соединялись протоками, еще 100 лет назад судоходными. С XI столетия в Северном Прикаспии господствуют половцы, и русские летописи земли от низовьев Дуная до Волги именуют «полем половецким». Иногда нижневолжских половцев источники называют «саксинами». В XII в. восточные писатели отмечают город Саксин на Нижней Волге, который, по описаниям, был достаточно большим городом и располагался приблизительно там же, где и исчезнувший город хазар — Итиль (Фёдоров-Давыдов, 1969. С. 254).

Судя по материалам археологических исследований, похоже, что и Селитренное городище возникло на месте бывшего здесь раннего поселения. Эту гипотезу подтверждают находки, обнаруженные Ф.В. Баллодом на данном городище в 1922 г. (античные монеты: две — римские IV в., одна — из Ольвии, арабский дирхем X в., кремневые и бронзовые наконечники стрел, тёрки даниловского типа), которые намного древнее монгольского городища (Баллод, 1998. С. 111, 115, 116). Место городища — естественная природная возвышенность (бэровский бугор), предохранявшая во все времена население от паводка, являлась одновременно берегом судоход-

ной реки — Ахтубы (левый рукав Волги), по которой с древних времен проходили караваны торговых судов, поэтому монеты здесь оказались не случайно. Возможно, именно тут располагалось место, где осуществлялся торговый обмен. Еще Геродот дает описание пути на север только по Волге. Уже в середине V в. до н.э. волжская артерия связывала Причерноморье с глубинными регионами. Исследователи отмечают находки скифских предметов в ананьинских памятниках в районе впадения Камы в Волгу, товары же из Ольвии попадали по Волге в Прикамье и на Урал (Подосинов, 1999. С. 45).

К настоящему времени собран новый материал, позволяющий пересмотреть проблемы датировки возникновения золотоордынских городов в Астраханском крае на местах ранее существовавших населенных пунктов. Памятники домонгольского времени были обнаружены не только на Селитренном и Самосдельском, но и на Красноярском городище, на поселении Тумак-Тюбе.

Красноярское городище расположено на бэровских буграх у с. Красный Яр Астраханской области. В окрестностях этого памятника на прилегающих бэровских буграх одним из авторов статьи выявлены несколько некрополей золотоордынского времени (Котеньков, 1990. С. 41). Отметим, что на этих буграх, судя по археологическим находкам, люди поселились еще с эпохи бронзы. Об этом свидетельствуют обнаруженные в 1990 г. на могильнике Маячный бугор I два захоронения в скорченных позах, головой на восток: одно — на левом боку, другое — на спине, со следами охры на костях (Котеньков, Котенькова, 2003а. С. 21–23). На этом же некрополе найдены и памятники раннего железного века (Котеньков, Котенькова, 2002в. С. 25). Здесь также обнаружены и погребения поздних кочевников: болгар, печенегов, половцев (Котеньков, 2001. С. 53; Котеньков, Котенькова, 2002б. С. 45; Котеньков, Котенькова, 2003б. С. 31).

Несомненным является факт существования традиции хоронить своих близких вблизи мест поселения. В данном же случае речь идет не о единичном погребении, а о разновременных захоронениях. Комплекс следующих факторов: удобное для поселения место, предохраняющее население от паводка, близость водного торгового пути, расположение на берегу в месте слияния двух рек — Бузана и Ахтубы (главных рукавов Волги), дает право

предположить, что здесь в домонгольское время могли существовать поселения.

Нумизматический материал, обнаруженный в захоронениях, датируемый 1271–1322 гг., позволяет выдвинуть предположение о возникновении этого городища в ранний период золотоордынской эпохи (Котеньков, 2004. С. 158). Самая древняя джучидская монета обнаружена в погребении № 62 (рис. 1, 8) на одном из некрополей городища — могильнике Маячный бугор II. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юго-восток. Под черепом обнаружен серебряный дирхем (рис. 1, 9), на лицевой стороне которого имеется изображение тамги дома Бату, вокруг которой изречение: «Слава вечная и сущая честь» (рис. 1, 9), а на оборотной стороне — в поле, образованном точечным и линейным ободками и вписанным в них точечным прямоугольником, — выпускные данные: «Дирхем/в Сарае/чекан». В нижнем сегменте видна дата — «671 г.х.» (рис. 1, 10). Если учесть, что город Сарай был основан ханом Бату в 50-х годах XIII в., а данная монета датируется 1271 г., то можно предположить, что Красноярское городище является едва ли не ровесником Сарая.

В XIII в. город, вероятно, уже существовал, о чем свидетельствуют сырцовые конструкции в обнаруженном захоронении с монетой данного периода. Версию о том, что в средневековье здесь был ремесленный центр, подтверждают находки фрагментов гончарной поливной посуды, в том числе фрагментов печного припаса, говорящие о наличии здесь горнов для изготовления глиняной посуды.

Древнее название города ни в народной традиции, ни в письменных источниках не сохранилось. Но тот факт, что это был важный в стратегическом и торговом отношении центр, очевиден. На это указывает его местоположение — у слияния двух рек. В описаниях путешествий тверского купца Афанасия Никитина, «ходившего за три моря», в начале его пути, в 1466/1467 гг., встречается следующая запись: «И поехал есми с ним низ Волги, и Казань есмя, и Орду, и Услан, и Сарай, и Беркезань проехали есмя добровольно, въехали есмя в Бузан реку» (Хождение за три моря..., 1948. С. 26). Если учесть, что Афанасий Никитин плыл по Ахтубе, то, минуя Сарай (с. Селитренное), он мог дойти до Красного Яра и войти в Бузан. Возможно, Красный Яр и есть Беркезань? Существует мнение, что в

Поволжье было два Сарая — «Сарай-Бату» и «Сарай-Берке». Сарай, или Сарай ал-Махруса, основанный ханом Бату, соответствует Селитренному городищу у с. Селитренное Харабалинского района Астраханской области, а Сарай ал-Джедид, построенный ханом Узбеком, — Царевскому городищу у с. Царев Ленинского района Волгоградской области (Егоров, 1985. С. 112–113). Может, тогда Сарай Афанасия Никитина — это Царевское городище, а Беркезань — это Селитренное городище?

По мнению нумизмата И.В. Евстратова и археолога В.Г. Рудакова, Царевское городище — это загадочный город Юлистан (также чеканивший монеты), а Сарай, Сарай ал-Махруса, Сарай ал-Джедид — один город на месте Селитренного городища (Евстратов, 1999. С. 103; Рудаков, 1999. С. 115–116). Это предположение говорит в пользу того, что Красноярское городище в золотоордынское время могло именоваться, по крайней мере на Руси, — Беркезань.

Поселение Тумак-Тюбе расположено на бэровском бугре на берегу Волги у с. Татаро-Башмаковка Приволжского района Астраханской области. В 1991 г. С.А. Котеньковым на этом памятнике были исследованы типичные для золотоордынских поселений находки: остатки постройки со стандартной для Золотой Орды планировкой: отопительная система типа канов с печью, лежанка — суфа, хозяйственные ямы, в которых были обнаружены фрагменты ордынской красноглиняной гончарной керамики (Котеньков, Котенькова, 2002а. С. 27, 29). Подобные жилища часто встречаются при раскопках золотоордынских городищ (Фёдоров-Давыдов, Булатов, 1989. С. 149–153). Также были выявлены безынвентарные погребения, выполненные по мусульманскому обряду: головой на запад, в гробах или на камышовой подстилке. Руки согнуты или полусогнуты в локтях, кисти соединены на груди или тазовых костях, иногда одна рука вытянута вдоль туловища. Аналогичные захоронения обнаружены на золотоордынском некрополе Водянского городища и датируются XIII–XIV вв. (Мухамадиев, 1974. С. 86). Кроме того, исследованы два языческих захоронения. В погребении №11 (рис. 1, 11) с западной ориентировкой костяка инвентарь представлен бронзовым зеркалом с небольшой окружностью в центре; поле занимают два идущих по кругу и навстречу друг другу зверя, разделенные цве-

точными виньетками (рис. 1, 12). Под черепом выявлены две пары серебряных серёг в виде знака вопроса (рис. 1, 13–16). У одной из серёг на конце сохранились две стеклянные бусины с внутренней позолотой (рис. 1, 16). Две серёги имеют на концах литые серебряные бусины (рис. 1, 13, 14). Этот тип серёг широко бытовал на всей территории Улуса Джучи во второй половине XIII–XIV вв.; он выделен Г.А. Фёдоровым-Давыдовым как типично золотоордынский вид украшения (*Недашковский*, 2000. С. 42; *Котеньков*, 2004. С. 157). А также обнаружены бусы из черного стекла с глазками (рис. 1, 17, 18). Подобные бусины имеют широкий хронологический диапазон и встречаются как в памятниках VIII–X вв. донского бассейна и Средней Волги и в материалах Северного Кавказа X–XI вв., так и в золотоордынских памятниках (*Плетнёва*, 1989. С. 119, 120; *Багаутдинов*, *Богачёв*, *Зубов*, 1998. С. 102, 103; *Фёдоров-Давыдов*, 1966. С. 73). Погребение № 3 (рис. 1, 20) имело северо-западную ориентировку костяка. В нем находилось два сосуда: слабообожженный красноглиняный гончарный реповидной формы с ручкой, с линейным орнаментом (рис. 1, 19) и черноглиняный гончарный (во фрагментах),

с вдавлениями-насечками по венчику. Данное захоронение и его инвентарь имеют аналогии среди праболгарских погребений VIII–X вв. на Нижней и Средней Волге (*Котеньков*, 2001. С. 53–54; *Багаутдинов*, *Богачёв*, *Зубов*, 1998. С. 142, 164, 182, 226).

Указанные материалы позволяют предположить, что монголы, осваивая в XIII в. покоренные земли, в некоторых случаях пользовались традицией местного населения устраивать поселения на берегах рек, в междуречьях и на естественных возвышенностях (бэровских буграх). Эти возвышенности — глинисто-песчаные холмы — являются основной особенностью дельтового рельефа Астраханского края. Бэровские бугры представляют собой продолговатые холмы, ориентированные по линии запад–восток, высотой до 3 м. Общее количество золотоордынских поселений, несомненно, больше, чем выявлено к настоящему времени. Таким образом, бэровские бугры, расположенные по берегам Волги и ее главных проток, можно без преувеличения считать потенциальными археологическими памятниками, содержащими не только золотоордынские, но и более древние археологические объекты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Багаутдинов Р.Г., Богачёв А.Б., Зубов С.В., 1998. Праболгары на Средней Волге: У истоков татар Волго-Камья. Самара.

Баллод Ф.В., 1998. Старый и Новый Сарай: Столицы Золотой Орды // Татарская археология. № 2.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю., 1998. Золотая Орда и ее падение. М.

Евстратов И.В., 1999. О золотоордынских городах, находившихся на месте Селитренного и Царевского городищ // Эпоха бронзы и раннего железного века в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.

Егоров В.Л., 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.

Котеньков С.А., 1990. Разведки памятников археологии в дельте Волги // Древности Волго-Донских степей. Волгоград.

Котеньков С.А., 1993. Отчет об археологических исследованиях на Самосдельском городище Камызякского района Астраханской области в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17671, 17672.

Котеньков С.А., 1994. Отчет об археологических исследованиях на Самосдельском городище Камызякского района Астраханской области в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18242, 18243.

Котеньков С.А., 1996. Отчет об археологических исследованиях на Самосдельском городище Камызякского района Астраханской области в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18164.

Котеньков С.А., 2001. Новые памятники древних болгар в Астраханском крае // Восток–Запад: Диалог культур Евразии. Казань. Вып. 2.

Котеньков С.А., 2004. Средневековые погребения с джучидскими монетами из Астраханской области // Восток–Запад: Диалог культур Евразии. Казань. Вып. 4.

Котеньков С.А., Котенькова О.Ю., 2002а. Золотоордынские города в Астраханском крае // Факел Прикаспия (Астрахань). № 3.

Котеньков С.А., Котенькова О.Ю., 2002б. Печенеги // Факел Прикаспия (Астрахань). № 1.

Котеньков С.А., Котенькова О.Ю., 2002в. Савроматы, сарматы, русские... // Факел Прикаспия (Астрахань). № 4.

Котеньков С.А., Котенькова О.Ю., 2003а. Откуда твой предок? // Факел Прикаспия (Астрахань). № 1.

Котеньков С.А., Котенькова О.Ю., 2003б. Спорные вопросы истории монгольского нашествия // Факел Прикаспия (Астрахань). № 4.

Котенькова О.Ю., 1997. К вопросу о местонахождении столицы Хазарского каганата — города Итиль // Астра-

ханский край: история и современность. Материалы всероссийской научной конференции. Астрахань.

Мухамадиев А. Г., 1974. Раскопки двойного дома на Водяном городище в 1970 г. // Города Поволжья в средние века. М.

Недашковский Л.Ф., 2000. Золотоордынский город Укек и его округа. М.

Новосельцев А.П., 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.

Плетнёва С.А., 1967. От кочевий к городам. М.

Плетнёва С.А., 1989. На славяно-хазарском пограничье: Дмитровский археологический комплекс. М.

Подосинов А., 1999. О названии Волги в древности и раннем средневековье // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX—XII веков. Казань.

Рудаков В.Г., 1999. Вопрос о существовании двух Сарая и проблема локализации Гюлистана // Ученые записки

Татарского государственного гуманитарного университета. Казань. Вып. 7.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1969. Город и область Саксин в XII—XIV вв. // Древности Восточной Европы. М.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1997. Некоторые итоги изучения городов Золотой орды в Нижнем Поволжье // Татарская археология. №1.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 2001. Золотоордынские города Поволжья. Керакимка, торговля, быт. М.

Фёдоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., 1989. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.

Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1948.

СЕЛИТРЕННОЕ ГОРОДИЩЕ И ПОСЕЛЕНИЯ ЕГО ПЕРИФЕРИИ*

В данной статье кратко характеризуются материалы Селитренного городища и поселений его окружи (схему расположения памятников см.: Недашковский, 2006. С. 79. Рис. 2), расположенных на территории Астраханской области. Если при описании поселенческих памятников не сообщается о раскопках или объектах на них, это означает, что детальные обследования этих поселений не производились.

1. Селитренное городище. Расположено на надпойменной террасе левого берега Ахтубы (вытянуто вдоль реки более чем на 7 км, вглубь степи уходит на расстояние до 2 км) (Рудаков, 2004б. С. 294), у села Селитренное Харабалинского района. Памятник изучался раскопками А.А. Спицыным в 1893 г., Ф.В. Баллодом в 1922 г., П.С. Рыковым в 1931 г., ПАЭ в 1965–1971, 1975–1995 и 1997–2005 гг. На городище, имеющем укрепления в виде вала и рва, сооруженных в 60-е годы XIV в., были исследованы наземные и углубленные в землю жилища (в том числе юрты), усадебные комплексы, три мечети, три бани, ханака, мавзолеи, гончарные (в том числе изготавливавшая кирпич), стеклодельная, косторезная мастерские и найдены следы обработки полудрагоценных камней. Мощность культурного слоя памятника достигает местами 2–3 м. Материалы с городища представлены поливной и неполивной керамикой, архитектурным декором, разнообразными индивидуальными находками (прил. 2), в числе которых есть и многочисленные древнерусские материалы. Золотоордынские нумизматические материалы с памятника датируются 70-ми годами XIII – серединой XV в. Известны также находки ольвийской, двух медных римских монет IV в. н.э., серебряного куфического дирхема X в., китайских медных монет VII–XIII вв., медной монеты Ильдегизидов 1180–1225 гг., медной монеты хорезмшаха Мухаммада (1200–1220 гг.), медной монеты государства Ширваншахов начала XIII в.,

средневековой медной западноевропейской монеты, золотых монет делийских султанов патанской династии и дамаскского динара династии Мамлюков 771 г.х., серебряной и медных монет Хулагуидов, двух серебряных монет Джелаиридов, серебряной монеты Суюргатмыша, трех медных монет Тамерлана 785 г.х., серебряной монеты Баязида 792 г.х., серебряной литовской монеты Владимира Ольгердовича, тверского пула Михаила Борисовича (1461–1485), монеты Сигизмунда I 1548 г. и русских монет XVII–XIX вв. В западной и северной частях городища имеются грунтовые могильники.

2. Каменный Бугор. Располагается приблизительно в 5 км к востоку от села Селитренное (Лебедев, Клоков, 2001; 2004. С. 24–37, 40–64, 67–75; Спицын, 1895. С. 84; Рудаков, 2003; 2004а. С. 162–163; 2004б. С. 294; Филиппенко, 1952. Л. 10–11). Представляет собой золотоордынское поселение с некрополем с кирпичными склепами; возможно наличие на территории памятника остатков гончарного горна, участков для обжига кирпича, фиксировались также следы очагов и канов. На поверхности невысокого холма, раскопок которого не производилось (разведки на памятнике осуществляли А.А. Спицын в 1893 г., В.А. Филиппенко в 1952 г. и В.Г. Рудаков в 2002–2003 гг.), встречаются фрагменты неполивной и поливной красноглиняной и кашинной золотоордынской керамики, поздней русской керамики, обломки кирпичей, кашинных изразцов, фрагменты глиняной обмазки, кости, найдена медная накладка, а также собраны джучидские серебряные и медные монеты 1320-х – начала 1480-х годов, медная закавказская монета XII–XIII вв. неправильного чекана, хулагуидские медная монета Абу-Саида (город?, 72? г.х.) с двумя отверстиями и серебряная монета Ануширвана (1344–1355), две анонимных медных монеты XV в. династии Тимуридов, акче Хаджи-Гирея 871 г.х., три татаро-генуэзских аспра Каффы 1421–1435 гг., серебряная копейка Петра I 1701 г., медные денга и полушка 1730-х годов.

* Работа выполнена по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых № МК-1053.2005.6 и Gerda Henkel Stiftung, Düsseldorf №AZ 19/SR 108.

3. Лапас. Поселение располагается на левом берегу протоки Большой Ашулук к северу от с. Лапас Харабалинского района (Блохин, Яворская, 2006. С. 132–133; Булатов и др., 1979; Васильев, 2001; Гончаров, 2000. С. 348–349; 2003. С. 239–240; Егоров, 1985. С. 117–118; Пигарёв, 1996; 1997. Л. 3–4; Пигарёв и др., 2005. С. 149–150; Фёдоров-Давыдов, 1963а; Филиппченко, 1952. Л. 16; Fyodorov-Davydov, 1984. Р. 27). Селище обследовалось В.А. Филиппченко, Г.А. Фёдоровым-Давыдовым, В.В. Дворниченко и Е.М. Пигарёвым, в 2000 г. оно раскапывалось Д.В. Васильевым. К востоку от памятника располагается комплекс развалин мавзолеев золотоордынского времени. Размеры поселения достигают 100×1500 м (по данным Е.М. Пигарёва – до 1×2,5 км), мощность культурного слоя – до 1–1,2 м. На памятнике были обнаружены остатки двух домов из сырцового кирпича (один из них имел суфу и два тандыра), зафиксированы следы гончарного ремесла (горны для обжига кирпича, сопла, печной припас). Находки с поселения представлены фрагментами керамики (в том числе кашинной, а также неполивной посудой с орнаментацией в виде вертикальных фестонов, фрагментом дигирного сосуда), мозаик и майолик, изделиями из железа и кости, джучидскими пулами и дирхемами второго десятилетия – начала 90-х годов XIV в., а также двумя медными фельсами Хулагуидов 20-х – 30-х годов XIV в. Ногайское предание именует часть памятника «Тас Бурын» (Каменный Нос) из-за многочисленных видимых кирпичных кладок.

4. Комсомольский. В 1928 г. экспедицией П.С. Рыкова в районе поселения у теперешнего поселка Комсомольский Красноярского района (в местности Ак-Сарай, или Ак-Мечеть) были зафиксированы остатки золотоордынских жилищ, найдены пять медных джучидских монет 40-х – 80-х годов XIV в. В 1990 и 1992–1994 гг. памятник, занимающий поселок и его окрестности, исследовался В.В. Плаховым и В.В. Дворниченко: обнаружены остатки кирпичного дворца с пандусом, оформленного

кашинными изразцами и оконными стеклами различного цвета, пяти домов на кирпичных цоколях с канами, однокомнатного дома, двух полуземлянок, а также крупного архитектурного сооружения и прямоугольной в плане сырцовой конструкции. В 2005 г. памятник раскапывался Д.В. Васильевым, выявившим остатки землянки. Монетные находки представлены обрезанным дирхемом Джанибека чеканки Гюлистана 753 г.х., крымским дирхемом Токтамыша 796 г.х., серебряной монетой Джелаирида Ахмеда (Токтамыша?) закавказской чеканки 1382–1390 гг., недатированными пулами сарайской чеканки XIV в., пулами Сарая 1330-х гг., Сарая ал-Джедид 1340-х годов, медными монетами Токтамыша (Сарай ал-Джедид, 791 г.х. – 3, год? – 1; Орда, 785 г.х. – 1; Орда ал-Муаззам, год? – 2; город? год? – 1), двумя анонимными пулами Орды без даты с изображением лировидной тамги, медной монетой Кебека (1413 г.) без обозначения места чеканки (Блохин, Яворская, 2006. С. 133; Дворниченко, 1993; Дворниченко, Плахов, 1994; Колымажнов, 2007; Пигарёв, 1998. С. 45–46; Плахов, 1991; 1994; 1995а; 1995б; Раскопки П.С. Рыкова, 1928. Л. 47; Рыков, 1929. С. 154; Фёдоров-Давыдов, 1963б. С. 185, № 340; 1994. С. 35; 1997. С. 89; Филиппченко, 1958. С. 247). На поселении найдена красноглиняная гончарная керамика, фрагменты кашинных сосудов и майолик с бирюзовой и голубой поливой, водопроводных труб, металлические изделия, стеклянная бусина, кости животных. Мощность культурного слоя памятника достигала 30 см.

Примечательно, что в регионе зафиксировано наличие лишь крупных поселений – остатков золотоордынских городов. Мощность культурного слоя известна для трех из этих памятников: в одном случае она достигает 30 см (№ 4), в другом – 1–1,2 м (№ 3), а в третьем – 2–3 м (№ 1).

На Селитренном городище (№ 1) известны находки раннего железного века, раннего средневековья и XVI–XIX вв., на поселении Каменный Бугор (№ 2) – материалы XVIII в.

- Блохин В.Г., Яворская Л.В., 2006. Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Волгоград.
- Булатов Н.М., Егоров В.Л., Фёдоров-Давыдов Г.А., Яблонский Л.Т., 1979. Раскопки на Селитренном городище // АО 1978 г. М.
- Васильев Д.В., 2001. Городище Ак-Сарай // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Астрахань.
- Гончаров Е.Ю., 2000. Старый и Новый Сарай — столицы Золотой Орды (новый взгляд на известные источники) // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк. Т. 1.
- Гончаров Е.Ю., 2003. Анализ монетного материала с двух золотоордынских городищ // Древности. М.; Казань. Вып. 36. Археологические исследование и научно-краеведческая работа в Волго-Уральском регионе.
- Дворниченко В.В., 1993. Отчет о раскопках участков городища XIII—XV вв., расположенного у пос. Комсомольский Красноярского р-на Астраханской обл. в 1992 г. // Архив ИА РАН. 1992. Р-1. № 17094.
- Дворниченко В.В., Плахов В.В., 1994. Отчет о раскопках участка городища XIII—XIV веков, расположенного на территории пос. Комсомольский Красноярского р-на Астраханской обл. в 1992—1993 гг. // Архив ИА РАН. 1993. Р-1. № 17959.
- Егоров В.Л., 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М.
- Колымажнов Р.Н., 2007. Землянка из раскопок на городище «Ахтубинское» // Материалы XXXIX Урало-Поволжской археологической студенческой конференции (Пермь, ПГПУ 31 января — 4 февраля 2007 г.). Пермь.
- Лебедев В.П., Клоков В.Б., 2001. Монеты с юго-восточных окраин Сарая // Татарская археология. Казань. № 1/2 (8/9).
- Лебедев В.П., Клоков В.Б., 2004. Денежное обращение Сарая и его округа после 1395 г. // Древности Поволжья и других регионов: Сборник статей. Вып. 5. Нумизматический сборник. М.; Нижний Новгород. Т. 4.
- Недашковский Л.Ф., 2006. Хронология нижеволжского золотоордынского города и его округа // РА. № 3.
- Спицын А.А., 1885. Отчет о поездке члена Археологической Комиссии А.А. Спицына летом 1893 года на Жареный бугор и некоторые приволжские золотоордынские города, 1895 // ОАК за 1893 год. СПб.
- Пигарёв Е.М., 1996. Отчет об археологических разведках в Харабалинском районе Астраханской области в 1995 г. // Архив ИА РАН. 1995. Р-1. № 19473.
- Пигарёв Е.М., 1997. Краткий отчет об археологической экскурсии в апреле 1996 г. // Архив ИА РАН. 1996. Р-1. № 23131.
- Пигарёв Е.М., 1998. Археолого-этнографические исследования в Астраханской области в 1994 г. // Вопросы краеведения: Материалы VI и VII краеведческих чтений, посвященных 50-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Волгоград. Вып. 4/5.
- Пигарёв Е.М., Сковцов С.Ю., Лосев Г.А., Минаев А.П., 2005. Монетные находки с городищ «Красный Яр», «Лапас» и «Чертово городище»: Астраханская область 2001—2003 гг. // Труды I и II международных нумизматических конференций: Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII—XV вв. Саратов, 2001; Муром, 2003. М.
- Плахов В.В., 1991. Отчет о раскопках участка городища XIII—XV вв., расположенного у пос. Комсомольский Красноярского района Астраханской области в 1990 г. Части I—II. // Архив ИА РАН. 1990. Р-1. №/№ 15762—15763.
- Плахов В.В., 1994. Отчет о раскопках участка городища XIII—XIV вв., расположенного на территории пос. Комсомольский Красноярского р-на Астраханской обл. и доследовании могильника на территории городища XIV века Хаджи-Тархан (Старая Астрахань) в 1993 г. // Архив ИА РАН. 1993. Р-1. № 17885.
- Плахов В.В., 1995а. Отчет о раскопках участков городища XIII—XIV вв. на территории пос. Комсомольский Красноярского р-на Астраханской обл. в 1994 г. // Архив ИА РАН. 1994. Р-1. №/№ 18688—18689.
- Плахов В.В., 1995б. Работы в пос. Комсомольский Астраханской обл. // АО 1994 г. М.
- Раскопки П.С. Рыкова в Нижне-Волжском крае: Переписка о раскопках в 1927 г. Отчет и чертежи за 1928 г. // Архив ИИМК РАН. 1928. Ф. 2. Оп. 1. Д. 154.
- Рудаков В.Г., 2003. Отчет об археологических разведках на территории Селитренного городища и его окрестностей в 2002 г. // Архив ИА РАН. 2003. Р-1. №/№ 22894—22895.
- Рудаков В.Г., 2004а. Каменный бугор и бугор «Татарское кладбище» к востоку от Селитренного городища (предварительные итоги археологических разведок 2002—2003 гг.) // Древность и средневековье Волго-Камья: Материалы третьих Халиковских чтений, 27—30 мая 2004 г. Казань-Болгар.
- Рудаков В.Г., 2004б. О границах Селитренного городища (по итогам археологических разведок 2002 и 2003 гг.) // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I международная Нижневолжская археологическая конференция, г. Волгоград, 1—5 ноября 2004 г.: Тезисы докладов. Волгоград.
- Рыков П.С., 1929. Археологические разведки и раскопки в Нижне-Волжском крае, произведенные в 1928 г. // ИНВИК. Т. III.
- Фёдоров-Давыдов Г.А., 1963а. Научный отчет об археологических работах на городище Сарай-Берке (Царевское городище) и разведках памятников золотоордынского времени по р. Ахтубе в 1963 г. // Архив ИА РАН. 1963а. Р-1. №/№ 2699—2699а.
- Фёдоров-Давыдов Г.А., 1963б. Находки джучидских монет // НЭ. Т. IV.
- Фёдоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.
- Фёдоров-Давыдов Г.А., 1997. Некоторые итоги изучения городов Золотой Орды на Нижней Волге // Татарская археология. Казань. № 1.
- Филиппченко В.А., 1952. Отчет об археологических разведках, проведенных в 1952 г. Астраханским областным краеведческим музеем на территории Каспийского, Лиманского, Красноярского, Харабалинского р-нов Астраханской обл. // Архив ИА РАН. 1952. Р-1. № 1265.
- Филиппченко В.А., 1958. О новых находках на территории Астраханской области // СА. № 1.
- Fyodorov-Davydov G.A., 1984. The Culture of the Golden Horde Cities / Translated from the Russian by H. Bartlett Wells / BAR. International Series, 198. Oxford.

ИССЛЕДОВАНИЯ СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА В 2006 г.

В 2006 г. продолжились ежегодные исследования Селитренного городища, начатые Поволжской археологической экспедицией в 1965 г. Совместной экспедицией Астраханского музея-заповедника и Казанского государственного университета были проведены спасательные работы на береговом обрыве западной подошвы Больничного бугра (*Пигарёв*, 2007). В ходе проведенных работ был заложен раскоп № XL, связавший в единую исследованную линию раскопы прежних лет: раскопы № IX (*Фёдоров-Давыдов*, 1978), XXIII (*Бурханов*, 2000), XXVI (*Зеленев*, 2003), XXXVI (*Пигарёв*, 2005). Площадь раскопа № XL составила около 160 м².

Итогом исследований явилось изучение остатков гончарной мастерской. Впервые эта мастерская была раскопана в 1977 г. Поволжской археологической экспедицией ИА АН СССР под руководством Г. А. Фёдорова-Давыдова. В 2006 г. нами исследовалась восточная часть территории мастерской, не вошедшая в площадь раскопов 1977 г.

Все изученные на раскопе объекты подразделяются на шесть хронологических строительных периодов, которые составляют следующие стратиграфические слои: к золотоордынскому слою (середина XIV—XV в.) относятся четыре первых строительных периода (I—IV); к русскому времени (XVII—XVIII вв.) относится пятый строительный период (V); современный слой (XIX—XX вв.) представлен шестым строительным периодом (VI).

На исследованной площади был обнаружен комплекс ям и сооружений (сооружения № 5 и № 6; ямы № 30, 35—38, 42—44; столбовые ямы № 1—5), входящих в единую конструкцию — хозяйственную постройку гончарной мастерской. Эта конструкция, размещенная в вырытом для нее в материке котловане, состояла из трех помещений, вытянутых по линии З—В. Восточное помещение представлено сооружением № 5, западное — сооружением № 6. Центральное помещение конструкции (яма № 42), расположенное между сооружениями № 5 и № 6, имело внутреннюю перегородку (яма № 43), сохранившуюся в виде остатков горизонталь-

но уложенного деревянного бруса и выложенной вдоль него сырцовой стенки.

Стены внешних помещений — сооружений № 5 и № 6 — устроены по единому принципу. Кладки были сложены из целых форм и обломков красного обожженного кирпича, скрепленных глинистым раствором. Размеры кирпича: 21×21×5 см; кирпич вторичного использования. Через 30—60 см в стенах находились вертикально оставленные пазы шириной от 6 до 18 см, в которых в древности были вставлены деревянные брусья каркаса конструкции. Пол всех трех помещений находился на едином уровне. В столбовых ямах № 1—5 в древности стояли опоры перекрытия конструкции.

В сооружении № 5 (восточное помещение) была обнаружена яма № 36, в которой находился закопанный вертикально, вниз дном, красноглиняный сосуд — хум. Такой же сосуд, в таком же положении был обнаружен в яме № 38, расположенной в сооружении № 6. Найденные хумы, вероятно, служили ёмкостями для хранения продуктов.

Полные размеры раскопанной хозяйственной постройки остались неизвестными, так как сооружения № 5 и № 6 уходят под восточный и западный борта раскопа. Центральное помещение (яма № 42) имело размеры 500×586 см.

К северу от раскопанной конструкции, на верхней горизонтальной площадке были зафиксированы фрагменты трех сооружений, относящихся, по нашему мнению, к остаткам производственных элементов мастерской.

Сооружение № 4 представляло собой кирпичную кладку размерами 112×30 см, сложенную из обломков красного обожженного кирпича, уложенного плашмя, в два ряда и в два слоя, скрепленных глиняным раствором, вытянутую по линии СВ—ЮЗ. Сильная фрагментированность сооружения затрудняет определение его функциональной предназначённости, но обилие в нижней части заполнения золы и угля позволяет нам атрибутировать это сооружение как остатки горна.

Яма № 9 имела в плане подпрямоугольную форму размером 256×158 см, вытянутую по линии ССВ—ЮЮЗ, к которой с запада примыкает пятно с фиксируемыми размера-

ми 60×55 см в виде желтой рыхлой супеси с включениями угля, толщиной при выборке до 40 см, в южной части которого прослежены фрагменты сырцовых кирпичей. Во время выборки определилось, что яма имела отвесные западную, северную, восточную и пологую южную стенки и ровное дно. Заполнение ямы состояло из скопления прокала, сырца, угля, золы, мощностью до 30 см. Яма № 9, на наш взгляд, является остатками горна для обжига кашинной посуды с поддувалом с запада и топкой с юга.

Яма № 10 имела в плане прямоугольную форму размером 254×116 см, вытянутую по линии ССВ–ЮЮЗ. Во время выборки определилось, что яма имела отвесные, с подбоем, западную, северную, восточную и пологую южную стенки, и ровное дно. На дне ямы вдоль западной и восточной стенок фиксируется кирпичная кладка размерами 108×60 см (размеры кирпичей: от 12×25×7 см до 32×28×8 см), сложенная из сырцовых кирпичей, скрепленных глинистым раствором. Заполнение ямы состояло из скопления прокала, сырца, угля, золы мощностью до 40 см. Яма

№ 10, на наш взгляд, является остатками горна для обжига кашинной посуды с топкой с юга.

Кроме хозяйственной постройки и остатков трёх горнов на площади раскопа были зафиксированы ямы, также относимые нами к деятельности мастерской. В заполнении ям № 17, 23, 27, 33 в большом количестве были зафиксированы алебастровая крошка, куски опоки и запасы белой глины.

Также в ходе раскопок были найдены предметы, относящиеся к инструментарию гончаров, работавших в этой мастерской: обломок жернова для измельчения массы керамического теста (диаметр около 1 м), мелкие ручные тёрочки, лощила из обломков керамики, обломки штырей, на которых в горнах располагались обжигаемые изделия.

Многочисленные находки обломков кашинной посуды и изразцов, подражаний китайскому селадону, фрагменты белоглиняной керамики, запасы белой глины, опоки и алебаstra дают возможность предположить, что в этой мастерской изготавливали поливную кашинную посуду, белоглиняную керамику и архитектурные украшения – изразцы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бурханов А.А., 2000. Отчет об основных итогах археологических исследований ТАО ПАЭ на Селитренном городище в Харабалинском р-не Астраханской обл. в 1999 г. Казань // Архив АГОИАМЗ.

Зеленев Ю.А., 2003. Отчет о раскопках на Селитренном городище Харабалинского р-на в 2002 г. Йошкар-Ола // Архив АГОИАМЗ.

Пигарёв Е.М., 2005. Отчет об археологических раскопках на Селитренном городище в 2004 году (Больничный бугор). Астрахань // Архив АГОИАМЗ.

Пигарёв Е.М., 2007. Отчет об археологических раскопках на Селитренном городище в 2006 г. (раскоп № LX). Астрахань // Архив АГОИАМЗ.

Фёдоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., Гусева Т.В., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т., 1978. Отчет о раскопках Селитренного городища в 1977 году. Т. I. Архив ИА РАН. Р-1, № 6687. Альбомы: т. II – №6687а, т. III – № 6687б, т. IV – № 6687в. М.

УВЕКСКОЕ ГОРОДИЩЕ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ КОМПЛЕКСНЫХ ГЕОЛОГО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2001–2006 гг.

Увекское городище расположено в Заводском районе г. Саратова. Площадь городища составляет около 230 га (Сингатулин, 2005. С. 8). После сооружения Рязано-Уральской железной дороги в конце XIX в., железнодорожного моста, нефтяных терминалов в первой половине XX в. и строительства поселка во второй половине XX в. значительная часть территории городища лишилась культурного слоя. Получившее широкое распространение среди специалистов органов охраны историко-культурного наследия и части археологов мнение о «потерянности» Увекского городища для исторической науки, о бесперспективности проведения здесь крупных археологических работ привело к тому, что, начиная с 1993 г., на территории городища были санкционированы крупномасштабные земляные работы, связанные с застройкой и развитием инфраструктуры городского и индивидуального жилищного строительства (Юдин, 2003, С. 67–75), которые продолжают и по настоящее время.

В 2001 г. на территории южной части Саратовского научно-образовательного геологического полигона (п. Увек Заводского района г. Саратова) в рамках геоэкологических исследований были впервые проведены комплексные исследования с помощью инфракрасной и радиотепловой аппаратуры, разработанной на кафедре «Приборостроение» СГТУ. В процессе исследований были обнаружены и идентифицированы «тепловые» следы средневековых строений (Plotnikov and ets. 2001. P. 339–345). Проведенные работы заложили основу для систематических исследований городища с помощью методов естественных и технических наук.

С 2002 г. в совместных работах принимают научные коллективы археологической лаборатории Педагогического института СГУ, кафедры «Приборостроение» Саратовского технического университета, НИИ геологии СГУ, ГУК, НПЦ по историко-культурному наследию Саратовской области и Института истории им. Ш. Марджани (Казань). В период 2001–2006 гг. работами были охвачены территории не только поселка Увек, но и по-

селков Нефтяной, Князевка, а также прибрежная часть акватории Волгоградского водохранилища.

Целью совместных исследований ставилось:

- Реконструировать хронологию и динамику оползневых процессов на территории п. Увек.
- Оценить современное состояние и перспективу разработки Увекского городища с целью музеефикации.
- Апробировать новые археологические технологии (мультиспектральная стереофотограмметрия, web-мониторинг, палеофонография).
- Выявить факты возможной геологической гибели золотоордынского города Укек.
- Воссоздать виртуальную среду средневекового города в рамках международного проекта «Виртуальный Укек».

Исследования проводились поэтапно: первый этап (2001–2003 гг.) заключался в комплексных геолого-археологических разведках с использованием методов и средств естественных и технических наук (мультиспектральная стереофотограмметрическая съемка, магнитно-динамическое зондирование, эхолокация акватории, осмотр геологических скважин). Вторым этапом (2004–2006 гг.) являлись археологические охранно-спасательные работы на основе анализа данных мультиспектральной стереофотограмметрической съемки 2001–2003 гг.

Исследования базировались преимущественно на материалах космических данных дистанционного зондирования с искусственных спутников Земли — отечественных, серии «Ресурс», «Горизонт» (съемки 1998–2002 гг.) и зарубежных, серии «Corgona» (съемки 1965–1978 гг.) и др. Использовались также архивные фотоматериалы, данные магнитно-динамического зондирования и локальных мультиспектральных стереофотосъемок 2001–2003 гг. (рис. 1). Впервые введены в научный оборот уникальные архивные данные — фотоматериалы и фотопланы конца XIX — начала XX в., сделанные на Увекском городище с помощью геодезической стереофотоаппаратуры (рис. 2).

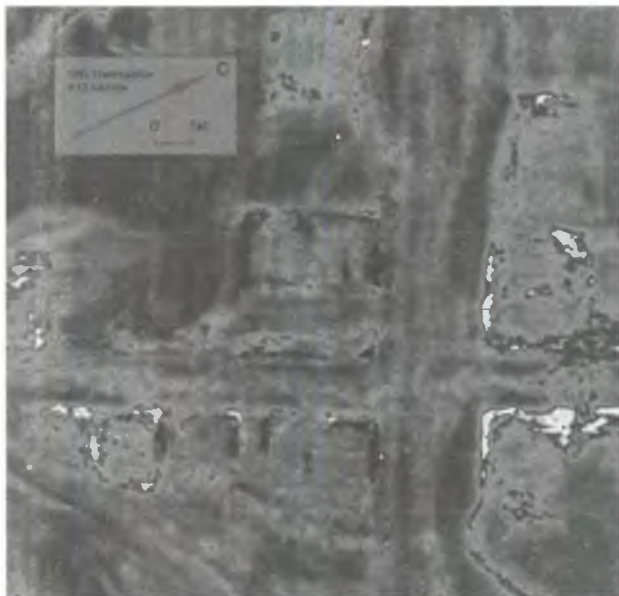

Рис. 1. Инфракрасный снимок участка нижних террас в п. Увек со следами золотоордынских строений (изображение получено последовательно-параллельным сканированием в диапазоне 8–13 мкм).
Увек, 2002 г.

Динамика оползневых процессов была отслежена путем сопоставления космических фотоснимков разных лет (с 1965 по 2002 гг.) и стереофотосъемок 1910–1917 гг. в п. Увек. С помощью стереофотограмметрических технологий, анализа археологических данных и компьютерного моделирования был реконструирован рельеф местности (в виде цифровой трехмерной модели), который хронологически соответствовал началу XIV в. (*Singatulin, Rashitov, 2005*).

Отработка версии геологической гибели средневекового города проводилась специалистами НИИ геологии СГУ на основании археологических исследований 1913–1924 гг. и материалов геологических обследований 1935–1937 гг. (*Коровкин, 1937*), 1959–1961 гг. (*Дунаева, Rogozin, 1962*) в п. Увек. Осмотр стенок скважин, пробуренных противооползневой экспедицией И.С. Рогозина в 1957–1961 гг., выявил перекрытые культур-

Рис. 2. Стереофотоснимки с Увекского городища. Раскопки 1913 г. (фотографии сделаны с помощью фототеодолита фирмы «Лехнер»)

Рис. 3. Фрагмент кирпичного золотоордынского строения в районе нижних террас. Увекское городище. Раскопки 2006 г.

ные слои на разных глубинах, что является результатом многократных оползневых процессов. Средняя мощность перекрытых культурных слоев, в зависимости от специфики пород и рельефа местности, составила около 3,6 м. Максимальная мощность перекрытых слоев (47 м) фиксировалась в районе «мамайского» бугра и ближе к восточному склону г. Шаблиха (24 м). Погребенное оползнем дерево из раскопа 1 (раскопки 2005 г.) произрастало на горизонте 3,2–3,6 м от поверхности (Сингатулин, 2006. С. 36, 95), а вскрытое в 2006 г. кирпичное строение (рис. 3) без следов атмосферной эрозии и следов эксплуатации (Сингатулин, 2007) до 1959 г. было погребено под 15-метровым пластом породы. Анализ подъемного материала и стратиграфия ключевых участков раскопок 2005 г. (Сингатулин, 2006) позволили определить хронологию

произошедших оползней: самый верхний слой (толщиной 20–60 см – оползни XX в. (1915–1937 гг.)), средний слой (толщиной 80–140 см – оползни XVIII–XIX вв.), нижний слой (толщиной 180–320 см и более – катастрофический оползень второй половины XIV в.). Ниже глубины 340–360 см выявлен массив (мощностью около 3–4 м) коллювиальных отложений оползневого происхождения, распространяющийся по всей площади вскрытого участка и, по всей вероятности, относящийся к более древнему оползню.

Раскопки застроенного Увека, расположенного в городской черте г. Саратова, связаны с определенными трудностями по сравнению с другими археологическими объектами. Основные проблемы современной городской археологии в обобщенном виде сформулированы А.С. Смирновым. В частности, он от-

метил, что «городская археология во многом является самостоятельной частью археологии со своими специфическими особенностями и задачами», а исторический город — наиболее сложный археологический объект, который больше всего подвергся антропогенному воздействию (Смирнов, 2002. С. 44). Но Увекское городище — не просто археологический памятник, находящийся в черте современного города, это прежде всего исторический город, который строился и развивался на активной оползневой структуре со всеми вытекающими последствиями. Игнорирование геологических особенностей рельефа на Увекском городище часто приводит исследователей к ошибочным действиям. Так, археологические раскопки Д. Баринова, проведенные в 1994 г., как показали земляные работы по реконструкции трассы водоснабжения в 2005 г., были проведены не полностью. Культурный слой, после 1,5-метрового оползневой отложения, уходил дальше на глубину. Близкая ситуация произошла при археологических исследованиях Д. Кубанкина в 2005–2006 гг., когда незнание структуры увала от оползня привело автора исследований к ошибочным выводам.

Проведение археологических работ на урбанизированных территориях с учетом их геологических особенностей является достаточно сложной задачей, включающей не только задачи исследовательского плана, но и инженерно-технические и социальные проблемы.

Факты лоббирования своих интересов некоторыми археологами при проведении охранно-спасательных работ не могут положительно сказаться на состоянии Увекского городища. Очевидным решением данной проблемы могут быть только совместные, согласованные и запланированные исследования.

Проведенные в 2001–2006 гг. комплексные геолого-археологические исследования показали, что значимая часть территории Увекского городища сохранилась, осталась незатронутой под многослойными оползневыми отложениями и представляет интерес для проведения здесь крупных археологических работ с целью музеефикации. В общей сложности за 2001–2006 гг. мультиспектральными методами были выявлены следы 85 строений, причем у 15 строений сохранились фундамент и часть стен (3 постройки были вскрыты охранно-спасательными работами в 2004–2006 гг.). В 2005–2006 гг. на территории городища была впервые апробирована система WEB-мониторинга.

Существенным моментом сохранения Увекского городища является прекращение любых земляных работ, введение временного моратория на проведение внепрограммных археологических раскопок, осуществление реальных охранных мероприятий в частном секторе, охват всей территории с помощью WEB-мониторинга и использование дистанционно-неконтактных методов исследования территории городища.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дунаева Г.В., Rogozin И.С., 1962. Оползни Саратовского Поволжья. М.

Иванов А.В., Браташова С.А., Сингатулин Р.А., 2005. Эколого-геологические аспекты гибели средневекового города Укека // Недр Поволжья и Каспия. НВНИИГГ. Саратов. Вып. 14.

Коровкин М.П., 1937. Увекский оползень // Разведка недр. № 13.

Смирнов А.С., 2002. Как сегодня сохранить памятники археологии // Наследие народов Российской Федерации. № 2.

Сингатулин Р.А., 2001. О перспективе подводных археологических исследований Волжского бассейна // Археологическое наследие Саратовского края: Охрана и исследования в 1998–2000 гг. Саратов.

Сингатулин Р.А., 2002. Палеофотографические исследования гончарной керамики с Увекского городища // Материалы II Халиковских чтений: Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. Казань.

Сингатулин Р.А., 2005. Отчет об археологических разведках на территории Увекского городища в Заводском

районе г. Саратова и прилегающей акватории Волгоградского водохранилища (2004 г.) // Архив ИА РАН.

Сингатулин Р.А., 2006. Отчет об археологических охранно-спасательных работах на территории Увекского городища в Заводском районе г. Саратова в 2005 г. // Архив ИА РАН.

Сингатулин Р.А., 2007. Отчет об археологических охранно-спасательных работах на территории Увекского городища в Заводском районе г. Саратова в 2006 г. // Архив ИА РАН.

Юдин А.И., 2003. Увекское городище: правовой статус проблемы охраны и исследования // Золотоордынскому городу Укеку семь с половиной столетий. Саратов.

Plotnikov P.C., Singatulin R.A., Ramsaev A.P., 2001. Application of the method of infra-red photogrammetry for identification of underground archaeological tracks and rests of constructions in urbanist's conditions // Fourth International Symposium «Turkish-German Joint Geodetic Days». Berlin.

Singatulin R.A., Rashitov F.I., 2005. The Project Virtual UKEK // EU EVA 2005 Florence. Electronic Imaging & the Visual Arts. Florence. <<http://vasari.co.uk/eva/florence>>

ТЕКСТИЛЬ ИЗ ЗАХОРОНЕНИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДА НА МОГИЛЬНИКЕ МАЯЧНЫЙ БУГОР—I

В отдел археологических памятников Государственного Исторического музея был передан на основное хранение текстильный материал из двух женских погребений периода Золотой Орды. Один из комплексов был найден в ходе археологических раскопок могильника Маячный бугор—II у села Красный Яр Астраханской области в 1995 г. (погребение № 51, руководитель экспедиции С.Б. Артемьев) (см.: *Артемьев, 1996*). Текстильный материал из этого погребения был исследован в рамках президентского гранта за 1999 г. Результаты проведенной работы опубликованы в коллективной монографии ГИМ (*Лантратова, Голиков, Орфинская, Владимирова, Егоров, 2002*).

Другой комплекс текстильных изделий, хранящийся в Историческом музее, найден летом 1991 г. Астраханской археологической экспедицией под руководством С.А. Котенькова при проведении исследований сильно разрушаемого могильника Маячный бугор—I близ того же села Красный Яр. Это были раскопки, «носившие характер доследования обнажившихся и частично разрушенных погребений» (*Котеньков, 1992. С. 1*). Село, расположенное в низовье реки Ахтубы, у основания дельты Волги, стоит на остатках золотоордынского городища, почти полностью его разрушив. На Красноярском городище в 1989–1990 гг. производились охранно-спасательные раскопки*. Были открыты остатки как минимум четырех сильно разрушенных домов из сырцового кирпича, многочисленные хозяйственные и мусорные ямы, ямы-бадрапы, остатки сырцовых конструкций, восемь погребений. При раскопках были обнаружены вещи из различных материалов: множество фрагментов керамики разных видов, обломки водопроводных труб, грузил, архитектурных изразцов, котлов, зеркал; светильники, наконечники

стрел, бусы, подвески, серьга, перстень, нож, колчан, фигурка коня, джучидские монеты и т.д. Найдено большое количество костей крупного и мелкого рогатого скота, рыб (*Казаков, Пигарёв, 1998*). Важно отметить, что все 24 монеты (3 серебряные, остальные медные) чеканены в городе Сарае. Самая ранняя датируется примерно концом XIII столетия, большинство — 20–30 гг. XIV в., а самая поздняя — 1390/1391 г. (*Казаков, Пигарёв, 1998. С. 82*).

Многочисленные предметы ремесленного производства говорят в пользу того, что это был крупный центр городской культуры. Важное значение рыболовства подтверждается находками крючков, грузил и костей рыб. У города была и развитая сельскохозяйственная округа, о чем свидетельствуют находки на городище и на Маячных буграх жерновов, серпов и зерен: проса, арбуза, дыни, тыквы (*Казаков, Пигарёв, 1998. С. 82–83*).

Могильник Маячный бугор являлся, по всей видимости, городским некрополем. Погребения Маячного бугра датируются по монетам второй половиной XIII — первой третью XIV в. По версии некоторых исследователей, Красноярское городище является остатками Старого Сарая XIII — начала XIV в. (*Пачкалов, 2002*). В начале XIV столетия произошло резкое поднятие уровня Каспийского моря, хорошо доказанное палеопочвенными исследованиями (*Бронникова, Зазовская, Аржанцева, 2001. С. 47*). Вследствие этого ранний Сарай был затоплен (или подтоплен). Вероятно, по этой причине, как полагает, например, А.В. Пачкалов, в 1330-е годы столица была перенесена отсюда на место Селитренного городища, где возник Сарай ал-Джедид (Новый Сарай) (*Пачкалов, 2002*). Со временем город Новый Сарай стали для краткости называть также просто Сараем. Но только дальнейшие археологические исследования могут подтвердить или опровергнуть эту гипотезу.

Всего в полевой сезон было раскопано 109 погребений эпохи Золотой Орды. Большой

* Исследования проводились отрядом Астраханского педагогического института под руководством П.В. Казакова в 1989 г. и Е.И. Шнадштейн в 1990 г.

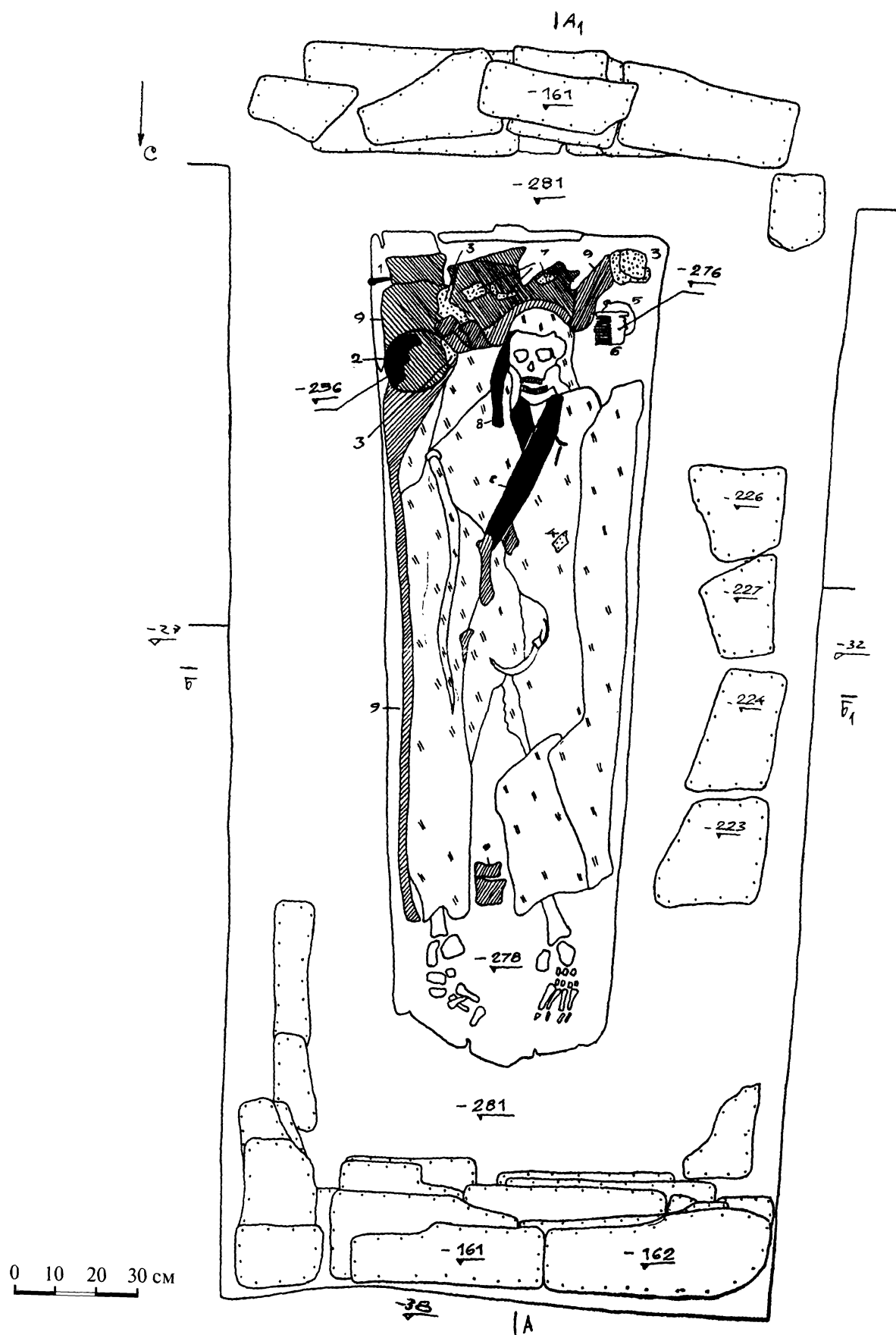

Рис. 1. Схема погребения 93 (из отчета: Котеньков, 1992):
 1 – гвоздь; 2 – кожа со следами мела; 3 – скопление мелкодробленого камыша; 4 – фрагмент шелковой ткани;
 5 – бронзовое зеркало; 6 – деревянный гребень; 7 – войлок; 8 – кожа; 9 – красная парча

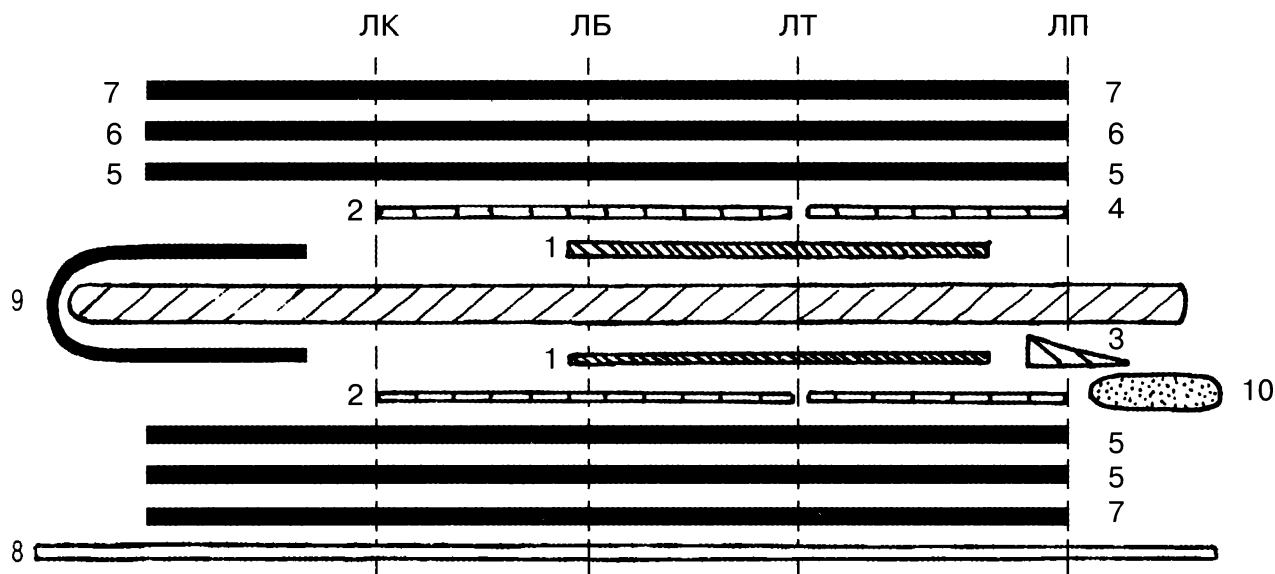

Рис. 2. Схема расположения текстильных изделий в погребении:

1 — красное нижнее белье; 2 — штаны; 3 — головной убор; 4 — кофты (3 изделия); 5 — халат из парчовой ткани с рисунком на красном фоне; 6 — халат из парчовой ткани с изображением «текстов» на коричневом фоне; 7 — халат из парчовой ткани с изображением «трилистников» на коричневом фоне; 8 — подстилка из парчовой ткани красного цвета; 9 — сапоги; 10 — наволочка для подушки.

ЛК — линия колен; ЛБ — линия бедер; ЛТ — линия талии; ЛП — линия плеч

интерес представляет погребение № 93. Моги́льная яма — прямоугольной формы, слегка суживающаяся к С (305×130 см), была ориентирована по линии С—Ю. В верхних слоях ямы оконтурилось зольное пятно. Моги́лу перекрывали деревянные плахи, покрытые сверху остатками тростниковой циновки. Плахи были уложены поперек ямы и опирались на стенки из сырцовых кирпичей, выложенных вдоль ее бортов (Котеньков, 1992. С. 71–72).

Под плахами в засыпи моги́лы были обнаружены фрагменты красноглиняных сосудов, обломки железных гвоздей и ребро барана. Там же находился деревянный гроб прямоугольной формы (230×60 см). Он был собран из верхних и нижних плах, двух длинных боковых и двух коротких торцевых плах и крепился железными гвоздями. Его верхняя крышка была раскрашена красной, зеленой и синей краской. В центре изображен дракон, обрамленный по краям растительными узорами — яблоками и выющимися зелёными ветвями. На крышке гроба лежала кость барана. По верхнему периметру гроба было найдено много древесных углей (Котеньков, 1992. С. 72).

Под крышкой гроба лежали останки монголоидной женщины. Покойная была одета в прекрасно сохранившиеся парчовые халаты с вышитыми узорами и лежала на подстилке из красной парчи (рис. 1). В гробу были найдены также следующие предметы: деревянная ми-

ска, крашенная в малиновый цвет и укрытая красной парчой со следами мела, серебряное зеркало и лежащий на нем двусторонний деревянный гребень (Котеньков, 1992. С. 72–73).

После снятия халатов обнаружили около височных костей две витые золотые серьги, под шейными позвонками — золотую шпильку, а между фалангами пальцев левой руки — серебряную монету предположительно чеканки Сарая конца XIII в. Скелет женщины покоился на спине, головой на юг, руки были вытянуты вдоль туловища, кости правой руки ниже локтя отсутствовали. После снятия нижней гробовой доски выяснилось, что гроб лежал на слое из древесных углей толщиной 5 см, засыпанных в моги́льную яму уже после сжигания (Котеньков, 1992. С. 73)*

Комплекс одежды из погребения № 93 поступил в Государственный Исторический музей в виде конгломерата спрессованных между собой и сильно загрязнённых текстильных изделий. Хотелось бы отметить уникальность данного комплекса, который представлен достаточно хорошо сохранившимися различными формами женской одежды, последовательно расположенными на погребенной. Перед

* Авторы благодарят С.А. Котенькова, разрешившего опубликовать некоторые материалы из отчета о своих исследованиях (см.: Отчет об исследованиях грунтового могильника Маячный бугор-I Красноярского р-на Астраханской обл. в 1991 г. Астрахань. Т. I, II. Р-1. № 16787. № 16788).

нами стояла задача выяснить, сколько и какой одежды находится в комплексе, полностью реконструировать костюм погребенной женщины, а также изучить технологию изготовления всех видов найденных тканей и готовых изделий.

Для решения поставленной задачи необходимо было разделить конгломерат на отдельные предметы. В ходе разбора материала было выявлено 8 крупных форм одежды (халаты, нижнее белье, штаны и три кофты), головной убор, остатки обуви, подстилка и наволочка для подушки. Кроме этого, были обнаружены отдельные текстильные детали и фрагменты тканей, не связанные с выявленными изделиями. Всего было выделено 28 текстильных предметов, которые состояли из нескольких видов тканей, сшивных нитей и других не текстильных материалов, например, кожи. Всего таких образцов было получено 98.

На рис. 2 представлена схема расположения текстильных изделий относительно костяка и дна погребальной ямы. Из схемы видно, что непосредственно на костяке находилось шитое изделие из ткани красного цвета, которое мы условно назвали «красное нижнее белье».

Сверху, ниже талии, были расположены штаны до колена из тонкой ткани. Из той же ткани в верхней части туловища находилась короткая кофта, ее длина доходила до пояса. Эти две формы одежды из одной ткани можно считать комплектом нижнего белья. Кроме короткой кофты, были обнаружены фрагменты еще двух кофт, имеющих длинные рукава и надетых, видимо, одна на другую.

Под шеей и головой было обнаружено изделие из темной ткани с пришитыми ткаными лентами, которые спускались под кофты. Возможно, они лежали непосредственно на теле женщины. В ходе первичного этапа реставрации удалось определить данное изделие как головной убор.

Выше комплекта нижнего белья находились три халата. Все они были сшиты из парчовых тканей и имели подкладки.

В районе ног зафиксированы остатки кожаной обуви и ее отделка из парчовой ткани. Аналогичная тканая отделка голенищ была встречена на сапогах из погребения 51 (*Лантратова, Голиков, Орфинская, Владимирова, Егоров, 2002*).

Женщина была уложена на подстилку прямоугольной формы из красной парчовой ткани, в районе головы обнаружены фрагменты подушечки.

Настоящее сообщение посвящено анализу результатов исследования лишь самых нижних форм одежды, которые находились непосредственно на теле погребенной, а также головного убора.

Красное нижнее белье

После разбора археологического материала было выделено 5 отдельных фрагментов изделия из красной ткани. Хотелось бы сразу указать на возможную ошибку в интерпретации данного материала, так как работа проходила до начала реставрации (рис. 3), что сильно осложняло определение форм и размеров одежды.

На схеме (рис. 4) видно, что самый большой фрагмент красной ткани сшит из двух деталей (1 и 3), ширина которых равняется ширине ткацкого куска (примерно 45 см). Верхний край центрального полотна (1) срезан (край *a*). На расстоянии 1 см от края проходит цепочка следов от проколов иглы. По этому краю фиксируются многочисленные мелкие складочки. Видимо, этот край был собран в сборки и обшит другой тканью. С правой стороны фрагмента по линии кромки хорошо читаются регулярные проколы от соединительного шва, т.е. в этом месте фрагмент был соединен по всей его длине с другим фрагментом. Нижний край дважды подогнут и подшит. С левой стороны, по кромке, подшита другая деталь (3), которая начинается на 16 см ниже верхнего края центрального полотна. Верхний край этой детали имеет также двойной подгиб. Противоположная, длинная сторона этой детали по кромке имеет проколы, следовательно, с этой стороны тоже было что-то подшито. Второй фрагмент представляет собой участок, симметричный

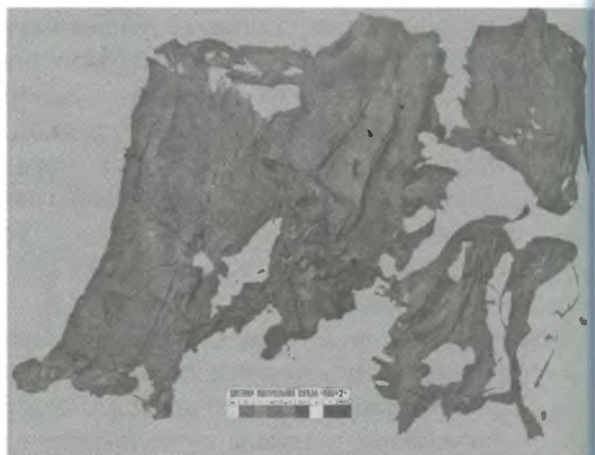

Рис. 3. Общий вид фрагментов нижнего белья из красной ткани

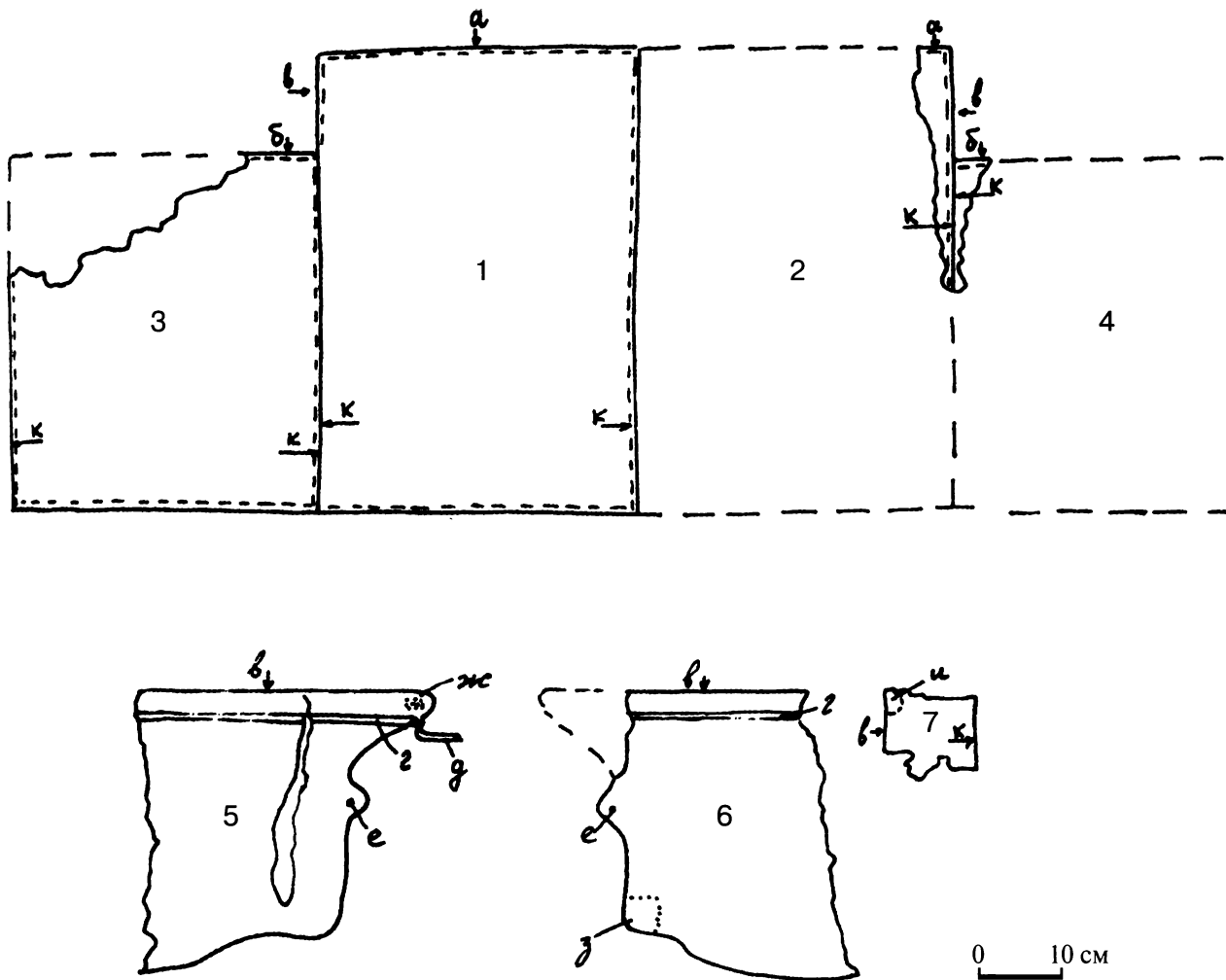

Рис. 4. Реконструкция кроя изделия из красной ткани:

1, 2 — передние полотна; 3, 4 — боковые полотна; 5, 6 — детали спинки;

7 — фрагмент детали, расположение которой определить не удалось;

а — срез ткани, по краю сохранились следы от проколов иглы; б — двойной подгиб ткани и шов «через край»;

в — подгиб ткани; г — складка; д — шнур; е — след крепления шнура; ж — следы крепления завязок;

з — на изнаночной стороне подшит темный прямоугольник; и — на лицевой стороне ткани пришит темный квадрат, по краю которого сохранились остатки кожи; к — кромка ткани

участку соединения деталей 1 и 3. Наличие этого фрагмента свидетельствует о том, что центральная часть изделия состояла из двух полотен и имела шов по центру. Положение двух других фрагментов (5 и 6) было симметричным относительно вертикальной оси костяка. Они располагались на уровне лопаток на расстоянии 22 см друг от друга. Места соединения с основным полотном изделия отсутствуют (обрывы). Фрагменты имеют одинаковые очертания. Верхний край подогнут на 1 см, боковая линия изделия представляет собой сложную форму с двумя выступами, на которых сохранились следы креплений завязок. Боковой и нижний края имеют двойной подгиб. На расстоянии 3 см от верхнего края по лицевой стороне проходит тонкий шнур, сшитый из той же ткани. Он был

вшит в складку основной ткани («кулиску»). Следующий фрагмент (7) имеет форму прямоугольника, две короткие стороны которого оборваны, по одной длинной стороне проходит кромка со следами шва, а по другой — подгиб шириной 1 см.

С изнаночной стороны всех фрагментов изделия зафиксировано большое количество остатков темной ткани из хлопковых волокон. По-видимому, эта ткань служила подкладкой. О том, что изделие имело подкладку, свидетельствуют и открытые, не обработанные края подогнутой на изнаночную сторону красной ткани.

За основу кроя взята ширина ткацкого куска, детали кроили по долевой нити. Для шитья этого изделия (без подкладки) было израс-

ходовано не менее 2 м 70 см шелковой ткани при ширине 46 см. Для шитья применяли три вида швов: «вперед иголкой» и «петельчатый» — для соединения отдельных деталей,

шов «через край» — для укрепления двойного подгиба края. При соединении двух деталей ткацкие кромки частично срезали, возможно, для получения нитей, которые затем использовались для шитья этого же изделия.

На рис. 5 представлен возможный вариант реконструкции данного нижнего белья. Изделие, не имеющее сплошной спинки, закрывало грудь и живот. Сзади оно затягивалось тремя парами тесемок. Переднее полотно было собрано в верхней части мелкими складками. Эта модель имеет ряд странностей, объяснить которые можно только определенным состоянием женщины, когда ее живот существенно выступает вперед. Тогда ткань, плотно обтягивая живот, поддерживает его с помощью системы завязок.

Состояние беременности — самое естественное, можно сказать хроническое, состояние для женщин средневековья. Поэтому трактовка данной формы одежды как корсет беременной женщины хоть и неожиданна, но вполне возможна.

Результаты исследования показали, что для шитья красного нижнего белья использовали шелковую камчатую ткань (рис. 6) с геометрическим тканым орнаментом (рис. 7), а для подкладки — ткань из хлопковых волокон. Между основной тканью и подкладкой были выявлены остатки еще одного слоя, который не имел тканой структуры. Изделие сшивалось шелковой

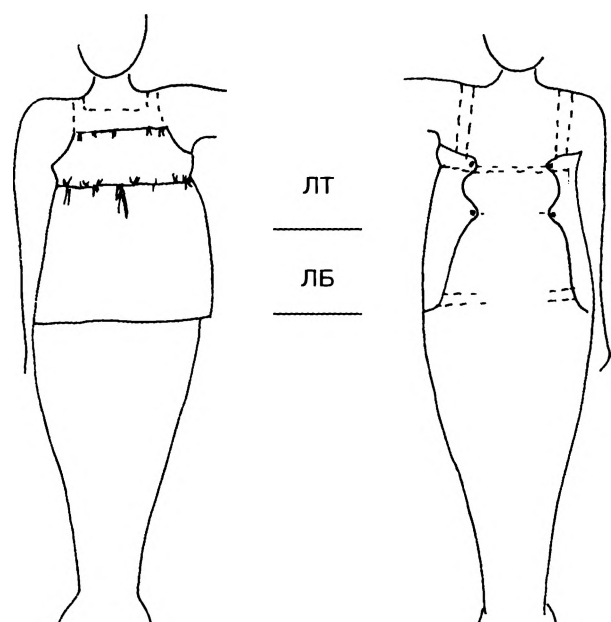

Рис. 5. Реконструкция красного нижнего белья:
ЛТ — линия талии; ЛБ — линия бедер

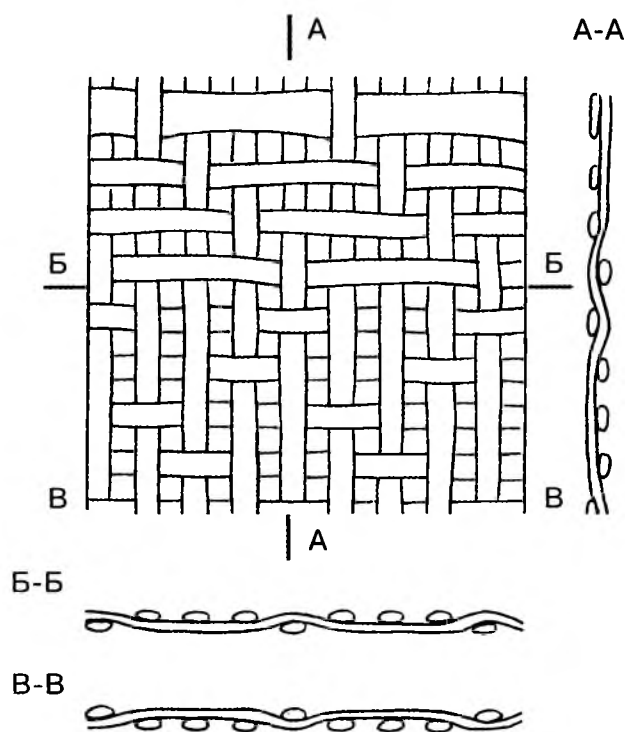

Рис. 6. Схема текстильных переплетений красной ткани. Камка 1:3 и 3:1:
А-А — разрез ткани по направлению нитей основы;
Б-Б — разрез ткани по направлению нитей утка на участке уточной саржи;
В-В — разрез ткани по направлению нитей утка на участке основной саржи

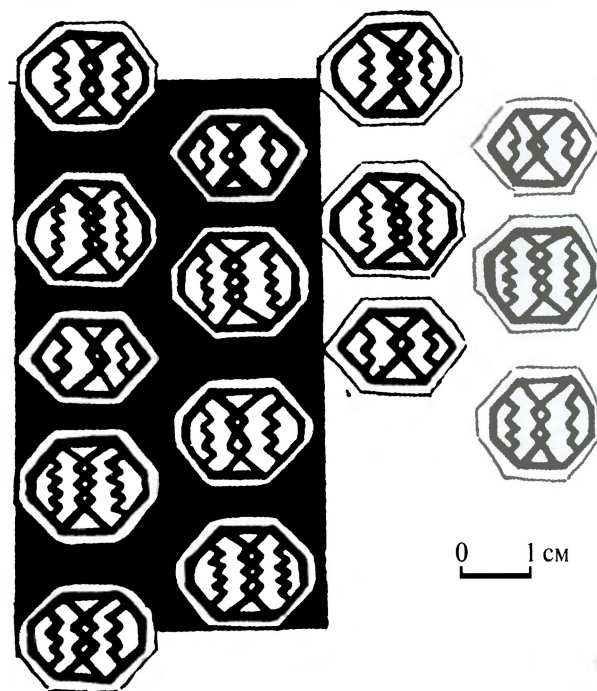

Рис. 7. Прорисовка орнамента основной ткани нижнего красного белья

нитью. Наличие небольших фрагментов кожи свидетельствует о том, что конструкция корсета была более сложной, чем мы ее представили. Например, одежда могла иметь кожаные ремни. Подкладка перекрывала утеплитель — тонкий слой хлопковой ваты. Если представить зимние степи и кочевой образ жизни, то такой корсет для беременной женщины не покажется лишним. Однако, учитывая возраст погребенной (по отчету), можно предположить, что такой корсет мог принадлежать не только беременной, но и пожилой, возможно, больной и достаточно тучной женщине.

Таким образом, предложенная реконструкция позволяет предположить, что непосредственно на теле погребенной находилось сложное трехслойное изделие, состоящее из двух видов ткани, тонкого слоя утеплителя и деталей из кожи. Один из вариантов трактовки этого изделия — женский корсет.

В археологической литературе нам не удалось обнаружить прямых аналогов такой формы женской одежды. Возможно, для сравнения ближе всего подходит предмет, находящийся в экспозиции отдела востока Государственного Эрмитажа. Это изделие в форме прямоугольного куска ткани имеет 4 завязки, соединенные на спине. Оно было обнаружено в могильнике Мошечая Балка и датируется VIII–IX вв. По атрибуции А.А. Иерусалимской* (Государственный Эрмитаж), данное изделие могло служить для поддержания груди.

С помощью методов спектрофотометрии и тонкослойной хроматографии** экстрактов из образцов нитей красной шелковой ткани было установлено, что ткань окрашена природными красителями корней одного из видов марены. При этом в нитях преобладают красные красители марены — галиозин, псевдопурпурин, пурпурин, очень мало желтого красителя марены — ализарина. Следует отметить, что красители частично удаляются из нитей органическим растворителем диметилформамидом даже при комнатной температуре, что свидетельствует о слабой связи молекул красителей с волокнами шелка. Иными словами, в нитях присутствует много прямых форм красителей и очень мало протравных. Это можно объяс-

нить либо технологическими особенностями процесса крашения, либо разрушением прочных протравных форм красителей за время пребывания текстиля в почве.

Штаны и кофты

Штаны сохранились достаточно хорошо (рис. 8). Выделяется большой фрагмент левой и часть правой штанин с подшитым к ним поясом. На поясе сохранились остатки завязок. С левой стороны завязка была подшита к поясу, а с правой сохранился конец завязки со следами узла. Отдельно находился фрагмент центральной ромбической вставки, которая вшивалась между штанинами. Большой фрагмент имеет подгиб по нижнему краю штанин, а также частично сохранившиеся небольшие участки нескольких соединительных швов. Эти швы определяют ширину штанин и ограничивают их длину. На поясе сохранился отпечаток, возможно, пряжки из неопределенного жесткого материала. В этой части пояс был собран мелкими складками. Сохранившиеся фрагменты позволяют сделать полную реконструкцию этого шитого изделия (рис. 9). По двум длинным сторонам штанин сохрани-

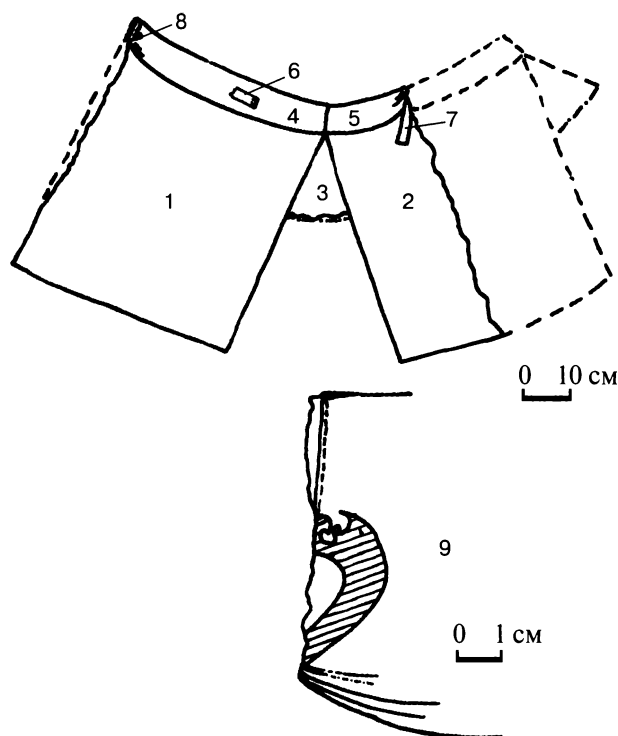

Рис. 8. Схема сохранившихся фрагментов штанов: 1 — левая штанина; 2 — правая штанина; 3 — ромбическая вставка; 4 — левая часть пояса; 5 — правая часть пояса; 6 — левая завязка; 7 — правая завязка; 8 — отпечаток от жесткого предмета; 9 — участок пояса с отпечатком пряжки

* Приносим благодарность Анне Александровне Иерусалимской за предоставленную информацию.

** Методику определения красителей в археологическом текстиле см.: Лантратова, Голиков, Орфинская, Владимирова, Егоров, 2002.

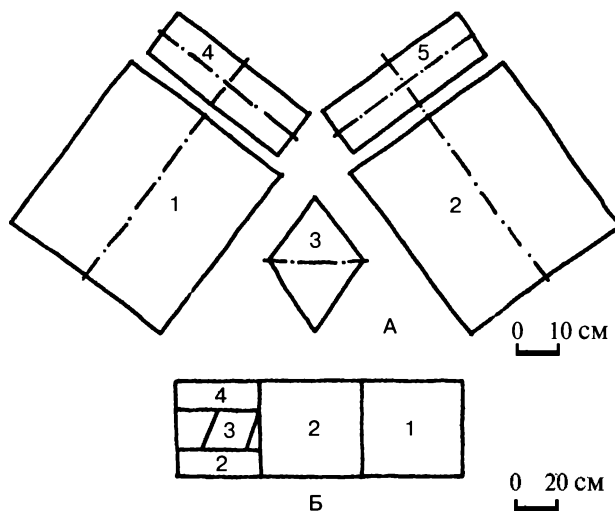

Рис. 9. Штаны:

А — реконструкция кроя штанов;

Б — вариант расклада выкройки на ткани;

1 — левая штанина; 2 — правая штанина; 3 — ромбическая вставка; 4 — левая часть пояса; 5 — правая часть пояса

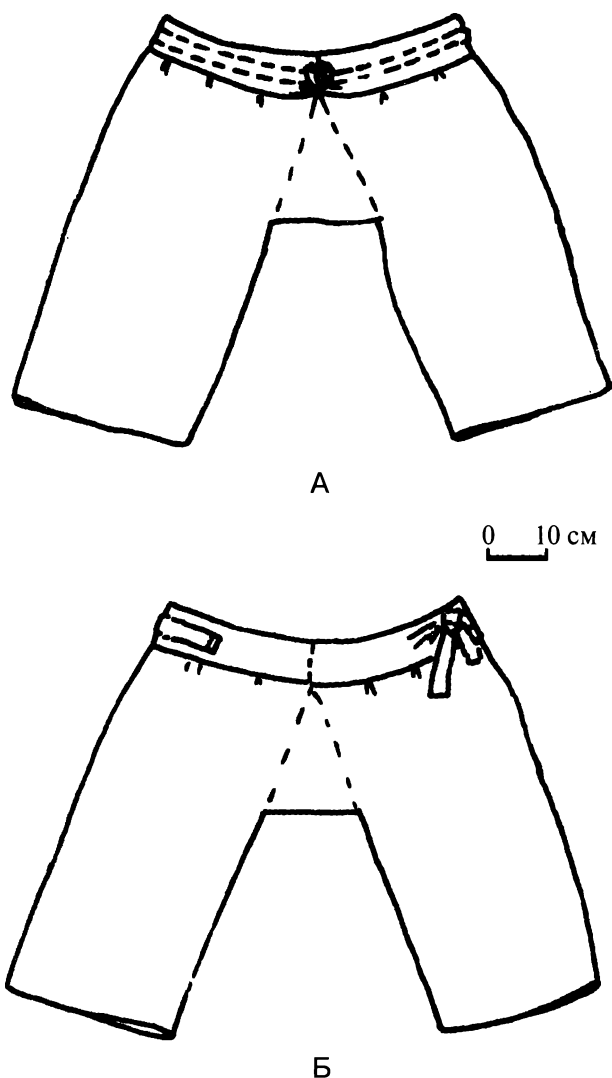

Рис. 10. Графическая реконструкция штанов:

А — вид спереди; Б — вид сзади

лись кромки, следовательно, штанины кроились вдоль тканого полотна. Пояс был сшит из двух деталей: левой и правой. При этом ткацкие кромки расположены вдоль длинных сторон деталей, следовательно, их кроили по направлению нитей основы. Каждая деталь складывалась вдоль и приметывалась к основной части штанов. С лицевой стороны пояс подшит «потайным» швом светлыми шелковыми нитями. На изделии остались также швы, выполненные «вперед иглой» темной нитью. Возможно, это швы наметки, которую не убрали после окончания всех швейных работ, а, возможно, существует и какое-то другое объяснение этого факта. Центральная ромбическая часть ткацких кромок не имеет. Для шитья штанов необходимо было потратить не менее 1 м 70 см тонкой шелковой ткани шириной около 56 см.

Штаны доходили до колен, прикрывая их (рис. 10). Ромбическая вставка имеет небольшую ширину, что могло ограничивать свободу движения в отличие от штанов с квадратной вставкой. Ширина штанов в поясе фиксировалась завязками от 112 см до требуемого размера. Одна завязка, вероятно, проходила через пряжку, отпечаток которой сохранился на ткани пояса. Для пошива штанов использовали два вида тонкой шелковой ткани полотняного переплетения: одна ткань использовалась для основных деталей, а вторая — для завязок. Изделие было сшито нитями желто-коричневого цвета (подшивка пояса, боковые швы штанов, а также подгиб). Помимо этого, использовали нити коричневого цвета, которыми соединяли пояс с основными деталями.

В процессе исследования многочисленных фрагментов тканей, которые первоначально были определены как ткани подкладки самого нижнего халата, выяснилось, что между красным корсетом и халатом, кроме штанов, находились еще три изделия. Эти изделия условно названы кофтами: распахнутая кофта с длинными рукавами (кофта 1) (рис. 11), фрагменты двух рукавов с манжетами (кофта 2) и части передней полы кофты 3 (рис. 12). Все эти изделия выполнены из разных видов тонкой шелковой ткани. Характеристики ткани, из которой сшита кофта 3, совпадают с характеристиками ткани, из которой сшиты штаны. Эти два изделия можно объединить в один комплект нижнего белья: штаны до колен и короткая кофта.

Таким образом, между костяком и нижним халатом 1 находилось: красное белье, штаны,

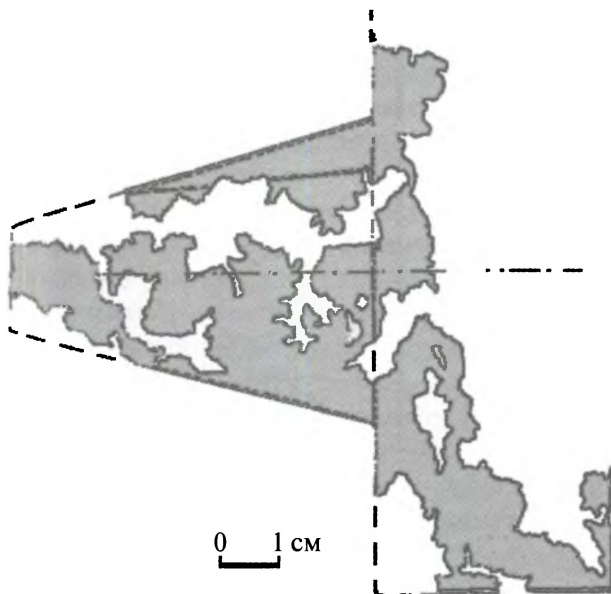

Рис. 11. Схема сохранившихся фрагментов кофты 1 из тонкой шелковой ткани

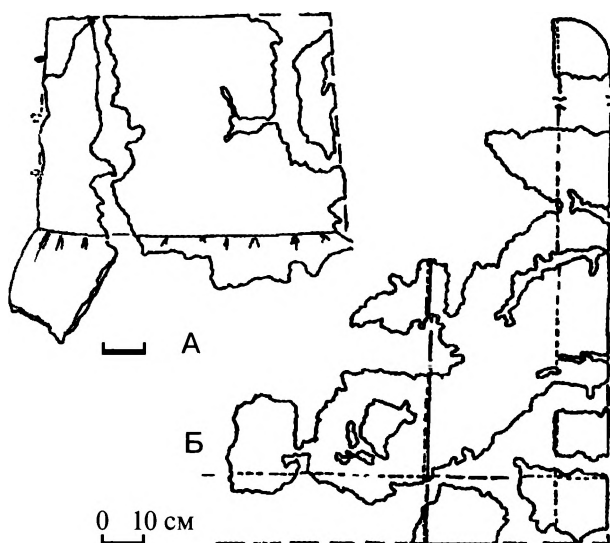

Рис. 12. Схемы сохранившихся фрагментов кофты 2 и 3:
А – фрагмент рукава кофты 2;
Б – фрагмент полочки кофты 3

как минимум три кофты, две из которых имели определенно длинные рукава, а также еще два неопределенных изделия из тафты. Итого 7 изделий, которые можно отнести к нижнему белью погребенной женщины.

Головной убор

На момент начала исследования изделие представляло собой сильно сжатую ткань, напоминающую бант (рис. 13). После того, как он был развернут и промыт, стало понятно, что это головной убор (рис. 14, 15, 16). Хорошо сохранились части, которые закрывали шею и

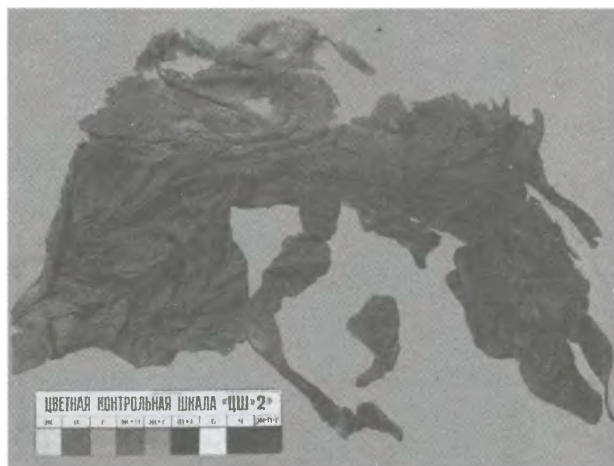

Рис. 13. Общий вид головного убора до начала реставрации

Рис. 14. Головной убор после первого этапа реставрации

спускались на плечи, а также две ленты, пришитые к затылочной части головного убора. В ходе исследования были выявлены следующие особенности пошива данного изделия:

- наличие подкладки под всем изделием;
- пуговичка;

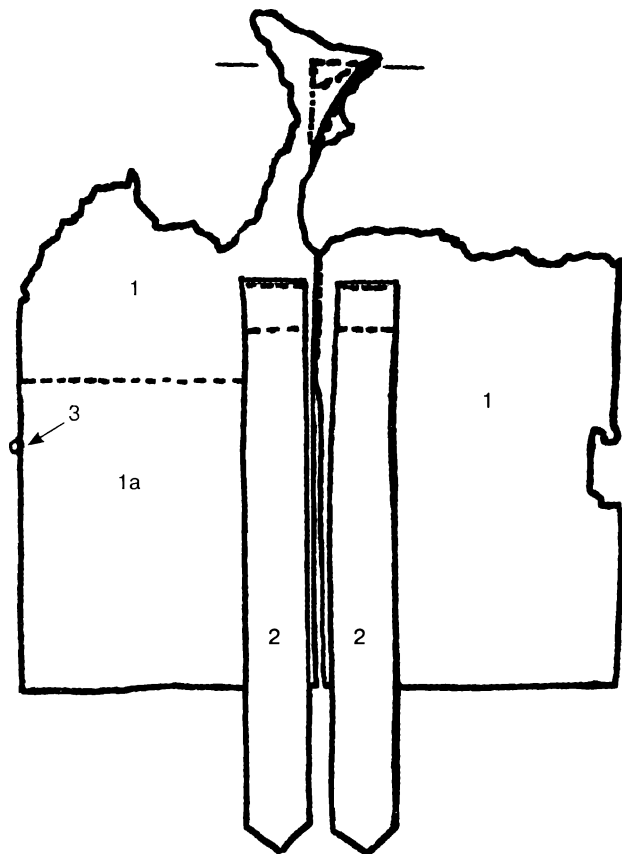

Рис. 15. Схема сохранившейся части шапочки:
1 — основное полотно, состоящее из двух частей: 1 и 1а;
2 — завязки; 3 — мягкая пуговица-узелок

— участки центрального шва, проходящего по затылку;

— вытачка в верхней части центрального шва, направление которой позволило определить линию перегиба ткани (высоту головного убора);

— с левой и правой стороны от центрального шва были пришиты «ленты»;

— левая «лента» укреплена на складке глубиной 1,5 см, а правая — рядом с аналогичной складкой, имеющей глубину 2 см;

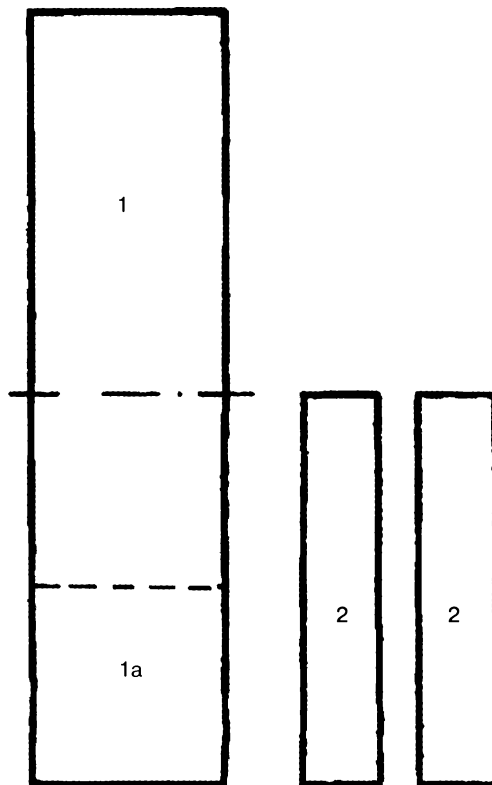
— «ленты» укреплены двумя швами: один проходит по верхнему подогнутому краю, а второй ниже на 5–6 см;

— «ленты» прошиты через основную и подкладочную ткани;

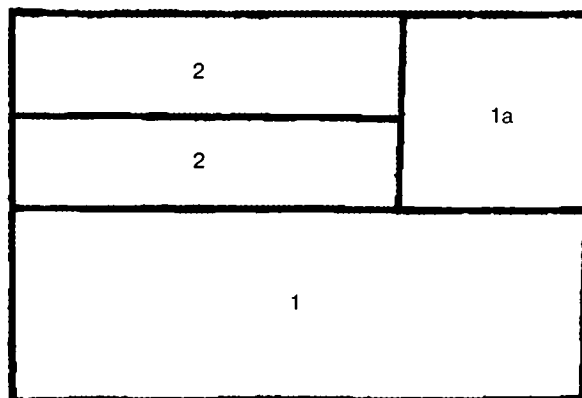
— подкладка укреплена к основной ткани швом «вперед иглой» на расстоянии 4–5 см от края;

— края подкладки и основной ткани подогнуты на 0,3–0,5 см и прошиты «потайным швом»;

— «ленты» сшиты из основной ткани; нижние концы выполнены в форме треугольников, на углах которых сохранились остатки шелковых нитей (возможно, декора);

А

Б

Рис. 16. Вариант расклада выкройки на ткани:
1 — основное полотно, состоящее из двух частей: 1 и 1а;
2 — завязки

— на внешней стороне ткани одной из «лент» был обнаружен небольшой пучок шелковых нитей (кисточка ?);

— обнаружены естественные складки, образовавшиеся на шапочке в районе шеи;

— основная часть центрального шва выполнена «петельчатым» швом («назад иглой»);

— 2 см в нижней части центрального шва соединение выполнено швом «через край», возможно, это следы ремонта и в этой части сшивали уже сшитую шапку.

Результаты анализа всей полученной информации позволяют реконструировать форму головного убора и процесс его пошива.

Наличие ткацких кромок и размеры изделия дают возможность предположить, что для его шитья был взят один кусок основной ткани шириной около 52 см и длиной около 76 см. Эту ткань разрезали на следующие детали: 1 — шапочка и 2 — «ленты». Сама шапочка состоит из двух частей 1 и 1а. Такое соединение частей не является конструктивным, а видимо, обусловлено размерами имеющейся ткани.

Для подкладки использовали один кусок ткани шириной около 26 см и длиной около 102 см. Подкладочная ткань имеет кромку только с одной стороны.

Этапы пошива головного убора:

- соединили основное полотно в одну полосу (детали 1 и 1а);

- соединили основную и подкладочную ткани. Для этого использовали два шва: один на расстоянии 4–5 см от края, другой — по краю, подгибая при этом края тканей;

- полученную полосу перегнули пополам (подкладочную тканью внутрь) и зашили выточку;

затем развернули изделие подкладочной тканью наружу и прошили основной шов;

- пришили пуговку (3.6.) и, и возможно, петельку, которая не сохранилась;

- в затылочной части заложили две складки и укрепили заранее подготовленные «ленты»;

на концы лент по трем углам было что-то прикреплено с помощью шелковых нитей, возможно, это были кисточки, остатки которых обнаружены на лицевой стороне ткани одной из «лент»;

- изделие было сшито шелковыми нитями.

Опираясь на полученные данные, нами была сшита шапочка «по образу и подобию» найденного в погребении головного убора (рис. 17). Пошив осуществлялся с соблюдением всех технологических особенностей, выявленных на подлиннике.

Ответить на вопрос, является ли данный головной убор погребальным или он использовался при жизни владельцем, однозначно не представляется возможным. Однако можно высказать несколько предположений:

- последние сантиметры центрального шва выполнены не петельчатым, а другим швом («через край»). Такая смена швов не могла быть вызвана конструкцией данного головного убора. Скорей всего, это является результа-

Рис. 17. Общий вид копии головного убора

том его ремонта или индивидуальной подгонкой головного убора для большего удобства его ношения;

- изделие сшито очень качественно, но складки в затылочной части расположены несимметрично относительно центрального шва и имеют различную глубину (3 и 4 см). Складки были заложены после всех операций по пошиву головного убора, т.е. они также могли являться индивидуальной подгонкой изделия для достижения максимального удобства при носке.

Индивидуальные изменения уже готового шитого изделия, а также наличие складок, образовавшихся в районе шеи, могут свидетельствовать о том, что это изделие носилось, а не являлось только погребальным.

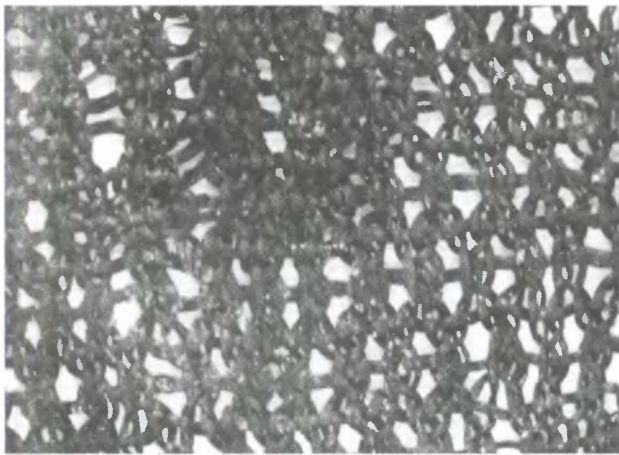

Рис. 18. Ажурная ткань головного убора

Для шитья головного убора использовали два вида ткани: ажурную — для лицевой стороны изделия (рис. 18) и ткань плотняного переплетения для подкладки. Изделие сшивали шелковыми нитями темно-коричневого цвета.

С помощью методов микроскопии и микрохимического анализа шелковых волокон, спектрофотометрии и тонкослойной хроматографии экстрактов из образцов нитей были

исследованы красители тканей головного убора. Установлено, что основная ткань была первоначально черного цвета, который получен с помощью двух природных красителей: синего кубового красителя индиго (индиготина) и желтого танидного красителя с использованием солей железа в качестве протравы. Ткань подкладки была окрашена танидными красителями по железной протраве в черный или темно-коричневый цвет.

Представленный в статье материал — лишь начало исследований великолепного комплекса одежды из захоронения знатной золотоордынской женщины.

Хотелось бы отметить, что известно очень мало работ, посвященных изучению тканей и костюма периода Золотой Орды на базе реальных археологических находок (Лантратова, Голиков, Орфинская, Владимирова, Егоров, 2002; Власкин, Гармашов, Доде, Науменко, 2006). Анализ текстиля, а также характер его использования позволяет существенно уточнить и расширить представления о различных сторонах культурной жизни на территории Золотой Орды в период средневековья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артемов С.Б., 1996. О научно-исследовательских археологических работах на грунтовом могильнике «Маячный-II» Красноярского р-на Астраханской обл. в 1995 г. Астрахань, 1996 г. Т. I (текст): Ф-1. Р-1. № 19395; Т. II (альбом): Ф-1. Р-1. № 19396.

Бронникова М.А., Зазовская Э.П., Аржанцева И.А., 2001. Городище «Самосделка»: предварительные результаты и перспективы комплексных почвенно-ландшафтных исследований // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий (Материалы всероссийской научно-практической конференции). Астрахань.

Власкин М.В., Гармашов А.И., Доде З.В., Науменко С.А., 2006. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М. Вып. VI.

Казаков П.В., Пигарёв Е.М., 1998. Материалы исследований Красноярского городища Астраханской области

(1989–1990 гг.) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола. Вып. I.

Котеньков С.А., 1992. Отчет об исследованиях грунтового могильника Маячный бугор-I Красноярского района Астраханской области в 1991 г. Астрахань, 1992 г. Т. I (текст): Ф-1. Р-1 № 16787; Т. II (альбом): Ф-1. Р-1, № 16788.

Лантратова О.Б., Голиков В.П., Орфинская О.В., Владимирова О.Ф., Егоров В.Л., 2002. Исследование уникальных археологических памятников из собрания Государственного Исторического музея — комплексов одежд XIII–XIV вв. М.

Пачкалов А.В., 2002. О местоположении Сарая (первой столицы Золотой Орды) // Археологія та етнологія Східної Європи: Матеріали і дослідження. Одеса. Т. 3. (Міжнародний конгрес. Крок молоді у ХХІ століття. 24–27 квітня 2002 р.).

ЗООМОРФНЫЙ ОРНАМЕНТ НА ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ БЫТОВОЙ ПОЛИВНОЙ КЕРАМИКЕ

В художественное убранство золотоордынской бытовой керамики Нижнего Поволжья, наряду с геометрическими и растительными формами, как и в целом в исламском орнаменте, включались изображения живых существ. Обнаруженные при раскопках многочисленные образцы керамического искусства наглядно демонстрируют широкое применение этих мотивов. Все эти материальные памятники культуры средневековых городов Нижнего Поволжья подтверждают различное отношение в исламе к запрету изображений живых существ. «Несмотря на религиозные запреты и осуждения, изобразительное искусство в странах ислама существовало на всем протяжении средневековья и играло важную роль в духовной жизни общества, удовлетворяя эстетические потребности людей» (Веймарн, 2002. С. 10). Изображение живых существ и сказочных персонажей являлось важным элементом орнамента в декоративном искусстве Золотой Орды. Иногда они выделены в самостоятельные фрагменты орнамента, а иногда полностью растворяются в канве узора. Как известно, эти мотивы не были изобретением исламских художников: нередко в них наблюдают те или иные заимствования, обычно из сасанидского или китайского наследия. Очень часто в золотоордынских орнаментах встречаются рисунки животных и птиц, вписанные в медальоны и обрамленные растительными мотивами. Утки, павлины, попугаи, барсы, олени, зайцы, реальные и фантастические существа, украшающие золотоордынскую бытовую керамику, как правило, переданы в движении — идущими, бегущими, летящими.

Сравнительный анализ зооморфных изображений на золотоордынской керамике свидетельствует о существовании в XIV в. достаточно строгих художественных канонов в изображении животных и птиц на кашинных и красноглиняных сосудах.

Спорным на сегодняшний день считается семантика этих образов. Невозможно однозначно определить мифологический подтекст происхождения животных образов, запечатленных на золотоордынских сосудах. Возмож-

но, что эти мотивы использовались мастерами как чисто декоративные элементы. Мы можем только предположить, что золотоордынскому мастеру была известна мифология и семантика образов, украшавших его изделия, но однозначно утверждать или опровергать это невозможно. Творчество золотоордынских мастеров-керамистов создало богатейшее искусство анималистического орнамента, обогащенное сложным ковровым, растительным орнаментом и, как правило, созвучным колоритом. Красочность, динамичность и узорность зооморфных композиций характерны для золотоордынского керамического искусства. Изображения животных нередко встречаются и на золотоордынских монетах. По мнению Л.Л. Галкина, большинство изображений животных на монетах имеет отношение к календарной новогодней символике. В Золотой Орде существовали параллельно две календарные системы: тюркская и циклическая. Циклическая система подразумевает бесконечное повторение двенадцатилетнего животного цикла (Галкин, 2004. С. 88–90).

Самым распространенным зооморфным мотивом в полихромной керамике с рельефом является изображение утки. В литературе принято считать, что утки являются сасанидским мотивом (Кверфельдт, 1947. С. 74). Однако пятивековая разница во времени и отсутствие сасанидских металлических изделий, якобы непосредственно повлиявших на традиции золотоордынского искусства, ставят под сомнение непосредственное влияние орнаментов изделий сасанидского металла на золотоордынскую керамику. Многие мотивы сасанидских изделий, которые мы можем наблюдать на керамике султанабадского типа, послужившие прототипами орнаментов для золотоордынской кашинной керамики, могли повлиять на золотоордынскую керамику только опосредованно, через султанабадскую керамику. Из этого мы можем сделать вывод, что сасанидские мотивы могли повлиять на золотоордынскую керамику только опосредованно через султанабадскую керамику. Таким образом, на наш взгляд, непосредственное

Рис. 1. Чаша с изображением парящего гуся на фоне растительного орнамента. Кашинная керамика с полихромной росписью и рельефной моделировкой. Нижнее Поволжье. XIV в.

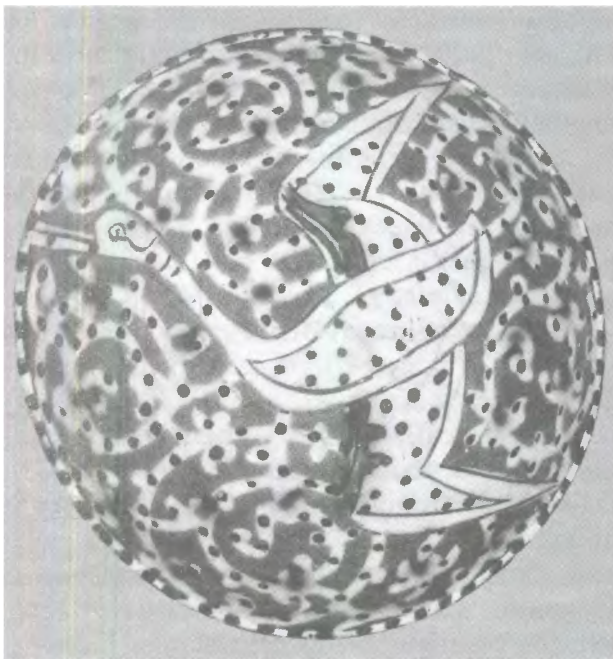

Рис. 2. Чаша с изображением летящего гуся. Кашинная керамика с полихромной росписью (султанабадская керамика). Иран. XIII–XIV вв.

влияние на изображения золотоордынских чаш в основном оказали местная художественная среда, сложившаяся в процессе труда ремесленников, различные художественные традиции и запросы местной кочевой аристократической верхушки. Высокий уровень развития керамического искусства в Золотой Орде позволил мастерам-керамистам передавать по сложившимся местным традициям

декор синхронной керамики иранских и сирийских высокохудожественных фаянсов люстровой росписи и техники «минаи», изобилующей сходными сасанидскими мотивами.

Подобные птицы известны в керамике Сарайчика (Агапов, Кадырбаев, 1979. С. 193. Рис. 7, 10, 11), Хорезма (Вактурская, 1959. Рис. 29, 1). Изображение уток, а также других птиц и животных на фоне рельефного растительного орнамента — широко распространенный орнаментальный мотив в керамике Ближнего и Среднего Востока в XII–XIV вв. (Lane, 1971).

Птицы чаще располагаются в центральном орнаментированном круге идущими в одном направлении, с «чешуйчатыми», сложенными на спине крыльями, среди растительного орнамента в виде «мясистых листьев». В позах идущих или стоящих уток имеются некоторые различия — в форме и положении головы и шеи, конфигурации туловища и степени проработанности крыльев и лап. Н.М. Булатовым были выделены четыре четких, строго выдержанных изобразительных канона — стоящая или шагающая утка с головой, повернутой налево, стоящая утка, с головой повернутой к хвосту, летящая утка и парное изображение уток в трех вышеперечисленных положениях (Булатов, 2002. С. 43–44). Утки могли располагаться как на дне сосуда, так и на других орнаментальных поверхностях. Образцом такого изображения является кашинная чаша из Азова (КП 12325/А-1, 468/8), внутренние стенки которой разделены на четыре сектора, и в каждом из них помещена стоящая утка с головой, повернутой назад. В фондах АКМ имеются чаша с изображением парящего гуся на фоне растительного орнамента (рис. 1) и чаша с голубем с расправленными крыльями (КП 20 923/ А-1, 261; КП 20938/ОА 26/403) (Перевозчиков, 1991. Рис. 34, 3, 4). Манера исполнения птиц достаточно стилизована, особенно это относится к крыльям и тулову. Почти прямые аналогии с изображением золотоордынских уток-гусей можно обнаружить на трех иранских чашах султанабадского типа XIII–XIV вв. (Watson, 2005. Р. 386, 387). Силуэты изображения птиц на иранских чашах почти идентичны описываемым птицам — это летящий гусь (рис. 2). Изображение гуся имеется и на шелковой китайской ткани нижнего бешмета с «драконами и гусями» из могильника Джухта (Северный Кавказ) (Доде, 2005. Рис. 4). На тулове сирийской вазы изображена шагающая утка (гусь?)

на фоне растительного орнамента (*Lane, 1971. Fig. 11*). Известно изображение утки (или гуся) в центре блюда, среди больших острых листьев, на китайском фарфоре типа ляо из Каракорума (*Евтюхова, 1959. Цв. табл. 1, 4*). Гусь в космологических представлениях и соответствующих мифах нередко выступает как птица хаоса, но вместе с тем и как творец вселенной, снесший золотое яйцо – солнце (образ великого Гоготуна в египетской мифологии). В ряде языков понятия солнца и гуся передаются сходными языковыми элементами. В Китае гусь связан с небом и с принципом Ян. Он рассматривается как талисман, помогающий любви в браке. В гностической традиции гусь – воплощение святого духа, символ предусмотрительности и бдительности (Мифы народов мира, 1988. С. 248). Как известно, в тюркском искусстве гусь, утка – самые популярные птицы. В сказках и устном фольклоре эти образы фигурируют как один из основополагающих мифологических символов. Утка олицетворяет сразу три стихии: воду, воздух и небо. Такова «Жемчужная утка», запечатленная в золотых височных подвесках болгар. По алтайским мифам, «Земля, порожденная добрым духом Ульгеном, запечатлена в образе светлого гуся или утки, вынесшей комочек земли со дна моря, отчего и образовалась земля» (*Шигаева, 1995. С. 58.*) Возможно, именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что у золотоордынских мастеров этот образ был самым популярным изображением.

Распространенным сюжетом является и парное изображение уток на кашинных чашах первого отдела. В этом сюжете отмечаются несколько вариантов: пара стоящих бок о бок; пара птиц, стоящих друг против друга; пара,двигающаяся в противоположных направлениях, с головами, повернутыми друг к другу. Такие пары изображались по одинаковому образцу и встречены неоднократно на всех памятниках Поволжья, среди азовских находок (КП 21646, ОА 213/4) (*Перевозчиков, 1990. Рис. 37, 1*) и на целиком сохранившейся чаше из Белореченского кургана (ГЭ № 12461). Принадлежность их к нижеволжской керамике не вызывает сомнения. Фрагмент с аналогичным изображением с Селитренного городища опубликован Г.А. Фёдоровым-Давыдовым (*Fyodorov-Davydov, 1984. Tab. 13. Fig. 1*). Изображения парных уток как символа супружеской верности встречаются на китайском фарфоре сунского времени и периода Мин. В фондах

ГИМ имеется фрагмент бело-синей китайской фарфоровой вазы, обнаруженный на Царевском городище, с изображением пары уток, плавающих в пруду, среди растительного орнамента (ГИМ. Оп. В 2693, № 122).

Характерный образец высокохудожественной золотоордынской керамики из Куня-Ургенча описан Г.А. Пугаченковой (но, по нашему мнению, ошибочно отнесен ею к хорезмийской керамике)*. Это широкогорлый сосуд «гульабдан», предназначенный для розовой воды, в которую гости окунали пальцы после трапезы. На плечиках сосуда между шишечками изображены в шахматном порядке стилизованные трилистники с синими точками. На дне сосуда помещена фигура павлина, декоративно условная и удивительно красивая: крупная голова на причудливо выгнутой шее, на тулове – мелко разработанное оперение, пышный хвост поднят вверх (*Пугаченкова, 1967. С. 165*). Манера исполнения птицы очень похожа на описанных уток.

Мусульманские мастера продолжают традиции позднеантичного искусства, для которого образ павлина был одним из самых распространенных, прежде всего – в настенных росписях и мозаиках. Образ павлина получил в Египте особую популярность: он встречается и на надгробных стелах и саркофагах, тканях и светильниках, изделиях из кости и дерева, росписях. «Павлин – символ воскрешения. С приближением зимы он теряет свои перья

* По поводу предположения о хорезмийском влиянии на нижеволжскую керамику, высказанного А.Ю. Якубовским (*Якубовский, 1931. С. 47*), давно доказано, что он заблуждался. Вот что пишет по этому поводу И.В. Волков: «...положения А.Ю. Якубовского оказались во многом ошибочными, что убедительно показано в работах Г.А. Фёдорова-Давыдова, Н.М. Булатова, Л.М. Носковой и других: характерный набор золотоордынской керамики появляется в Хорезме не раньше, чем на Нижней Волге, а по серии составляющих – заметно позже (*Фёдоров-Давыдов, 1994. С. 132–135; Булатов, 1969. С. 49; 1974. С. 137; Носкова, 1976. С. 23–24, 28–29*). Можно даже проследить, как по мере накопления материала археологи отказывались от положений А.Ю. Якубовского. В одной из первых своих работ Н.М. Булатов еще признавал это мнение (*Булатов, 1968. С. 104*). Затем появились серьезные возражения, которые сейчас аргументированы значительно лучше. “После разгрома Хорезма в 1218 г. воинами Чингисхана керамическое ремесло здесь в течение почти трех десятков лет находилось в состоянии крайнего упадка (*Вактурская, 1959. С. 300*), а новый расцвет культуры городов Хорезма, вошедшего в состав Золотой Орды, происходит с середины XIII в. одновременно с расцветом культуры городов золотоордынского Поволжья. Кашинная керамика... до XIII в. практически неизвестна в Хорезме” (*Булатов, 1969. С. 48*). Некоторые виды архитектурного декора вообще в Хорезме появились позже, чем на Волге (*Фёдоров-Давыдов, 1978. С. 35*)» (*Волков, 2006. С. 401*).

по мере того, как падают листья, и приобретает их снова, когда природа оживает» (*Ошарина*, 2001. С. 46).

Очень часто в узорах на сине-черной керамике под бирюзовой поливой встречаются рисунки животных и птиц. В фондах ГОМРТ (ОП № 11-92) имеется ваза биконической формы, на плечиках которой изображены среди растительного орнамента павлины с опущенными хвостами (*Лисова*, 2003. С. 119). Изображение павлина с длинным клювом, пьющего воду из античного сосуда, известно и на фрагменте чаши из Орен-кале (*Наджафова*, 1983. С. 64). На нескольких чашах из Херсона, описанных А.Л. Якобсоном (*Якобсон*, 1979. Рис. 83), также изображены павлины, но они, как и на чаше из Орен-кале, не имеют ничего общего с золотоордынскими. В золотоордынском керамическом искусстве изображение павлина представлено одним иконографическим типом — в профиль, с поднятым хвостом, как представлено на сосуде из Куны-Ургенча, и с опущенным, как на вазе из ГОМРТ и на фрагменте из Селитренного городища (*Fedorov-Davydov*, 1984. Fig. 24, I). В красноглиняной керамике с гравировкой и полихромной подцветкой из Увека также имеется изображение павлина. Аналогий увекской птице в виде павлина найти не удалось, наиболее близкие по форме можно встретить на керамике средневекового Белгорода (*Кравченко*, 1986. С. 76. Рис. 29).

Уникальными на сегодняшний день считаются чаши с сидящим попугаем (КП 17285, А-1 152) и фрагмент чаши с двумя попугаями (КП 21648. ОА 274) из фондов АКМ (*Перевозчиков*, 1991. Рис. 37, 3). Форма попугая и манера изображения похожи на рисунки уток, отличие лишь в деталях. У азовских птиц — небольшая голова с хохолком, хвост состоит из трех вытянутых перьев, обозначения перьев на крыле отсутствуют. Вокруг птиц — растительные побеги с цветами и бутонами, характерные для всей золотоордынской полихромной керамики с рельефом. Аналогий подобному орнаменту в синхронной керамике найти не удалось. Однако изображение попугая имеется на персидских шелковых тканях, один из них был описан З.В. Додде (*Додде*, 2006. С. 158—159). Попугаи на нижеволжских чашах и на шелке имеют мало общих черт: у нижеволжских попугаев на голове имеется хохолок, а хвост изображен условно в виде трех перьев, тогда как птицы с шелка имеют многоярусное оперение на хво-

сте, а на основании крыла — концентрические окружности, следом за ними в два яруса даны оперения. Общим для нижеволжских попугаев и попугаев на шелке является только профильное изображение с крючковатым клювом. «Источником творчества художников у многих народов и во все времена являлись мифологические сюжеты. В мусульманской мифологии попугаи являются символом райского божества» (*Додде*, 2006. С. 160).

Изображение летящего голубя на чаше из АКМ (КП 20938. ОА 26/403) — широко распространенный мотив в искусстве домонгольского времени на большой территории в средние века. Голубь с древности у многих народов и племен имел различное символическое значение. Голубь выступает в ряде традиций как символ души умершего, небесный вестник. Древнейшие изображения голубя восходят к VI—V тыс. до н.э. В христианской традиции голубь символизирует Святого Духа, голубь и лилия — Благовещение. У древних евреев голубь — образ искупления; голубь и ветвь оливы символизируют мир, обновленную жизнь, являются знаком прощения, данным Ноем. В Китае с голубем связывают идею долголетия, исполнения сыновнего долга и т.п. (*Мифы народов мира*, 1988. С. 348). Изображение голубя в средневековом искусстве многих народов объясняется тем, что с глубокой древности эта птица считалась священной, символизирующей мир и благополучие. В преданиях некоторых народов Востока голубь является в образе священного духа и божества, а у узбеков Хорезма — в образе девы-пери. Изображение летящего голубя на фоне растительного орнамента есть и на иранской керамике султанабадского типа: в центральном круге на дне чаши помещен голубь, трактовка которого очень натуралистична (*Lane*, 1971. Р. 11), а на тулове вазы голуби летят друг за другом, среди растительного орнамента (*Lane*, 1971. Fig. 1). Среди золотоордынских древностей известны изображения голубей на штампованной керамике, на сфероконусах. Образ голубя нашел отражение и в поволжских скульптурных фигурках — детских игрушках, покрытых голубой поливой, которые хранятся в фондах Эрмитажа, а одна из форм для их изготовления — в Саратовском музее (*Булатов*, 2002. С. 46).

Изображение идущего леопарда имеется на двух чашах, обнаруженных в Азове в 1978 и 1988 гг. (КП 21756. А-1283; КП 25144/178. А-1 426/178), одна из них опубликована (*Пере-*

возчиков, 1990. Рис. 36, 1) (рис. 3). Мифологический образ леопарда—барса появляется еще в VII—VI тыс. до н.э., где он выступал как знак женского божества плодородия. Подобные леопарды и львы имеются и на иранских чашах султанабадского типа XIII—XIV вв. (Watson, 2005. Р. 379, 382) (рис. 4). В этом смысле показательно сопоставление расписанных подобным сюжетом нижеволжских чаш и иранской керамики султанабадского типа. Здесь обращает на себя внимание не только сходное композиционное решение, но и одинаково трактованные детали — выбор позы животного, очертание фигуры, близкая цветовая гамма. Этот сюжет был популярен на всем Ближнем Востоке, но золотоордынская трактовка существенно отличается от канонов, принятых в Иране, Египте или Сирии. Золотоордынский мастер воспринимает принятую в Иране композицию, в центре располагая животное на фоне цветущих ветвей, но изображает животное в геральдической позе, придавая декоративность всему орнаменту и лишая его смысловой нагрузки. Существенно отличается и растительный орнамент султанабадской керамики, на фоне которого расположены животные. Леопард (Watson, 2005. Р. 379) и лев (Watson, 2005. Р. 381) изображены на фоне дробного растительного орнамента, состоящего из густо расположенных округлых листьев, а над животными и под ними располагаются сердцевидные картуши, также с растительным орнаментом, а на одной чаше изображен лев над прудом с рыбкой, что придает картинность композиции (Watson, 2005. Р. 382), в то время как золотоордынские животные расположены на фоне изящно извивающихся ветвей с бутонами и листьями, которые являются лишь декоративным дополнением.

Кашинные чаши с леопардом, барсом и львом известны нам и среди находок из Египта (Lane, 1957. Р. 40). Изображение льва имеется и на красноглиняной керамике Нижнего Поволжья, выполненной в технике сграффито. Фигура льва занимает всю поверхность чаши, и от нее радиально расходятся широкие и сочные линии, как бы стягивая внешний ободок и сдерживая животное в этом замкнутом круге. В этом изображении льва поражают четкая композиция рисунка, подчиненная круглому полю, и манера исполнения: линия непрерывная и уверенная. Изображение льва получило широкое распространение в керамике Закавказья. Наиболее близкими по стилю являют-

Рис. 3. Чаша с изображением леопарда среди растительного орнамента. Кашинная керамика с полихромной росписью и рельефной моделировкой. Нижнее Поволжье. XIV в.

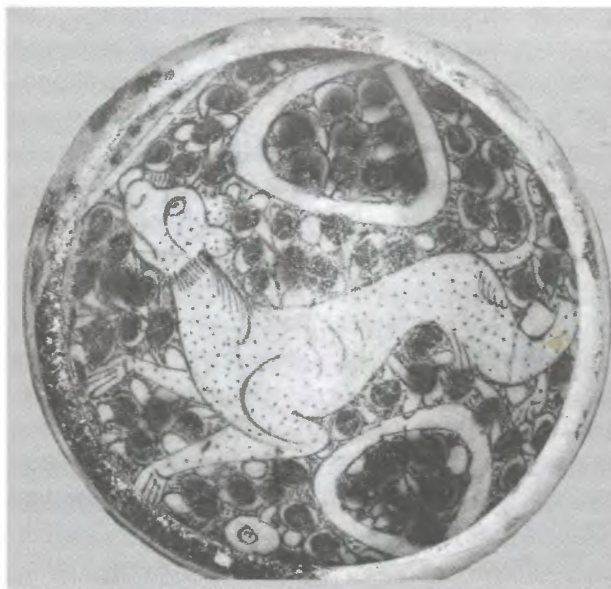

Рис. 4. Чаша с изображением льва среди растительного орнамента. Кашинная керамика с полихромной росписью (султанабадская керамика). Иран. XIII—XIV вв.

ся изображения львов на блюде из Ани XIII в. (Шелковников, 1957. Рис. 4), керамике Азербайджана (Наджафова, 1983. Рис. 99, 101) и Дманиси (Майсурадзе, 1954. Табл. 7. Рис. 309, 409). В отличие от закавказских образцов, золотоордынский лев исполнен более тонко и профессионально. Для золотоордынской поливной керамики не характерны небрежные рисунки, выполненные на скорую руку, не встречаются нарушения ни в композициях, ни в пропорциях животных. Лев, при всем природном сходстве, изображен в спокойной горделивой позе, без хищного оскала и

не готовый к внезапному нападению, что позволяет говорить о геральдическом характере изображения.

Мотивы льва, тигра, леопарда или барса известны еще с шумерской эпохи. Львы украшали золотую посуду ахеменидской Персии и бронзу Луристана. По торговым путям эти изделия проникли на запад, в гомеровскую Грецию, и на восток, к кочевникам Горного Алтая, в IV в. до н.э. Когда несколькими веками позже эта тема дошла до Китая, там львов заменили тиграми. В самом Иране, в Средней и Малой Азии, в Закавказье к XI–XIII вв. по каким-то неясным причинам особенно обострился интерес к различным древневосточным мотивам и, прежде всего, ко львам и барсам (Лелеков, 1978. С. 44–45). Лев почитался с древности и на территориях, вошедших в состав монгольского государства, у народов Средней и Передней Азии, Средиземноморья. В Древнем Египте изображение льва клали в погребения, чтобы он был защитой умершему в загробном мире. Лев в мифологии и фольклоре многих народов – символ высшей божественной силы, мощи, власти и величия. С образом льва связывают также ум, благородство, великодушие, доблесть, справедливость, гордость, триумф, надменность, бдительность, храбрость. Лев также являлся символом солярного животного, обычным спутником солнечных божеств и божества плодородия. На этих территориях его изображения повсеместно встречаются на печатях, ювелирных изделиях, тканях, произведениях торевтики, монетах и, конечно же, на керамике (Булатов, 2002. С. 41).

Изображение зайца на кашинной золотоордынской керамике представлено одним фрагментом тарелки с полихромной росписью и рельефом из АКМ. Заяц изображен в прыжке. Изображение зайца является распространенным мотивом для султанабадской керамики Ирана (Lane, 1971. Fig. 2, 1; 4) и керамики Средней Азии (Бяшимова, 1989. Табл. LVII. Рис. 5). Образ зайца на нижневолжской посуде очень близок по манере изображения зайцам с султанабадской керамики XIV в. и позволяет установить между ними связь, обусловленную большой стилистической близостью (Lane, 1971. Fig. 4). На азовской тарелке заяц изображен в прыжке, также, как и заяц на иранской керамике, который помещен в центральном орнаментированном круге среди растительного орнамента. Другой вариант трактовки

этого образа на иранской керамике «лакаби» («расписные») украшен гравировкой по ангобу и расписан цветными глазурями, заяц как бы шагает с поднятыми вверх передними лапами, также среди растительного орнамента (Веймарн, 2002. Рис. 299). Наиболее близки по манере исполнения к золотоордынскому изображению зайцы с красноглиняной полихромной керамики Старой Гянджи Азербайджана, где они, так же, как и золотоордынский, изображены в прыжке, среди растительного орнамента (Наджафова, 1983. Рис. 102, 103). Изображение зайца довольно часто встречается на шелковых тканях: к нему обращались китайские, восточноиранские и центральноазиатские мастера. В Китае Белый Заяц является мифологическим животным. Он живет на Луне и толчет в ступе гриб «линчжи» для приготовления снадобья бессмертия (Малявин, 2000. С. 230). Изображения зайца имеются и на шелковой ткани с «птицами и зайцами» из могильника Вербовый Лог, и на шелке воротника нижнего бешмета из могильника Джухта, выполненных в китайских традициях и описанных З.В. Доде (Доде, 2005. Рис. 1, в; 2006. С. 135–137). Однако в зайце, изображенном на фрагменте нижневолжской тарелки, следует видеть не мифологический персонаж, а скорее мотив, связанный с темой охоты. На всех изделиях с зооморфным изображением в полихромной керамике с рельефом очень искусно применен способ расцвечивания рисунка синими точками. Изображение зайца в синей-черной керамике имеется на одном фрагменте, опубликованном Г.А. Фёдоровым-Давыдовым (Фёдоров-Давыдов, 1994. Рис. 17, 3). Заяц изображен в спокойной сидячей позе. Подобное изображение зайца имеется и на фрагменте кашинной чаши с синей и черной росписью из Шемаха-калы, обнаруженным в слое XIII–XIV вв. В центральном круге заяц сидит с головой, повернутой влево, а растительность выполнена в отвесной композиции, что говорит об определенной картинности орнамента. Следующая, орнаментальная полоса состоит из мотива «павлиний хвост», распространенного в керамике Нижнего Поволжья (Вактурская, 1959. Рис. 32, 6). Возможно, этот фрагмент является привозным из Сарая. Почти идентичные рисунки сидящих зайцев есть и среди иранской керамики султанабадского типа (Lane, 1971. P. 19. Fig. 2). Во всех случаях зайцы изображены в профиль среди растительного орнамента.

Изображения птиц и животных в полихромной кашинной керамике без рельефа встречается нечасто и представлен чашей и фрагментом чаши с изображением птиц. Обе эти птицы — на чаше и на фрагменте — расписаны так называемым текучим кобальтом — манера росписи, характерная для всей кобальтовой керамики мусульманского Египта XIV–XV вв. (Hobson, 1932. P. 104).

На сине-черном гюльбадане из Азовского музея, на дне, имеются изображения четырех рыб (КП 25144/А-1,426/445). Рыбы — возможно, дельфины, со слегка выступающими жабрами, с длинными и раздвоенными на конце хвостами и небольшими тупыми носами. Туловище у них овальное, со светлым пятном на спине. На внешней стороне сосуда, между конусообразными налепами изображены птицы. Рыбы являются достаточно популярным сюжетом в золотоордынском искусстве — ими украшали бронзовые зеркала (Недашковский, 1998. Рис. 4,5), серебряные сосуды (ковш поясной — ГЭ. Инв. № СКи-888)) и керамику. Многочисленные зеркала с изображением рыб, изготовлявшиеся в золотоордынских городах, распространялись по всей империи, и потому в памятниках этого времени, находящихся друг от друга на значительных расстояниях, встречаются изделия с очень схожим декором (Недашковский, 2000. С. 49, 55. Рис. 9, 1, 2; 10, 2, 4, 5). С внешней стороны на плечиках сосуда изображены птицы, определённые Н.М. Булатовым как мухоловки, что и является своеобразием золотоордынского анималистического орнамента. Райская мухоловка — птица из разряда воробьиных. Птицы изображены с овальным туловищем, плавно переходящим в шею, с небольшой головой и острым клювом, хвост которых состоит из трех веерно расходящихся перьев. Одна нога птицы — длинная, другая — вдвое короче. Каждая птица изображена на фоне спиралеобразно закрученного растительного орнамента. Также в сине-черной керамике нередки фрагменты с изображением птиц в полете, которые различаются только исполнением хвоста — раскрытым, подобно вееру, выполненным несколькими мазками или пышным (Фёдоров-Давыдов, 1994. Рис. 9, 1; Fyodorov-Davydov, 1984. Fig. 24, 2).

Изображение рыбы на нижеволжской красноглиняной керамике представлено только фрагментами, но обращает на себя внимание стиль выполнения рисунка. В золотоордынской красноглиняной керамике

встречаются и изображения рыб с чешуей и хвостом в виде трилистника с дополнительными растительными побегами (Булатов, 1976. Табл. VII–7). Сравнивая нижеволжское изображение рыбы с синхронным ему рисунком рыб из Азака, можно заметить разницу в стиле (АКМ. 1978, КП 26072/ОА 570/1; 1982, КП 25144/ОА 426/309). Азакские рыбы сильно стилизованы, изображены без выделения чешуек и хвоста и располагаются на дне чаши, не украшенной никаким дополнительным орнаментом, а нижеволжская рыба имеет изящные очертания, а стилизованное изображение ее хвоста скорее напоминает растительный мотив трилистника.

Среди зооморфных сюжетов в сине-черной керамике привлекает внимание фрагмент чаши из БГИАЗ (Оп. 719-26/285) с изображением козла с ветвистыми, доходящими до спины рогами. Сравнение фрагмента из БПСАЗ с глазурованной чашей с люстровой росписью, украшенной изображением косули на фоне пышной растительности и пруда с рыбкой, из коллекции в Нью-Йорке, которая представляет собой образец султанабадской керамики XIII в. (Веймарн, 1974. Рис. 139), позволяет говорить о прямых связях золотоордынской культуры с художественной культурой мусульманского средневекового Востока. Образ оленя и козла получил широкое распространение в искусстве Ирана и золотоордынских кочевников. В отличие от султанабадской керамики, где олень изображен среди натуралистического пейзажа и является частью картины, золотоордынский олень выполнен в декоративном стиле на фоне точечного орнамента.

Зооморфный орнамент в бело-синей керамике представлен небольшим числом чаш с изображением фениксов, журавля, фазанов. К особому виду зооморфных изображений на золотоордынской кашинной бело-синей керамике относится Фен, или Феникс, китайский символ императрицы и невесты, выражающий идею бесконечности, бессмертия, долголетия. Фазан — китайский императорский символ. Фазанов (нередко именуемых в западной литературе фениксами) часто изображали парами, делая символами гармонии полярных начал. На чаше со стоящим журавлем, на дне в центральном круге помещена птица с маленькой круглой головкой с треугольным хохолком, вытянутым туловом, длинным узким хвостом и на высоких тонких ногах, окруженная широким поясом растительного орнамента (Шляхо-

ва, 1991. Рис. 6, 2). Подобный сюжет относится к числу распространенных орнаментов на глиняной поливной керамике домонгольского периода Средней Азии, Ирана, Кавказа. Журавль в некоторых традициях выступает как вестник плодородия, приносящий дождь, в буддизме символизирует зиму. В китайской мифологической традиции журавли переносят по воздуху ангелов, сопровождают умерших, иногда с ними связана идея долголетия; в китайском искусстве журавль, как одно из воплощений долголетия, ассоциируется с кипарисом и сосной (Мифы древнего мира, 1988. С. 349). В бело-синей золотоордынской керамике есть и изображение фазана с загнутым вниз хвостом и с раскрытыми крыльями. Пару танцующих фазанов можно было увидеть на парадном одеянии государей, на карнизах императорских дворцов и даосских храмов, ибо эти волшебные птицы, по преданию, слетались туда, где осуществлялся всеобщий Ритуал бытия. Феникс в греческой мифологии — волшебная птица. Происхождение ее связывают с Эфиопией; считалось, что название ей дали ассирийцы. Феникс живет 500 лет, имеет вид орла и великолепную окраску красно-золотистых и огненных тонов. В даосской традиции двенадцати инсигниям власти-священства придавался эзотерический смысл: пара драконов символизировала круговорот творящей силы мироздания, фениксы, или «огненные птицы», — духовную силу, гора — покой вечности, «пестрые твари» в ритуальных сосудах толковались как жертвоприношение обезьяны (символа мысли) и тигра (символ чувства), жертвенный топор считался символом смерти непросветленного человека, изображение «водяной травы» символизировало чистоту растительной жизни, а рисовых зерен — рождение и вскармливание жизни (Малявин, 2000 С. 230–231).

Изображение орла имеется на фрагменте чаши из АГОИАМЗ; аналогичное изображение смотрящего вверх орла с развернутыми крыльями имеется и на иранской бело-синей чаше XV в. Хотя силуэт изображения почти полностью совпадает, его трактовка более схематична и условна, так как выполнена в технике «резерва» (Lane, 1971. Fig. 18), а поволжский орел — в свободной мазковой технике. Орел, символ небесной (солнечной) силы, огня и бессмертия — одно из наиболее распространенных обожествляемых животных — символов богов и их посланец в мифологиях народов мира (Мифы народов мира, 1988. С. 285). Помимо поволж-

ской керамики, сцена с изображением птиц встречается на блюде из Северного Ирана XV в. (Wilkinson, 1979. Tab. 79).

Несмотря на то, что в зооморфных изображениях на золотоордынских чашах с полихромной росписью и рельефной моделировкой орнамента и на чашах с полихромной росписью без рельефной моделировки орнамента легко прослеживается влияние султанабадского типа керамики, а в бело-синей керамике находятся прямые аналогии с орнаментами китайского фарфора, стиль исполнения и характер построения композиции выходят за рамки иконографической традиции и устойчивых норм, принятых в их декоративном искусстве, что позволяет говорить о самобытности и зарождении уже золотоордынских традиций.

В красноглиняной керамике, выполненной в технике сграффито под голубой поливой, имеется фигура оленя, вокруг которого изображены цветы и плоды граната, вырастающие из одной точки — старинный мотив, означающий мировое дерево (Фёдоров-Давыдов, 1994. Рис. 17,3). Изображение оленя, представленного на нижеволжской сине-черной кашинной керамике, отличается от изображения его на красноглиняной керамике тем, что рисунок животного на красноглиняной керамике передан более натурально, а растительные мотивы, на фоне которых изображен олень, только подчеркивают это. Удивительным в этом рисунке является трактовка ног оленя, которые больше напоминают кошачьи лапы. Аналогии подобному изображению обнаружить не удалось. В бытовой керамике Азербайджана изображения оленей также представлены, но совершенно в иной трактовке, например, на фрагменте чаши, где изображен сюжет звериного гона, два оленя убегают от барса (Наджафова, 1983. С. 67). Композиции с подобным сюжетом не характерны для керамики Нижнего Поволжья.

На фрагментах двух красноглиняных чаш изображены птицы в технике сграффито. Здесь отмечаются продуманность композиции, очень лаконичный и в то же время выразительный рисунок (Гусева, 1974. Рис. 10, 8, 9).

Зооморфные мотивы широко представлены в золотоордынской бытовой поливной керамике Нижнего Поволжья и, несомненно, характеризуют ее как один из развитых видов средневекового искусства нашей страны. Композиции с включением животных и птиц на золотоордынских сосудах не сюжетные, а под-

черкнуто орнаментальные. Хищные животные изображены чаще всего в геральдической позе, а не заняты каким-то определенным действием, например нападением на птицу, терзанием зверей или звериным гоним. Изображение животных в сюжетной композиции на кашинной и красноглиняной керамике не характерно как для керамики Улуса Джучи, так и для керамики Закавказья. Также в нижеволжской керамике нет картинных композиций, которые характерны для иранской керамики. Животные выступают, скорее всего, как декоративная деталь, не несущая смысловой нагрузки. Вряд ли приходится сомневаться в том, что образы и символы мотивов уходят своими корнями в глубокое прошлое, они перешли в золотоордынскую среду и обогатили все искусство Золотой Орды, но постепенно утратили первоначальное значение и могут рассматриваться лишь как декоративный элемент, трактованный иногда вполне реалистично.

Нет сомнения, что сюжеты золотоордынских образов заимствованы с предметов металлопластики, с привозных тканей Среднего и Ближнего Востока, из Китая, Закавказья, Крыма, но следует отметить самобытность и яркость орнаментов на бытовой керамике Золотой Орды. Мастера-керамисты перерабатывали и изменяли на свой лад заимствованные изображения и создавали специфические декоративные сюжеты. В ордынском зооморфном орнаменте нет разнообразия видов изображения, но великолепное исполнение рисунка делает его самобытным и узнаваемым. Характерной особенностью золотоордынских зооморфных изображений является расположение сюжетов среди растительных мотивов. Исключение составляет лишь красноглиняная чаша со львом. Все рисунки при всей декоративности достаточно реалистичны и великолепно исполнены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агапов П., Кадырбаев М., 1979. Сокровища древнего Казахстана. Алма-Ата.

Булатов Н.М., 1968. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов // СА. № 4.

Булатов Н.М., 1969. К вопросу о становлении керамического ремесла в золотоордынских городах // ВМУ. Сер. История. № 2.

Булатов Н.М., 1974. Кобальт в керамике Золотой Орды // Археология и естественные науки. М.

Булатов Н.М., 1976. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья. М.

Булатов Н.М., 2002. Антропоморфные и зооморфные сюжеты в керамике Золотой Орды // Поволжье и сопредельные территории в средние века. М.

Бяшимова Н.С., 1989. Поливная керамика южной Туркмении (IX–XIV вв.). Ашхабад.

Вактурская Н.Н., 1959. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М. Т. 4: Керамика Хорезма.

Веймарн Б.В., 1974. Искусство арабских стран и Ирана VII–XVII веков. М.

Веймарн Б.В., 2002. Ислам: Классическое искусство стран ислама. М.

Волков В.И., 2006. Чего стоит вывод и его защита // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Азов. Вып. 22.

Галкин Л.Л., 2004. Загадки монетной чеканки Золотой Орды // Антикватория. № 1(6).

Гусева Т.В., 1974. Ремесленные мастерские в восточном пригороде Нового Сарая // СА. № 3.

Доде З.В., 2005. Уникальный шелк с «драконами» из могильника Джухта (Северный Кавказ) // РА. № 2.

Доде З.В., 2006. Одежды и шелка из могильника Вербовый Лог // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М. Вып. VI.

Евтюхова Л.А., 1959. Древнекитайская керамика из Каракурма // СА. № 3.

Кравченко А.А., 1986. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII–XIV в). Киев.

Кверфельдт Э.К., 1947. Керамика Ближнего Востока. Л.

Лисова Н.Ф., 2003. Драгоценные узоры // Казань. № 1.

Лелеков Л.А., 1978. Искусство Древней Руси и Восток. М.

Майсурадзе З.П., 1954. Грузинская художественная керамика XI–XIII вв. (Ангобная керамика Дманиси). Тбилиси.

Малявин В.В., 2000. Сумерки Дао: Культура Китая на пороге Нового времени. М.

Мифы народов мира, 1988. Энциклопедия // Под ред. С.А.Токарева. М. Т. 2.

Наджафова Н., 1983. Художественная керамика. Баку.

Недашковский Л., Ракушин А., 1998. Бронзовые зеркала второй половины X–XIV вв. из музея Саратовской области // Татарская археология. № 2 (3).

Недашковский Л.Ф., 2000. Золотоордынский город Укек и его округа. М.

Носкова Л.М., 1976. Мозаики и майолики из средневековых городов Поволжья // Средневековые памятники Поволжья. М.

Ошарина О.В., 2001. Образ павлина в коптском искусстве // Культура и искусство христиан-негреков. СПб.

Перевозчиков В.И., 1991. Кашинные чаши из фондов Азовского краеведческого музея // Историко-археоло-

гические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1990 году. Азов.

Пугаченкова Г.А., 1967. Искусство Туркменистана: Очерк с древнейших времен до 1917 г. М.

Сычев Л.П., Сычев В.Л., 1975. Китайский костюм. М.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1978. Золотая Орда и монгольский Иран // ВМУ. Сер. История. № 6.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.

Шелковников Б.А., 1957. Поливная керамика из раскопок города Ани. Ереван.

Шигаева Р.Г., 1995. Татарские паласы и келемы XIX–XX веков // Из истории татарского народа. Казань.

Шляхова В.И., 1991. «Тимуридская» керамика Сарая (Селитренное городище) // ВМУ. Сер. История. № 1.

Якобсон А.Л., 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.

Якубовский А.Ю., 1931. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке // ИТАИМК. Л. Т. VIII. Вып. 2–3.

Butler A.J., 1926. Islamic Pottery. L.

Fyodorov-Davydov G.A., 1984. The Culture of the Golden Horde Cities / Transl. from the Russian by H. Bartlett Wells. British Archaeological Reports. International Series. Oxford.

Hobson R.L., 1932. A Guide to the Islamic pottery of the Near East. British Museum. Oxford.

Lane A., 1957. Later Islamic Pottery: Persia, Syria and Turkey. L.

Lane A., 1971. Later Islamic Pottery: Persia, Syria, Egypt, Turkey. L.

Watson O., 2005. Ceramics from Islamic lands. N.-Y.

Wilkinson Ch.K., 1979. Color and Design in Persian Pottery // Highlights of Persian Art / Ed. by R. Ettinghausen and Eh. Jarshater. Boulder, Colorado.

ФАЯНСЫ «МИНАИ»
(к дискуссии без темы)*

Парадная фаянсовая** посуда средневекового Ирана с росписью полихромными глазурями и красками по непрозрачной поливе, называемая керамикой «минаи» (это персидское слово в литературе обычно пишут упрощенно, без апострофа, — «минаи»), до последнего времени не часто становилась объектом внимания российских археологов и искусствоведов. К числу специальных работ по данной теме относились лишь небольшие статьи С.П. Масленицыной (1971) и Т.Х. Стародуб (1988), имевшие в основном искусствоведческий характер. Вместе с тем, эта керамика довольно часто упоминалась в работах Э.К. Кверфельдта (*Кверфельдт*, 1947. С. 69–70), С.П. Масленицыной (*Масленицына*, 1975), Н.М. Булатова (*Булатов*, 1968. С. 107), И.В. Рапопорт (*Рапопорт*, 1971. С. 5), Г.А. Фёдорова-Давыдова (*Фёдоров-Давыдов*, 1976. С. 126), Н.В. Сазоновой (*Сазонова*, 1994. С. 14). Виной тому исключительная редкость фаянсов «минаи» как в музейных собраниях России (они имеются в коллекциях Эрмитажа, ГИМ и ГМИНВ), так и в материалах из археологических раскопок городов Средней Азии XIII–XIV вв. (*Вактурская*, 1959. С. 324) и золотоордынских столиц XIV в. — Царевского и Селитренного городищ, исследовавшихся Поволжской археологической экспедицией под руководством А.П. Смирнова и Г.А. Фёдорова-Давыдова (*Булатов*, 1968. С. 107). В последние годы новые находки такой керамики обнаруживаются при работах и в других золотоордынских центрах. Так, в 1992 г. при археологических раскопках в Азове (золотоордынском Азаке) был найден крупный обломок кубка, покрытого белой непрозрачной поливой и украшенного надглазурной четырехцветной

(красной, черной, зеленой, синей) росписью, дополненной аппликациями золотой фольги (рис. 1, 2)*** Впервые кубок был опубликован в черно-белом изображении в 1998 г. (*Белинский, Масловский*, 1998. С. 39. Рис. 2, 3), где он был атрибутирован в качестве иранской керамики «минаи». В последующих работах отмечалось, что эта и все иные находки подобной керамики в Азаке происходят из комплексов 1350–1360-х годов (*Масловский*, 2006. С. 423). Однако в 2005 г. вышла статья М.Г. Крамаровского, в которой атрибуция данного изделия в качестве керамики «минаи» была отвергнута, а вместо этого выдвинута гипотеза о производстве кубка в одной из золотоордынских столиц (Сарае) по образцу китайской керамики «цзыляо» и «цычжоу» — с одной стороны и иранской «ладжвардина» — с другой (*Крамаровский*, 2005. С. 229–241). Такая атрибуция была подвергнута нашей критике на проходившей в Москве (ноябрь 2006 г.) конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г.А. Фёдорова-Давыдова. Вслед за тем работа М.Г. Крамаровского подверглась резкой критике в двух вышедших одна за другой статьях И.В. Волкова из-за присутствовавших в ней ошибок в терминологии, а иранская атрибуция находки получила серьезное подтверждение (*Волков*, 2006. С. 410–426; 2007. С. 11–12). Однако критические замечания И.В. Волкова были помещены в работах, посвященных разнообразной тематике, и могли в них несколько «затеряться». В то же время нельзя предположить, что они остались неизвестны М.Г. Крамаровскому. Между тем, в это же время вышла его новая статья (*Крамаровский*, 2007), в которой дословно была повторена его атрибуция и аргументация, предлагавшиеся для азакского кубка в 2005 г., включая и все терминологические ошибки, на которые было указано И.В. Волковым. Следовательно, позиции критикуемой здесь стороны не изменились. Все это заставляет рассмотреть весь вопрос еще раз, хотя дискуссия, собст-

* Исследование выполнено в рамках программы ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории» — проект «Средневековая Русь во взаимоотношениях со странами Востока (по данным археологии)».

** В отношении восточной керамики фаянсами традиционно называют в отечественной и зарубежной литературе керамику из силикатных формовочных масс (в России принято именовать ее «кашином»), покрытую непрозрачной поливой, являющейся, как правило, основой для надглазурной (надполивной) росписи.

*** Кубок догипсован, а его роспись реконструирована с высокой степенью достоверности.

Рис. 1. Кубок из Азака (внутренняя поверхность)

Рис. 2. Кубок из Азака (внешняя поверхность)

венно, не имеет ни темы, ни определенного предмета (вернее, ее итог слишком очевиден для ее продолжения). Вероятно, повторение очевидных истин было бы излишне, если бы «оригинальные» идеи не исходили от столь авторитетного и известного ученого, каким является М.Г. Крамаровский.

Прежде всего, необходимо разобраться с правомерностью применения к образцу из Азова (и близких ему) термина «минаи», отвергаемого М.Г. Крамаровским без какой-либо аргументации. Начнем с того, что в персидском языке слово «минаи» — прилагательное, производное от существительного «мина», которое имеет

несколько значений: «эмаль, глазурь, полива, лазурь, светло-синий, мозаика, узор и т. д.» (Персидско-русский словарь, 1985. С. 591). Этот термин получил распространение лишь в XX в. в кругах антикваров, перепродававших в Европе древности, поступавшие с Ближнего и Среднего Востока, поэтому ставшее привычным название данного типа керамики — это сугубо условный термин, принятый для обозначения изделий, изготовленных по определенной технологии. Эта технология состояла в нанесении на поверхность поливного сосуда (полива могла иметь белый, реже — бирюзовый или бледно-зеленый цвет, и при этом была всегда непрозрачной) росписи полихромными прозрачными глазурями (синего, бирюзового и зеленого цветов), полупрозрачными или непрозрачными эмалями (желтого и коричневого цветов) и неглазурными красками (черного и красного цветов). Последние использовались главным образом для нанесения контуров росписи и тонкой прорисовки деталей — стеблей, складок одежды, черт лица и т.п.* Кроме того, при декорировке фаянсов «минаи» иногда применялась роспись кобальтом по «сырой» глазури, дававшая мягкий синий рисунок с расплывчатыми контурами (Масленицына, 1975. С. 180—182. № 87, 96, 153, 154). Некоторые элементы декора украшались аппликациями из тончайшей золотой фольги. В последнем случае фольга прикреплялась по контуру полосой красной краски, сплавлявшейся с поливой основы. Технология изготовления «минаи» требовала одного или двух, закрепляющих подобный декор на поверхности поливного сосуда, обжигов.

Как же называлась керамика «минаи» в средневековом Иране? Ответ на этот вопрос дает упоминание в трактате ал-Кашани (1300 г.) изделий с росписью в «семь красок» (по-персидски «хафт ранг») среди производившихся в Иране фаянсов** Гипотеза об идентификации

* Используемое иногда в отечественной литературе обозначение декора фаянсов «минаи» как росписи «цветными эмалями» (Рапопорт, 1971. С. 5) не совсем верно, поскольку эмалями называются непрозрачные стекла и глазури, тогда как в «минаи» чаще применялись прозрачные цветные глазури, а также краски неглазурного характера. Для красной краски, называемой иногда также «мастикой» (Булатов, 1968. С. 107), ее неглазурное происхождение установлено химическими анализами (Гражданкина, Ртвеладзе, 1971. С. 134. Табл. 3).

** Абу-л-Касим Абдаллах ибн Али ибн Мухаммад ибн Аби Тахир ал-Кашани — ученый-историк при дворе льханов в Тебризе, написавший в 700 г.х. (1300/1301 г.г. от Р.Х.) трактат «О драгоценностях и благовониях», включавший главу с кратким описанием технологии производства фаянсовых изделий (как полагают — люстровых и «минаи») (Стародуб, 1988. С. 198).

этих изделий с фаянсами «минаи» была высказана Ф. Сарре и до сих пор еще не подвергалась критике. Не вызывает сомнений она и у нас.

Фаянсы «минаи» начали производиться в Иране во второй половине XII в. Самый ранний *подписной* (т.е. содержащий надпись мастера с указанием даты изготовления) образец такой керамики датируется 1186 г. (Watson, 1985. P. 24), самый поздний — 1242 г. (Soustiel, 1985. P. 96). Недавно стал известен еще один, самый поздний, подписной образец этой керамики с датой 1362/1363 гг., обнаруженный в Сарайчике (Тасмагамбетов, Самашев, 2001. С. 137, 247). В декоре ранних (конца XII — начала XIII в.) изделий этого типа преобладали высокохудожественно исполненные сюжетные изображения, включающие фигуры животных и людей (рис. 3) (Искусство ислама, 1990. №33; Государственный музей, 1988. Илл. 216; Watson, 2005. P. 369), образцами для которых, по мнению исследователей, являлись книжные иллюстрации-миниатюры (Watson, 1985. P. 70). Происхождение этой керамики не выяснено, поскольку она не имеет прототипов в самом Иране и появляется совершенно внезапно около 1170–1180 гг. В литературе отмечалось сходство изображений на фаянсах «минаи» с полихромной росписью эмалями сиро-египетских стеклянных изделий XII–XIII вв. (Сайко, 1982. С. 131). Вероятно, традиция производства этой керамики формировалась под воздействием сирийской технологии и ближневосточных норм декорирования.

В искусствоведческой литературе XIX–XX вв. сложилось мнение, что производство фаянсов «минаи» в Иране угасло на рубеже XIII–XIV вв. (Масленицына, 1971. С. 201, 205), причем археологические материалы практически не привлекались для решения этого вопроса. Виной тому — слабое развитие средневековой археологии и небольшое число соответствующих хронологических штудий в странах Востока, незначительные объемы и несовершенство методики раскопок. Вместе с тем уже во второй половине XX в. в среде отечественных исследователей керамики Востока сформировалось мнение о том, что развитие производства фаянсов «минаи» шло без катастрофических перерывов и в XIV в. стало главным фактором появления нового типа керамики, родственного «минаи» по технологии нанесения декора, — полуфаянсов «ладжвардина» (Масленицына, 1976. С. 177; Стародуб, 1983. С. 13). Само появление последней является яр-

ким доказательством того, что высокая технология производства «минаи» не была утрачена.

Собственно, мнение о прекращении производства фаянсов «минаи» в XIII в. опиралось на три основания:

1. Отсутствие изделий, которые несли бы на себе надписи с датами позже середины XIII в. Здесь надо заметить, что даже для эпохи расцвета «классического» искусства «минаи» в конце XII — начале XIII в. известно всего около десятка подписных датированных изделий, составляющих ничтожную долю среди сосудов этого типа. Появление таких надписей — явление случайное, ни в коей мере не являвшееся обязательным атрибутом художественной керамики. Поэтому отсутствие надписей на сосудах никак не может быть свидетельством прекращения производства «минаи», а обнаружение в Сарайчике чаши с надписью 1362/1363 гг. вовсе сводит на нет данный аргумент.

2. В упоминавшемся выше трактате ал-Кашани, написанном в 1300 г., об «изделиях семи красок» говорилось, что они «устарели» (Стародуб, 1988. С. 198), откуда делался вывод, что во время написания трактата такие изделия более не производились. Но ведь ал-Кашани, который не был ни гончаром, ни мастером росписи керамики, почему-то оказался прекрасно осведомлен о технологии производства такой керамики. Не означает ли это, что в его время она еще производилась, и он сам лично мог наблюдать за процессом ее изготовления? Разумеется, иначе и не могло быть, тем более,

Рис. 3. Декор чаши «минаи» (Иран, конец XII в.) (Watson, 2005. Cat. P 5)

что он сам сообщает о производстве такой керамики в Кашане, Багдаде и Тебризе* (*Масленицына*, 1971. С. 201). Не исключено, что в действительности ал-Кашани просто хотел указать на «старые» изделия как образец «классического» искусства или отметить, что в его время это искусство «миниатюры на керамике» уже стало достоянием прошлого. Место миниатюры к 1300 г. действительно заняли растительные мотивы и изображения птиц, животных.

3. Давно было замечено, что в том же трактате ал-Кашани упоминает изделия «семи красок», а описывает рецепты приготовления только четырех — красной, белой, черной, желтой (*Стародуб*, 1988. С. 198). С другой стороны, среди высокохудожественных изделий домонгольской эпохи известны не только изготовленные в семицветной схеме, но и с меньшим набором красок (вплоть до трех), а среди изделий ильханской эпохи имеется заметная серия сосудов с ограниченной (четырёхцветной) полихромией из красной, синей, бирюзовой и черной красок** (иногда с добавлением золота) без сюжетных изображений. Некоторые исследователи посчитали даже, что такой признак «выводит эти фаянсы из ряда минаи». Об известных же образцах облицовочных плиток XIV в. с четырехцветной росписью было заявлено, что они «имеют мало общего с минаи» (*Стародуб*, 1988. С. 205). Видимо, это довольно распространенное среди искусствоведов, но весьма дискуссионное мнение и стало для М.Г. Крамаровского основанием для отрицания атрибуции азовского кубка в качестве «минаи». Однако с мнением искусствоведов нельзя согласиться по простой причине, о чем уже не раз говорилось в печати: «орнаменты и сюжеты росписи являются признаками самыми приспособительными, а не субстратными, и они меньше всего характеризуют родство предметов» (*Волков*, 2007. С. 10). Если же обратиться к субстратным признакам, то важнейшими из них являются признаки технологии производства. А по этим признакам различия между фаянсами «ми-

наи» домонгольской и ильханской эпох практически отсутствуют***. Более того, среди изделий XIV в. обнаружались и такие, цветовая палитра которых включала не четыре, а большее число использованных красок — вплоть до семи (*Волков*, 2006. С. 415). Значит, даже по этому признаку поздние изделия не отличались от ранних, а технология производства «минаи» по-прежнему применялась на протяжении второй половины XIII и XIV вв. Главной отличительной чертой фаянсов «минаи» является не стилистика росписи, а именно своеобразная (не встречающаяся нигде ни ранее, ни позже) технология**** выполнения этой росписи. Но в таком случае нет оснований для того, чтобы называть образцы XIII–XIV вв. не фаянсами «минаи», а как-то по-иному. Поэтому-то все исследователи керамики ордынского Поволжья (Э.К. Кверфельдт, Н.М. Булатов, Г.А. Фёдоров-Давыдов) неизменно называли такую керамику именно «минаи», а не как-либо иначе (*Кверфельдт*, 1947. С. 69; *Булатов*, 1968. С. 107; *Фёдоров-Давыдов*, 1976. С. 126)*****

Стилистические же различия, столь занимающие искусствоведов, вообще нельзя рассматривать как типобразующий признак. Например, стилистика росписи иранской люстровой керамики также существенно изме-

*** Единственное заметное технологическое различие между «классическими» (домонгольскими) фаянсами «минаи» и их вариантами XIV в. касается качества кашина: фаянсы XIV в. изготовлены из более мягкого (зачастую даже рыхлого, рассыпчатого) кашина, нежели домонгольские образцы. Но снижение качества кашина в XIII–XIV вв. было всеобщим процессом, происходившим на Востоке, поэтому к собственно фаянсам «минаи» оно отношения не имеет.

**** Речь идет именно о технологии процесса нанесения глазурей, красок, золотой фольги и закрепления их обжигом, а не о *технике* росписи, как пишется в большинстве работ. Последняя заключается в навыках и способах исполнения рисунка, для которых приготовление глазурей, красок и обжиг изделий не имеют значения. Вероятно, техника росписи «минаи» также была особенной, но не она определяла своеобразие готовых керамических изделий.

***** Кстати, непонятно, что подвигло М.Г. Крамаровского предположить, что под керамикой «*минаи*» (здесь уважаемый автор даже поставил многозначительное «так!») я подразумеваю все образцы золотоордынской полихромной керамики» (*Крамаровский*, 2005. С. 231. Сноска 9; 2007. С. 188. Сноска 4), т.е. полуфаянсы с подглазурной полихромной росписью. Может быть, на это его натолкнуло сленговое прочтение слова «минаи», вернее, предположение, что в таком качестве его применил я? Смею уверить, что никогда не пользовался в своих статьях улично-тюремным жаргоном и не уравнивал эти совершенно различные типы (и даже классы!) керамики Востока (фаянсы типа «минаи» и полуфаянсы с полихромной росписью). К несчастью, «минаи» — это именно один из типов керамики средневекового Ирана, именно так ее рассматривал и Г.А. Фёдоров-Давыдов (1976. С. 126).

* И.В. Волков добавляет к этому сообщение А. Лэйна о присылке в 1308 г. хулагуидскому визирю Рашид ад-дину в качестве дипломатических даров от дельийского султана чаш с росписью «семи цветов» (*Lane*, 1971. Р. 7), однако о производстве такой керамики в Индии других известий нет. Не исключено, что под знакомые названия и тогда уже «подгонялись» экзотические изделия, относившиеся в действительности к совершенно иным типам.

** Специально подчеркнем, что этот набор красок отличается от того, который перечислен у ал-Кашани.

нилась на протяжении XIV в., но из-за этого никому не приходило в голову отказывать люстовым изделиям XIII–XIV вв. в праве называться таковыми или изобретать для них некое особенное название. Их просто называют люстрами ильханской эпохи.

Другой вопрос, где именно, чьими руками и до каких пор изготавливались фаянсы «минаи» в XIV в.? Первоначально поволжские находки такой керамики считались иранским импортом (Кверфельдт, 1947. С. 46), однако впоследствии была выдвинута гипотеза о местном, поволжском производстве фаянсов «минаи», базировавшаяся на следующих положениях:

1. В золотоордынских городах Поволжья находки облицовочных плиток и сосудов, изготовленных по технологии «минаи», довольно широко распространены, а при раскопках гончарных печей на Селитренном городище были найдены обломки подобной керамики (в том числе названные «бракованными», но не описанные и не проиллюстрированные), расцененные как свидетельство ее производства (Фёдоров-Давыдов, Булатов, 1989. С. 199).

2. Среди поволжских находок почти нет образцов с сюжетными изображениями (исключения составляют отдельные плитки от настенных панно) (рис. 4).

3. Полива поволжских находок близка или идентична по составу глазурям тех типов керамики, которые, несомненно, производились в Поволжье (Булатов, 1968. С. 107).

Однако ни одно из перечисленных соображений нельзя признать в качестве весомого аргумента в пользу гипотезы о производстве фаянсов «минаи» на территории Поволжья, так как:

1. В Поволжье пока не найдено достоверных гончарных браков фаянсов «минаи». Находки художественной керамики около гончарных печей (и даже в них самих!) не могут служить свидетельством ее производства в этих печах, поскольку они засыпались культурным слоем, а часто даже служили мусоросборниками, и сюда могла попасть керамика, не имевшая никакого к печам отношения (либо происходившая из усадьбы гончара, но использовавшаяся там для бытовых нужд).

2. Растительные орнаменты (без всяких сюжетных изображений) были известны и среди «классических» фаянсов «минаи» конца XII – середины XIII в. (Pope, Ackerman, 1965. Fig. 662B, 670A, 682, 683A, 684B; Масленицына, 1975. № 159; Kuhnel, 1976. Fig. 69). По авторитетному мнению А. Поупа, Э. Кю-

неля, Т.Х. Стародуб, переход от сюжетных изображений к отвлеченным орнаментальным схемам на фаянсах «минаи» произошел в Иране на протяжении XIII в. (Стародуб, 1983. С. 13), а значит, он вовсе не был изобретением ордынских мастеров. Это как раз те культурно-хронологические изменения в стилистике росписи, о которых уже шла речь выше и которые свойственны развитию любой художественной керамики.

3. Действительно, химический состав поливы фаянсов «минаи» близок составу глазурей золотоордынской кашинной керамики, однако это замечание касается и всех других разновидностей иранских фаянсов и полуфаянсов, что свидетельствует об использовании ордынскими мастерами иранской рецептуры или (и) иранского сырья при изготовлении глазурей (Коваль, 2005. С. 78. Табл.). Ведь «ордынские» мастера художественной керамики в действительности были переселенцами из стран Востока и, вероятно, в основной своей массе – из Ирана. Если допускать возможность изготовления «минаи» в золотоордынском Поволжье, то оно могло быть связано именно с таким переселением (насильственным или добровольным) последних иранских мастеров, знавших секрет «минаи». Вместе с тем не исключена возможность импорта всех найденных в Восточной Европе фаянсов «минаи» из Ирана на протяжении XIV в. (количество этих находок не так уж велико) и прекращения производства этой керамики в связи с внутренними событиями в Иране (в процессе и после падения державы ильханов).

Пожалуй, единственным существенным аргументом в пользу гипотезы об ордынском

Рис. 4. Обломок облицовочной плитки «минаи» из раскопок Селитренного городища с сюжетным изображением и использованием красной краски (Фёдоров-Давыдов, 1976. Илл. 86)

происхождении фаянсов «минаи» XIV в. можно считать значительное количество архитектурной керамики (декоративных облицовочных плиток) этого типа в золотоордынских городах Поволжья. Предположение о том, что такая керамика не привозилась из Ирана, а изготавливалась на месте (в одном или обоих Сараях) (Носкова, 1976. С. 27), представляется вполне логичным. Перевозка тяжеловесной архитектурной керамики на большие расстояния была, безусловно, затруднительна, хотя ее и нельзя считать совсем невозможной (эти плитки могли доставляться на Волгу из Ирана морем). Достаточно вспомнить о перевозке целых мозаичных наборов из тех же столичных центров в район Среднего Дона, где обнаружено несколько мавзолеев с кашинным мозаичным декором (Цыбин, 2007).

Итак, фаянсы «минаи» гипотетически могли производиться в золотоордынских городах, хотя факты существования такого производства пока не установлены. Но даже если производство этой керамики и было налажено в золотоордынских столицах, оно могло осуществляться только иранскими мастерами, знакомыми со сложнейшей технологией ее изготовления. Секреты производства столь дорогостоящей посуды (равно как и мозаик) не могли попасть туда без переселения людей, владеющих знаниями и навыками работы по этой технологии.

Теперь рассмотрим новую гипотезу об участии китайских керамических традиций в формировании «золотоордынского художественного стиля» керамики «минаи». По мысли М.Г. Крамаровского, «стилистику надглазурной росписи “цзыляо” мастера новых [ордынских] гончарных центров перенесли на... черепок кашина» (Крамаровский, 2005. С. 234). К сожалению, автор гипотезы не указывает происхождения этих мастеров и какими мотивами он объясняет перенос стилистики «цзыляо» на кашинную керамику, учитывая, что, в отличие от селадонов и фарфора с синей подглазурной росписью, вызвавших во всех странах Ближнего и Среднего Востока вал подражаний, какие-либо копии керамики «цзыляо» в этих странах пока не известны.

Судя по тому, что вторым источником для предполагаемого «нового керамического стиля» (представленного пока всего двумя сосудами — кубком из Азака и чашей из Сарайчика) названа иранская керамика «ладжвардина» (полуфаянсы с бело-красной росписью и зо-

лотыми аппликациями по густо-синей прозрачной глазури), эти мастера должны были иметь иранское происхождение. Но керамика «ладжвардина» имела совершенно иную цветовую гамму и ее привлечение потребовалось в данном случае только потому, что М.Г. Крамаровский заранее отказался рассматривать азакский кубок в качестве фаянса «минаи». Фактически здесь переставлены местами причина и следствие: «ладжвардина», которая появилась на свет как развитие «минаи» (это бесспорно уже в силу хронологии указанных типов керамики), предлагается М.Г. Крамаровским в качестве истока для поздней разновидности тех же самых фаянсов «минаи». Более головоломную путаницу трудно изобрести.

Интересно, что свой вывод о влиянии керамики «цзыляо» на формирование золотоордынского художественного стиля М.Г. Крамаровский предваряет кратким описанием одной из групп керамики «цычжоу» с надглазурной росписью красной, зеленой (и иногда — желтой) красками по белому фону. Такая разновидность «цычжоу» появилась в Китае в конце эпохи Сун (1127–1280) и широко распространилась в эпоху Юань (1280–1367), известна она и по раскопкам монгольской столицы Каракорума (Киселев, Евтюхова и др., 1965. С. 234. Табл. XIX, XX) (рис. 5). Считается, что до золотоордынского Поволжья она не доходила (Волков, 2007. С. 10). Однако единичные образцы такой керамики все же известны среди любительских сборов на Селитренном городище, которые стали по счастливой случайности известны нам (рис. 6). Что касается керамики «цзыляо», то она имела мало общего с керамикой «цычжоу» уже потому, что относилась к более раннему времени (она изготавливалась на территории государства Ляо в 916–1124 гг.) и украшалась росписью в основном в зелено-желтой гамме (иногда с добавлением белого цвета) (Киселев, Евтюхова и др., 1965. С. 237–239. Табл. XXII). Поэтому говорить о влиянии керамики «цзыляо» (X–XI вв.) на золотоордынскую керамику XIV в. невозможно уже хотя бы из-за наличия временного разрыва по меньшей мере в 200 лет. Нет оснований судить и об опосредованном влиянии керамики «цзыляо», например, через керамику «цычжоу», из-за существенных различий этих групп китайских изделий (хотя взаимовлияние всех групп керамики Китая друг на друга, разумеется, вполне возможно).

Рис. 5. Керамика «цычжоу» с красной и зеленой росписью (Киселев, Евтюхова и др., 1965. Табл. XIX)

Нам остается вообще неясным, зачем М.Г. Крамаровскому потребовалось говорить о влиянии керамики «цзыляо», когда все приведенные им сравнения в колористике и стилистике с азакским кубком относятся исключительно к керамике «цычжоу». Если же обратиться теперь к последней, то нетрудно заметить, что ее красно-зеленая (на белом фоне) цветовая гамма (рис. 5, 6) существенно отличается от изображений на азакском куб-

ке, где доминирует вовсе не красная краска, а синий краситель (кобальт). Напротив, цветовая гамма азакского кубка, при всей ее индивидуальности, целиком вписывается в традицию декора фаянсов «минаи». Безусловно, использование творцом кубка красной краски не только для контурной росписи и закрепления аппликаций золотой фольги, но еще и для изображения крупных красных цветков, необычно для фаянсов «минаи» домонголь-

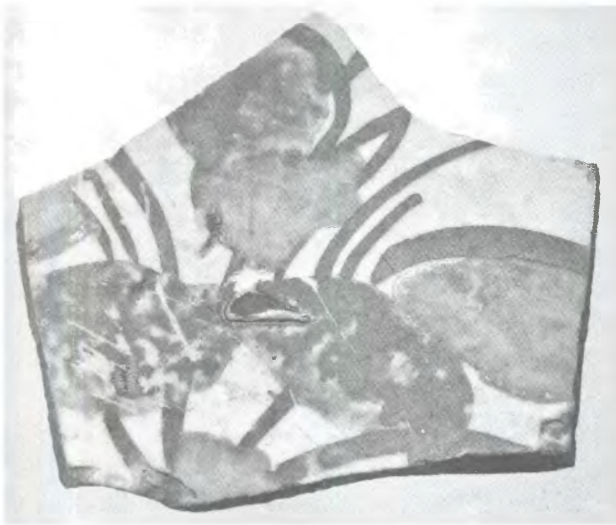

Рис. 6. Обломок керамики «цычжоу» с Селитренного городища (случайная находка).

Рис. 7. Китайский шелк с изображениями фениксов и цветов пиона XIII в. (Шелковый путь..., 2007. С. 110)

ской эпохи, хотя применение этой краски для заполнения деталей рисунка известно уже и для того времени. А то, что на образцах «минаи» XIV в. красная краска использовалась значительно шире, чем в XII–XIII вв., было установлено уже довольно давно (*Кверфельдт*, 1947. С. 88; *Носкова*, 1976. С. 26). Это отличие, носящее выраженный хронологический характер, не может противоречить атрибуции изделия в качестве керамики «минаи».

Допустим, однако, на минуту, что предположение М.Г. Крамаровского верно и китайская стилистика керамического декора действительно оказалась перенесена на ордынский кашинный сосуд. В этом случае неизбежно встают два вопроса: что могло послужить причиной для такого «переноса», нигде более на Востоке не встреченного, и кто его осуществлял? При этом предложенная уважаемым исследователем формулировка неизбежно заставляет думать о том, что к «переносу на

черепок кашина» китайской стилистики росписи могли быть причастны китайские же мастера. Однако такое допущение вряд ли возможно, поскольку в этом случае следовало бы ожидать точного воспроизведения если не целых композиций, характерных для керамики «цычжоу», то хотя бы цветовой гаммы этих композиций. Если же пресловутый «перенос» осуществлялся не китайцем, а иранцем, то единственной возможной причиной для него могла быть попытка сознательного копирования китайского образца. В других типах керамики (например, полуфаянсах с синей монохромной росписью, широко известных как «тимуридская» керамика) такие копии хорошо известны. Но для данного случая китайский образец назвать невозможно, потому что он просто никогда не существовал. Как показал сам М.Г. Крамаровский, на кубке, скорее всего, изображен уголок мусульманского райского сада с двумя водоемами — чудесными источниками, и, разумеется, этот сюжет не мог присутствовать на китайском сосуде XIV века. Получается, что единственным поводом для привлечения к исследованию «китайской стилистики» оказалось несколько более широкое (чем обычно в «минаи») использование красной краски. Но для объяснения такого случая обращение к китайским изделиям излишне, оно вполне вписывается в канву существовавшей в XIV в. иранской традиции.

Последним аргументом М.Г. Крамаровского в пользу китайского влияния на декор азакского кубка стало присутствие на нем изображений фениксов, образ которых действительно происходит из китайской мифологии. Правда, на китайской керамике (в том числе керамике «цычжоу», «цызяо» и др.) изображения этих птиц практически не известны. Более вероятно заимствование этого образа с китайских же шелковых тканей, хорошо известных на Среднем Востоке (*Волков*, 2007. С. 11. Рис. 2). Известны синхронные образцы таких тканей с изображениями фениксов (*Шелковый путь...*, 2007. С. 110) (рис. 7), бытовавших на всем Среднем Востоке. Найдены такие ткани и в погребениях золотоордынской эпохи (*Додэ*, 2005. Рис. 2). В то же время именно для иранской керамики XIV в. (как люстровой, так и полихромной «султанабадского» типа) как раз и было характерно широкое использование китайских мотивов — фениксов (рис. 8, 9), аистов, драконов, лотосов, «китайских облаков», что является характерной чер-

гой искусства ильханского Ирана (*Масленицына*, 1976. С. 175, 176; *Стародуб*, 1983. С. 12). Фаянсы «минаи» XIV в. оказались менее подвержены влиянию моды ильханской эпохи на китайские мотивы, однако пример азакского кубка показывает, что такое влияние не обошло и творцов этого типа керамики.

Итак, для объяснения появления на фаянсах «минаи» китайских по своему происхождению мотивов (фениксы) и колористических новаций (широкое использование красной краски) совсем не обязательно предполагать заимствование стилистики малоизвестного на мусульманском Востоке типа китайской керамики. Гораздо более вероятно, что эти новации являются результатом внутреннего развития стилистики декора фаянсов «минаи» в XIV в. и переосмысления исламскими мастерами ряда изображений, известных им по китайским шелковым тканям. Сейчас довольно трудно установить, в каких конкретно производящих центрах происходили такие трансформации. Золотоордынские столицы в Нижнем Поволжье, конечно, могут претендовать на роль таких центров, однако с большей вероятностью последние следует искать на территории Ирана, где развивалось искусство фаянсов «минаи» в предшествующий период (XII–XIII вв.). Использование «китайских» мотивов (фениксы) при изображении мусульманского рая как раз указывает на место рождения этого шедевра в иранской культурной среде с ее глубокими исламскими традициями и распространившейся в XIV в. модой на «китайские» элементы декора.

Окончательный ответ на вопрос о месте производства азакского кубка может дать его специфическая форма кубка, ближайшие аналогии которой были приведены среди керамических, стеклянных и бронзовых сосудов из Египта и Ирана (*Крамаровский*, 2005. С. 230; *Волков*, 2006. С. 418. Рис. 1, 2). Очень важным является свидетельство о полном отсутствии среди золотоордынской керамики поддонов, идентичных или хотя бы близких по форме поддону азакского кубка (*Волков*, 2006. С. 417).

Таким образом, первоначальную атрибуцию азакского кубка в качестве иранского фаянса «минаи», предложенную И.В. Белинским и А.Н. Масловским, следует считать наиболее вероятной, а влияние на него китайского керамического искусства можно рассматривать только как в высшей степени опосредованное.

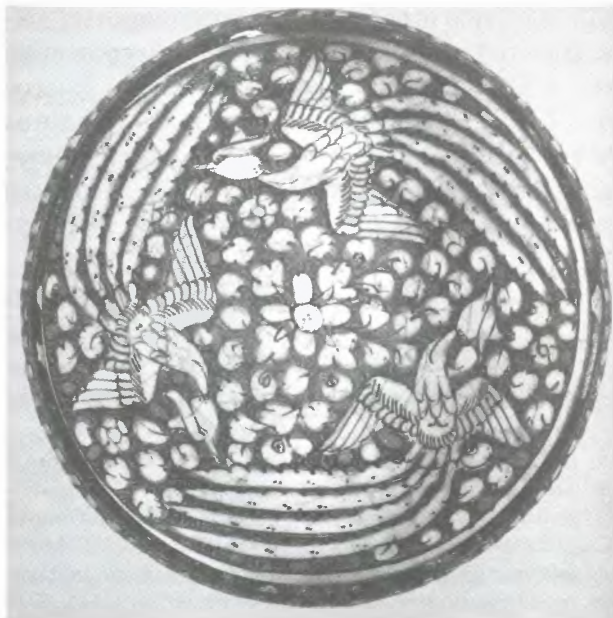

Рис. 8. Чаша «султанабадского» типа с изображениями фениксов (Иран, конец XIII – первая половина XIV в.) (*Watson*, 2005. Cat. Q14)

Рис. 9. Облицовочная плитка «минаи» с изображением феникса (Иран, XIV в.) (*The Legacy*., 2002. Fig. 101)

Гипотезу же о некоем «переносе» стилистики китайской керамики «цзычжоу» (и тем более – «цзыляо») на «черепок кашина» вряд ли можно признать удачной.

Азакская находка, послужившая поводом для нового обращения к проблеме датировки и происхождения фаянсов «минаи», благодаря своей твердой стратиграфической дате важна также для констатации факта продолжения производства этого самобытного иранского типа керамики по крайней мере до середины

XIV в. Стратиграфически датированные находки этой керамики на территории средневековой Руси (прежде всего, в Великом Новгороде) также не выходят за пределы середины XIV в. (Коваль, 1997. С. 157). Если эти наблюдения верны, то прекращение производства фаянсов «минаи» произошло не ранее середи-

ны XIV в. (точнее, не ранее 1360-х годов). Следовательно, производство «минаи» в середине XIV в. продолжало существовать в Иране и закончилось там вместе с почти полным исчезновением люстровой керамики. Вероятно, эти два события могли быть как-то взаимосвязаны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белинский И.В., Масловский А.Н., 1998. Некоторые редкие импорты поливной керамики Азака // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. Симферополь.

Булатов Н.М., 1968. Классификация поливной кашинной керамики золотоордынских городов // СА. № 4.

Вактурская Н.Н., 1959. Хронологическая классификация керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М. Т. 4.

Волков И.В., 2006. Об определениях керамики и азовском сосуде в технике минаи // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Азов. Вып. 22.

Волков И.В., 2007. Массовая керамика золотоордынских городов: информативные возможности и проблема сохранения наследия // Средневековая археология евразийских степей. Казань. Т. II.

Государственный музей искусства народов Востока, 1988. М.; Л.

Гражданкина Н.С., Ртвеладзе Э.В., 1971. Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Маджара // СА. № 1.

Доде З.В., 2005. Уникальный шелк с «драконами» из могильника Джухта (Северный Кавказ) // РА. №2.

Искусство ислама, 1990. Л.

Киселев С.В., Евтюхова Л.А. и др., 1965. Древнемонгольские города. М.

Кверфельдт Э.К., 1947. Керамика Ближнего Востока. Л.

Коваль В.Ю., 1997. Восточная керамика золотоордынской эпохи в средневековом Новгороде // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород. Вып. 11.

Коваль В.Ю., 2005. Кашинная керамика в Золотой Орде // РА. № 2.

Крамаровский М.Г., 2005. Алые пионы Эдема: О полихромии в керамике Золотой Орды XIII–XIV вв. // Античная древность и средние века. Екатеринбург. Вып. 36.

Крамаровский М.Г., 2007. Кубок из Азака: О полихромии в керамике Золотой Орды // Средневековая археология евразийских степей. Казань. Т. I.

Масленицына С.П., 1971. К атрибуции двух чаш «минаи» из коллекции ГМИНВ // Искусство и археология Ирана. М. Вып. 1.

Масленицына С.П., 1975. Искусство Ирана в собрании Государственного музея искусства народов Востока. Л.

Масленицына С.П., 1976. Начало нового периода средневековой керамики Ирана (XIV в.) // Искусство и археология Ирана. М. Вып. II.

Масловский А.Н., 2006. Керамический комплекс Азака: Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов. Вып. 21.

Носкова Л.М., 1976. Мозаики и майолики из средневековых городов Поволжья // Средневековые памятники Поволжья. М.

Персидско-русский словарь. 1985. М. Т. 2.

Рапопорт И.В., 1971. Художественная керамика средневекового Ирана. Л.

Сазонова Н.В., 1994. Искусство Ирана. М.

Сайко И.В., 1982. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М.

Стародуб Т.Х., 1983. Проблема стиля иранской керамики XI–XIV веков (на материале коллекций СССР). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Стародуб Т.Х., 1988. Иранская керамика с надглазурной полихромной росписью (минаи) // Музей. М. Вып. 9.

Тасмагамбетов И., Самашев З., 2001. Сарайчик. Алматы.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1976. Искусство кочевников и Золотой Орды. М.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.

Фёдоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., 1989. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.

Цыбин М.В., 2007. Архитектурный декор золотоордынского мавзолея у пос. Красный Воронежской области // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв. Ялта.

Шелковый путь: 5000 лет искусства шелка, 2007. СПб.

Kuhnel E., 1976. Islamic Arts. London.

Lane A., 1971. Later Islamic Pottery. London.

The Legacy of Genghis Khan, 2002. New York; London.

Pope A.U., Ackerman P., 1965. The Ceramic Art in Islamic Times: The History // A Survey of Persian Art. Tokyo. Vol. 10.

Soustiel J., 1985. La ceramigue Islamique: Le guide du connaisseur. Fribourg.

Watson O., 1985. Persian lustre ware. London.

Watson O., 2005. Ceramics from Islamic lands. Dar al-Athar.

НОВЫЕ НАХОДКИ ДЖУЧИДСКИХ МОНЕТ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

В настоящее время накоплены обширные материалы по денежному обращению на территории Среднего Поволжья в золотоордынский период. Опубликован ряд кладов XIII–XV вв., издана серия отдельных находок золотоордынских монет с Болгарского городища. После появления фундаментальных работ выдающихся отечественных нумизматов — С.А. Яниной и Г.А. Фёдорова-Давыдова можно считать, что монетное обращение Среднего Поволжья в золотоордынский период изучено достаточно хорошо, но, к сожалению, неравномерно. Если отдельные находки монет на Болгарском городище неоднократно становились объектом специального рассмотрения, то единичные находки монет на средневековых селищах Среднего Поволжья привлекали значительно меньше внимания. Объясняется это лучшей изученностью Болгарского городища по сравнению с остальными памятниками золотоордынского времени в этом регионе. Именно Болгарское городище, бывшее местом чеканки монет в золотоордынское время, каждый год одаривает исследователей новыми нумизматическими материалами, а на других памятниках находки джучидских монет представляют собой более редкое явление. Целью настоящей работы является ввод в научный оборот новых материалов по денежному обращению XIII–XV вв. — монет с селищ и городищ, расположенных в округе Великого Болгара. Все монеты были собраны одним из авторов в 1990-е годы.

Большинство монет, публикуемых в статье, являются известными, уже опубликованными типами. Сведения о монетах с указанием весовых данных приведены в таблице в настоящей статье.

На большинстве памятников, которые рассматриваются в работе, монеты еще не находили, некоторые из поселений археологи относили исключительно к домонгольскому периоду.

Золотоордынский слой ранее не фиксировался на Мурзихинском, Семеновском I и

II селищах. Р.Г. Фахрутдинов и Е.П. Казаков датируют эти памятники домонгольским временем (Фахрутдинов, 1975. С. 132, № 841, 845; С. 138, № 954; Казаков, 1988. С. 72–73). Старокуйбышевское IV селище в историографии также иногда относят только к домонгольскому времени (Казаков, 1988. С. 73), хотя при этом и отмечается, что на памятнике находят монеты с именем халифа ан-Насир лид-дина (Казаков, 1988. С. 72–73).

Абсолютная хронология многих памятников была установлена датировкой по керамике — основной категории находок. Накопленные в настоящее время материалы показывают спорность некоторых датировок. Например, датировка Старокуйбышевского VII селища раннезолотоордынским временем (Казаков, 1988. С. 74) вызывает некоторые сомнения, так как на этом памятнике монеты XIII в. вообще не были зафиксированы, а Семеновское V селище, относимое также к раннезолотоордынскому времени (Казаков, 1988. С. 74), судя по монетным находкам, продолжало существовать и в XIV в. Алексеевское VI селище, по К.А. Руденко, прекратило существование к началу XIII в. (Руденко, 1997. С. 76), но в данной работе публикуются джучидские монеты, найденные на этом памятнике.

Таким образом, нумизматические материалы, освещенные в данной работе, содержат информацию, которая послужит в дальнейшем основанием для уточнения времени существования некоторых средневожских селищ.

В работе приводятся сведения о 367 экземплярах медных и серебряных монет XIII–XV вв., найденных на двадцати четырех памятниках. Наибольшее количество монет было встречено на Семеновском V селище (106 экз.). Селище достаточно велико: площадь его составляет 180 тысяч кв. м. В литературе уже отмечалось обилие находок на этом селище джучидских монет (Казаков, 1988. С. 75), атрибуции которых, однако, ранее представлено не было.

Небольшое количество монет было найдено на Болгарском городище, монетные находки с которого публикуются часто. Значитель-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке фонда Герды Хенкель.

но больший интерес, на наш взгляд, представляют находки с других памятников, денежное обращение которых почти не изучено.

Среди памятников, материалы с которых публикуются в данной работе, в историографии имеются только краткие сведения о находках монет XIII–XV вв. Относительно Старокуйбышевского IV и Семеновского V селищ есть указания на находки монет с именем ан-Насир лид-дина (*Казаков*, 1988. С. 72–73), опубликовано несколько монет с Именьковского городища (*Лебедев, Мухаметшин*, 1994. С. 60–61; 1997. С. 74–75), издан более представительный нумизматический комплекс с Мурзихинского селища (*Казаков, Руденко, Беговатов*, 1993. С. 64), упоминается находка неопределенной джучидской медной монеты на Малиновском селище (Археологическая карта..., 1986. С. 61. № 373).

Большинство монет, найденных в округе Болгара, чеканено из меди (227 экз.). Меньшая часть (138 экз.) — серебряные монеты. Обращает на себя внимание то, что по количеству серебряные монеты ненамного уступают медным. Это очень необычно для золотоордынских памятников.

Публикуемый комплекс состоит из единичных монет, однако можно с большой долей уверенности полагать, что здесь присутствуют части разрушенных кладов серебряных монет (об этом свидетельствует и значительное количество серебра). К сожалению, невозможно с полной уверенностью отделить серебряные монеты из кладов от утерянных серебряных монет.

Интересно, что среди монет, найденных на Малиновском селище, серебряных монет было найдено столько же, сколько и медных (по 23 экз.). По всей видимости, часть серебряных монет из этого комплекса представляет собой остатки клада. Большинство серебряных монет было найдено в 1986 г. на небольшой территории. Вероятно, в состав клада входили монеты с именами Токты, Узбека, Джанибека и Бердибека, а сам клад был сокрыт в период «великой замятни», в начале 1360-х годов. Анэпиграфные монеты, найденные на селище, вероятно, не входили в данный клад, а были утеряны в более раннее время.

На территории, занятой Тенишевским могильником, обнаружено 8 серебряных монет, а медных — лишь одна. Состав комплекса позволяет подозревать, что мы имеем дело с разрушенным кладом серебряных монет. Хроно-

логически состав Тенишевских находок достаточно компактен и относится к XIV в. (только монета с именем каана Менгу (XIII в.) выбивается из общего ряда).

Остатки других возможных кладов — серебряные монеты с Семеновского IV и V селищ. На IV селище было найдено 14 серебряных монет (почти $\frac{1}{4}$ всего комплекса), а на V селище — 53 экземпляра серебряных монет ($\frac{1}{2}$ комплекса). Относительно комплекса Семеновского V селища наличие разрушенного клада серебряных монет можно предполагать с большей долей уверенности, однако выделить монеты, его составлявшие, едва ли возможно.

По месту чекана монеты с рассматриваемых памятников распределяются следующим образом.

Большинство монет чеканено в Среднем Поволжье. На некоторых обозначено место чекана — Болгар (а также «Биляр»^{*}). На других типах место чекана отсутствует, но по общей топографии находок можно полагать, что они чеканились в Среднем Поволжье, вероятно, в Болгаре. Основную часть находок можно отнести к монетному чекану Болгара (Болгар, Болгар ал-Махруса, «Б-ляр», без обозначения места чекана) (177 экз.). На 160 экземплярах проставлены имена нижеволжских монетных дворов — Сарая, Сарая ал-Махруса, Сарая ал-Джедид, Голистана и Хаджи-Тархана.

Некоторые серебряные монеты нижеволжской чеканки, возможно, следует считать подражаниями (например, монета Узбека с Малиновского селища; монета Джанибека с Мурзихинского селища; несколько монет Джанибека с Семеновского V селища). Подражанием может быть назван пул Сарая с грубым изображением льва и солнца (по типу 1330-х годов), найденный на Семеновском V селище. Место выпуска подражаний неясно (вероятнее всего, Среднее или Нижнее Поволжье).

Интересно отметить находку на Малиновском селище фальшивой монеты. Монета чеканена по типу серебряной (Джанибек, чекан Сарая ал-Джедид), имеет серебряное покрытие и медное основание. Находки подобных монет отмечаются исследователями не часто.

Среди находок монет, чеканенных за пределами Поволжья, можно отметить две сере-

^{*} «Б-ляр» — вероятно, вариант написания Болгара (*Пачкалов*, 2004а).

бряные монеты Азака XIV в. (найлены на Малиновском селище и в Девичьем городке).

Чекан Крыма представлен монетой Хаджи-Гирея. Имеются также медные монеты одного типа с орлом и с неясной, непочитанной до сих пор легендой (2 экз.). Вероятно, эти монеты чеканились в Крыму. Х.М. Френ легенду на этом типе не смог прочесть, воздержавшись от атрибуции монеты. Р.Р. Фасмер отнес эти монеты к 749 г.х. (1348/1349 гг.). По С.А. Яниной, монеты чеканились в Крыму в 744(?) г.х. (1343/1344 гг.) (Янина, 1970. № 14). Исследовательница отметила, что «такие монеты в последнее время зафиксированы в заметном количестве в нумизматических находках Старого Крыма и Феодосии» (Янина, 1962. С. 156). Вместе с этим существует и версия о чеканке указанных монет в Поволжье, так как их находки нередки на Нижней и Средней Волге, а медные монеты крымского чекана в этом регионе практически не находят. Г.А. Федоров-Давыдов полагал, что «наиболее убедительной атрибуцией является отнесение их к новосарайскому или сарайскому чекану» (Федоров-Давыдов, 1999. С. 126). По одному экземпляру монет с орлом было встречено на Семеновском IV и на Малиновском селищах.

Чекан Орда-Базара представлен среди находок с Богородского и Измерского селищ. Монеты Орда-Базара хорошо известны, однако локализация места их чекана вызывает сложности. Вероятно, джучидские монеты с легендой «Орда-Базар» могли чеканиться в различных регионах. Недавно стал известен небольшой комплекс серебряных и медных монет Орда-Базара из Херсонской области. Была высказана версия о возможности чеканки монет Орда-Базара в Поднепровье, но, учитывая другие данные, сейчас можно предполагать чеканку орда-базарских монет и в других регионах улуса (Пачкалов, 2004 б. С. 155–157; 2004 в. С. 96–97).

Два экземпляра комплекса являются не золотоордынскими монетами. На Богородском селище найдена монета основателя Крымского ханства — Хаджи-Гирея, а на Старокуйбышевском IV селище — медная монета Румских Сельджуков (Кейкубад I 616–634 г.х., чекан Сиваса). Последняя монета, относящаяся ко времени монгольских завоеваний, не является единичной. На территории Малой Азии находки подобных монет многочисленны, однако в Поволжье монеты Румских Сельджуков редки. На территории Среднего Поволжья нам известны только две монеты, относящи-

еся к эмиссиям данной династии. В Великом Болгаре до 1953 г. была встречена медная монета Румских Сельджуков XIII в. (точнее монета не определяется) (Жиромский, 1953. С. 60; 1962. С. 207), а в период 1994–1996 гг. — серебряная монета 1340-х годов (Баранов, 1998. С. 33). Монеты Гиреев на территории Среднего Поволжья попадаются редко. Известны только монеты Хаджи-Гирея среди единичных находок (Билярск, Именьково) (Федоров-Давыдов, 1963. С. 198, №445; Лебедев, Мухаметшин, 1994. С. 60–61; 1997. С. 74–75), а также в кладе 1893 г. из г. Казани (Федоров-Давыдов, 1960. С. 168. № 195).

Чекан Хорезма и других отдаленных регионов в комплексе полностью отсутствует.

Ряд монет, публикуемых в статье, не имеет ни даты чекана, ни имени правителя, поэтому датировка их затруднена. Охарактеризуем кратко версии о времени выпуска анонимных пулов с тамгой и с решеткой (типы: Янина, 1954. № 12, 14), анонимных и анэпиграфных серебряных монет.

Анонимные и анэпиграфные серебряные монеты, чеканившиеся на территории Среднего Поволжья, традиционно датируют исключительно XIII в. Однако существует мнение, что указанные монеты чеканились вплоть до 1330-х годов (Тростянский, Егоров, 2003. С. 122). Действительно, сейчас на территории Татарстана известен клад, в составе которого были монеты Узбека и различные типы анонимных монет, традиционно относимых к XIII в. (Гумаюнов, 2002. С. 81–82; Пачкалов, 2004 г. С. 164–165. № 32). Клад свидетельствует, что некоторые типы анонимных и анэпиграфных монет если и не чеканились при Узбеке, то, по крайней мере, обращались в период его правления.

Другой тип монет, датировка которого вызывает споры, — анонимные пулы с орнаментом в виде решетки. С.А. Янина датировала эти монеты 1280–1310 гг. (Янина, 1958. С. 399). По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, пулы с решеткой относятся ко времени правления Узбека (Федоров-Давыдов, 1987. С. 176–177). В настоящее время появились данные в пользу поздней датировки этой группы пулов. К.А. Руденко были опубликованы нумизматические данные с Алексеевского селища «у дамбы». На этом памятнике были встречены монеты 1340–1360-х годов, а также два пула с решеткой (Руденко, 1994. С. 129). По данным Д.Г. Мухаметшина, монеты следует относить к концу 1330-х годов, так как в Бол-

гаре была обнаружена монета, перечеканенная из монеты типа со львом 737 г.х. (1336–1337 гг.) (Мухаметшин, 2004. С. 129).

Пулы с тамгой Бату и с легендой «в добрый час» С.А. Янина также первоначально датировала 1280–1310 гг., а в публикации 1960 г. датировка ею была пересмотрена — на время после реформы хана Токты в 710 г.х. (1310/1311 г.) (Янина, 1958. С. 399; 1960. С. 210–211). Время чекана этого типа в настоящее время неясно. Заметим только, что указанные монеты были встречены в Молдавии на городище Старый

Орхей, а на этом памятнике джучидские монеты появляются в большом количестве только с 1350-х годов (Абызова, Бырня, Нудельман, 1981. С. 81–86).

Несколько монет в комплексе были обрезаны (вторая половина XIV в.), а на двух экземплярах присутствовали надчеканки. На серебряной монете Узбека — надчеканка в виде тамги, а на пуле Хызра — «хан». Надчеканка «хан» на меди, вероятно, местная, средне-волжская. Можно предположить, что надчеканивание производилось в 1360-е годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А., 1981. Древности Старого Орхей: Золотоордынский период. М.

Археологическая карта Татарской АССР, 1986. Западное Закамье. Казань.

Баранов В.С., 1998. Исследование округи сезонного водоема в юго-восточной части Болгарского городища // Болгар и проблемы исторического развития западного Закамья. 60 лет археологического изучения: Тезисы научной конференции. Болгар.

Гумаюнов С.В., 2002. Клад серебряных джучидских монет с Барсоенарускинского городища // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция: Тезисы докладов и сообщений. М.

Жиромский Б.Б., 1953. Подгорная слобода города Болгара // КСИИМК. М. Вып. 50.

Жиромский Б.Б., 1962. Некоторые нумизматические данные по истории Волжской Болгарии // МИА. М.; Л. № 111.

Казаков Е.П., 1988. Булгарские памятники приустьевой части Закамья и монгольское нашествие // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань.

Казаков Е.П., Руденко К.А., Беговатов Е.А., 1993. Мурзинское селище // Древние памятники приустьевой Закамья: Материалы Новостроечной экспедиции Министерства культуры Республики Татарстан. Казань. Вып. 1.

Лебедев В.П., Мухаметшин Д.Г., 1994. Монетный комплекс середины XV в. с Именьковского городища // Город Болгар и его округа: Тезисы докладов научной конференции, посвященной 25-летию БГИАМЗ. Болгар.

Лебедев В.П., Мухаметшин Д.Г., 1997. Небольшой монетный комплекс с Именьковского городища в Татарстане // Древности Нижегородского Поволжья. Нижний Новгород. Вып. 2. Нумизматический сборник. Т. 1.

Мухаметшин Д.Г., 2004. Датировка археологического слоя по нумизматическим данным // Древность и средневековые Волго-Камья: Материалы третьих Халиковских чтений. 27–30 мая 2004 г. Казань; Болгар.

Пачкалов А.В., 2004а. Еще раз к вопросу о «Биляре» и Болгаре // Древность и средневековые Волго-Камья: Материалы третьих Халиковских чтений. 27–30 мая 2004 г. Казань; Болгар.

Пачкалов А.В., 2004б. Монетные дворы Золотой Орды и их локализация // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Wiesbaden. Vol. XIII.

Пачкалов А.В., 2004 в. Новая находка восточных монет в Херсонской области: к вопросу о месте чеканки монет Орда-Базара // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция: Тезисы докладов и сообщений. М.

Пачкалов А.В., 2004 г. Новые находки кладов золотоордынских монет // Древности Поволжья и других регионов. Нижний Новгород. Вып. V. Нумизматический сборник. Т. 4.

Руденко К.А., 1994. Алексеевское селище и могильник («у дамбы») в Татарстане // Археология и этнография марийского края. Йошкар-Ола. Вып. 23: Проблемы средневековой археологии волжских финнов.

Руденко К.А., 1997. К вопросу о хронологии булгарских древностей (по материалам селищ Алексеевского р-на Татарстана) // Биляр и Волжская Булгария. Изучение и охрана археологических памятников: Тезисы научной конференции. Билярск, сентябрь 1997 г. Казань.

Тростянский О.В., Егоров Э.Н., 2003. Анонимные и аэнографные монеты Булгара XIII–XIV вв. // Проблемы охраны и реставрации памятников в современных условиях: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 280-летию указа Петра I об охране Булгарских древностей. Болгары, 24 сентября 2002 г. Казань.

Фахрутдинов Р.Г., 1975. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территории. Казань.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1960. Клады джучидских монет // НЭ. М. Т. I.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1963. Находки джучидских монет // НЭ. М. Т. IV.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1987. Денежное дело и денежное обращение Болгара // Болгар: Очерки истории и культуры. М.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1999. Двуглавый орел на золотоордынских монетах // Гербовед. № 6(38). М.

Янина С.А., 1954. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах в 1946–1952 гг. // МИА. М.; Л. № 42.

Янина С.А., 1958. Джучидские монеты из сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах в 1953–1954 гг. // МИА. М.; Л. № 61.

Янина С.А., 1960. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах в 1957 г. // МИА. М.; Л. № 80.

Янина С.А., 1962. Общий обзор коллекции джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах (1946–1958 гг.) // МИА. М.; Л. № 111.

Янина С.А., 1970. Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов на Царевском городище в 1959–1962 гг. // Поволжье в средние века. М.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица. Находки монет XIII–XV вв.*

Алексеевское VI селище

№	Металл	Эмитент	Монетный двор	Дата (г.х.)	Кол-во	Вес (г)	Примечания**
1	Серебро	–	–	–	1	1,24	Синг. №157
2		–	–	–	1	0,50	Синг. №193 ? Фракция дирхема
3	Медь	–	Болгар	–	1	1,08	ЯІ №12
4–5		–	Сарай ал-Джедид	–	2	0,72; 1,58	Двуглавый орел (1340-е гг.). 1 экз. перечеканен из сарайского пула 1330-х гг. (лев и солнце)
6	Серебро	Джанибек		749	1	1,11	
7	Медь	–		–	1	1,55	Цветочный орнамент
8		Хызр	Гюлистан	762	1	3,22	
9	Серебро	Дервиш	Болгар	–	1	0,73	

Богородское селище

№	Металл	Эмитент	Монетный двор	Дата (г.х.)	Кол-во	Вес (г)	Примечания
1	Серебро	Шадибек	–	–	1	0,65	Двойной удар или перечекан
2		?	Орда-Базар	–	1	0,49	XV в. С отверстием
3		Хаджи Гирей ?	?	–	1	0,61	

Болгарское городище

№	Металл	Эмитент	Монетный двор	Дата (г.х.)	Кол-во	Вес (г)	Примечания
1–2	Медь	–	Болгар	734	2	1,78; 1,99	
3–5				–	3	1,02; 1,13; 1,22	ЯІ № 12
6–7			Сарай ал-Джедид		2	0,76; 1,49	Двуглавый орел (1340-е гг.)
8		Хызр		762	1	2,38	

* Часть монетных находок была осмотрена и определена Г.А. Фёдоровым-Давыдовым, часть — А.В. Пачкаловым.

** Список условных сокращений для Приложения:

Синг. – Сингагуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII в. Казань, 2003.

ЯІ – Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгар в 1946–1952 гг. // МИА. М.; Л., 1954. № 42.

ЯІІ – Янина С.А. Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов на Царевском городище в 1959–1962 гг. // Поволжье в средн. века. М., 1970.

Девичий городок

№	Металл	Эмитент	Монетный двор	Дата (г.х.)	Кол-во	Вес (г)	Примечания
1	Серебро	Узбек	Болгар ал-Махруса	732	1	1,37	
2	Медь	–	Сарай	–	1	0,91	Лев и солнце (1330-е гг.)
3	Серебро	Кульпа	Азак	760	1	1,23	

Епанчино

№	Металл	Эмитент	Монетный двор	Дата (г.х.)	Кол-во	Вес (г)	Примечания
1	Медь	–	Сарай ал-Джедид	–	1	1,07	Двуглавый орел (1340-е гг.)

Измерское селище

№	Металл	Эмитент	Монетный двор	Дата (г.х.)	Кол-во	Вес (г)	Примечания
1	Серебро	Мухаммад б. Тимур?	Орда-Базар?	–	1	1,00	

Именьковское селище

№	Металл	Эмитент	Монетный двор	Дата (г.х.)	Кол-во	Вес (г)	Примечания
1–2	Медь	ан-Насир лид-дин		–	2	1,12; 1,31	
3		–	Сарай ал-Джедид		1	1,38	Двуглавый орел (1340-е гг.)
4					1	2,02	Цветочный орнамент (1350–1360-е гг.)
5		Хызр		762	1	2,81	
6–8			Гюлистан		3	2,46; 2,73; 3,68;	

Карташихинское селище

№	Металл	Эмитент	Монетный двор	Дата (г.х.)	Кол-во	Вес (г)	Примечания
1	Медь	–	Сарай ал-Джедид	–	1	0,90	Двуглавый орел (1340-е гг.)

Малиновское селище

№	Металл	Эмитент	Монетный двор	Дата (г.х.)	Кол-во	Вес (г)	Примечания
1	Серебро	–	–	–	1	1,22	Синг. № 161
2					1	1,36	Синг. № 180
3					1	0,24	Синг. № 208. Фракция дирхема
4		?	?	?	1	1,17	неясный тип XIII в.

№	Металл	Эмитент	Монетный двор	Дата (г.х.)	Кол-во	Вес (г)	Примечания
5–6		Токта	Сарай ал-Махруса	710	2	1,28; 1,42	
7		Узбек	Сарай	731?	1	1,40	
8				?	1	1,42	
9			Болгар ал-Махруса	732	1	1,52	
10–12	Медь	–	Болгар	734	3	1,23; 1,60; 1,87	2 экз. имеют отверстия
13–15			Сарай	–	3	1,15; 1,21; 1,39	Лев и солнце (1330-е гг.)
16			Болгар	–	1	0,77	ЯІ № 12
17	Серебро	Узбек	Сарай?	?	1	1,20 (подражание?; 1,50	Подражание?
18–24	Медь	–	Сарай ал-Джедид	–	7	0,94; 1,00; 1,21; 1,29; 1,35 – 2; 1,67	Двуглавый орел (1340-е гг.)
25	Серебро	Джанибек		746	1	1,49	
26				747 ?	1	1,29	
27–28				749	2	1,48; 1,50	
29–31				?	3	1,37 (фальшивая); 1,46; 1,50	1 экз. – фальшивая монета (с медной основой).
32–33			Гюлистан	753	2	1,47; 1,55	
34	Медь	–	Крым	–	1	2,18	1340-е ? гг. ЯІІ № 14
35–36		–	Сарай ал-Джедид	–	2	2,00; 2,29	Цветочный орнамент (1350–1360-е гг.)
37	Серебро	Бердибек	Азак	759	1	1,35	
38			Гюлистан		1	1,58	
39–40				760	2	1,56; 1,59	
41–42	Медь	Хызр	Сарай ал-Джедид	762	2	2,53; 2,96	
43–45			Гюлистан		3	2,05; 2,44; 2,61	
46		?	?	?	1	2,28	

Мансурово селище

№	Металл	Эмитент	Монетный двор	Дата (г.х.)	Кол-во	Вес (г)	Примечания
1	Серебро	–	Болгар	–	1	0,76	Синг. № 44. Фракция дирхема
2		?	?	?	1	0,36	XIII в. (тип неясен). Фракция дирхема
3–4	Медь	–	Сарай ал-Джедид	–	2	1,40; 1,57	Двуглавый орел (1340-е гг.)

Мурзихинское селище

№	Металл	Эмитент	Монетный двор	Дата (г.х.)	Кол-во	Вес (г)	Примечания
1–9	Медь	ан-Насир лид-дин	–	–	9	1,31; 1,92; 1,93; 2,93; 3,01; 3,14; 3,37; 3,82; обл.	
10–14		Менгу	Болгар		5	1,03; 1,54; 2,17; 2,29; 2,80	На 1 экз. следы перечека из монеты ан-Насир лид-дина
15–16		Менгу?	Болгар?		2	2,23; 2,37	
17	Серебро	Менгу или Ариг-Буга	Болгар		1	0,45	
18		Ариг-Буга			1	0,43	
19		Менгу-Тимур	–		1	1,45	Синг. № 36
20	Медь	–	Болгар	734	1	1,71	
21	Серебро	Джанибек	Гюлистан	752	1	1,17	Подражание?
22	Медь	?	?	?	1	2,82	

Новомордовское селище

№	Металл	Эмитент	Монетный двор	Дата (г.х.)	Кол-во	Вес (г)	Примечания
1	Медь	Хызр	Гюлистан	762	1	2,39	
2		Хайр-Пулад?	Сарай ал-Джедид?	764?	1	1,76	
3	Серебро	Шадибек	Болгар	?	1	0,69	
4		Пулад		810	1	0,61	

Огородное селище

№	Металл	Эмитент	Монетный двор	Дата (г.х.)	Кол-во	Вес (г)	Примечания
1	Серебро	Ариг-Буга	Болгар	–	1	0,56	
2	Медь	–	–		1	0,89	ЯИ № 14
3			Болгар		1	0,68	ЯИ № 12
4		–	Сарай ал-Джедид		1	0,60	Двуглавый орел (1340-е гг.)
5	Серебро	Токтамыш	Хаджи-Тархан	?	1	0,95	Возможно, присутствует неясная надчеканка
6		Шадибек?	Болгар		1	0,57	
7			?		1	0,44	
8–9		?			2	0,56; 0,76	XV в.
10		Мухаммад?	Болгар?		1	0,50	

Семеновское I селище

№	Металл	Эмитент	Монетный двор	Дата (г.х.)	Кол-во	Вес (г)	Примечания
1	Серебро	Ариг-Буга	Болгар	–	1	0,68	
2		?	?	?	1	0,41	
3		Узбек	Сарай	721	1	1,33	
4			Болгар ал-Махруса	732	1	1,54	
5–6	Медь	–	Болгар	734	2	1,56; 1,62	
7		–	Сарай ал-Джедид	–	1	1,71	Цветочный орнамент (1350–1360-е гг.)
8	Серебро	?	?	?	1	0,72	

Семеновское II селище

№	Металл	Эмитент	Монетный двор	Дата (г.х.)	Кол-во	Вес (г)	Примечания
1	Медь	ан-Насир лид-дин	–	–	1	1,83	
2	Серебро	–			1	1,33	
3	Медь				1	0,64	ЯИ № 14
4	Серебро	Узбек	Болгар ал-Махруса	731	1	1,54	
5–6	Медь	–	Сарай	–	2	1,19; 1,32	Лев и солнце (1330-е гг.)
7	Серебро	Узбек		734	1	1,51	
8–9	Медь	–	Сарай ал-Джедид	–	2	1,71; 1,75	Двуглавый орел (1340-е гг.)
10				761	1	1,74	Цветочный орнамент
11		Хызр	Гюлистан	762	1	2,34	
12	Серебро	Мухаммад	Хаджи-Тархан	–	1	0,65	

Семеновское III селище

№	Металл	Эмитент	Монетный двор	Дата (г.х.)	Кол-во	Вес (г)	Примечания
1–2	Медь	–	–	–	2	1,05; 1,42	ЯИ № 14
3	Серебро	Узбек	Болгар ал-Махруса	731	1	1,51	
4–5	Медь	–	Болгар	734	2	1,03; 1,09	
6			Сарай ал-Джедид	–	1	0,93	Двуглавый орел (1340-е гг.)
7					1	1,53	Цветочный орнамент (1350–1360-е гг.)
8		Хызр	Гюлистан	762	1	2,57	
9	Серебро	?	?	?	1	0,51	
10	Медь				1	0,82	

Семеновское IV селище

№	Металл	Эмитент	Монетный двор	Дата (г.х.)	Кол- во	Вес (г)	Примечания
1–12	Медь	ан-Насир лид-дин	–	–	12	1,46; 1,68; 2,23; 2,32; 2,53; 2,62; 2,80; 3,01; 3,18; 3,37; 3,61; 3,78	
13–19		Менгу	Болгар		7	2,06; 2,34; 2,48; 2,53; 2,69; 2,91; 3,35	На 2 экз. следы перечекана из монет ан-Насира лид-дина
20	Серебро				1	1,04	
21		Ариг-Буга			1	0,48	
22		–	–		1	1,07	Синг. № 79 (датируется началом 1280-х см. каталог)
23					1	0,23	Синг. № 154 (с небольшими отличиями). Фракция дирхема
24					1	1,33	Синг. № 195
25		Токта	Сарай ал-Махруса	710	1	1,41	С отверстием
26		Узбек	Сарай	717	1	1,51	
27			Сарай?	?	1	0,91	Монета обрезана. С надчеканкой тамги на л.с.
28–30	Медь	–	–	–	3	1,05; 1,14; 1,18	ЯІ №14
31–32			Болгар	734	2	1,76; 2,22	
33–38			Сарай	–	6	1,00; 1,24; 1,25; 1,31; 1,33; 1,41	Лев и солнце (1330-е гг.)
39–46			Сарай ал-Джедид		8	0,88; 0,90; 1,23; 1,30; 1,44; 1,52; 1,65; 1,68	Двуглавый орел (1340-е гг.). На 1 экз. изображение орла на двух сторонах
47			Крым	–	1	1,81	1340-е ? гг. ЯІІ № 14
48	Серебро	Джанибек	Сарай ал-Джедид	747?	1	1,51	
49			Гюлистан	752	1	1,56	
50				753	1	1,53	
51				457 вме- сто 754	1	1,51	
52		Кульпа		761	1	1,56	
53–55	Медь	–	Сарай ал-Джедид		3	1,96; 1,97; 2,08	Цветочный орнамент (1350–1360-е гг.)

№	Металл	Эмитент	Монетный двор	Дата (г.х.)	Кол-во	Вес (г)	Примечания
56				760-е	1	1,39	Цветочный орнамент
57	Серебро	Джанибек		761?	1	1,44	
58–59	Медь	Хызр		762	2	2,33; 3,07	
60			Гюлистан		1	2,92	
61				722 вместо 762	1	2,19	
62		Хызр?	?	762	1	3,22	
63–64		?	?	?	2	1,36; 3,78	

Семеновское V селище

№	Металл	Эмитент	Монетный двор	Дата (г.х.)	Кол-во	Вес (г)	Примечания
1–10	Медь	ан-Насир лид-дин	–	–	10	1,37; 2,15; 2,16; 2,21; 2,31; 2,46; 2,56; 2,88; 3,37; 3,78	
11–13		ан-Насир лид-дин?			3	0,93; 1,99; 2,09	
14	Серебро	ан-Насир лид-дин	Болгар		1	1,16	Синг. № 5
15–21	Медь	Менгу			7	1,76; 2,18; 2,38; 2,99; 3,50; 3,55; 4,12	На 4 экз. следы перечекана из монет ан-Насира лид-дина
22–23		Менгу?	Болгар?		2	3,18; 3,38	
24–29	Серебро	Менгу	Болгар		6	0,63; 0,91; 0,92; 0,99; 1,10; 1,48	
30		Менгу или Ариг-Буга			1	?	
31–33		Ариг-Буга			3	0,40; 0,60 – 2	
34		–	Болгар?		1	1,37	Синг. № 184
35			–		1	1,33	Синг. № 131
36					1	1,34	Синг. № 157
37					1	1,23	Синг. № 161
38					1	1,37	Синг. № 164
39					1	1,37	Синг. № 165
40–41					2	1,15; 1,29	Синг. № 173
42					1	1,27	Синг. № 195
43–44					2	0,70; 0,77	Синг. № 205
45		?	?	?	1	0,82	XIII в. (тип неясен)

№	Металл	Эмитент	Монетный двор	Дата (г.х.)	Кол-во	Вес (г)	Примечания
46		ан-Насир лид-дин	Болгар	–	1	0,62	Синг. № 64а
47		–		692	1	1,36	Синг. № 61
48–51	Медь		–	–	4	0,87; 1,02; 1,13; 1,18	ЯИ № 14
52	Серебро	Узбек	Сарай	717	1	1,45	
53–54			Сарай ал-Махруса	722	2	1,48; 1,49	
55–56			Сарай	734	2	1,24; 1,51	
57–60	Медь	–	Болгар		4	1,08; 1,16; 1,51; 1,74	
61–62			Сарай	–	2	0,74; 1,24	Лев и солнце (1330-е гг.). 1 экз. – подражание
63–65			Болгар		3	0,96; 1,19; 1,50	ЯИ № 2. Надпись на 1 экз. искажена или зеркальна
66	Серебро	Узбек	Сарай	737	1	1,54	
67				739	1	1,53	
68				?	1	1,43	
69–73	Медь	–	Сарай ал-Джедид	–	5	0,86; 1,20–2; 1,45; 1,67	Двуглавый орел (1340-е гг.)
74	Серебро	Джанибек		743	1	1,49	
75				746?	1	1,48	
76				747?	1	1,30	
77–78				747	2	1,48; 1,59	
79				747 или 748	1	1,48	
80–82				751	3	1,13; 1,48–2	
83	Медь	–		752	1	1,77	
84				753	1	1,90	
85–86	Серебро	Джанибек	Гюлистан	752	2	1,25; 1,55	
87			Сарай ал-Джедид	753	1	1,52	
88–89				?	2	1,51; 1,54	Подражания?
90			?	?	1	0,68	Подражание? Обрезана
91	Медь	–	Сарай ал-Джедид	–	1	1,97	Цветочный орнамент (1350–1360-е гг.)
92	Серебро	Бердибек		759	1	1,49	
93–94			Гюлистан		2	1,54; 1,56	
95		Науруз	Сарай ал-Джедид	761	1	1,50	
96			Гюлистан		1	1,50	

№	Металл	Эмитент	Монетный двор	Дата (г.х.)	Кол-во	Вес (г)	Примечания
97–99	Медь	Хызр	Сарай ал-Джедид	762	3	2,63; 2,66; 3,30	
100–102			Гюлистан		3	2,62; 2,68; 3,55	
103–106		?	?	?	4	0,25; 0,84; 1,28; 1,83	

Семеновское VI селище

№	Металл	Эмитент	Монетный двор	Дата (г.х.)	Кол-во	Вес (г)	Примечания
1	Медь	Хызр	Гюлистан	762	1	2,92	С отверстием

Старокуйбышевское IV селище

№	Металл	Эмитент	Монетный двор	Дата (г.х.)	Кол-во	Вес (г)	Примечания
1	Медь	Румские Сельджуки. Кейкубад I	Сивас	–	1	3,15	
2–10		ан-Насир лид-дин	–	–	9	1,91; 2,13; 2,18; 2,82; 2,94; 3,03; 3,20; 3,41; 3,45	
11–20		Менгу	Болгар		10	1,83; 1,90; 1,97; 2,11; 2,51; 2,67; 3,08; 3,12; 3,15; 3,19	На 4 экз. следы перечека из монет ан-Насира лид-дина
21	Серебро				1	0,72	Синг. № 44. Фракция дирхема
22			«Биляр»		1	0,32	Синг. № 217. Фракция дирхема
23			–		1	0,33	Синг. № 7 (с небольшими отличиями). Фракция дирхема
24		?	?	?	1	0,31	XIII в. (тип неясен). Фракция дирхема

Старокуйбышевское VII селище

№	Металл	Эмитент	Монетный двор	Дата (г.х.)	Кол-во	Вес (г)	Примечания
1	Медь	–	Сарай ал-Джедид	–	1	1,15	Двуглавый орел (1340-е гг.)

Старокуйбышевское селище

№	Металл	Эмитент	Монетный двор	Дата (г.х.)	Кол-во	Вес (г)	Примечания
1	Серебро	–	–	–	1	1,30	Синг. № 76
2	Медь	Хызр	Сарай ал-Джедид	762	1	2,22	Надчеканка «хан»

Старокуйбышевское городище

№	Металл	Эмитент	Монетный двор	Дата (г.х.)	Кол-во	Вес (г)	Примечания
1	Медь	ан-Насир лид-дин	–	–	1	2,50	

Старый Куйбышев

№	Металл	Эмитент	Монетный двор	Дата (г.х.)	Кол-во	Вес (г)	Примечания
1	Медь	–	Сарай ал-Джедид	–	1	1,21	Двуглавый орел (1340-е гг.)
2		Хызр	Гюлистан	762	1	2,73	

Тенишевский могильник

№	Металл	Эмитент	Монетный двор	Дата (г.х.)	Кол-во	Вес (г)	Примечания
1	Медь	Менгу	Болгар	–	1	2,45	
2	Серебро				1	0,85	
3		Узбек	Сарай ал-Махруса	722	1	1,46	
4			Сарай	731	1	1,46	
5		Джанибек	Сарай ал-Джедид	750-е	1	1,51	
6				?	1	1,18	
7			Гюлистан	752	1	1,50	
8		Мюрид		766	1	1,52	Год указан ошибочно (вместо 762 г.х.)

Усть-Вихляйское селище

№	Металл	Эмитент	Монетный двор	Дата (г.х.)	Кол-во	Вес (г)	Примечания
1–2	Медь	–	–	–	2	0,70; 1,23	Я1 № 4
3			Болгар	734	1	1,45	
4			Сарай	–	1	1,14	Лев и солнце (1330-е гг.)
5–6		Хызр	Сарай ал-Джедид	762	2	2,20; 2,98	

Чакма селище

№	Металл	Эмитент	Монетный двор	Дата (г.х.)	Кол-во	Вес (г)	Примечания
1	Медь	Менгу	Болгар	–	1	4,85	Перечекан из монеты ан-Насир лид-дина

НАХОДКИ МОНЕТ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ НА ГОЧЕВСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ

Монеты и монетовидные подвески находят на различных археологических памятниках — городищах, селищах, а также в могильниках. При этом в последнем случае их обычно используют в виде украшений. Однако главной функцией монет являлось средство платежа, поэтому их чаще всего обнаруживают в культурных слоях древних поселений. Любая из нумизматических находок является важнейшим источником, свидетельствующим об общественной жизни, а также о развитии торговых связей как внутри страны, так и с внешним миром. Именно поэтому монеты и монетные клады иногда называют «металлической летописью» (Потин, 1993. С. 199).

Впервые находки с территории Курской области были использованы в работах Г.А. Фёдорова-Давыдова (Фёдоров-Давыдов, 1960. С. 94–192; Фёдоров-Давыдов, 1963. С. 165–260) и Т.В. Равдиной (Равдина, 1979. С. 94, 95; 1988. С. 47–48, 82). В последнее время появился ряд новых публикаций о находках монет и кладов на территории Курской области (Зорин и др., 2000. С. 275–343; Шпилев, 2001. С. 58–62; Шпилев, 2003. С. 344–362; Шпилев, 2005. С. 41–48; Енуков, 2005. С. 60–64; Стародубцева, 2005. С. 65–66; Травкин, Зорин, 2005. С. 100–103).

Фонд нумизматических находок с археологических памятников пополняется практически ежегодно. В данной работе представлены монеты Золотой Орды, обнаруженные на Гочевском археологическом комплексе (Курская область, Беловский район) в последние годы. При этом необходимо отметить, что это первые нумизматические находки этого периода в Гочеве*.

В 2002 г. после уборки зерновых на распаханной территории поселения был собран подъемный материал, среди которого была серебряная золотоордынская данга (Стародубцев, 2003. Л. 14. Рис. 64, 1). В 2004 г. также во время сбора подъемного материала на территории поселения были найдены три медных

золотоордынских пула (Стародубцев, Зорин, 2005. Л. 11. Рис. 146, 1–3).

№ 1. Данга (инвентарный номер КМА 151/19/2, вес 1,35 г.); аверс: частично стертая строчная надпись «султан справедливый // Токтамыш хан [(?)]»; реверс: в фигурной рамке четко виден год чеканки $\wedge \wedge \vee$, что читается как «887 год хиджры». Но, вероятно, год отчеканен не совсем правильно — первая цифра, скорее всего, перевернута. Такие перепутанные числа встречаются среди золотоордынских монет (Френ, 1832. С. 23, №186). Можно предположить, что правильный год чеканки $\vee \wedge \vee$ — «787 год хиджры», что соответствует 1385/1386 г. (рис. 1, 1).

№ 2. Пул (инвентарный номер КМА 169/50/43, вес 1,12 г.); аверс: в квадратной рамке, разделенной горизонтальной линией, стертая арабская надпись в две строки; реверс: зверь с изогнутым хвостом (как считают некоторые исследователи — барс (Гончаров, 2004. С. 17)), идущий вправо, над его спиной восходящий диск солнца, имеющий две окружности, с треугольными лучами (рис. 1, 2). По мнению В.П. Лебедева, данная монета является подражанием пулу, чеканившемуся в Сарая в 737 г. х. (Лебедев, Зорин, 2008. Табл. 3, 14).

№ 3. Пул (инвентарный номер КМА 169/50/42, вес 0,62 г.); аверс: стертая арабская надпись; реверс: зверь с изогнутым хвостом (барс?), идущий вправо, над его спиной — восходящий диск солнца, имеющий две окружности с треугольными лучами (рис. 1, 3).

№ 4. Пул (инвентарный номер КМА 169/50/41, вес 1,62 г.); аверс: обрезанная арабская надпись в две строки «чекан» («зарб») и изображение верхней части трехногой тамги; реверс: фрагмент грубого изображения двуглавого орла (?) (рис. 1, 4). Монета является подражанием пулу Сарая ал-Джедид 740-х гг. х.

Найденные на поселении монеты, а также фрагменты поливных чаш, произведенных, по определению В.Ю. Коваля, в поволжских центрах Золотой Орды и датирующихся серединой — второй половиной XIV в. (Стародубцев, 1998. Л. 15. Рис. 86–88), говорят о сохранении достаточно устойчивых торго-

* Автор выражает признательность В.П. Лебедеву за помощь в определении монет.

Монеты Золотой Орды
Гочевского археологического
комплекса:
1 — данга (Токтамыш, 787 г.х.);
2 — подражание пулу 737 г.х.;
3 — пул (737 г.х. (?), Сарай?);
4 — подражание пулу 740-х гг.х.
(1 — серебро; 2–4 — медь)

вых связей в это время, позволяют уточнить верхнюю дату данного археологического памятника (конец XIV в.). Новые нумизматические находки позволяют не только более точно

определить хронологические рамки существования города, но и основные направления его экономических, финансовых и политических связей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гончаров Е.Ю., 2004. Медные монеты Сарая ал-Джадид // Древности Поволжья и других регионов: Сборник статей. Вып. V. Нумизматический сборник. Т. 4. М.; Нижний Новгород.

Енуков В.В., 2005. Клад восточных монет X в. из музея г. Дмитриева // Ю.А. Липкинг и археология Курского края: Материалы межрегиональной научной конференции. Курск.

Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Шпилев А.Г., при участии Плаксина И.М., 2000. История изучения курских древностей // Курский край: научно-популярная серия. В 20-ти т. Курск. Т. 5.

Лебедев В.П., Зорин А.В. Денежное обращение Курской земли в золотоордынское время // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2008. Т. 6.

Потин В.М., 1993. Монеты. Клады. Коллекции. СПб.

Равдина Т.В., 1979. Погребения с древнерусскими монетами // СА. № 3.

Равдина Т.В., 1988. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. М.

Стародубцев Г.Ю., 1998. Отчет об охранных раскопках Гочевской древнерусской экспедиции в 1997 г. // НА КГОМА. 1–96.

Стародубцев Г.Ю., 2003. Отчет об охранных раскопках курганного могильника около с. Гочево Беловского р-на и разведочных работах около д. Духовец Курского р-на Курской обл. в 2002 г. // НА КГОМА. 1–11.

Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В., 2005. Отчет об охранных раскопках Гочевского археологического комплекса

(с. Гочево Беловского р-на Курской обл.) в 2004 г. // НА КГОМА. 1–128.

Стародубцева С.Г., 2005. Монеты IX–XIV вв. на территории Курской области // Ю.А. Липкинг и археология Курского края: Материалы межрегиональной научной конференции. Курск.

Травкин С.Н., Зорин А.В., 2005. Медные монеты Золотой Орды с Ратского археологического комплекса // Ю.А. Липкинг и археология Курского края: Материалы межрегиональной научной конференции. Курск.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1960. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. М. Т. 1.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. 4. М., 1963.

Френ Х.М., 1832. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных мухамеданских династий. СПб.

Шпилев А.Г., 2001. Курские клады куфических монет // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси: События, памятники, традиции. Тула.

Шпилев А.Г., 2003. Курские клады куфических монет и северянское Посеймье // Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. В 2-х т. Тула. Т. 1.

Шпилев А.Г., 2005. Находки предметов ордынского времени на территории Курского края // Труды международной нумизматической конференции «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». М.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЛ СГУ	– Архив археологической лаборатории Ставропольского государственного университета	НВ	– Новый Восток
АГОИАМЗ	– Астраханский государственный объединённый историко-архитектурный музей-заповедник	НВНИИГГ	– Нижне-Волжский научно-исследовательский институт геологии и геофизики
АЕ	– Археографический ежегодник	НИС	– Научно-исследовательский сектор
АИУ	– Археологические исследования в Узбекистане	НПЦ	– Научно-производственный центр
АКМ	– Азовский краеведческий музей	НЭ	– Нумизматика и эпиграфика
АН МССР	– Академия наук Молдавской Советской Социалистической Республики	ОАК	– Отчет Археологической комиссии
АО	– Археологические открытия	ОИФН РАН	– Отделение исторических и филологических наук президиума РАН
АП	– Археология Приаралья	ОНУ	– Общественные науки в Узбекистане
АС	– Археологический съезд	о. с.	– оборотная сторона
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа	ПИФК	– Проблемы истории, филологии, культуры
БГИАЗ	– Болгарский государственный историко-архитектурный заповедник	РА	– Российская археология
ВАУ	– Вопросы археологии Урала	РАН	– Российская академия наук
ВГПУ	– Волгоградский государственный педагогический университет	РАНИОН	– Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
ВДИ	– Вестник древней истории	РОИОЭПИК	– Ростовская областная инспекция по охране и эксплуатации памятников истории и культуры
ВИ	– Вопросы истории	СА	– Советская археология
ВМУ	– Вестник Московского университета	САИ	– Свод археологических источников
ВолГУ	– Волгоградский государственный университет	СОИКМ	– Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина
ГИМ	– Государственный Исторический музей	СГТУ	– Саратовский государственный технический университет
ГОМРТ	– Государственный объединенный музей Республики Татарстан	СГЭ	– Сообщения Государственного Эрмитажа
ГУК	– Государственное управление культуры	СГУ	– Саратовский государственный университет
ГЭ	– Государственный Эрмитаж	СМОМПК	– Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
ДА	– Донская археология	СО РАН	– Сибирское отделение Российской академии наук
ДВДС	– Древности волго-донских степей	СЭ	– Советская этнография
ДНЦ РАН	– Дагестанский научный центр Российской академии наук	ТА	– Татарская археология
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук	ТАО ПАЭ	– Татарско-Астраханский отряд Поволжской археологической экспедиции.
ИГАИМК	– Известия Государственной академии истории материальной культуры	ТНВОНОК	– Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры Российской академии наук	УЗТГУ	– Ученые записки Туркменского государственного университета
ИМКУ	– История материальной культуры Узбекистана	ХАЭЭ	– Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ИНВИК	– Известия Нижне-Волжского института краеведения	ЭВ	– Эпиграфика Востока
КГУ	– Казанский государственный университет	ЮТАКЭ	– Южнотуркменская археологическая комплексная экспедиция.
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии	JGO	– Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Breslau; München
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР	МА	– Materialy archeologiczne. Kraków
л. с.	– лицевая сторона	SA	– Slovenská archeológia. Nitra
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР	UAJ	– Ural-Altische Jahrbücher. Wiesbaden
НАВ	– Нижневолжский археологический вестник	ZDMG	– Zeitschrift für Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig; Wiesbaden
НА КГОМА	– Научный архив Курского государственного областного музея археологии		

Город и степь в контактной евро-азиатской зоне
Материалы III международной научной конференции, посвященной
75-летию со дня рождения профессора Г.А. Фёдорова-Давыдова (1931–2000)

Редакционно-издательский отдел ГИМ
Заведующая *Г.В. Лемигова*
Редактор *С.Н. Романова*
Корректор *Е.А. Князева*
Компьютерные работы *Е.А. Говорова*
Верстка *А.В. Лазарев*

ISBN 978-5-89076-168-2

Формат 60×90 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Ньютон. Печать офсетная.
Печ. л. 25. Тираж 300 экз. Заказ 3838.

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный исторический музей»
1090112, Москва, Красная площадь, д. 1

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
www.oaompk.ru, www.oaompk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

